

В. А. РОСОВ

НИКОЛАЙ РЕРИХ ВЕСТНИК ЗВЕНИГОРОДА

Книга вторая. НОВАЯ СТРАНА

**ЭКСПЕДИЦИИ Н.К.РЕРИХА
ПО ОКРАИНАМ ПУСТЫНИ ГОБИ**

Ариаварта-Пресс
Москва

*Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Государственный музей Востока*

Росов В.А.

Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К.Рериха по окраинам пустыни Гоби.
Книга II: Новая Страна. — М.: Ариаварта-Пресс, 2004. — 304 с, илл.

Книга посвящена Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха (1934-35), направленной Департаментом сельского хозяйства США для поиска засухоустойчивых злаков и трав по окраинам пустыни Гоби. В ходе экспедиции Рерих предлагает министру Департамента Г.Э.Уоллесу осуществить проект «Канзас», который подразумевает организацию во Внутренней Монголии сельхозкооператива, кооперативного банка и ряда культурных учреждений.

Вся деятельность в рамках этого проекта является продолжением работы по созданию нового монголо-сибирского государства, предусмотренного Великим Планом. В ее основе лежат не только политико-экономические задачи, но и духовные цели. Для Рериха «Новая Страна» связана с приходом Мессии, или Мирового Вождя, который способен объединить народы Азии, в том числе огромные массы русской эмиграции, обосновавшейся в Харбине и Русском Китае. Это совпадает с ожиданием всем буддийским Востоком прихода грядущего Будды, Майтрейи.

*Научные исследования в архивах США проводились
при поддержке «Лайф Бридж Фаундэйшн»*

*Scientific research in the USA was conducted
with the support of the Life Bridge Foundation*

ISBN 5-98048-003-X

© В.А. Росов, 2004

© Государственный музей Востока, 2004

© Издательство «Ариаварта-Пресс», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ГЕНЕРАЛ ГОЛОВИН И АРХИЕПИСКОП НЕСТОР.....	8
I.....	8
II.....	16
III.....	22
П Р И Л О Ж Е Н И Е	28
ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА КОМИТЕТУ «УТВЕРЖДЕНИЯ»	28
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ «СИБИРЬ И ЕЕ БУДУЩЕЕ».....	29
СВЯТОЙ СЕРГИЙ ВОЕВОДА.....	35
I.....	35
II.....	43
III.....	50
П Р И Л О Ж Е Н И Е	58
ВО ИМЯ СВЯТОГО СЕРГИЯ.....	58
ВОДИТЕЛЬ ДУХА	59
ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА ДУХОВНОМУ СОДРУЖЕСТВУ В ШАНХАЕ	62
Н.К.РЕРИХ – ЗНАМЕНОСЕЦ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	64
ГЕНРИ УОЛЛЕС: МИНИСТР И МИСТИК	68
I.....	68
II.....	75
III.....	81
П Р И Л О Ж Е Н И Е	90
«ВЛАДЫКА ШАМБАЛЫ – НАДЕЖДА АЗИИ»	90
ПОСЕЩЕНИЕ ЛАМЫ РИНПОЧЕ В ГУМЕ.....	93
ПИСЬМА ГЕНРИ УОЛЛЕСА К ФРЭНСИС ГРАНТ	95
ПИСЬМО ГЕНРИ УОЛЛЕСА К ФРАНКЛИНУ ДЕЛАНУ РУЗВЕЛЬТУ	98
ХАРБИНСКАЯ МИССИЯ И ДЕЛО АМЕРИКАНСКИХ БОТАНИКОВ.....	101
I.....	101
II.....	107
III.....	112
П Р И Л О Ж Е Н И Е	117
НАКАЗ ПРАВЛЕНИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КООПЕРАТИВА «АЛАТЫРЬ»	117
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.К.РЕРИХА С МИНИСТРОМ ГЕНРИ УОЛЛЕСОМ.....	118
ПРОЕКТ «КАНЗАС».....	128
II.....	135
III.....	144
П Р И Л О Ж Е Н И Е	150
ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА ПРЕЗИДЕНТУ ГЕРБЕРТУ ГУВЕРУ	150
ПИСЬМА Е.И.РЕРИХ ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ РУЗВЕЛЬТУ	153
РУЗВЕЛЬТ, ХОРШ И НОВЫЙ «КАНЗАС».....	159
I.....	159
II.....	161
III.....	165
ПРИЛОЖЕНИЕ	171
ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ ДЕЛАНУ РУЗВЕЛЬТУ	171
ДОРДЖЕ ДЕРЗНУВШИЙ И НОВАЯ СТРАНА ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ	178
ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	188
Глава I Маньчжурская экспедиция: генерал Головин и архиепископ Нестор	188
Глава II Святой Сергей Воевода	190

Глава III Генри Уоллес: министр и мистик.....	191
Глава IV Харбинская миссия и дело американских ботаников.....	193
Глава V Проект «Канзас»	195
Глава VI Рузвельт, Хорш и новый «Канзас».....	198
Заключение Дордже дерзнувший и Новая Страна за чертополохом	199
АРХИВЫ.....	200

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода в свет первой книги «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» прошло более года. Время, достаточное для предварительных оценок и обобщений. Главный итог исследований сводится к неожиданным результатам. Устоявшиеся представления о великом русском художнике – Николае Константиновиче Рерихе – претерпевают коренные изменения. Тибетское путешествие, предпринятое им в 1925-28 годах, сначала по Малому Тибету и Китайскому Туркестану, затем через Монголию и Трансгималаи, обрело новый смысл. Из научно-художественной экспедиции оно превратилось в буддийскую дипломатическую миссию. А сам художник становится теперь вождем культуры и геополитиком, деятелем государственного масштаба. На мировой арене появляется предводитель азиатских народов Рета Ригден Рерих.

В среде русской эмиграции в 1920-е и 30-е годы идут активные процессы, связанные с поиском путей национального возрождения. Судьба порушенной родины будоражит сознание наших соотечественников. Раздаются голоса с призывом строить Новую Россию. Рерих также присоединяется к этим благим начинаниям. Но его идеалы связаны не с западными демократиями, а с иерархиями Востока. Великий, или Мировой План Рерихов нацелен на создание независимого «Сибирского государства». В таком идеальном государстве была бы воплощена прекрасная мечта о будущем Азиатской России. Великий План постоянно претерпевает изменения. На протяжении полутора десятков лет появлялись разные названия, соответствующие реалиям времени, – Священный Союз Востока, Штаты Азии, Новая Страна. Перекраивались территориальные границы, сдвигались мировоззренческие акценты. Следует подчеркнуть, построение Рериха ни в коей мере не являлось политической авантюрой. Это социальный опыт духовной трансформации.

Однако идеалы, избранные вождями, не всегда уместаются в тесные рамки человеческого существования. Воплощение в обществе лучших идей зависит не только от конкретной личности, но и от меняющихся мировых течений. Именно они приносят новые возможности и определяют поступательное движение истории.

На страницах предыдущей книги в общих чертах изложен Великий План. Он касался событий вокруг Московской миссии Н.К.Рериха и его поездки из Урги на предполагаемые переговоры в Лхасу. Всё в жизни Николая Константиновича было подчинено Плану, одной-единственной цели. Даже его картины обозначают вехи осуществляемой им жизненной задачи. В художественном творчестве рассыпаны образы Новой Страны, даны знаки Шамбалы и Майтрейи.

Вторая книга продолжает намеченную линию. Она повествует о Маньчжурской экспедиции, организованной в 1934-35 годах Департаментом сельского хозяйства Соединенных Штатов. Из Америки Рерих отправляется в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, чтобы начать великое строительство на окраинах пустыни Гоби. Оттуда предполагается развернуть сеть кооперативов как первый шаг на пути к алтайскому Звенигороду. Русский Алтай и Сибирь становятся эпицентром, куда направлены деятельные силы всей семьи Рерих. Более полувека, вплоть до середины 1980-х перестроечных годов, идет подготовка к созиданию Новой Страны, обновленной России.

Внутренняя, потаенная сторона Маньчжурской экспедиции до сих пор не затронута в литературе. Современные исследователи описывают внешнюю деятельность Рериха, связанную со сбором семян засухоустойчивых растений. Русский художник действительно внес свою лепту в подъем сельского хозяйства Северной Америки. Трудно, однако, представить, чтобы мировой гений Рериха сосредоточился лишь на злаках и травах... Научная достоверность предлагаемой читателю монографии подтверждена многочисленными архивными источниками. Автору удалось разыскать огромное число новых документов, имеющих отношение к Маньчжурской экспедиции.

Одним из главных открытий можно считать коллекцию материалов в Ратгерс университете (Нью-Джерси, США), принадлежавшую сподвижнице Рерихов, вице-

президенту Рериховского музея Фрэнсис Грант. Эта коллекция (86 коробок) передана в библиотеку университета самой хозяйкой в 1986 году. После длительной обработки, через 15 лет, в год наступившего миллениума архив стал доступен для исследователей. Он явился основным источником информации о Маньчжурской экспедиции. К этому массиву документов примыкают неожиданно обнаружившиеся осенью 2003 года оригиналы писем Е.И. и Н.К.Рерихов. Незадолго до своей смерти Фрэнсис Грант передала их Рэй Барклей, и теперь они вошли в собрание Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Другим важнейшим источником послужил личный архив министра сельского хозяйства Соединенных Штатов Генри Уоллеса в университете города Айова. Архив частично разработан американскими исследователями. И всё-таки ряд материалов, касающихся Рериха и его дальневосточной экспедиции, еще не введен в научный оборот. Некоторые из имеющихся документов представлены в копиях (или наоборот, оригиналами) в Американском Национальном архиве (Вашингтон, округ Колумбия). Там также находится фонд, посвященный Маньчжурской экспедиции. Характерной особенностью последнего собрания являются административные бумаги. Это переписка главы экспедиции Н.К.Рериха, его помощника Ю.Н.Рериха, а также члена экспедиционной группы американского ботаника Г.Г.Макмиллана с руководством Департамента в Вашингтоне.

Значительный объем архивных документов, используемых в книге, получен из Музея Рериха в Нью-Йорке. Помимо собственных оригинальных материалов, в Музее находятся дубликаты из других, в том числе малодоступных, архивов. Важность нью-йоркского собрания трудно переоценить, оно заложило исследовательский фундамент «Вестника Звенигорода».

Весьма значимыми оказались собрания Русского центра в Амхерст колледже (Массачусетс, США) и Колумбийского университета в Нью-Йорке. В одном ряду с ними стоит ценный архив Института Гималайских исследований «Урусвати», в середине 1990-х годов осевший на несколько лет в Российском центре науки и культуры (Дели, Индия) и впоследствии переданный Международному центру Рерихов (Москва). Все эти архивы также составили исследовательскую базу при написании книги.

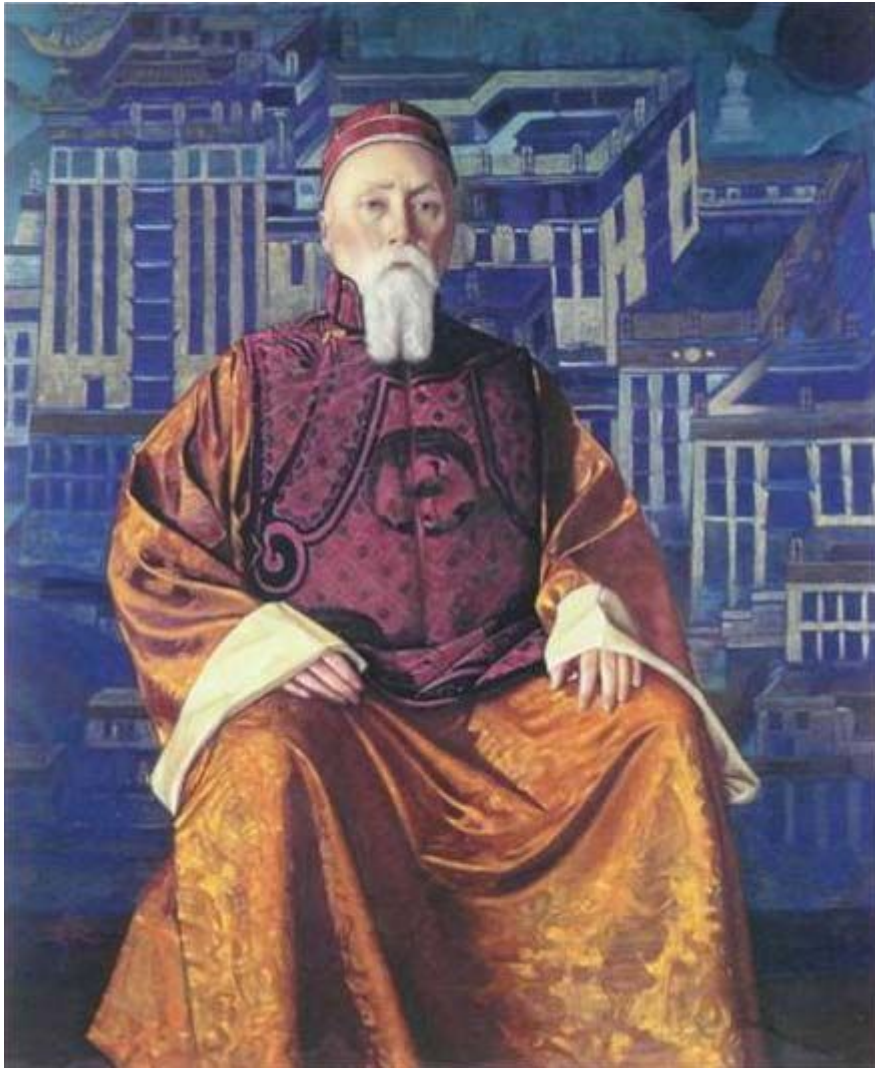
Наконец, еще одним уникальным источником явился документальный фонд Кэтрин Кемпбелл-Стиббе, председателя Совета директоров возрожденного в 1949 году Музея Рериха в Нью-Йорке. Собрание было передано 25 лет назад в Государственный музей Востока (Москва) и составило неотъемлемую часть коллекции Мемориального кабинета Н.К.Рериха. В этом собрании обнаружились письма отца и сына Рерихов из Маньчжурской экспедиции, английская версия экспедиционного дневника, написанного в ходе путешествия во Внутреннюю Монголию, личные дневники Луиса Хорша, президента первого Рериховского музея, и другие редкие документы. Некоторые из них процитированы в монографии. Необычность ситуации с архивом, переданным госпожой Кемпбелл, состоит в том, что дарительница завещала открыть фонд для работы только в 2003 году. Срок этот наступил. Вместе с новым архивом для исследователей открывается широкий горизонт знаний. Будем надеяться, со временем проявятся и реальные очертания «Новой Страны» Рериха.

*Санкт-Петербург,
5 января 2004*

КНИГА ВТОРАЯ

НОВАЯ СТРАНА

С.Н.Рерих. Портрет Н.К.Рериха. 1933.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ГЕНЕРАЛ ГОЛОВИН И АРХИЕПИСКОП НЕСТОР

I

После тибетских скитаний Н.К.Рерих отправился в Соединенные Штаты. Правда, потребовался длительный отдых и восстановление сил в Дарджилинге. А затем – какое-то время, чтобы обосноваться на жительство в долине Кулу. Но это был всего лишь краткий миг в преддверии новых грандиозных свершений.

Николай Константинович с сыном Юрием прибыли пароходом в Америку 18 июня 1929 года, и на пирсе их официально встречали не только близкие сотрудники, но и члены комитета мэра Нью-Йорка (с полицейским эскортом на мотоциклах). Униженные Владыкой Тибета, Рерихи стали героями Северо-Американских Штатов. Почтение это усиливалось тем, что на углу 103-й Стрит и Риверсайд Драйв возводился Мастер Билдинг, огромный небоскреб, в котором должны были разместиться все рериховские учреждения. Его успели открыть до великой американской депрессии, то есть до разразившегося в полную меру финансового кризиса. На торжественном митинге по случаю приезда Рерих произнес речь. В своем слове он говорил о Шамбале и о роли Америки в строительстве будущей Азии. Именно там, в Нью-Йорке, прокладываются пути новой экспедиции. На одном из собраний Круга единомышленников в октябре 1929-го Рерих оставил запись: «Вижу экспедицию. Вижу Таши-ламу. Вижу грамоту Единения Востока и Запада» [1]. Через четыре с половиной года во Внутреннюю Монголию, туда, где нашел пристанище духовный лидер Тибета Таши-лама, как раз и отправилась экспедиция Департамента сельского хозяйства САСШ.

Планы Маньчжурской экспедиции вынашивались на протяжении этих нескольких лет. Точнее говоря, одно путешествие по Центральной Азии постепенно переросло в другое. Всё происходило на фоне активного вхождения Рериха в большую политику и сближения его американских учреждений с Белым Домом. Тесные контакты наладились с Вашингтоном начиная с 1933 года через министра земледелия и агрикультуры Г.Э.Уоллеса, президента Ф.Д.Рузвельта и некоторых конгрессменов. Рериховский музей внес в правительство проект Пакта и Знамени Мира. Идею Пакта по охране культурных ценностей и памятников во время вооруженных конфликтов Рерих выдвинул в конце 1920-х годов. 12 декабря 1929-го художник лично представил «Азиатский проект» сенатору Бора вместе с Пактом Рериха и специальным флагом [2]. Продвижение этого проекта привело к Вашингтонской конференции Панамериканского союза, состоявшейся 17 ноября 1933 года. Она поставила вопрос о ратификации Пакта как международного договора правительствами 34 стран. Естественно, накануне конференции были фотопортреты Рериха в тибетских одеждах, опубликованные в газетах, и его обращение по радио, зачитанное Фрэнсис Грант. Исключительное положение дало право Николаю Константиновичу весной 1934-го приехать в Америку посланцем мира. И таким образом почва для экспедиции была подготовлена.

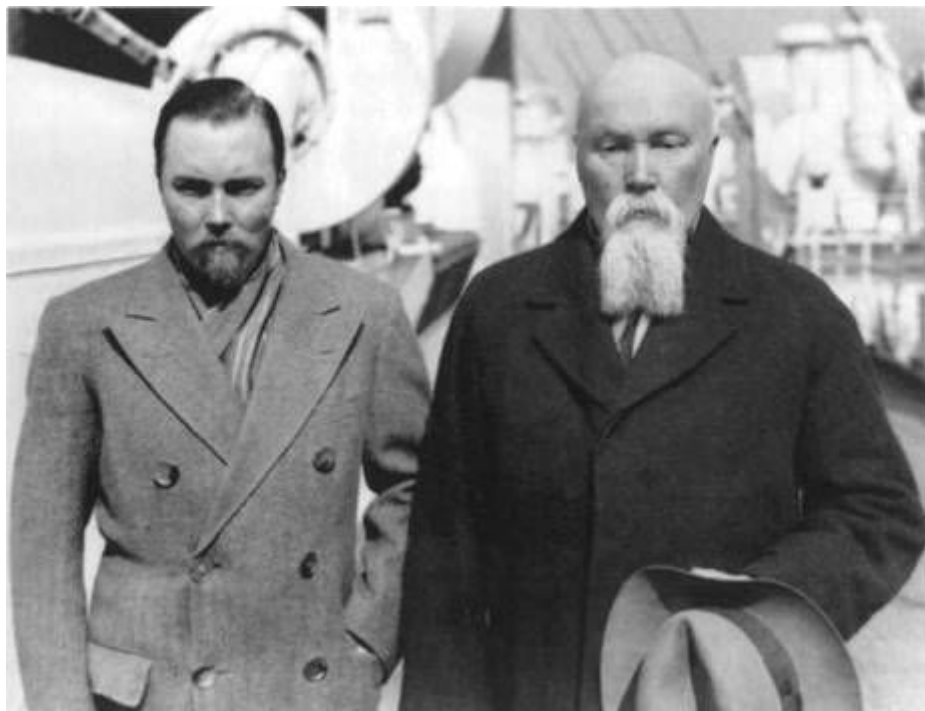
После успешной конференции в Вашингтоне сложилась благоприятная атмосфера в американском конгрессе. Не возникало никаких затруднений для дальнейших шагов. В конгресс, при посредничестве Уоллеса, удалось внести записку об Азиатской экспедиции. Однако до начала прений «пришлось разработать предварительный план, чтобы ознакомить с ним законодательные комитеты» [3]. Целью предложенного проекта являлся сбор «засухоустойчивых трав» [там же]. А руководителем выдвигалась кандидатура Н.К.Рериха. Что касается самой экспедиции, то выбор пал на географические районы Азии, поскольку засухоустойчивые злаки и травы в основном произрастали в двух местностях – Русском Туркестане и Кукуноре. Окончательных решений относительно маршрута не предпринималось до приезда Рериха. Но в письме к Николаю Константиновичу в феврале 1934-го Фрэнсис Грант заметила, что указанные районы будут «наиболее подходящими для особой цели» [там же]. В том же письме она писала и о «наших интересах», то есть об интересах, которые позже Рерих определил как «главную линию» экспедиции.

В Нью-Йорке к приезду Рериха готовились полным ходом начиная с конца 1933 года. Всё проходило на фоне успешного шествия проекта Пакта и Знамени Мира. Музей взял инициативу в свои руки. В прессе появилось немало статей об охране памятников и создании всемирной организации Красного Креста Культуры. Активизировалась работа Сибирской ассоциации под председательством писателя Георгия Гребенщикова, которая наметила свой вечер в стенах Музея на середину января 1934-го. Сам председатель подготовил доклад «Всемирная охрана духовных ценностей – по мысли Н.К.Рериха», где он намеревался связать деятельность «Николая Константиновича с Азией и Сибирью» [4]. Это естественно, когда от имени Сибирской ассоциации звучат слова об Азии и Сибири. Однако крайне важными являются и условия в обществе, определяющие политический климат.

С одной стороны, Вашингтонская конференция совпала по времени с признанием американским правительством международного статуса СССР. Блокада, в которой оказались Советы после большевистской революции, была прорвана, и это положило начало признанию сталинской империи мировым сообществом. Мнение президента Рузвельта, оказавшееся решающим, не совпадало с позицией на этот счет сотрудников Рериховского музея и их «представителя» в правительстве. Таким преданным другом, человеком Музея, успел постепенно стать Генри Уоллес. Тогда, особенно после успеха конференции, он полностью ориентировался на мнение своего Гуру, Н.К.Рериха, который руководил министром с гималайских высот. Ни сам художник, ни его ближайшие сподвижники категорически не соглашались с признанием Советского Союза. Негласно все находились в оппозиции к коммунистическому режиму. И наиболее ярко и определенно высказался в этой связи Гребенщиков: «Теперь же, когда мы знаем, что "они" никак не приняли Великого Вестника и Его Учение – мы едва ли можем оставаться "примиренцами"…» [5]. Речь шла о Московской миссии Рериха 1926 года и нежелании примиряться с коммунистами (писатель употребил слово «они» применительно к коммунистам и представителям советской власти). Хотя в русском зарубежье и сформировался из эмиграции слой «примиренцев», который всячески поддерживал Советы.

С другой стороны, Музей не мог не реагировать на происходящее в Советском Союзе. Весной 1933-го в Сибири вспыхивали голодные бунты. Восстания крестьян продолжались до следующего года, и повстанцы, выступая против властей, говорили о себе: «Мы, дети Ермака». В канун 1934 года эмиграция была взбудоражена появлением «сенсационной» статьи об образовании Сибирского Вольного Государства» [6]. И соответственно Георгий Гребенщиков, как глава ассоциации, пригласил на Сибирский вечер 14 января новую военную организацию «Сибирский Путь», созданную в Нью-Йорке и сформированную из сибиряков-эмигрантов. В этот период писатель активно переписывается со своими соотечественниками и даже намеревается «встретить Новый год у сибиряков в Русском клубе, чтобы завязать с ними отношения» [там же]. Такой интерес к Сибири находился в полном согласии с будущей экспедицией Рериха в Азию. Тем более что один из вариантов возможного маршрута путешествия, который серьезно обсуждался в министерстве Уоллеса, предполагал следование через Москву и сибирские просторы в Русский Туркестан.

Приезд Рериха в Америку ожидали к 5 марта 1934 года. На этот день был намечен визит Генри Уоллеса в Нью-Йорк. Министр, вместе с сотрудниками Музея, разделял «трепетное ожидание великого события, приезда Гуру» [3]. Он хотел сразу же приступить к реализации плана экспедиции. В февральских письмах, написанных уже на пути в Европу, Рерих передает подробности этого плана. И от замысла, который «явлен Свыше», Фрэнсис Грант «бросает в жар» [7]. Однако прибытие Рериха и его старшего сына из Франции задержалось почти на десять дней. Пароход «Париж» пришвартовался в нью-йоркском порту 14 марта. Николай Константинович встретил своих сотрудников словами: «Итак, мы пришли к будущему!» [8]. Этой фразой как бы отсекалось прошлое, и за мысленной чертой простиралась Новая Страна. Начиналась Маньчжурская экспедиция.

Н.К.Рерих с сыном Юрием в день приезда в Америку.
Нью-Йорк, 14 марта 1934 года

По пути на Дальний Восток Рерих намеревался проследовать через Париж и Нью-Йорк инкогнито. Но в Париже это ему не удалось. Слава обязывает и бывает иногда обременительной. Художника узнали, и парижская эмиграция принялась воздавать хвалу вождю культуры, приехавшему из Индии. Сам он, как обычно, использовал ситуацию во благо, то есть так, как ему было необходимо. Рерихи встретились с целым рядом русских генералов, исповедующих философию «утвержденцев» (находясь на чужбине, «утвержденцы» стремились к защите отечества и помощи ему всеми средствами). Встреча произвела на всех глубокое впечатление. За Н.К.Рерихом закрепилось имя, данное ему полковником Шмаковским, – «Богатырь духа». Генеральный секретарь Французской Ассоциации друзей Музея Рериха Г.Г.Шклявер начал сближаться с этим политическим движением, вероятно, по настоянию Н.К.Рериха. 7 и 14 марта, а затем 30 мая 1934-го он посетил собрания «утвержденцев», вдохновленный недавней встречей «со своим Гуру» и горячо веря в то, что «начинается новая страница в исторических судьбах Родины». И в дальнейшем продолжал регулярно посещать их собрания. 28 ноября Шклявер даже выступил на заседании «утвержденцев» и прочитал «обширный» доклад «О перспективах российской национальной внешней политики». Тема говорит сама за себя. Он писал Н.К.Рериху, который находился уже в Харбине: «Генерал Оприц просил передать Вам привет, а также атаман Богаевский... и генералы Акулинин, Хорошкин, Черячукин и проч.» [9]. Следует отметить, будучи в Париже, Рерих посетил Казачий музей и имел беседу с его главой, генералом графом Граббе. В дальнейшем они обменялись письмами. Генерал благодарил за «Знак», преподнесенный в дар парижскому музею (имеется в виду знак Рериховского музея: позолоченная двойная ваджра на эмали; иногда вручался мистический знак – плат, на лиловой ткани изображение чаши со змеем). В Харбине Рерих опубликовал свой очерк «Утверждение», прославляя «рост живых начал» в организациях «утвержденцев». А годом позже обратился к Комитету «Утверждения» с письмом. Он писал из экспедиции:

«Совершенно беспристрастно должен сказать, что в течение всех этих лет я с радостью наблюдаю за укреплением и ростом группы "Утверждение". Особенно драгоценно отметить, что рост этой группы происходит вопреки всем, казалось бы, непреодолимым для других препятствиям...

Сейчас, как никогда, требуются просвещенные истинным знанием широкие взгляды. Строители, в борьбе со злом и тьмою, должны находить неисчерпаемый источник бодрости в постоянно обновленном познании. Они знают ценность древних священных основ, они же

светло несут и знамя созидательства, в котором выражено чаяние сильного народа. Не будем лишь словесно утверждать светлое сужденное будущее...

Свет, великий жизнедатель, поможет нам объединиться на твердых созидательных основах. Свету Единому, Неопровержимому, принесем все наши силы, всегда обновляясь в сиянии Благодати. Не об отвлеченном говорим, но дружно мыслим о самом неотложном, о действенном, о той постройке, при которой – всё идет. Велико сейчас напряжение, велико сейчас движение. Бодрые духом чуют мощный поток» [10].

Все незначительные, на первый взгляд, события, происходившие в Париже, приобретают совершенно другой оттенок, а может быть, даже вписываются в стройную систему, если учесть, что Шклявер причисляется к создателям «Российского Эмигрантского Оборонческого движения». Важнейшим постулатом этого «движения патриотов» являлась идея сохранения «русской территории», невзирая на большевиков («большевизм сам кончится») [11].

Однако самый тесный контакт в Париже был установлен с генералом Н.Н.Головиным. Повод нашелся удобный – Ю.Н.Рерих слушал курс его лекций во время обучения в Сорбонне в 1922/23 годах. Этот генерал, известный всей русской эмиграции как крупный военачальник и педагог, прославился своими знаниями в области стратегии и тактики ведения военных действий. Еще в середине 1920-х он предпринял попытки создания «положительной науки» о войне. В Белграде вышла знаменитая книга Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» (1925), изданная Обществом Ревнителей военных знаний.

Кадровый генерал Николай Николаевич Головин, как и большинство высших офицеров Русской армии, оказался во Франции. С окончанием Гражданской войны, после разгрома Добровольческого движения (с 1919 года Головин состоял начальником штаба Верховного правителя, адмирала Колчака, на Восточном фронте) центр активных действий переносится в эмиграцию. Полагая, что дальнейшая борьба за родину и будущее России возможна только при «надлежащей подготовке командного состава», он организует в 1927 году в Париже Зарубежные Высшие военно-научные курсы. А с 1930-го такие курсы открываются и в Белграде, где руководство также принимает на себя генерал Головин. Эта работа по подготовке идущего на смену молодого поколения становится главным делом его жизни. Ей посвящается всё свободное время. Педагогическая деятельность Головина приносит ему большую популярность в среде зарубежья, и в 1930-е годы авторитет ученого и военного практика уже признается современниками в Европе и Америке. Следуют приглашения читать курсы лекций во Французской Высшей военной школе и в Вашингтонской академии.

Профессоръ генералъ Головинъ въ Бѣлградѣ.

Проф. генералъ Н. Н. Головинъ прибылъ 28-го октября въ Бѣлградъ. Его имя широко известно въ русскихъ военныхъ кругахъ, разбросанныхъ по всему миру. Его многочисленныя сочиненія широко распространены. Поэтому, казалось, что не придется много говорить объ авторитетности профес. Головина, какъ современнаго воен. ученаго.

Окончивъ въ 1894 г. Пажескiй Е. И. В. корпусъ, а въ 1900 г., — блестяще Николаевскую Академию Генеральнаго штаба, онъ уже въ 1908 г. состоитъ профессоромъ той же Академии.

Неудачная для насъ Русско-Японская война всколыхнула тогда не только военное наше общество, но и широкую общественность. Стали выяснять причины нашихъ неудачъ. Это движение не миновало, конечно, и Академию, долженствовавшую быть источникомъ пополненiя, мозга нашей армии — генеральнаго штаба. Было выяснено, что не все благополучно и здѣсь. Но развѣ, чѣмъ приступить къ реорганизации, было рѣшено ознакомиться съ постановкой Высшей военной школы въ другихъ большихъ армiяхъ. Съ этой цѣлью были командированы во Францію экстраординарный профессоръ подполковникъ Головинъ. За время своего прикомандированiя къ французской высшей военной школѣ, Н. Н. Головинъ подробно изучилъ постановку и методы работы въ этомъ учебномъ заведенiи и, вернувшись домой, представилъ обстоятельный докладъ, какъ диссертацию на званiе ординарнаго профессора Академии. Въ 1910—12 годахъ его трудъ былъ изданъ въ видѣ двухъ книгъ, вышедшихъ подъ заглавiями: «Французская высшая военная школа» и «Высшая военная школа», а разработанные въ нихъ принципы положены въ основу реорганизации нашей Академии. Глазное вниманiе было обращено на прикладной методъ преподаванiя, исходя изъ аксиомъ, что жизнь для военнаго имѣетъ цѣнность только тогда, когда онъ увидѣть его примѣнить.

Эта реформа Академии была произведена въ періодъ 1908—

никомъ штаба генер. Головинъ. Однако вследствие изменившихся обстановки производство десанта было отставлено и 7-я армия была переброшена на Юго-Зап. фронтъ и приняла участiе въ лѣтнемъ наступленiи, извѣстн. подъ именемъ «Брусиловскаго наступленiя». (Эта операція и будетъ предметомъ первой публичной лекціи проф. ген. Головина въ Бѣлградѣ 29-го сего октября).

Наступленiе 7-й армiи было тщательно разработано ген. Головинымъ и блестяще выполнено. Добрае участiе въ ней Н. Н. Головина отлѣчено пожалованiемъ ему орд. св. Георгія 4 ст.

Въ апрѣлѣ 1917 года Команд. 7-ой армiей ген. Щербаевъ назначаетъ Главкомандующимъ

тыкать дальнѣйшія операціи на нашемъ фронтѣ.

Ген. Головинъ принимаетъ участiе и въ добровольческомъ движенiи. Такъ въ 1919 г. онъ назначается начальникомъ штаба Верховнаго Правителя адм. Коначка на Восточномъ фронтѣ. Но позднее его прибытіе туда не дало ему возможности проявить своей дѣятельности.

Съ окончанiемъ вооруженной борьбы, ген. Головинъ оказался въ Парижѣ. Считаю, что дальнѣйшая наша борьба за Родину возможна лишь при надлежащей подготовкѣ нашего команднаго состава, онъ организуетъ въ 1927 году въ Парижѣ Зарубежныя Высшіе военно-научныя курсы. И вотъ здѣсь, отдавая этому дѣлу все свое свободное время,

Публикація о Н.Н.Головине в газетѣ «Русскій Голосъ»,
29 октября 1933 года

Открытка Н.К.Рериха, посланная И.А.Кирилову.
Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

Вполне понятно, что Н.К.Рерих тоже включил генерала в орбиту своих действий. Он пытается организовать для Головина курс лекций (на иностранных языках) в Соединенных Штатах, а может быть, если удастся, и на Дальнем Востоке, в Японии и Маньчжурии. Через неделю по прибытии в Нью-Йорк Рерих направил И.А.Кирилову, брату председателя недавно образованного Сибирского Общества при Французской Ассоциации, открытку с просьбой сообщить ему биографические сведения, касающиеся Н.Н.Головина.

«20 марта 1934. Дорогой Иван Акимович, сейчас получил запрос относительно "Куррикулум Вите" генерала Головина. Это необходимо для будущих лекций. Будьте добры прислать эти данные с ближайшей почтой. Привет всем друзьям. Сердечно, Ваш Н.Рерих» [12].

Такой запрос несколько раз повторяется в последующих письмах к Кирилову, что говорит об исключительной важности намеченного лекционного турне. Кстати, на почтовой открытке Рериха была воспроизведена его собственная картина «Земля Всеславянская», на которой изображен набатный колокол – символ пробуждающегося славянства. Трудно поверить, что художник, направляя свои послания, не придавал значения подобным деталям. Выбор делался всегда с большим внутренним смыслом.

Именно И.А.Кирилов, вместе со своим братом А.А.Кириловым ответственный за

сибирское направление работы в Обществе, берется упрочить контакт с Дальним Востоком, с японской и харбинской печатью. Это было не так трудно, потому что он сам являлся редактором парижской газеты-журнала «Россия за рубежом». Ему помогает Г.Г.Шклявер, делая ставку на представителя посла Японии во Франции господина Судзуки. «Сейчас я укрепляю позиции по всему нашему широкому фронту, – пишет Шклявер Н.К.Рериху. – С Ал. Ак. Кириловым мы обсудили наметившиеся благодаря Вам новые пути сотрудничества... Мне удалось создать мост между сибиряками и Судзуки» [13]. Нужно сказать, что во Франции Николай Константинович лично встретился с японским послом. «Посол был чрезвычайно доволен встречей» [14]. А Шклявер впоследствии стал получать от посольства «различные материалы о Маньчжоу-Го».

И.А.Кирилов принимается за составление книги «Сибирь и ее будущее». Она задумывается как сборник статей, в который будут включены очерк самого Рериха «Сердце Азии», а также статьи «Сибирь. Краткий географический и исторический очерк» (И.А.Кирилов), «Железнодорожные и речные пути сообщения Сибири» (П.Ф.Козловский), «Казачество в Сибири» (генерал Хорошкин), «Дальний Восток и Япония» (архиепископ Нестор), «Вклад Сибири в мировую культуру» (А.А.Кирилов). Но, что называется, гвоздем программы планируется в сборник огромная по объему (по существу, две отдельные статьи) работа генерала Головина «Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке». Оформить Сибирский сборник Н.К.Рерих предлагает своей картиной «Ойрот, Вестник Белого Бурхана» и рисунком «Белухи» из путевого альбома, что вполне будет отвечать, по выражению художника, «чувству Азии». Книга намечена к выпуску в издательстве «Рерих Музеум Пресс» на английском и французском языках, дабы «позволить иностранцам оценить значение Сибири в судьбах мира» [15]. Срок ее выхода в свет – конец 1934 или начало 1935 года. Однако ноябрьские события в Харбине – о них еще пойдет речь далее – заставили Рериха отказаться от издания книги «Сибирь и ее будущее». Она навсегда была похоронена в архивных бумагах американского издательства. Время пощадило бесценную рукопись. Вместе с архивом Фрэнсис Грант она попала в библиотеку Ратгерс университета (Нью-Джерси, США), где сохраняется по сей день. Изучать страницы Сибирского сборника – занятие весьма поучительное, оно дает слепок авторской мысли. А поскольку основных авторов, как отмечается в предисловии, трое – Головин, Нестор и Рерих, то следует сделать краткий экскурс по страницам рукописи. Конечно, вначале само предисловие, в нем содержится концентрация того, что принято называть устаревающим теперь словом «идеология». Оно было составлено группой сибиряков, объединенных вокруг братьев Кириловых. И содержит несколько кардинальных положений: первое, Сибирь расценивается как отдельная страна; второе, возвышение Сибири (и всей России в целом) придет через поражение большевистского, коммунистического строя. Причем мысль об уничтожении коммунизма проходит лейтмотивом по всему предисловию.

«Пятнадцать лет минуло с тех пор, как наша страна была отрезана от внешнего мира кровавыми руками грабителей. Страна, обладающая огромными богатствами, в прошлом житница России, она была низведена до уровня беспросветной бедности и страшного голода... Повсюду на великих просторах Сибири народ, пусть еще плохо организованный, начинает подниматься на борьбу с угнетателями. Большевики, перепуганные таким поворотом событий, попытались затушить пламя народного возмущения, предлагая населению Дальнего Востока всевозможные привилегии и упраздняя налоги. Но измученные бременем сибиряки уже слишком хорошо знают цену обещаниям своих поработителей и с негодованием отвергли все их предложения, таким образом закаляя волю к уничтожению угнетателей.

Проводя высокомерную политику агрессии против соседей, большевики наложили на нашу страну иго новых тягот и невзгод... Пытаясь разжечь огонь коммунизма в Азии и сознавая, что Япония может помешать этим планам, большевики, с помощью прессы и дипломатических интриг, пытаются внушить всему миру, что действия Японии, направленные исключительно на защиту Азии и охрану ее от продвижения коммунизма, являются началом узурпации Приморья и Приамурья.

На просторах Тихоокеанского побережья разворачивается невидимая борьба между

силами разрушения и порядка... После уничтожения общего врага всего цивилизованного мира – коммунизма – на Тихоокеанском побережье может быть установлено дружественное, прочное сотрудничество трех великих наций – Японии, Америки и России – во имя процветания наших стран и народов всего мира» [16].

Крен в сторону критики коммунистов оказался слишком опасным даже для Рериха. Вызовом стала также излишняя похвала Японии. Откровенное прославление соседки могло преждевременно нарушить хрупкое политическое равновесие и бросить тень на вождя. В октябре 1934-го художник предложил по этой причине отложить публикацию предисловия, заменив его своим очерком «Сердце Азии» (первоначальное название «Сибирь Великая»). Он писал американским сотрудникам: «Надо выдвигать и описывать Сибирь... теперь пусть будет *Сибирь*» [17]. Предпочтение в описании пограничных с Сибирью государств представлялось недопустимым, и Рерих решил опубликовать предисловие и другие слишком острые статьи в следующем, втором томе Сибирского сборника [там же]. Такой том планировался к 1936 году и должен был поддержать наступательную тактику русской эмиграции и ее японского союзника.

Все-таки самым главным звеном в книге «Сибирь и ее будущее», невзирая на жесткий отбор, оставались материалы Н.Н.Головина. Свое исследование русский генерал посвящает анализу стратегической обстановки на Дальнем Востоке. Он скрупулезно распутывает военно-политический узел, разводит на полюса две противоборствующие державы – Японию и Советский Союз. «Нужно признать, – отмечает автор, – большевизм представляет собой сейчас самую грозную для Японии враждебную ей силу» [18]. Вся статья разбита на несколько разделов. Первый из них описывает политическое и экономическое положение в русском Приморье и Приамурье, на театре возможных военных столкновений. К политическим факторам относятся антипартийные настроения в советском обществе, крестьянские восстания и мощное партизанское движение. Экономические же связаны с характеристикой состояния Сибирской железнодорожной магистрали (от пропускной нагрузки дороги зависела боеспособность Красной армии), а также – с численностью флота, авиации и наземных дивизий. Следующий раздел даже своим названием указывает на расстановку определенных акцентов: «Какие вооруженные силы нужны Японии для овладения Приморьем». Головин иллюстрирует полное превосходство Японской армии как в военной области, так и в моральной (честь и достоинство японцев, новый вид морских мин «люди-торпеды» и пр.). По своему духу Красная армия уступает первоклассной японской, которая приравнена к русскому типу, воспитанному Суворовым. В этом пункте генерал, конечно, ошибался – война с фашистской Германией показала обратное. И тем не менее, в целом он констатирует, что план войны против СССР, составленный японским генеральным штабом, является превосходным и в стратегии, и в тактике. Рано или поздно Приморье может превратиться в «стратегическую ловушку для собранных там красных сил» [там же].

В заключение делается вывод о двух вероятных путях развития ситуации на Дальнем Востоке. Поражение Японии приведет к торжеству большевизма и превращению Советского Союза в «громадную красную Евразию». Победа же японцев обусловит создание сильного союза народов желтой расы. Симпатии самого Головина, безусловно, на стороне Японии. «Желтый союз» он противопоставляет будущей азиатской империи Сталина, которая неминуемо поглотит Японию, Китай и даже Индию. Генерал заканчивает статью грозным предостережением: «Обольшевиченная Азия поведет непримиримую борьбу с европейской цивилизацией. Эта борьба будет иметь целью поголовное уничтожение всех инакомыслящих... Это будет гибель всей цивилизации не только в Европе, но и в тесно духовно с ней связанной Америке» [там же]. Уместно ли говорить, что Рерих не разделял прояпонские идеи, изложенные в Сибирском сборнике? Ведь именно он придумал это издание, сам сформировал содержание и подготовил новое предисловие. К тому же путь экспедиции в Маньчжурию лежал через Японские острова...

II

Статью архиепископа Нестора «Дальний Восток и Япония» Рерих решил отложить до следующего выпуска Сибирского сборника. Она еще в большей мере, чем статья генерала Головина, прославляла страну «Восходящего солнца». Русский священник своими речами выступал не против отечества, а боролся с «всепроникающим азиатским коммунизмом».

Харбинские архиепископы и епископы.
Правящий Мелетий, Нестор, Димитрий и Ювеналий.
1930-е

Архиепископ Нестор – в миру Николай Александрович Анисимов – заметно возвышался над всей эмиграцией, не только азиатской, но и европейской. Рерих обратил внимание на личность молодого батюшки еще в Париже в 1934-м, до того как попал в Харбин, где тот возглавлял «Дом Милосердия и Трудолюбия» для сиротских детей и престарелых эмигрантов. В сане епископа Нестор прославился, будучи на Камчатке, и позже в Харбине был рукоположен в архиепископы. Октябрьская революция застала его в Москве. Окружными путями священник добрался до Дальнего Востока и осел в Русском Китае. Яркая страница биографии Нестора – пребывание в Японии. Там он становится во главе «Дружины Святого Креста», монархической организации, которая «распространяет свое влияние в Уссурийском крае и на Камчатке» [19]. Возможно, именно это обстоятельство и вызвало особую симпатию Николая Константиновича к архиепископу, которого он пытался вовлечь в круг своей работы в Харбине. Вскоре выяснилось, что их позиции по отношению и к Советам, и к Японии полностью совпадают. Нестор оказался по своему нраву даже намного резче и со стороны выглядел истовым борцом за возрождение России. Врагом рода человеческого он, конечно же, считал коммунизм и видел в Японии единственного верного союзника.

«В борьбе с коммунизмом Япония будет нам деятельным помощником, потому что на ее собственных исторических путях к великодержавию ей необходимо раздавить коммунистическую опасность не в местных только, но и во вселенских масштабах, ибо пока существует коммунистическая опасность и очаг коммунизма, Япония не может быть спокойна за судьбы восточной Азии, где она в настоящий момент является признанным гегемоном.

Вопрос о борьбе с коммунизмом является для Японии вопросом жизни и смерти. Ибо речь идет о том, кому будет принадлежать будущее в восточной Азии, интересы двух противников не могут быть примиримы. И раз вопрос поставлен так серьезно, изменить его дальнейшее течение не могут никакие привходящие обстоятельства. Какие бы союзы ни

заклучало коммунистическое государство, как бы ни закрепляло оно свои позиции, Япония, раз она осознала необходимость борьбы, бороться будет... Приходят сроки великой борьбы. И на эту борьбу мы, русские изгнанники, взираем с упованием, с трепетом надежды, готовясь каждый момент выполнить наш долг перед нашей Великой Родиной» [20].

Если бы дело ограничивалось только критикой коммунистов, то это полбеда. Архиепископ Нестор изложил тактические секреты, знание которых неминуемо могло дать повод самым разным силам бороться против Рериха. В своей статье он пространно остановился на преимуществах появления на карте Азии государства Маньчжоу-Го. Это новое государственное образование явилось не только естественной границей, защищающей интересы японской нации, но и буферной страной, которая приостанавливала дальнейшую «поступательную разрушительную работу коммунизма в Китае» и в самой Маньчжурии. Главное, Маньчжоу-Го становилось плацдармом в будущей борьбе с СССР непримиримой Японии и, что немаловажно, русской эмиграции. А Рерих как раз претендовал на роль вождя, объединяющего эмигрантов, белых офицеров и казачество. Простая логика этих событий не должна была открыться прежде времени.

На следующий день по приезде в Америку, 15 марта 1934 года Н.К.Рерих и Фрэнсис Грант отправились в Вашингтон на встречу с министром Уоллесом. Нужно было обсудить вопросы по Маньчжурской экспедиции. Однако самые неожиданные встречи происходили в то же время в Нью-Йорке с генеральным консулом Японии господином Ринзо Савадой (Sawada). Как только 17 марта Уоллес официально подтвердил Рериху письмом из своего департамента приглашение быть «руководителем и покровителем» экспедиции, сразу же назначили встречу с японским консулом. 19 марта художник посетил консульство, где в его честь был организован ланч. Вскоре Савада нанес ответный визит, осмотрел в Музее картины и буддийскую скульптуру. Отныне в ежедневном расписании профессора Рериха имя японца мелькает часто [21]. 9 апреля высокий гость снова в Музее, Зинаида Лихтман как вице-президент устраивает чай для консула и его жены. «Говорила с ними о Николае Константиновиче – мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем» [8]. Началась обработка японцев, для того чтобы возвысить в их глазах личность Рериха.

Сам художник уже из экспедиции неоднократно пытался направить сотрудников, чтобы они продолжали «Метерлинковские мелодии с Савад[ой]» [22]. Всю осень 1934-го Рерих твердит в письмах о «Метерлинковской формуле», о «Метерлинковском разговоре», о необходимости «проталкивать Метерлинка» [23]. Это относилось именно к японскому консулу в Нью-Йорке. Из Харбина была поставлена задача всеми мерами добиться от него «понимания Метерлинка». Очевидно, речь шла о мировом лидерстве. В переписке таким образом законспирировали слова великого писателя Мориса Метерлинка о «Вожде окрыляющем Рерихе». Об этом «проговорилась» в печати та же Зинаида Лихтман, опубликовав в «Русском Листке», который издавался в Сиэтле, свою статью под псевдонимом «З.Радионова» [24]. Любым возможным способом и Николай Константинович, и его американские сотрудники готовили общественное мнение к появлению в Азии нового вождя. Японию, которая могла воспрепятствовать проведению в жизнь этого плана, нужно было нейтрализовать.

Время пребывания в Соединенных Штатах Рерих удачно использовал для установления контактов с японскими дипломатами. От консула Савады он получил приглашение на торжественный прием, который устраивался в «Клубе банкиров» по случаю праздника, учрежденного Международным торговым комитетом [25]. Художник ответил согласием.

«Дорогой доктор Савада, по возвращении в Нью-Йорк из Вашингтона этим утром я получил Ваше благожелательное приглашение на обед 11 апреля в ознаменование празднования годовщины "Перри Дэй". С большим удовольствием я стану Вашим гостем, и снова, надеюсь, продолжатся наши встречи, дружественные и сердечные» [26].

Прием в «Клубе банкиров» обещал быть политически значимым событием. И действительно, Рерих встретился там с японским послом в США господином Сайто (Saito) и обсудил с ним возможность проведения своей художественной выставки в Японии. Была и другая очевидная выгода от этого визита. Получены рекомендательные письма в

официальные учреждения Токио, а также в японскую таможенную с просьбой оказать помощь в беспрепятственном следовании багажа экспедиции.

Консул Савада, как высказался впоследствии Рерих, давал американцам «единственную возможность» постепенно и твердо осуществлять намеченный план. Сотрудники Музея наперегонки взялись курировать японскую чету. В начале мая 1934-го произошла даже стычка из-за мадам Савады. Фрэнсис Грант хотела устроить вечер с участием японских музыкантов, но Нетти Хорш запретила и угрожала своей подруге, чтоб она не трогала «ее людей». Во время ссоры жена брокера закричала: «Они мои!» (3.5.1934) [27]. Подобная реакция свидетельствует только об одном – о чрезвычайном внимании к Японии. Существовало негласное распределение обязанностей, данное Рерихом, кто за какой сектор работы отвечает. Грант поддерживала связь с Вашингтоном, с Генри Уоллесом и Гилом Боргесом, а супруги Хорши обхаживали японцев. Вскоре вечер все-таки устроили, но совсем другой, нежели предполагалось. 28 мая Рериховский музей праздновал день рождения Владыки Будды. Нетти Хорш организовала собрание и музыкальную программу с участием Общества Махабодхи. Само собой разумеется, присутствовали в большом количестве японская диаспора и консульство. С яркой речью о дзен-буддизме выступил японец Сусуки.

Поскольку жена Савады являлась искусствоведом и хорошо разбиралась в живописи, то Хорши развивали отношения с японским консульством именно по художественной линии. Это довольно быстро принесло свои плоды. 23 ноября 1934 года открылся Ниппонский культурный центр, еще одно учреждение при Музее Рериха. В этот день состоялось «собрание в честь укрепления дружбы Н[иколая] К[онстантиновича] с Японией» [28]. Конечно, на собрании всем заправляла госпожа Савада. А в марте 1935-го в Нью-Йорке была запланирована и успешно прошла вторая выставка японского искусства (первая устраивалась в июне 34-го). Академия художеств Японии представила полотна современных художников, а организацией выставки энергично занялась поклонница таланта Рериха и знакомая Хорша мисс Асако Мацуока. В Токио она собирала картины и средства и всячески содействовала успеху культурной миссии. Японский центр в Америке благосклонно принял идеи Пакта и Знамени Мира. (Большая работа в этом направлении проведена с Савадой также по совету Рериха.) К тому располагали подходящие обстоятельства. Еще 17 ноября 1933 года, в день Вашингтонской конвенции, Знамя Мира было поднято над Токийским государственным музеем. Такая акция, предпринятая в знак охранения сокровищ науки и искусства в Японии, воспринималась как символ. Японская нация, издревле склонная к высоким символам, предполагалось, станет плодоносным полем для деятельности Рериха.

Н.К.Рерих в Японском национальном парке.
Токио, май 1934 года

Пароход на Йокохаму отправился из Сиэтла 28 апреля 1934-го. В своем первом письме на пути в Японию Николай Константинович повторил фразу, сказанную им на борту «Парижа». Он писал сотрудникам в Музей: «Итак, пришли к будущему» [29]. Это кое о чем говорит. Будущее для Рерихов начиналось на земле самураев. Через несколько дней по приезде в Токио развернулся настоящий культурный фронт. Каждый день был насыщен значительными событиями: 15 мая – завтрак в Американско-японском обществе, 16-го – чай в Международном обществе поощрения культуры, 17-го – встреча в Императорской Академии изящных искусств. А 18 мая Рерих дал лекцию в Буддистском колледже. Приемы повсюду проходили на высоком уровне. В Американско-японском обществе гостей принимал его председатель, принц Иесато Токугава. «Япония действительно встретила очень радушно» [30]. Даже были получены даровые билеты на проезд по железным дорогам, и до самого Харбина ехали бесплатно. Ко времени визита японцы уже знали Н.К.Рериха как вождя культуры. В начале 1930-х была издана книга «Адамант» на японском языке, а осенью 34-го готовился к выпуску перевод «Сердца Азии». (Интересно, что название книги, посвященной Шамбале, Рерих взял и для предисловия к Сибирскому сборнику.) Большую славу художник стяжал благодаря своему Пакту. Брошюра, посвященная этому культурному проекту, также вышла на японском языке.

Власти Японии устроили Николаю Константиновичу и Юрию Николаевичу встречи в ряде государственных учреждений – в Министерстве иностранных дел, Министерстве просвещения и др. Но самым ответственным оказался визит в Военное ведомство. Министр Хаяши (Hayashi) принял Рерихов 24 мая в 9 часов утра. После беседы глава экспедиции сразу же дал интервью токийской газете «Джапан Адвертайзер».

«Японии повезло, что она имеет в числе своих вождей такого великого человека, как

генерал Сенджуро Хаяши... Он является личностью изумительного темперамента, и я был по-настоящему почтен, получив привилегию на встречу и разговор с ним. Генерал Хаяши – личность с благородным характером, и его проникательность и понимание культурной работы и связанных с ней идеалов показывают, что он вождь великих возможностей» [31].

Фрагмент японской газеты
с автографом Н.К.Рериха: «У военного министра Хаяши».
Архив Русского культурного центра, Амхерст колледж, США

Публично вождь говорил о вожде. Вероятно, Рериху важно было соединить две, казалось бы, взаимоисключающие области, военную и культурную. Однако в том-то всё и дело: военная мощь, подкрепленная привлекательной идеей, становится несокрушимой силой. Япония нужна была Рериху как никакая другая держава. Накануне отъезда из Нью-Йорка Николай Константинович пришел в Музей огорченным. Он объяснил свое необычное настроение Зинаиде Лихтман: «Америка начала проявлять дружелюбие к Китаю и вражду к Яп[онии]» (19.4.1934) [27]. Такой поворот событий рушил и замыслы, и, видимо, уже устоявшуюся в уме стройную схему. В ней Япония занимала ведущую роль. Всякое суждение об этой притягательной части света вызывало у сотрудников Музея ревность даже между собой. В день отправления поезда на Сиэтл писатель Гребенщиков написал в газету заметку об отъезде художника в Японию. И хотя заметка оказалась маленькой, всё равно такой поступок вызвал неодобрение сестер и братьев. О японской поездке «никому не нужно» было знать, прежде чем пресса опубликует репортажи с места события (22.4.1934) [27].

Рерих попал между двух огней. Соединенные Штаты и Япония вступили в полосу

конфронтации в международной политике. Их позиции по отношению к Советскому Союзу очень разнились. Белый Дом в 1933-м официально признал СССР. А Токио готов был в любой момент громить оплот коммунизма. Николай Константинович испытывал теперь к коммунистам такую же неприязнь. Он даже прервал всякие отношения со своим давним советчиком Бородиным. В апреле, когда художник находился уже на пути в Японию, в Музей пришло письмо от Бородина с предложением встретиться, поскольку достаточно «накопилось и новых, и *старых* новостей, которые внесут ясность во многое» [32]. Рериху «ясность» была не нужна. Его отношение к большевикам, и значит к Бородину, после Тибетской экспедиции претерпело эволюцию, и никакие встречи с представителями Советов уже не требовались. Верный страж Музея Зинаида Лихтман являлась в этом смысле хорошим лакмусом. В своем дневнике она отреагировала на бородинское послание однозначно: «Письмо от Бородина к Н.К., с усиленными намеками на необходимость увидеться. Ничтожный, но вредный!» (23.4.1934) [27]. Конечно, это не очень лестное мнение, но оно часть коллективного, в котором угадывается, по крайней мере, безразличие вождя культуры к его бывшим московским компаньонам.

После приема у военного министра Хаяши, в тот же день Рерих отправился в Киото. Этой поездке придавалось огромное значение. Там художник намеревался провести переговоры с директором нового Музея изящных искусств об открытии специального отдела для его произведений. Он сообщал в Америку: «Родные, 24-го утром мы выезжаем в Киото, Нару и сразу переплываем на Корею и т.д. Если бы нашлись певцы и любители Метерлинка. Ведь у меня нет голоса петь самому...» [33]. Снова разговор о Метерлинке, то есть о «Вожде окрыляющем». В Киото легко удалось договориться о художественной выставке. Вскоре из Нью-Йорка пришли 17 картин самого широкого диапазона – от русских сюжетов «Снегурочки» и «Садко» до Гималайской серии, которая была представлена чудесными полотнами «Сикким» и «Кулу» [34]. Среди более полутора десятков картин заметное число составили тибетские пейзажи, три работы с одинаковым названием «Тибет». Гималаи, Монголия и Тибет присутствовали как некий основной фон, на нем была прочерчена русская линия. Мэр города Киото господин Омори в письме к Совету директоров Рериховского музея выражал твердую надежду, что «эти семнадцать великих художественных творений явятся... цементом взаимопонимания в Азии» [34].

Картины Рериха экспонировались около двух месяцев – с 10 января по 28 февраля 1935 года. Незадолго до выставки, осенью 34-го художник посетил начальника японской военной миссии в Харбине полковника Амдо и сделал щедрый дар в пользу жертв тайфуна, обрушившегося на район Кансай. Он предоставил городу Киото право выбрать любую из 17-ти картин и продать ее, а вырученную сумму внести в фонд средств на ликвидацию ущерба от стихийного бедствия. По неизвестным причинам этот дар Киото не принял, но благородный поступок оставил след в сердцах японцев. Выставка прошла успешно. Картины надолго задержались в Японии и были отправлены в Нью-Йорк только после Второй мировой войны, в 1951 году (Луис Хорш потребовал вернуть коллекцию обратно) [35].

Радужную встречу художнику в Японии устроила вся русская колония. Она отметила проезд Николая Константиновича через Токио молебном в соборе и пением патриаршего «Многая лета» в его честь. Большим другом Рерихов стал митрополит Сергей Японский. Он принимал гостей в своих покоях и очень скоро пополнил число почетных членов Общества друзей Музея Рериха. А затем согласился войти в Комитет Пакта в Японии, организация которого шла с осени 1934-го целый год. Даже после завершения экспедиции связь между Рерихом и владыкой Сергием не прерывалась, митрополит посылал благословения и письма на Гималаи.

Возглавлял русскую колонию в Токио полковник Георгий Иванович Чертков, являвшийся корреспондентом харбинской газеты «Заря», а впоследствии – редактором и издателем журнала «Вестник Азии». Именно он стал представителем Н.К.Рериха в Японии, осуществлял связь с нью-йоркским Музеем и пользовался безусловным доверием. Описывая в письмах к американским сотрудникам свое «нужное знакомство» с Чертковым, художник подчеркивал, что тот «говорил нашими словами» [36].

Чем же так заинтересовал Рериха простой корреспондент?.. Понятно, что он был

незаурядным человеком, поскольку председательствовал в колонии. Любая власть, даже малая, всегда на руку в общественных движениях. Однако, кроме того, Чертков единственным из европейцев являлся членом японской организации «Тенкоокио» и офицером ее Священного Воинства. Изучив все труды Рериха о Шамбале, Георгий Иванович поставил себе задачу «провести параллели и увязать проповедываемое "Тенкоокио" учение, весьма характерное для всей Азии» [37], с шамбалинским учением. По просьбе Черткова Николай Константинович прочитал лекцию собравшимся в большом количестве эмигрантам. Художник призвал всех следовать заветам Преподобного Сергия, строителя русской духовной культуры. Слова лектора оказались очень убедительными и отвечали всему его облику. Таков был вождь Рерих. Чертков много лет спустя вспоминал об этой лекции: «Своей внешностью, целеустремленностью и манерой говорить Рерих приковывал к себе внимание аудитории. Запечатлелась внешность Николая Константиновича: выше среднего роста, плотный, с высоким умным лбом, глубокими синими (кубовыми) глазами, излучающими и строгость, и благожелательность, с лицом, обрамленным бородой» [38]. В мемуарах, опубликованных в нью-йоркской газете «Новое русское слово» к 100-летию юбилею художника, Чертков рассказал и об экспедиции, «целью которой было проникновение в таинственные области Азии». Возможно, Георгий Иванович привел воспоминание не о Маньчжурской, а о Тибетской экспедиции, с чужих слов, но бесспорно другое – в рассказе оживали «легенды о том, что с приходом Шамбалы на земле восстановятся мир и справедливость, а с появлением Майтреи наступит светлый век» [там же].

30 мая 1934-го Рерих с сыном прибыл в Харбин. По приезде он дал интервью газете «Заря» (так материал был представлен читателям). Сразу же речь зашла о ценностях духа, тех вечных понятиях, которые всегда ковали победу японской нации. «Дух ниппонской самурайской жизни в истории человечества – символ героизма, патриотизма и храбрости» – этими словами начиналась беседа с корреспондентом. А заканчивалась она с не меньшим героическим пафосом. «Ниппонский гений стоит на страже охраны духовных ценностей Культуры. И мы приветствуем эти благородные действия как залог блестящего будущего. Чувствование и оценка благородства, красоты, героизма уже означает собирание сил для нового строительства и новой кооперации» [39]. В Маньчжурию Рерих ступил как посланник Японии. Этой «страной творческого горения» художник восхищался безраздельно. Да и свел весь разговор к единственно главной мысли – новому строительству и кооперации под взмахом самурайского меча. Быть может, именно таким и представлялся образ истинного вождя русским изгнанникам, рассеянными по Азии... И хотя интервью оказалось не вполне настоящим, это нисколько не меняло сути дела. В день приезда, прямо на железнодорожном вокзале, Рерих передал для публикации в газете текст своей речи, произнесенной им в Американо-японском обществе в Токио [40]. Не так уж и важно, действительно ли имело место интервью или это был монолог. Вождь культуры в полный голос превозносил Японию.

III

Самые первые визиты в Харбине Рерих нанес в православную епархию, к правящему иерарху архиепископу Мелетию и в Дом милосердия, к архиепископу Нестору [41]. Интерес к Нестору со стороны Рериха представляется закономерным, он зрел всю дорогу, начиная с посещения Парижа. Архиепископ казался надежной опорой на харбинском отрезке экспедиции. Его безраздельная вера в Японию становилась необходимым инструментом в реализации будущего плана. В своих выступлениях в прессе художник заговорил о «сроках грядущих перемен», ожидающих азиатские народы, да и весь мир. В этих переменах, по замыслу Рериха, японской нации принадлежит особая роль. Она поведет за собой других. «В авангарде пойдет Ниппон с его великим народом, в душе которого горит неугасимый пламень утонченного светлого символизма, героического патриотизма, аристократической романтики и духовного подвига, о чем говорит вся его славная история» [42].

Первые интервью были даны практически всем харбинским газетам, включая даже такое одиозное издание, как «Наш Путь», которое возглавлял генеральный секретарь

Всероссийской фашистской партии К.В.Родзаевский (с ним художник имел индивидуальную беседу). Навряд ли контакты с профашистским движением в Харбине свидетельствуют о какой-либо мировоззренческой установке прибывшей экспедиции. Будущие события, разыгравшиеся осенью 34-го, говорят как раз об обратном. Просто на момент прибытия в столицу азиатской эмиграции Рерих выступал широким фронтом и использовал для своих целей каждую возможность. Как настоящий трибун, он видел, вероятно, в этом свою логику. Иначе как объяснить все эти личные встречи с родзаевскими. Газета «Наш Путь» финансировалась, в том числе, и из японских источников. А отношение к Японии у Рериха сложилось вполне определенное.

Николай Константинович, 31 мая собрав у себя дома за чаем корреспондентов харбинских газет всех вместе, заявил, что «давно мечтал поработать» в Маньчжурии. «Я предполагал некоторое время тому назад проехать в Харбин, но тогда был конфликт Китая и СССР, и я не рискнул пробраться до Харбина» [43]. Это похоже на правду, поскольку желание оказаться в Харбине согласуется с дневниковыми записями Е.И.Рерих, сделанными в самом начале 1920-х годов. Художник, действительно, имел возможность поехать в Маньчжурию в 1927-м, когда экспедиция стояла в Урге и готовилась к тибетскому походу. Однако тогда Монголия находилась под влиянием Советов, и посещение китайской территории могло вызвать осложнения. Вспыхнувшая в Китае революция вызвала соответствующую реакцию соседей. Токийская конференция по вопросу о политике в Китае, прошедшая в июле 1927-го, завершилась принятием меморандума премьера Танака. Согласно документу, Маньчжурия, Монголия и еще три восточные провинции объявлялись зоной первостепенных интересов японской политики в Азии, так как эти области имели «особое значение для существования Японии» [44].

В интервью Н.К.Рерих много говорил о Тибете и остановился на политическом положении страны «Вечных снегов». Случайно ли это? Затем эстафету подхватил Юрий Николаевич и отметил, что «со смертью Далай-ламы могут произойти большие перемены». Рерихи, как показывает изучение их биографии, лишних слов не роняли. Всё подчинялось стройной системе. «Политическая конъюнктура крайне неуравновешенная. Чувствуется влияние иностранцев, но большевистского давления совершенно нет. Жители Тибета знают Россию, но почти не имеют понятия об СССР» [43]. Эти акценты имели большое значение. Русская эмиграция должна была знать – тибетские власти как бы поддерживают старую Россию, однако никогда не вступятся за Советы в случае какого-либо конфликта в Азии. Старая Россия ассоциировалась с русской эмиграцией...

Много добрых слов как раз было сказано главой экспедиции о миссии эмиграции. С его точки зрения, азиатское русское зарубежье, составляющее более миллиона человек, может превратиться в деятельную силу. Для этого необходимо только его организовать. Эмигрантам, погрязшим в бесконечных разногласиях, следует объединиться. Выброшенные в Китай русские люди и без того совершают уже «большой культурный подвиг», и они должны иметь ясную цель и развернуть знамя, на котором будет начертано имя Святого Сергия. Рядом с уже близким соотечественникам образом Святого Георгия поднимался другой Победоносец. Принять водительство Святого Сергия – самый короткий путь, чтобы избавиться от ссор и распрей. Рерих предлагает простой совет: «Ставьте на своих собраниях икону покровителя земли Русской – Преподобного Сергия Радонежского – и говорите так, как бы говорили в его физическом присутствии. И вы знаете – опыт этот блестяще удался. Мы должны делать так, как учил нас Преподобный Сергий...» [45]. Конечно, это была фигура речи – обращаясь к корреспондентам, говорить «вы знаете». Николай Константинович имел в виду совсем недавнюю вспышку страстей, которую он погасил в нью-йоркском Музее незадолго до отъезда из Америки. Сотрудникам удалось договориться между собой о мире и дружбе только благодаря предложению художника выставлять на собраниях портрет Учителя (заседания проходили в часовне Св. Сергия, устроенной в Мастер Билдинге).

Тибетская тема стояла на повестке дня очень остро. К ней возвращались в разговоре постоянно. И тема эта дала определенный настрой и заряд окружающим. Даже рассказ о деятельности Института Гималайских исследований «Урусвати» отошел на дальний план.

Корреспондент газеты «Заря» Михаил Шмидт завершил интервью с Рерихом своими пространными размышлениями, не сомневаясь, что встретился с воплощенным шамбалинским вождем, который «поднял из праха многоцветные знамена Востока, и только он в нашу эпоху мог угадать и изучить значение таинственного и могучего движения, именуемого Шамбалой» [46]. Итак, в Харбин принесена весть о светлом будущем, о красоте японской нации и великом сражении Шамбалы. В прессе был помещен портрет художника [47], написанный его сыном Святославом, – Н.К.Рерих в далай-ламских одеждах восседает на фоне загадочных строений, напоминающих одновременно нью-йоркские небоскребы и дворцы Поталы. А может быть, это раскинувшийся в горах грядущий Звенигород, украшенный замысловатыми пагодами и буддийскими ступами...

На харбинском вокзале Рериха встречали жители города, почти 150 человек, собравшихся, невзирая на проливной дождь. Среди встречающих были брат художника В.К.Рерих, давний сотрудник П.А.Чистяков и знакомый по переписке поэт А.А.Ачаир-Грызлов. Профессуру представляли Г.К.Гинс, с. В.Кузнецов, Н.И.Никифоров и писатель В.Н.Иванов.

Декан Юридического факультета в Харбине Никифоров сразу же пригласил Николая Константиновича принять участие в празднике, посвященном 15-й годовщине этого высшего учебного заведения. Торжество открылось на следующий день, 31 мая, в большом зале Коммерческого собрания, и «центром всеобщего внимания» стал, конечно, академик Рерих. По единодушному мнению, он поднял атмосферу одним только своим присутствием, и собрание превратилось в праздник эмиграции. Суть некоторых выступлений сводилась к следующему. Постепенно в среде эмиграции создается новое мировоззрение, которое можно назвать «историческим активизмом». В его основе лежит вера в человека и в идею. Личность, вооруженная свободой духовного творчества, несомненно должна занять «место на колеснице истории» (Г.К.Гинс) [48]. В данный исторический момент всем жителям Дальнего Востока, и в частности Маньчжурии, на которую обращены «взоры всего мира», выпала исключительная роль строителей нового государства и новой жизни (Н.К.Рерих) [49].

Невозможно представить себе, что в устах Рериха слова о строительстве в Азии могут быть пустым звуком. За ними таятся иные смыслы. Это ясно хотя бы из харбинского письма Юрия Николаевича: «Мы действительно приехали в срок. Начинаем подготовку по всему нашему культурному "фронту"... После выступления Николая Константиновича на акте местного Юридического факультета профессора факультета, имеющие советские паспорта, подали в отставку. Таким образом, тьма уже реагирует» [50]. Как видно из послания, направленного в Америку в качестве отчета о проделанной работе, там расставлены акценты на противодействии Советам.

В начале июня 1934-го в Харбине проходили «Дни Русской культуры», и повсюду Н.К.Рерих принимал участие в торжественных заседаниях. 5 июня большой праздник пришел в «Молодую Чураевку». Так называлось литературное объединение при Христианском Союзе Молодых Людей, которое возглавлял Ачаир, издавна поклонник таланта Рериха. Собственно говоря, кружок литераторов был создан в конце 1920-х как дань уважения американской Чураевке и сибирскому писателю Гребеншикову за его роман «Чураевы». Чураевские «вторники» прославились на весь Харбин, но тот июньский день стал совершенно особенным. Такого многолюдного собрания никто не помнил за все последние годы. Интерес, несомненно, объяснялся присутствием знаменитого художника. Вечер открыл доклад Н.Н.Горчакова «Русская интеллигенция в Сибири». Эстафету подхватили М.А.Талызин – «Проникновение русской культуры в Азию», и В.К.Европейцев – «Витязи Русской Азии». Последний посвятил свое сообщение завоеваниям Сибири и славным походам Ермака. С заключительной речью выступил Н.К.Рерих, она называлась «Несение Света». Его слово об охране культурных ценностей и Пакте Мира было встречено аудиторией с великим энтузиазмом. Закончился вечер традиционным чтением стихов молодых поэтов у «Зеленой лампы» [51].

Было 800 чел.

ВЕЧЕР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

5 июня 1934 года

ЧУРАЕВКА

Х.С.М.А. в ХАРБИНЕ

I

Н. Н. ГОРЧАКОВ — Русская интеллигенция
в Сибири

М. А. ТАЛЫЗИН — Проникновение Русской
культуры в Азию

В. Н. ЕВРОПЕЙЦЕВ — Витязи Русской Азии

*Приветствия Академику Н. К. Рерих от
объединений науки, литературы и искус-
ства в Харбине*

Н. К. РЕРИХ — «Несение Света»

II. Беседа у Зеленой Лампы:

Стихи — члены Литературной
Студии Чуравки

Музыка и пение (по алфавиту)

С. В. БАБУШКИНА — арии и романсы
ТОЛЯ ВЕДЕРНИКОВ — романсы соло
Н. М. ДОБРЖАНСКИЙ — арии и романсы
А. Т. ДЕГТЯРЕВА — романсы
Е. В. МИХАЙЛОВА — арии и романсы
НИКОЛАЙ НЕНИН — арии и романсы
С. А. ШАДУРИ — романсы
БОРИС ШАШКОВ — скрипка соло
НИРА ЗУСТРАТАНОВИЧ — романсы

Урокля: ГАЛЛИ А. АЧАИР
Л. ЧЕСНОВА

Начало ровно в 8 час. вечера.

Афиша Вечера русской культуры, с автографом Н.К.Рериха

Программа празднования Дня русской культуры в Харбине

Следующий «День культуры» устраивался Академической группой и прошел 7 июня в зале Коммерческого собрания. В программу были включены выступления харбинской профессуры. Но самый содержательный доклад снова выпал на долю Рериха – «Пантеон русской культуры». Накануне к Николаю Константиновичу многие специально обращались с просьбой, чтобы гость посвятил свое слово именно культуре, поскольку сам является творцом и сам созидает «новую державу творческих сил» [52]. Рерих говорил о «путях сужденных» русской культуры и ее мистическом значении для всего мира [53].

Еще через несколько дней, 11 июня прошел «День культуры», организованный Беженским комитетом. В нем активное участие приняла православная церковь. Торжество началось молебном в Свято-Николаевском соборе. Затем всё переместилось в театр «Гигант». С приветственной речью выступил архиепископ Мелетий. Владыка заверил, что «Россия воскреснет». Потом зачитали также приветствие архиепископа Нестора. Под рукоплескания зала вышел Рерих и произнес доклад на тему «Оружие Света» [54]. А завершился цикл вечеров культуры 24 июня в Первом Реальном училище. Там выступление художника называлось «Культура – это молитва Богу» [55]. Длинное перечисление докладов, возможно, не приносит эмоционального удовлетворения, но зато дает представление об интенсивности харбинской жизни Рерихов. Шла серьезная работа в самых недрах эмиграции.

Идея Рериха о «новом строительстве» вступила в очередную фазу развития после посещения Синьцзина, столицы Маньчжоу-Го. Художник и его сын Юрий получили продолжительную аудиенцию у Его Величества Императора Пу-И. Она состоялась 21 июня

1934 года и длилась 40 минут. Во время аудиенции академик Рерих сделал сообщение о своих путешествиях в Тибет и Гималаи. Преподнес Императору Знамя Мира. И получил разрешение на проведение экспедиции в Северную Маньчжурию и Монгольскую Гоби [56]. По общим отзывам, «аудиенция имела *отличные* последствия» [57]. Результаты поездки в Синьцзин Николай Константинович сформулировал в очерке «Строение», имевшем подзаголовок «К признанию Маньчжу-Ди-Го». Несомненно, в этих словах скрывался политический оттенок. Рерих попытался транслировать свои соображения на этот счет в Белый Дом, министру Уоллесу. «Приятно видеть всякую постройку, а столица сейчас фактически строится. Также чрезвычайно отрадное впечатление производит Император, и я не сомневаюсь, что признание этой страны не замедлит. Скажите об этом нашему Другу [Уоллесу]» [58].

Очерк был передан во все харбинские газеты для опубликования, вместо интервью, о котором просили художника. В том имелся глубокий смысл – дать законченное суждение об идее строительства и связанной с ней кооперации. Одна из корреспонденций в «Заре» называлась «Н.К.Рерих о строительстве и расцвете Маньчжу-Ди-Го. Мысли и настроения великого художника в дни недавнего пребывания в Синьцзине». Свой очерк Рерих просил американцев дать «во все прессы» [57]. Едва ли прошел месяц, и материал появился в чикагской русскоязычной газете «Рассвет» (28.7.1934).

«Друзья, вы можете себе представить мою сердечную радость, когда в новой столице Маньчжу-Ди-Го нам пришлось воочию убедиться в реальности обширного строительства. Строится целый город. Широко планируется множество государственных и образовательных учреждений. Когда мир содрогается от неразрешимости материальных проблем, тогда здесь, на просторах Азии, как в далекое блестящее историческое время, складывается большое строительство...

От имени устремленных к созидательству мне хочется поблагодарить всех тех, от великих до малых, которые устремляют свою энергию к созиданию. Каждое созидание приносит с собою и сотрудничество. В этом звучном понятии, произносите ли вы его по-русски, как сотрудничество, или в иностранной форме, как кооперация, заключены живые основы, противостоящие силам разрушения. Там, где есть сотрудничество, там есть и взаимопомощь, там за пределами условных трактатов рождается светлое улучшение жизни. Радуюсь о строительстве новой Империи Маньчжу-Ди-Го...» [59].

Приобщение к императорской власти вызвало и новые импульсы дружелюбия к Японии. В нью-йоркском Музее сохраняются автографы Рериха, оставленные прямо на газетах. Это июльские 34-го года газетные вырезки, присланные художником в Америку непосредственно из Харбина. Первая из них – «Фронт международной культурной связи», где говорится об учреждении в Нью-Йорке и Париже «Институтов изучения Ниппон». Николай Константинович дописывает своей рукой: «Отчего не у нас? – Вниманию Нетти» (22.7.1934). Вторая – «Международная конференция в Токио. По проекту министра Мацуда» – освещает предложение министерства просвещения Японии о созыве конференции по проблемам образования, на которую соберутся представители 70 государств числом более 500 человек. На полях снова рука Рериха: «Будет ли приглашение? Спросите Сав[аду]» (30.7.1934). Совершенно очевидно, из этих документов следует, какое огромное внимание придавалось вовлечению рериховских учреждений в сотрудничество с Японией.

В канун экспедиции в Северную Маньчжурию, 26 июля 1934-го Рерих встретился с японским редактором «Харбинского Времени» и принял предложение войти в жюри организованного газетой «Большого литературного конкурса» на лучший роман. Об этом срочно было сообщено консулу Саваде [60]. Условия конкурса предполагали создание литературных произведений на заданную тему. Давая интервью тому же «Харбинскому Времени», Рерих приветствовал это начинание японцев и указывал, что конкурс тесно связан с «великим значением строительства» [61].

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА КОМИТЕТУ «УТВЕРЖДЕНИЯ»

Стан «Тимур Хада»
27 августа 1935

В прошлой почте я просил нашего генерального секретаря Европейского центра передать Комитету «Утверждения» мой сердечный привет и восхищение по поводу неустанной, широко просвещенной созидательной деятельности Комитета. После этого получено от генерального секретаря Европейского центра письмо, отправленное 27 июля с. г., в котором сообщается, что Комитетом «Утверждения» 15 июля «в заседании единогласно вынесено постановление просить меня довести до вашего сведения о тех чувствах благодарности и преданности, которые одушевляют всех участников группы».

Таким образом, наши обоюдные добрые чувства и пожелания скрестились. Это обстоятельство дает мне еще одну приятную возможность выразить Комитету «Утверждения», насколько мне ценно доброе пожелание этого Комитета. Совершенно беспристрастно должен сказать, что в течение всех этих лет я с радостью наблюдаю за укреплением и ростом группы «Утверждение». Особенно драгоценно отметить, что рост этой группы происходит вопреки всем, казалось бы, непреодолимым для других препятствиям. Вероятно, многие уже сложили бы свое оружие Света под гнетом трудностей и тяготы каждодневной работы. Многие поникли бы и от недоброжелательства, происходящего от многого невежества, притаившегося по темным углам.

То, что было бы непосильным слабым духом, вполне переносимо для бодрых участников группы «Утверждение». Можно искренно восхищаться, как эта группа находит в себе силы не только вынести необычайный гнет каждодневных препятствий, но и расти в духовном укреплении. Взяв символом группы высокое понятие «утверждения», участники действительно несут его в жизнь со всею твердостью, решимостью и высокою просвещенностью, которые всегда будут основами истинных утверждений.

Сама действительность, все протекающие события лишь доказывают, что широкие просвещенные взгляды «Утверждения» были вполне обоснованы и реальны. «Утверждение» мыслит, прежде всего, о будущем, о лучшем будущем, о светлом будущем. В троекратности произнесения слова «будущее» пусть будут подтверждены истинные задачи человеческих преуспеваний. Вспоминая весь путь зарождения и нарастания группы, можно лишь подтвердить, что как начало движения, так и его укрепление имели в основе правильные предпосылки.

Сейчас, как никогда, требуются просвещенные истинным знанием широкие взгляды. Строители в борьбе со злом и тьмою должны находить неисчерпаемый источник бодрости в постоянно обновленном познании. Они знают ценность древних священных основ, они же светло несут и знамя созидательства, в котором выражено чаяние сильного народа. Не будем лишь словесно утверждать светлое сужденное будущее; осознаем его в сердце, осознаем его там, где несменно светит дозорная искра Света.

Свет, великий жизнедатель, поможет нам объединиться на твердых созидательных основах. Свету Единому, Неопровержимому, принесем все наши силы, всегда обновляясь в сиянии Благодати. Не об отвлеченном говорим, но дружно мыслим о самом неотложном, о действенном, о той постройке, при которой – всё идет. Велико сейчас напряжение, велико сейчас движение. Бодрые духом чувствуют мощный поток. Не уstraшаются, но преисполняются бодрости.

С радостью узнаю о всех новых докладах, суждениях и мероприятиях группы. Прошу и впредь держать меня в курсе деятельности Комитета. «Утверждение» имеет много друзей. Друзья эти – очень ценные. Конечно, «Утверждение» имеет и противников, но это так понятно и неизбежно. Особенно хорошо, когда противники, по свойствам своим, и не могли бы быть друзьями. Под разными наименованиями трудятся друзья «Утверждения». Если они многим из группы лично еще неизвестны, то в духе они пребывают в тесном сотрудничестве. На сотрудничестве кончаю мой сердечный привет.

В духе с Вами

P.

Nicholas Roerich Museum, New York.

Машинописная копия

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ «СИБИРЬ И ЕЕ БУДУЩЕЕ»

Предисловие

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как наша страна была отрезана от внешнего мира кровавыми руками грабителей. Страна, обладающая огромными богатствами, в прошлом житница России, она была низведена до уровня беспросветной бедности и страшного голода. Объясняется это просто: Сибирь обязана былым процветанием силе воли и личным качествам людей, закалявших свой дух в схватке с немилосердными силами природы. И никакое принуждение или тираническая жестокость не могут заставить сибиряков жить при коммунистическом режиме.

Сибирь и ее народ всегда сохраняли политическую свободу благодаря огромным просторам и непроходимым лесам, не позволявшим властям установить централизованное управление, а напротив, заставлявшим их искать общий язык с исконным населением и жить с ним в мире.

Чужда мироощущению сибиряков также зависть к достатку ближнего, столь хитроумно использованная демагогами-большевиками, для того чтобы переманить на свою сторону российское крестьянство, ибо в Сибири никогда не было землевладения, или, скорее, каждый сибиряк сам являлся мелким землевладельцем, обрабатывавшим столько земли, сколько ему позволяли силы. При этом нужно, конечно, отметить, что население Сибири, в полтора раза превосходящей по размеру Европу, составляет всего 20 миллионов человек.

Бесчисленные природные богатства Сибири прозябают невостребованные, поскольку развитие промышленности и сельского хозяйства, провозглашенное большевиками, не более чем миф, созданный с единственной целью – привлечь к себе внимание и получить от других стран средства, столь необходимые им для продолжения своей подрывной деятельности в тех самых странах, у которых они просят кредиты.

Чаша страдания народного наполнилась до предела, а земля, окропившаяся потоками крови, всколыхнула грозную волну народного гнева и сопротивления. Повсюду на великих просторах Сибири народ, пусть еще плохо организованный, начинает подниматься на борьбу с угнетателями. Большевики, перепуганные таким поворотом событий, попытались затушить пламя народного возмущения, предлагая населению Дальнего Востока всевозможные привилегии и упраздняя налоги. Но измученные бременем сибиряки уже слишком хорошо знают цену обещаниям своих поработителей и с негодованием отвергли все их предложения, таким образом закаляя волю к уничтожению угнетателей.

Чтобы держать в повиновении население Приморья и Приамурья, большевики вынуждены иметь огромный штат секретных агентов, составляющих четыре процента общего населения этих регионов. Разве один только этот факт, взятый наугад из реалий, характерных для сегодняшних Сибири и Дальнего Востока, не свидетельствует, насколько блестящим представляется большевикам их положение в Сибири?

Проводя высокомерную политику агрессии против соседей, большевики наложили на

нашу страну иго новых тягот и невзгод. Рассказывая сказки о своей военной мощи, особенно о дальневосточном воздушном флоте, они провоцируют Японию к вступлению в оборонительную войну с Россией. Большевики также намеренно пытаются втянуть в этот конфликт Соединенные Штаты, таким образом разжигая новый мировой огонь. Это даст им возможность реализовать конечную цель своих устремлений – установить во всем мире власть пролетарской революции, того самого террора, бич которого поразил нашу несчастную страну.

Пытаясь разжечь огонь коммунизма в Азии и сознавая, что Япония может помешать этим планам, большевики, с помощью прессы и дипломатических интриг, пытаются внушить всему миру, что действия Японии, направленные исключительно на защиту Азии и охрану ее от продвижения коммунизма, являются началом узурпации Приморья и Приамурья.

На просторах Тихоокеанского побережья разворачивается невидимая борьба между силами разрушения и порядка. Прискорбно, что силы порядка по-прежнему дезорганизованы; в интересах нашей страны и всего мира необходимо прилагать все усилия для объединения этих сил. Действия Японии по отношению к России во время Великой Войны; непригодность земель, ввиду климатических условий, для миграции из перенаселенных областей Японии, искренние дружеские отношения, установившиеся между Россией и Японией сразу же после русско-японской войны, убеждают нас, что Япония не стремится к завоеванию российской территории. Следовательно, единственным фактором, способным зажечь фитиль войны на Дальнем Востоке, является не стремление Японии к узурпации, а большевики, несущие с собой коммунистический строй и намеренные взять всю Азию под Красный колпак.

В то же самое время, если Япония сможет договориться с Соединенными Штатами о разделе сфер влияния и интересов в Тихоокеанском регионе, помощь американского капитала в возрождении фермерского хозяйства и промышленности Сибири, в настоящий момент разрушенных коммунистами, станет важным вкладом в победу идеалов порядка на Дальнем Востоке.

После уничтожения общего врага всего цивилизованного мира – коммунизма – на Тихоокеанском побережье может быть установлено дружественное, прочное сотрудничество трех великих наций – Японии, Америки и России – во имя процветания наших стран и народов всего мира.

Считая своим долгом предоставить иностранному читателю полную информацию о Сибири, ее географии, истории, надеждах и чаяниях ее народа, составители этой книги сочли необходимым, дабы ясно проиллюстрировать эти надежды и устремления, отвести особое место в книге двум статьям социально-политического характера, принадлежащим перу генерала Н.Н.Головина и архиепископа Нестора, являющимися представителями власти на Дальнем Востоке и видными экспертами в своей области, которые приведены здесь в оригинале и без изменений.

Группа сибиряков

RUSC, Frances Grant Papers. Box 14, folder 86.

Машинопись

Сердце Азии (Сибирь Великая)

По просторам Алтая мчится Ойрот, Вестник Белого Бурхана. И сейчас мчится он со своею светлою вестью о новом веке, о новом строительстве, о новом счастье народов.

Разве не диво дивное и чудо чудное, что именно Азия знает Шамбалу Пресветлую, с новыми городами и новыми чудесами радостных достижений. Для каждого сердца, бьющегося в Азии, Шамбала не есть отвлеченность, но светлый действенный зов к срокам неотложным и близким.

Ойрот на Алтае несет ту же весть о светлом созидании. На неустанном коне своем Вестник добрый объезжает азиатские уголья. Объявляется он и в храме, и в далекой юрте, и

в кочевом шатре, и в избе, рубленной из таежного леса. Так близок светлый Вестник народному сердцу, так явственно объявлялся он уже, что люди, выдавшие его, опишут вам достоверно всю его внешность и конную сбрую и дословно передадут заветы радостной вести.

Точно бы сказку сказываю. А ведь говорю лишь о том, что множество людей знают непреложно и ждут, и ждут неотменно, и как благовестом наполняют этим священным ожиданием пространство.

Просторы Азии благовестили заветы, создававшие мировые эпохи. Обращаясь к каждому Великому Учению, неизменно приходите к Азии. Колыбель мира, Крыша мира, Меру, Сумеру, Шамбатион, Шамбала, Шабистан, Беловодье, Белуха, Гималаи... Как драгоценное ожерелье, сияют знаки Азии. Разве не дивно, что до сей поры люди от тундр до священных нагорий идут в Беловодье. Идут с посохом, как странники светлого Града. Сами мы читали описание этого пути в Беловодье. На Алтае видели мы письма от этих странников. В этих писаниях и с верою, и в непреоборимой непреложности рассказывается о подробностях священного странствия. Не только мужество, но твердое сознание устремляет этих путников. Подобные устремления должны иметь за собою и твердые обоснования. Когда мы переходили Каракорум, мой конюх спросил меня: «А что такое под нами, почему так высоко поднялись здесь горы?» И тут же добавил: «Ведь там внизу под землею скрыты великие сокровища». В этом простом человеке отразилось осознание «Крыши мира». Не умом, но сердцем эти люди знают, что по великим нагорьям Азии сложены великие сокровища. Монголы скажут вам трогательную сказку о двух братьях. «Жили два брата, но повернулся подземный змей, раскололась земля, наводнилась великая расщелина и разъединились братья. И ждут они вести от своих далеких родичей. И ждут они, что железные птицы принесут к ним радость». Так издревле поясняют местные кочевники разделение двух материков. А на другой стороне ученые исследуют поразительное сходство типов американских индейцев и монголов.

Широки меры Азии. Познавая их, вы понимаете все мощные магниты, о которых заповедуют Великие Учения. Передавая пророчества о будущем, лама добавит: «Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество Шамбалы». И он знает, что такое пророчество лежит. Он знает, что заложено оно в предвидении действительного будущего. Не в чаянии, но в осознании прямых возможностей говорит познавший. А из прямых возможностей вытекает и прямое действие. И во имя Благоего созидательства, во имя прямого созидательства устремлено и прямое действие. В священных просторах люди особенно четко понимают, что есть прямое действие и прямое созидательство.

Ради этих краеугольных основ должно родиться и великодушное чувство преоборения мелочных подробностей. Засветлив дружественный костер каравана, путник принимает к нему и других издалека приходящих. Даже имени их не спросит. Ведь они пришли, они идут по тому же пути. И в осознании этого объединенного пути умножается караван новыми спутниками, чтобы засветить вечером новые дружественные огни общего ночлега. Не только великие заветы древности укрепляют этих спутников, но каждый из них в сердце своем знает и о действительных сокровищах еще не открытых, не использованных в просторах Азии. Ведь Белуху называют Меру и Сумеру и говорят, что Катунь, как Шамбатион, катит камни для нового строения. Когда вы проходите по кажущимся пустыням, вы слышите шум подземных потоков, которые могут быть вскрыты на пользу человечества. Вы видите в раскопках корни могучих лесов. Вы видите остатки богатой растительности, и вы знаете, что эта пустыня есть лишь мираж, и она может снова обратиться в сад плодоносный, как и упоминалось в древних хрониках. Пора, пора дружелюбно знать о возможностях сотрудничества. Какое это прекрасное слово, говорящее о труде совместном, иначе говоря согласном, как и должно быть в будущих построениях. Нет такой проблемы, которую не могло бы разрешить сердечное понимание и доверие. После иссякания мозговых путей, после условных делений человечество неминуемо пристает к берегам сердечного взаимного понимания. В этом понимании благотворно звучит и осознание реальных возможностей жизни в сотрудничестве.

Наступает новый период, когда все духовные накопления должны быть употреблены на

истинное общее продвижение. Если прежде мы имели постоянно в виду будущее, то теперь мы дошли до этого будущего и должны применить во Благо этого будущего все наши внутренние возможности.

Если мы применим Заветы Учения в действенности, мы увидим, что и силы наши окажутся так же неисчерпаемы, как неисчерпаемы Указы Учения для строительства новой жизни. Если всё время ответственность перед будущим была велика, то сейчас она становится еще величественнее. Она делается истинным Щитом, который, как Щит боевой, всегда поднимался со стороны сердца. Без сердца, без преодоления мелких темных поползновений со стороны сил зла нельзя проявить наибольшее напряжение во благо, потому преодолеем немедленно в полном великодушии всевозможные мелкие нападения и препоны (препятствия). Будем четко держать в сердце нашем всю торжественность и всё величие данного будущего, в котором удастся выразить сущность Великого Служения. Также не забудем, что лишь в оживлении общего пульса и в проявлении магнита сердца всё делается привлекательным и всё отвратительное и отталкивающее рассеивается пред Лучом и Иерархией Света. В памятные дни четко будем держать в сознании своем великое Поручение. Не забудем, что невежество равно пессимизму, равно сомнению, равно страху, равно поражению. Чувствознание равно оптимизму, уверенности, мужеству, победе. Когда сердце наше не утомлено раздражением или сомнением, тогда удесятятся силы и привлекутся новые друзья и возможности. Поставим эти вехи путевыми знаками нового дня, нового сознания, нового достижения. Не забудем, что Великое Служение выражается как в великих действиях, так и в каждой работе каждого рабочего дня. Потому великое качество должно насыщать каждую работу и каждую мысль.

Не только не заразим пространство недостойными мыслями, но наоборот, укрепим и просветлим пространство самыми лучшими устремлениями и взаимною помощью в истинном сотрудничестве.

Предстоящая работа должна быть как наступательного, так и защитного характера. Пусть оживятся все наши центры через осознание нового периода работы. Пусть утончается сознание в отношении защиты принципов нашего культурного строительства от разрушительных поползновений сил темных. Будем очень зорки, наблюдая по разным направлениям, чтобы прямо или косвенно злые силы не вносили разрушительную клевету. Будем подвижны в отражении этой клеветы и злобы. Будем находчивы, ибо, по счастью, в нашем распоряжении находится множество фактов самого действенного и благого значения. Кроме укрепления и естественного расширения уже существующего, устремим энергию к новому строительству, которое так тесно связано со всем близким нашему сердцу.

Пусть лица возглавляющие готовятся возложить на себя ответственность еще большую и готовят будущие возможности для сотрудничества. Это поле безмерно, ибо в нем вмещается целая жизнь народов, начиная от государственного механизма до скромной хижины, которая также явится устоем семьи, промышленности и прогресса.

Нет такого чудовищного обстоятельства, которое не было бы преодолено чудом великодушия и дружелюбия. Нет такого труда, который в очищенном сознании не обратился бы в истинный праздник светлых достижений. Ведущая сила государства есть сила созидательная, и в этом строительстве нужны решительно все строительные материалы, и, по счастью, в необозримом поле будущего есть славное место для каждого благого применения.

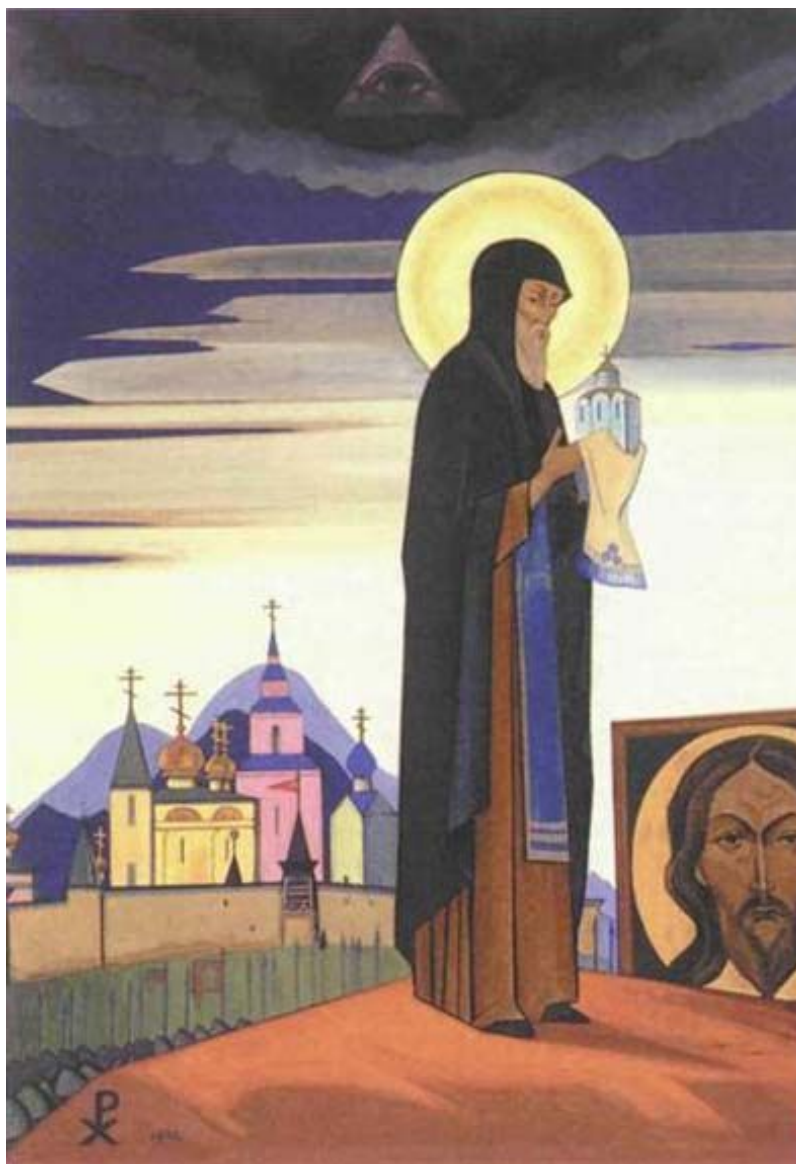
В строительстве нужно собирать все возможности. Нет различия в великом и малом, ибо каждое зерно мало. Доброжелательно соберем все окружающие накопления во всех отраслях быта. Будем стремиться к внесению в печатное слово правильных суждений и верного освещения фактов...

Неизменные ценности древней мудрости не умирают, и благодетельные дружественные огни на пути великих путников должны сиять неугасимо. Именно, когда время наполняется как бы неразрешимыми проблемами, тогда обратимся к самым простым основным средствам. По счастью, сердце человеческое живо, и в искренности, и в доброжелательстве можно приближаться к этому сердцу, в котором светит искра вечности. Человечество справедливо осознает, что невозможно продвигаться старыми условными средствами. Никому не придет в голову, что вместо удобных и быстрых путей сообщения

следует обратиться к древней скрипучей повозке средневековья. Также никому не желательно оказаться старомодным и смешным, облачившись в одеяние былых дедов и бабушек. Мы должны торжественно хранить прекрасные заветы прошлого, мы должны бережно нести огни вечной мудрости, издавна заповеданные. Но никто не может физически вернуться в прошлое, и потому будем радоваться, что мудрость прошлого ведет нас в будущее. Будем рады всем друзьям, которые понимают всю ценность красоты прошлого и понимают, как применить эти священные заветы в озарениях Будущего.

Николай Рерих

*24 марта 1934, Нью-Йорк
NRM. Автограф З.Г.Лихтман*

Н.К.Рерих. Святой Сергий. 1932.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

СВЯТОЙ СЕРГИЙ ВОЕВОДА

I

Одно из первых публичных выступлений перед харбинской эмиграцией Н.К.Рерих посвятил подвигу. Его речь, произнесенная 3 июня 1934 года в Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ), сконцентрировала весь идейный заряд, который художник жаждал передать соотечественникам. Местные газеты вышли на следующий день с заголовками «Будьте Сергиями Радонежскими. Слово академика Н.К.Рериха о подвиге». Лейтмотивом выступления стал образ русского святого. Первый общинник на Руси, создатель монашеских кооперативов, Преподобный Сергей был представлен как историческая фигура, достойная подражания. Именно как живая личность, позволяющая русским людям в изгнании «духовно возвыситься». Газета «Харбинское Время» писала в кратком отчете: «Преподобный Сергей во всем великолепии своих подвигов является вовсе не отвлеченным, но *реальным объединяющим началом*» [1]. На собрании в Христианском Союзе из уст Рериха прозвучал призыв к объединению вокруг Радонежского Воеводы.

Случайно или нет появляется на знамени прибывшего в Харбин вождя культуры лик Святого Сергия? Этот вопрос не стоял бы так определенно, если бы не заявление Рериха, которое он сделал специально для влиятельной в Русском Китае газеты «Харбинское Время» сразу же после своей речи в ХСМЛ. Оно было озаглавлено интригующе: «В 1936 году грянут величайшие события». И хотя понятно, что заголовок придумал корреспондент, взяв за основу слова Николая Константиновича, но мысль сохранилась неизменной. Главная тезисная линия этого заявления такова. К 1936 году в мире закончится процесс собирания светлых сил, к которым, несомненно, принадлежит христианство, и тогда «произоидет столкновение с коммунизмом». Начало такому освободительному движению даст Азия. А в авангарде пойдет Япония. Огромная роль также предназначена русской эмиграции. Однако, чтобы обрести нравственную бодрость в борьбе, нужно вспомнить идеалы, принесенные Святым Сергием. Эти идеалы, заложившие устои российской государственности, помогли народу одержать историческую победу на Куликовом поле. Эти же идеалы помогут, по убеждению Рериха, «найти» потерянную Россию «под стягом ее хранителя Сергия Радонежского» [2]. Вскоре заявление переопубликовали все крупные периодические издания в эмиграции: «Возрождение» (2 июля), «Рассвет» (11 августа), «Новая Заря» (18 августа), «Свет» (26 августа) и др. Организовать эту акцию просил сотрудников в Европе и Америке сам заявитель.

Огромное значение имеет канва событийных фактов, в которой протекала Харбинская миссия Рериха. По прибытии в Нью-Йорк в марте 1934-го Николай Константинович указал сотрудникам, что должна быть возрождена часовня Св. Сергия. При открытии Мастер Билдинга в 1929 году руководство рериховских учреждений выделило в здании специальную комнату имени Сергия Радонежского. Но должного почитания святому оказано не было. Желание иметь при Музее часовню появилось после того, как в Чураевке Гребенщиков активно начал строительство своей часовни. (Этому начинанию оказал содействие сам Рерих, вместе с сыном Юрием он посетил русскую деревню в августе 1929-го.) Возвратившись из Европы в конце 1930-го, художник также мечтал устроить Сергиеву обитель в Гималаях. На это он испрашивал благословения и поддержки у митрополита Платона и своего духовника отца Георгия Спасского. Только в преддверии Маньчжурской экспедиции идея в полной мере получила развитие.

Незадолго до отъезда Рериха из Нью-Йорка, 19 апреля 1934-го состоялось освящение часовни Св. Сергия в Музее. Службу совершил митрополит Вениамин Питтсбургский вместе с дьяконом и регентом. Незабываемое впечатление произвели некоторые сопутствующие открытию часовни обстоятельства. Николай Константинович сам руководил развеской всех икон. «А перед началом освящения первый, истово крестясь, возжег лампаду и установил стяг имени Св. Сергия» [3]. Этот стяг – с изображением на лицевой стороне Преподобного, а

на оборотной явления ему Богоматери – изготовила золотым шитьем Т.Н.Родзянко (урожд. княжна Яшвиль). Работа была заказана ей летом 1930-го и заняла более года. Благословил хоругвь за несколько дней до смерти уже тяжело больной митрополит Платон. Зинаида Лихтман, назначенная Рерихом хранительницей часовни, сообщала 20 апреля Елене Ивановне: «Прекрасное богослужение с пением ознаменовало этот день. Атмосфера была насыщена самыми светлыми мыслями и молитвами Преподобному с просьбой Его благословения на наши дальнейшие действия, чтобы прийти к светлому будущему» [4]. После освящения Рерих подписывал гостям только что вышедшую книгу «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (1934).

Н.К.Рерих в часовне Св. Сергия. Нью-Йорк, 1934

Появление этой книги к началу Маньчжурской экспедиции вряд ли можно назвать случайным. В свете заявления Николая Константиновича, сделанного им в харбинской прессе, и всей его деятельности в Маньчжурии оно выглядит даже вполне закономерным. В сборник были включены три очерка: знаменитого историка В.О.Ключевского «Благодатный воспитатель русского народного духа», Н.К.Рериха «Из слова на освящение часовни Св. Преподобного Сергия в Радонеге, Чураевка» и Натальи Яровской (псевдоним Е.И.Рерих) «Преподобный Сергий Радонежский». В целом книга кажется составленной в традиционном христианском духе. Однако во введении и заключении присутствуют суждения, которые определяют ее неохристианскую концепцию. Е.И.Рерих, готовившая сборник к изданию, заложила в него мысли о «новом строительстве Страны Светлой» [5]. Самое поразительное, что она также, в полном согласии со своим мужем, возносила там понятия подвига и героя. Писала о Преподобном как о вожде русского народа, за которым придет земной вождь (слово «Вождь» – с большой буквы).

«Уже во многих странах встают облики вождей и героев, ибо душа народов тоскует о вожде светлого Будущего... Истинный вождь есть воплощение Указа Высшего. В таком вожде, как в фокусе, сходятся веления Света и чаяния народа. Такой вождь идет осененный знанием высшим, и милосердие и строительство доспехи его.

Таким Вождем был Преподобный Сергий, вдохнув героический дух в народ, Он устремил его в будущее. Таким Вождем остается Он и сейчас, ибо нерасторжима связь...

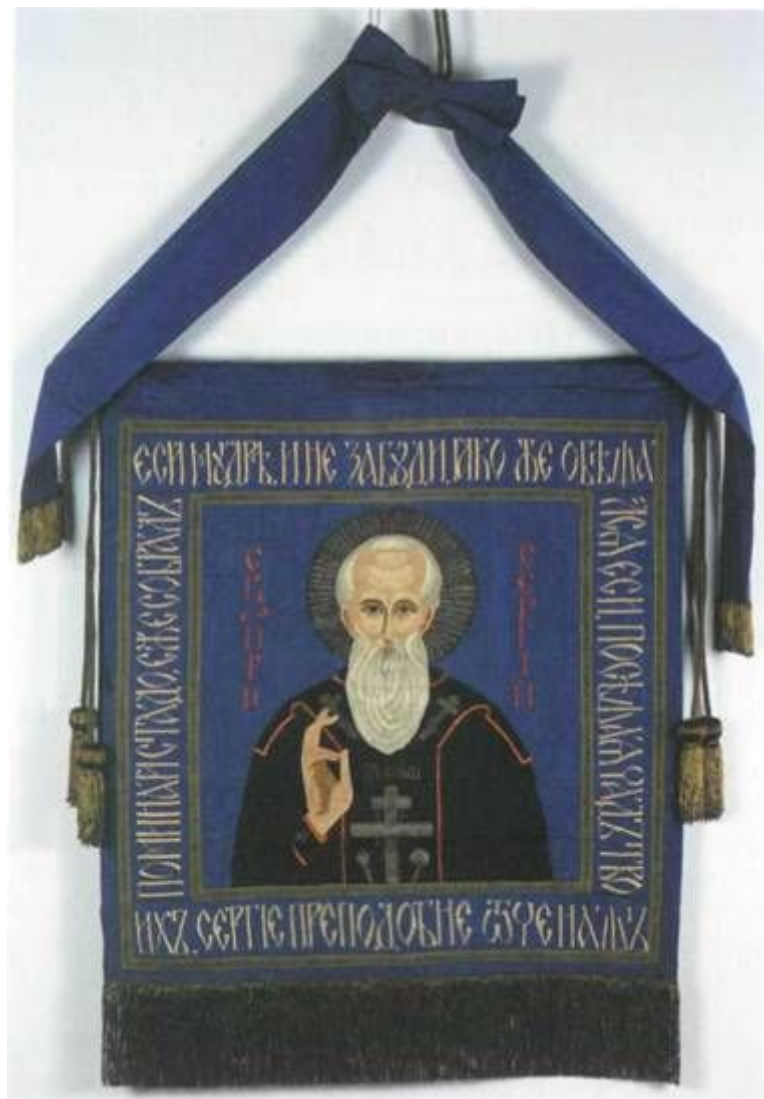
Осиянный Светом несказуемым, стоит Он, невидимо Видимый, на ступенях великой лестницы Иерархии Света, готовый в указанный час устремить легионы светлых сил, готовый благословить народ свой и Вождя его земного на новый подвиг» [5].

Кто же этот земной Вождь? Не сам ли Рерих... Как не вспомнить появившуюся

накануне экспедиции рукопись «Напутствие Вождю».

В Харбине книга «Знамя Преподобного Сергия» получила большой резонанс среди русской эмиграции. Появилось несколько положительных рецензий (Сергея Бузолина, Альфреда Хейдока, Юрия Холмина). Спрос на книгу сразу же стал расти и постоянно увеличивался. Еще из Индии, перед выездом в экспедицию, Рерих запросил в Латвии, где в издательстве «Алтаир» вышла книга, 900 экземпляров (!). А с конца августа, сокрушаясь, что транспорт еще не дошел, он снова и снова интересуется у сотрудников, когда будет выполнен заказ. «Послали вам телеграмму о спешной высылке 200 книг "Знамя Св. Сергия"... она очень нужна» (27.8.1934). «Книга эта нужна *чрезвычайно*» (29.9.1934) [6]. Такой взрыв интереса несомненно объясняется атмосферой, сложившейся в харбинской (и всей дальневосточной) колонии. Работа Рериха на христианском поприще оказалась значительной.

Художник проиллюстрировал сборник своими картинами. Правда, открывался он воспроизведением классической иконы Радонежского Чудотворца, завершался же репродукцией известного полотна «Святой Сергий». Эта картина была создана в 1932 году и сразу же попала в Белград, в экспозицию Национального музея сербского короля Александра I. Оттуда она начала долгий путь по славянским странам, что имело свой резон. В 1938-м выставлялась в Русском культурно-историческом музее в Праге, который создал выходец с Алтая В.Ф.Булгаков, последний секретарь Льва Толстого. И после мировой войны, в конце 1940-х окончательно нашла пристанище в Третьяковской галерее в Москве. На протяжении многих десятилетий картина «Св. Сергий» вызывала (и продолжает вызывать по сей день) бурю эмоций, толков и противоречивых суждений. Она как бы выпадает из серии Сергиевых картин, созданных Рерихом. Начиная с 1922 года, Николай Константинович написал несколько больших полотен и эскизов: «Сергий-строитель», «Сам вышел», «И мы не боимся», «Мост славы», «Сергиева пустынь» и др. В отличие от живописных работ, «Св. Сергий» не является картиной в обычном смысле этого слова, но имеет другую, символическую нагрузку. Это обобщенный символ, картина-терафим.

Хоругвь с изображением Св. Сергия Радонежского.
Работа Т.Н.Родзянко, золотое шитье. 1931

Обложка книги: «Знамя Преподобного Сергия Радонежского»

Рерих изобразил стоящего в полный рост на холме Преподобного. Фоном для фигуры в черной рясе служат многоцветные радужные строения православных храмов и еще дальше, на заднем плане, двуглавая гора, так похожая на Белуху. В руках Сергей держит плат с моделью храма. Он не похож на Троице-Сергиеву Лавру, скорее, это Звенигородский проект. У самых ног святого виднеется частокол копий и шишаки воинов, готовых к бою. Из-за пригорка поднимается хоругвь с ликом Христа, которую несут впереди войска (она тоже на другом плане). Именно Спас Нерукотворный стал камнем преткновения, когда осенью 1934 года на Дальнем Востоке развернулась кампания травли Рериха в эмигрантских газетах. Художника обвиняли, будто он изобразил Сергия Радонежского попирающим Сына Божьего. Да к тому же, лицо Преподобного точь-в-точь похоже на самого Рериха (намек на перевоплощение). Теорию реинкарнации, хорошо известную на Востоке, христианская церковь не принимала. И тем не менее не нашла ничего лучшего, как поддержать миф о том, что Рерих объявил себя перевоплощением Святого Сергия. Действительно, сходство очевидное, одни и те же черты лица. Даже академик Б.Л.Смирнов, известный переводчик «Махабхараты», указал на «слегка вуалированный автопортрет» [7]. Но разве это аргумент в пользу перевоплощения? Николай Константинович нигде и намеком не говорит о подобной «ереси». Тожественность лиц можно объяснить особым отношением художника к личности Преподобного, его религиозным предпочтением, а точнее, верой в ученическую связь, духовную преемственность и... безусловную избранность. Рерих есть тот самый «Вождь земной», который олицетворяет волю Сергия Воеводы.

Кстати, картина в разное время имела разные названия, тоже в зависимости от конкретной «политической» нагрузки. В самом начале, уже отмечалось, это «Святой

Сергий» (до сих пор сохраняется бирка на сербском языке, прикрепленная к раме). В упомянутом сборнике репродукция подписана как «Знамя Св. Сергия». Будучи в Харбине, Рерих поменял название в третий раз. И дал окончательное – «Святой Сергий Воевода». Об этом сообщалось в его письмах из Маньчжурской экспедиции, например, к А.П.Фридландеру [8]. Как видим, понятия «знамя» и «воевода» появляются вокруг «Святого Сергия» именно в связи с Харбинской миссией.

Самый загадочный элемент картины – надпись по нижнему краю. Она выполнена шрифтом, похожим на старославянскую вязь: «Дано Св. Преподобному Сергию трижды спасти Землю Русскую. Первое при князе Дмитриии. Второе при Минине. Третье...» Художник адресует зрителя к конкретным историческим событиям. В 1380 году Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского сразиться на Куликовом поле с татаро-монгольским ханом Мамаем. С этого момента идет отсчет победы над Золотой Ордой, положившей начало самоопределению русской нации и формированию государственности. В 1611 году Преподобный Сергий трижды являлся Козьме Минину и призывал его собрать ополчение, чтобы освободить Московское царство от польско-литовского нашествия. Чудесным образом произошло избавление Русской земли от поляков и воцарение на престоле Михаила Федоровича. Закончился период великой Смуты, и началось возвышение Московии и всей Малороссии. Наконец, новое испытание ожидало Россию в 1936 году, по пророчествам Востока, самое грандиозное сражение армагеддона. Это столкновение шамбалинской Азии с коммунистическим режимом. Правда, позже апогей армагеддона Е.И.Рерих связала со Сталинградской битвой – в 1942 году русский народ сокрушил фашизм. Однако это было гораздо позже, а в 1930-е Рерих готовился к миссии вождя. Его так же, как и избранных предшественников, напутствовал в видениях Святитель. Вполне очевидно, недописанная вязь на картине должна иметь завершение. Многозначие предвещало ближайшие ожидаемые события. По стилистике надписи (и по характеру всей композиции) ее можно дешифровать: «Дано Св. Преподобному Сергию трижды спасти Землю Русскую. Первое при князе Дмитриии. Второе при Минине. Третье... при Рерихе». По понятным причинам художник не мог закончить фразу. Он запечатал свой завет будущему человечеству. Иногда неопределенность лучше определенности, и недосказанное сегодня откликается завтра. Иногда остается одно-единственное – светлая мечта.

Следует еще добавить, что Рерих бережно охранял тайну надписи. Она никогда не воспроизводилась в прижизненных изданиях, край картины на репродукциях всегда был обрезан. Даже в экспозиции Русского музея в Праге Николай Константинович попросил заслонить нижнюю часть, и Булгаков укрыл ее белым полотнищем Знамени Мира.

Идея всеобщего объединения около имени Радонежского Чудотворца, высказанная Рерихом, в течение 1934 года превратилась в целое движение как в Америке, так и на Дальнем Востоке. Она приобрела форму Сергиева строительства – открытия содружеств и обществ в честь Преподобного. 16 мая 34-го в память 620-летия со дня рождения русского подвижника в Музее Рериха в Нью-Йорке прошло торжественное собрание, а в часовне состоялась общая молитва с чтением акафиста. Георгий Гребенщиков выступил с призывом «Во Имя Преподобного Сергия», который широко распространился в эмигрантской прессе. Писатель обратился ко всем русским людям.

«С особой усердной просьбой обращаемся мы к отцам духовным и проповедникам Слова Божия, где бы они ни находились, проводить в сознание своих паств или собраний и, особенно, в сознание молодежи великое значение Святого Сергия для всей русской истории. Всех же многочисленных русских деятелей, во всей широте их культурного служения, рассеянных по лицу всего земного шара, просим проявить самое действенное устремление к утверждению имени Св. Сергия в делах нашего каждого дня. Самое возможное, самое насущное и самое великое значение будут иметь основания во всех странах хотя бы самых скромных, самых бедных часовен и скитов, посвященных имени Св. Сергия. А дальше Сам Преподобный своей явной и чудесной помощью укажет дальнейшие пути ко благу и снова поможет светлому и уже незакатному возрождению Святой Руси» [9].

Еще до торжества, весной в недрах Музея возникла новая инициатива. Полковник В.Ф. Шнарковский начал Общество имени Святого Сергия, о котором он говорил Николаю

Константиновичу, и тот «одобрил эту идею» [10]. Полгода шла подготовка к образованию Общества, ориентированного на церковь и исключительно на интересы русской нации. Шнарковский видел в Преподобном, как в великом подвижнике, восстановителя «государственности и национальной твердыни» [там же]. Консервативный элемент сильно преобладал, поскольку полковник являлся ревнителем традиционных культурных ценностей. К тому же, он был археологом, поборником старины и другом княгини Тенишевой. Официально Общество открылось 8 октября 1934-го, в день преставления Святого Сергия, молебном в музейной часовне. Почетным председателем избрали Н.К.Рериха. Прозвучало краткое слово о благом начинании и задачах Общества. На собрании решено, что ежемесячно будет устраиваться служба «за спасение родины». Зинаида Лихтман писала Рериху в Харбин: «Рада сообщить, что новое Общество началось в самых светлых тонах» [11].

Одновременно на Дальнем Востоке также стали возникать под патронажем Н.К.Рериха Сергиевы содружества. Первое из них организовалось при Доме милосердия в Харбине, духовно окормляемом архиепископом Нестором. Это – женское Свято-Сергиево содружество. Оно было образовано 18 июля 1934 года в церковный праздник обретения мощей Радонежского Чудотворца и состояло из 14 участниц. Через несколько дней Николай Константинович взял шефство над этим Содружеством. Вскоре он передал в пользу Дома милосердия 400 экземпляров своей книги «Священный Дозор». Доход от продажи пошел на обустройство обители, которую населяли дети-сироты, престарелые и сестры милосердия.

Владыка Нестор предложил устроить в Доме милосердия музей-хранилище для накопления произведений церковного и светского искусства. На тот момент в целом городе не существовало ни одного художественного музея, и подобные учреждения крайне нужны были для воспитания молодежи. Рерих передал в музей-хранилище «древние священные образы русских икон» и оригинальные эскизы, созданные им для будущей церкви в Бариме. Своим даром он заложил основу музейного собрания, тем более что архиепископ Нестор посвятил музей «святым молитвам» Сергия Радонежского. Один из первых очерков в книге Рериха так и назывался – «Дом Милосердия», и в нем говорилось именно о харбинском учреждении [12].

Атмосфера, возникающая вокруг таких содружеств, была крайне насыщена духовной жизнью. И для Рериха ее накал являлся очень важным строительным элементом. В качестве примера приведем письмо, которое Николай Константинович направил из Харбина своим сотрудникам в Америку.

«Дорогие, эта неделя начинается под хорошими знаками. Вчера было собрание Женского Свято-Сергиева Содружества. Мне пришлось слышать, что за время моего отсутствия в Содружестве будто бы произошли какие-то разногласия. Но вчера я был очень рад видеть, что если даже какие-то горячие обмены мнений, может быть, и имели место, то ведь, во всяком случае, основная линия остается крепкой, и весь вечер на меня произвел хорошее впечатление.

Также не могу не рассказать вам о замечательном проявлении Преподобного Сергия. Я уже писал вам, что некий человек в своей вновь выходящей книге допустил какие-то злокозны о каком-то моем масонстве и о масонском знаке Знамени. Затем произошло следующее знаменательное проявление. Заведующий типографией, где печатается эта книга, уже и раньше имел два сна-видения, связанных с Преподобным Сергием. Теперь же он видел сон, от которого проснулся с необычайным сердцебиением. Он видел как бы икону Преподобного Сергия, благословляющего Димитрия Донского. Перед иконой стояла свеча, зажженная и настолько наклонившаяся к иконе, что этот человек, а также его покойная мать, которую он часто видит во сне, поспешили отодвинуть свечу, но свеча всё же наклонилась и как бы выжгла лицо князя Димитрия, так что оказалось, что Преподобный благословил как бы кого-то другого, при этом сияние вокруг Преподобного вспыхнуло ослепительным светом, как бы усыпанное многоцветными драгоценными камнями. Человек проснулся в трепете. После этого видения, даже не связывая его со своими поступками, он пошел в типографию и самовольно, без ведома автора, вынул из книги всё, касавшееся знака Знамени и меня. Разве это не является одним из многих светлых проявлений Преподобного?

Действительно, разве чудо не у дверей?

Женское Содружество просит меня прочесть лекцию. Думаю, что придется согласиться, в таком случае выберу тему «Священный Дозор», посвященную путям культуры. За последние дни замечается особенное внимание среди кругов Общевоинского Союза, который, в конце концов, является наиболее солидной организацией» (7.9.1934) [6].

Это письмо дает глубокую психологическую картину и описывает внутреннее состояние художника. Следует обратить внимание на фразу «Преподобный благословил как бы кого-то другого». К тому же, речь идет о книге В.Ф. Иванова «Православный мир и масонство» (первое издание), из которой и были изъяты при печати имя Рериха и наветы о его принадлежности к масонам. Примечательно, впоследствии заведующий типографией А.П.Мельников стал иеромонахом Иннокентием.

Осенью 1934-го пришло известие из Шанхая о том, что там тоже учреждено Духовное содружество имени Преподобного Сергия Радонежского. Эмигранты небольшой группой, около 20 человек, собрались 15 ноября, как раз накануне выступления «Харбинского Времени» с выпадом против Рериха. Уже 22 ноября по радио начался цикл передач, организованных Содружеством. С лекцией «Водитель Духа» выступил председатель с. И.Зенкевич, который посвятил беседу Преподобному и его «влиянию на духовные переживания русского народа». Отныне на Русской ширококвещательной станции такие беседы стали регулярными, и их смысл сводился к тому, чтобы «поддерживать каждого, кто стремится к нравственному совершенствованию». Темы предлагались самые разнообразные: помимо разговора о житии и подвигах Святителя, внимание уделялось значению и силе молитвы, а также тому, как надо молиться. В Шанхае была найдена своя собственная форма деятельности Содружества – через общение с радиослушателями, происходившее каждую неделю по четвергам. Направление работы на первых порах сложилось в чисто православном стиле. Однако местный епископ Виктор не благословил Содружество Св. Сергия, считая его «рериховской затеей», и угрожал анафемой [13].

Содружество «Лукоморье» и гости на вечере в честь Н.К.Рериха (слева у рояля сидит с. И.Зенкевич). 12 марта 1936 года

Из быстро растущего Содружества вскоре выделилась эзотерическая группа, построенная на изучении Агни-йоги. Руководство взяла на себя заочно Е.И.Рерих, посылавшая из Кулу специальные инструкции. В группу входило 12 человек, среди которых были: Семен Иосифович Зенкевич, бывший офицер Белой армии под командованием Колчака и корреспондент шанхайской газеты «Новости Дня»; Екатерина Петровна Инге, переводчица «Учения Храма», данного через Франциа Ла Дью; Андрей Бонча-Томашевский

(Эндрю Томас), автор «Планетарной доктрины» (1935), а в 1970-е годы – нашумевшего бестселлера «Шамбала – оазис Света». Встречи проходили у длинного стола, за которым по одну сторону сидели 6 мужчин и по другую – 6 женщин. Во главе стола стояло пустое кресло, покрытое лиловым шелком. Эндрю Томас в своих мемуарах писал, что однажды в присутствии всех членов группы «Николай Рерих неожиданно появился в приготовленном кресле в своем материализованном тонком теле и передал краткое послание» [14].

Годом позже Содружество еще раз разделилось. Шанхайскую группу возглавил А.Сальников. А новую циндаоскую организацию переименовали в содружество работников искусств «Лукоморье», во избежание преследования церковников. Невзирая ни на какие препятствия, культурная деятельность, направленная на прославление имени и трудов святого угодника, продолжалась. В Шанхае вышла книга «Свет Неугасимый» (1935). Проводились открытые «четверги» в кафе «Курорт» (Циндао). А в горах Ляошань создан колледж-санаторий имени Св. Сергия Радонежского.

Помимо Дальнего Востока, работа разгоралась и в других очагах. В Индии эстафету подхватил В.А.Шибаяев, обосновавшийся в Гималаях. В 1935 году он опубликовал на английском языке две свои журнальные статьи «Жизнь Св. Сергия» и «Святой Сергий» [15]. Последняя из них сразу же была издана отдельной брошюрой. В Соединенных Штатах серию публикаций о Сергии поместили «Русский листок» и «Русские поля».

И тем не менее, Центральная Азия оставалась для Рериха главной надеждой. Там он развернул национальное знамя и бросил клич на объединение вокруг идеалов русского Воеводы. Отправляясь в пустынные районы Гоби, в канун 1935 года Николай Константинович писал из Пекина Г.И.Черткову, осуществлявшему связь с дальневосточным Содружеством, что поддерживает работу в Шанхае. (Одобрение получила инициатива открыть еженедельную страницу Содружества в газете «Шанхайская Заря».) «Скажите последователям Преподобного Сергия, что я очень слежу за их благой работой и знаю, истина, несомая ими, восторжествует. Пусть также неотступно продолжают свои благие лекции и работу. Пусть освещают высокие труды Преподобного Сергия. Пусть напоминают, что народы знают, что Преподобному дано три раза спасти землю Русскую. Первое при князе Дмитрие, второе при Минине, третье теперь» [16]. Слово «теперь» не означает 1942-й или какой-нибудь иной год. Теперь – это теперь...

II

В первых числах августа 1934 года из Харбина с большим запозданием стартовал начальный этап экспедиции в степную Баргу и Хинганские горы. Задержка произошла не только из-за разлива рек, но, что наиболее существенно, – из-за конфликта, который неожиданно образовался у Рериха, как руководителя экспедиции, с американскими ботаниками Макмилланом и Стивенсом. (Оба были прикомандированы к экспедиционной группе министерством земледелия Соединенных Штатов.) Все-таки, невзирая на трудности, Николай Константинович и его спутники вечером 1 августа выехали поездом на Хайлар.

В состав экспедиции, помимо начальника отряда и его заместителя Ю.Н.Рериха, вошли: известный ученый, почвовед и ботаник, товарищ председателя харбинского клуба естествознания и географии Т.П. Гордеев, начальник охраны полковник В.И. Грибановский, сотрудник Института изучения Северной Маньчжурии в Харбине А.А. Костин, представитель министерства иностранных дел Японии с. Китагава, в качестве секретаря Н.К.Рериха его брат Владимир Константинович и несколько русских казаков для охраны. А задачи, которые стояли перед исследователями, связывались с изучением пустынно-степной растительности в районе Барги и южного Трехречья. «Главнейшей целью нашей экспедиции было, – сообщал Николай Константинович корреспонденту журнала "Рубеж", – собрать возможно большее количество различных видов барханной растительности, с тем чтобы изучить, насколько пригодна будет она для превращения мертвенных ныне пустынь в цветущие пространства» [17]. Действительно, в результате поездки по окраинной Гоби удалось произвести ценные наблюдения над растениями, растущими на песчаной почве и превосходно переносящими засуху. Были собраны прекрасные гербарии, впоследствии они

постепенно обрабатывались и зимой 1935-го частями пересылались в Департамент сельского хозяйства в Вашингтоне.

По итогам экспедиции, продлившейся ровно месяц, в Харбине, в клубе естествознания и географии при Христианском Союзе состоялось три доклада. Первый докладчик Ю.Н.Рерих сообщил о маршруте экспедиции, отметив, что только за 14 дней преодолено 600 километров пути. По линии археологии им были обследованы две неолитические стоянки, и в области тибетской медицины проделана не менее значительная работа. В одном из монастырей он нашел редкую рукопись на тибетском языке «Материя Медика» (Materia Medica), содержащую рецепты травяных сборов. Этот манускрипт был переписан вручную, и его копия также отправлена в Америку. Второй докладчик Т.П. Гордеев рассказал о флоре и почвах Барги, где встречаются редкие растения и уникальные глины. А третий участник путешествия А.А. Костин остановил внимание многочисленной публики на герпетологических сборах, указав, что коллекции пресмыкающихся обогатились теперь новыми видами.

Особый интерес слушателей вызвали общие впечатления от посещения Ганчжурского монастыря, который расположен во Внутренней Монголии и своим названием обязан хранящемуся там полному собранию книг Ганчжура, пожертвованных в XVIII веке китайским императором.

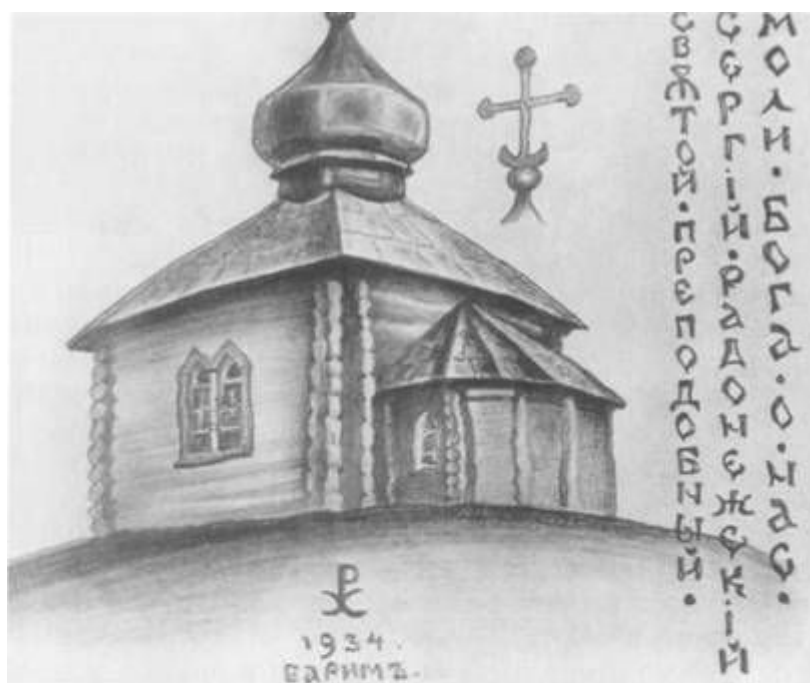

Участники Маньчжурской экспедиции. 1934.
На переднем плане (справа налево): В.К.Рерих, Н.К.Рерих,
Т.П.Гордеев, В.И.Грибановский

Возможно, Н.К.Рерих говорил чистую правду, утверждая, будто основная задача экспедиции состоит в том, чтобы «оживить песчаные пустыни». Во всяком случае, это укладывалось в общую канву строительства Новой Страны в Азии. В своих письмах в Америку, написанных в ходе хайларской поездки, и Николай Константинович, и его сын Юрий, оба часто упоминают о «главной линии» экспедиции [18]. Трудно сразу понять, о чем идет речь. Как всегда, условные обозначения скрывают в себе недоговоренности, хорошо понятные лишь близким сотрудникам. Эти самые что ни на есть близкие сотрудники как раз и писали заметки в прессу об успехе экспедиции, направляя мышление читателей в нужное русло. В октябре 1934 года в русскоязычных газетах (а также и в «Геральд Трибьюн») появилась статья некой мадам Андар, озаглавленная «Н.К.Рерих о поездке в Баргу. Письмо из Харбина» [19]. Конечно, корреспондент этот ни в каком Харбине не жил. Если прочесть имя автора данной публикации наоборот, справа налево, то получится «Радна» – духовное имя американской сотрудницы Зинаиды Лихтман. Но самое интересное состоит в другом. Статья заканчивается довольно пространством упоминанием книги А.М.Ремизова «Звенигород Окликанный», из которой цитируются строки о Рерихе. Мадам Андар

напоминает читателям название главы из этой книги «Град Камен Рериха», несомненно, деталь очень важная. «Он построил свой каменный город, просторный, как просторное море, и вольный, как вольность Господина Великого Новгорода. И жаркой цвет от жарких костров загорелся по Русской земле» [там же]. Это только часть цитаты. Тем не менее, даже фрагмент говорит сам за себя, повествуя о новом Звенигороде, о граде, построенном Рерихом.

Сам же Николай Константинович в интервью газете «Русское Слово», данном по окончании Хайларской экспедиции, не слишком много говорит о научных результатах поездки. Быть может, итоги подводить в начале сентября было рано. Зато больше половины интервью уделено проблемам, казалось бы, не относящимся к исследовательской работе. Там рассказывается о рисунках церквей, о религиозности вообще и Преподобном Сергии Радонежском в частности [20]. В этой беседе академик Рерих заявил, что им сделаны рисунки «баримской церкви» в честь Сергия Радонежского. Часовня-храм вместе со звонницей предполагались к постройке в городе Бариме. Представленные эскизы одобрил правящий архиепископ Мелетий. Художник просил Владыку принять один эскиз для украшения его покоев. (Одновременно было подарено воспроизведение картины «Святой Преподобный Сергий Радонежский».)

Н.К.Рерих. Эскизы для часовни Св. Сергия в Бариме

Свое выступление в газете Рерих использовал как трибуну, переводя разговор от экспедиции к задачам более насущным – храмостроительству и церкви. И в конце концов всё свел к Преподобному Сергию.

«В настоящее время нам всё более и более необходимо объединяться вокруг церкви. Религиозность не нужно понимать в смысле только посещения храмов. Религия должна войти в нашу жизнь, во все ее проявления. В этом залог нашего спасения и спасения нашей родины. Сейчас всё ближе становится нам образ великого святого земли Русской, преподобного Сергия Радонежского... Образ преподобного Сергия Радонежского – плодоносный образ, и ему суждено сыграть большую роль в деле будущего строительства нашей родины. И сейчас, когда всё чаще и чаще приходится слышать из всех концов земли о явлениях преподобного Сергия, я верю, что великий святой, дважды спасший Русскую землю, спасет ее и в третий раз» [20].

В интервью Николай Константинович высказал также свое суждение относительно организованного в Харбине общества «Икона», заявив, что это «чрезвычайно полезное и нужное дело». Он ратовал за пробуждение интереса к старинной русской иконописи. Наряду с архиепископом Нестором и епископом Димитрием, Рерих был избран почетным членом общества. Художник публично пообещал написать для харбинских храмов несколько икон и, кажется, исполнил свое обещание.

Один из корреспондентов, сотрудник харбинской газеты «Заря», Михаил Шмидт заметил такой интерес к церкви и в прессе обратил на Рериха внимание как на церковного строителя. Осенью 1934 года из-под пера Шмидта вышла небольшая брошюра «Религиозное творчество академика Н.К.Рериха», в которой освещался «драгоценный вклад великого художника в русское храмостроительство». Несомненно, эта брошюра – результат близкого общения автора с Николаем Константиновичем, иначе трудно представить, как ему удалось создать такой целостный образ поборника православия. Поразительно другое: насколько умело расставлены акценты в самом тексте. Красной нитью через него проходит образ Святого Сергия. «Из последних работ художника, широко отмеченных иностранной и русской зарубежной прессой, – писал Шмидт, – главнейшее место занимает незабываемая серия из жизни Преподобного Сергия Радонежского, которому, как известно, особенно предан художник» [21]. В брошюре перечислены некоторые картины, причем в определенной последовательности: «Сергиева пустынь», «Звенигород» и «Ныне силы небесные с нами невидимо служат». (Последняя и есть «Силы Небесные», или «Ранние звоны».) Указаны проекты скитов и часовен имени Преподобного Сергия. И завершается обзор религиозного творчества описанием картины Рериха «Земля Всеславянская», на которой «изображен инок, устремившийся взором в дали славянские». Над иноком нарисован колокол. «Не есть ли это напоминание о чтимом Преподобном Сергии, уже близком, призывном колоколе?..» [там же]. Не правда ли, достойное и многозначительное окончание...

По возвращении из экспедиции в Баргу, Рерих развернул большую работу в среде эмиграции. В нее оказались вовлечены значительные слои харбинского общества – служители церкви, научные кадры, педагогические силы и, конечно, бывшие военные. Художник выбросил лозунг защиты памятников культуры, к тому времени широко признанный в Европе и Америке как Пакт Рериха. Теперь очередь дошла до азиатского континента. 5 сентября 1934 года состоялось организационное собрание Русского Комитета Пакта в Харбине. Заседание проходило в гимназии имени Ф.М.Достоевского под председательством академика Рериха, и на нем присутствовал цвет интеллигенции. Всех собравшихся включили в Комитет в качестве его членов. Председателем избран Н.Л.Гондатти, товарищем председателя проф. Г.К.Гинс и секретарем В.К.Рерих. А почетным председателем – уже известный архиепископ Нестор.

Н.К.Рерих. Звенигород. 1933

Н.К.Рерих. Силы Небесные. 1934

В условиях Харбина деятельность Комитета Пакта Рериха приобрела свою собственную специфику, его внимание сосредоточилось на «религиозных, художественных и научных ценностях» [22]. Особенно восхищает борьба за интеллектуальные ценности. Но при этом была еще одна специфическая черта, характерная только для Харбина. Небесным покровителем Комитета Пакта объявлен Сергей Радонежский, святой, широко чтимый русским народом. День Преподобного Сергея, отмечаемый церковью 8 октября, стал считаться праздником харбинского Комитета Пакта Рериха. В этот день в церкви Дома милосердия был отслужен молебен Св. Сергию. Проповедь произнес о.Нафанаил. В своем слове он отметил роль основателя Пакта, отдав Николаю Константиновичу должное как охранителю ценностей духа. Игумен Нафанаил сказал: «И в нынешнее трудное время имена наших святых сияют вновь. Большим русским человеком делается большое дело – охрана духовных ценностей. И это свое дело он вручает покровительству преподобного Сергея» [23]. Вскоре после успешного начала работы Комитета было решено расширить его деятельность. Предполагалось организовать Маньчжуро-Ниппонский комитет. Для этого в Японии уже имелась подходящая кандидатура Г.И.Черткова.

Общественная активность неизбежно бывает связана с политикой. Рериху пришлось публично заявить о своей лояльности антикоммунизму. Вождь культуры обязан ясно выражать жизненное кредо. И в сознании харбинцев оно ассоциировалось с освобождением

родины от «сатанинского ига коммунизма». В архиве Рериховского музея в Нью-Йорке сохранилась подборка материалов, присланных из Маньчжурской экспедиции, с пометкой Николая Константиновича «Не для печати». Среди них статья «Н.К.Рерих – знаменосец Преподобного Сергия Радонежского», авторство которой принадлежит А.П.Хейдоку. Будучи в Харбине, художник помог ему осуществить издание книги очерков «Звезды Маньчжурии» (даже написал предисловие) [24]. Молодой писатель сблизился с Рерихами, принял Учение Агни-йоги и получил, вместе с кольцом ученика, напутствие Мастера. Именно поэтому он достаточно откровенно излагал свои мысли, утверждая, что Николай Рерих проделал долгие пути «в поисках возможностей начать борьбу с заполонившим Россию коммунизмом» [25]. Впоследствии именно за эти свои вольные убеждения А.П.Хейдок попал в сибирские лагеря. Но тогда, в Харбине, он писал о спасении русского народа, объединенного под знаменем Св. Сергия. В статье процитированы им неизвестные слова Рериха, которые вполне могли быть произнесены художником в одном из публичных собраний.

«Россию спасет русский же святитель, Преподобный Сергий Радонежский, тот самый, кто спас ее от татар в Куликовской битве, кто, трижды явившись в сновидении Минину, заставил его собрать ополчение воеводы Пожарского для освобождения Москвы от поляков, – тот же защитник спасет Россию и в третий раз от слуг сатанинских, коммунистов. Объединимся вокруг имени Святого Сергия и станем под его знамя, ибо приспели сроки!..

Снова услышим звон колоколов на Руси, свободный русский народ создаст неслыханное благополучие на свободной Русской земле – так сказано. Но для этого пусть народ обратит сердце свое к величайшему святителю своей земли Преподобному Сергию Радонежскому и пусть будет готов, когда посланцы придут звать его на подвиг. Это будет скоро, скоро...» [там же].

Выход Рериха на широкую общественную арену оказался неприемлемым для самых разных противоборствующих сил. Сначала послышались отдельные недобрые голоса служителей церкви. Игумен Филарет и иеромонах Иоанн усомнились в православных взглядах художника. Затем последовал выпад со стороны писателя В.Ф. Иванова, который утверждал, будто бы Николай Константинович связан с масонами. И даже больше того – специально был послан ими на Дальний Восток. (Приезд Рериха в Харбин по случайности совпал со съездом дальневосточных масонов, открывшимся в ночь с 5 на 6 июня 1934 года, и газеты задавались вопросом: «Масон ли академик Рерих?» [26].) А поскольку масоны приняли резолюцию о самых энергичных мерах борьбы с фашистским движением на Дальнем Востоке, то Рерих оказался врагом фашистов, что, впрочем, соответствовало действительности и совпадало с его собственными взглядами. К тому же в первых публичных выступлениях в Харбине он противопоставил себя и коммунистам. «Большевизм – темная, разрушительная сила» [27]. Не всё нравилось и японцам, так как Рерих, выказывая дружбу Японии, оставался преданным Америке. Ситуация сложилась настолько противоречивая, что рано или поздно должен был разразиться скандал.

Первым камнем, брошенным в вождя культуры, стала статья молодого, 27-летнего журналиста Юрия Лукина «Испытайте духов» [28], которая появилась в газете «Русское Слово» 23 сентября 1934-го. Автор обвинил знаменитого художника, прежде всего, в нехристианских взглядах («мы ни разу не видели его личного исповедания Иисуса Христа»). И во-вторых, в том, что его книги проникнуты «проповедью неприкровенного смешения всех религий». Со ссылкой на авторитет церкви, в статье указывалось: идея синтеза всех религий – это орудие в руках сатаны. После чего Лукин пошел еще дальше. Он сравнил только-только появившийся очерк Н.К.Рериха «Спас», где говорилось об «охранении иконописи», с произведением В.С.Соловьева «Краткая повесть об антихристе». Читателям напоминался диалог на Вселенском соборе, в котором антихрист говорит об изучении и хранении «всяких памятников церковной древности». Идея Пакта и Знамени Мира ставилась Рериху в укор и вызывала сатанинские аналогии. Николай Константинович, пересылая газетную вырезку с этой статьей в нью-йоркский Музей, вынес на полях вердикт самому себе: «Уже антихрист» [там же].

Кто же стоял за газетной публикацией?.. Трудно поверить, что это сама церковь. Даже отец Филарет, проявивший первоначально недружелюбие к художнику, извинился за свои

прошлые поступки, как только Рерих ответил на пасквиль Лукина публично и напечатал в той же газете «Символ веры». Самый дорогой христианскому сердцу церковный догмат был полностью в виде автографа приведен им в печати: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли...» [29].

В эти сентябрьские дни церковь пока еще благосклонно относится к художнику. Архиепископ Нестор в своей брошюре «Братство Святой Руси» даже поместил черно-белое изображение картины Рериха «Св. Сергей». (Кстати, на страницах брошюры первосвященник призывал эмигрантов к подвигу, в заветный час, когда снова «зазвенят родные колокола». Это так напоминает слова самого Николая Константиновича.) К тому же, осенью 1934-го Рерих по заказу Нестора создает эскиз часовни в память убиенных – российского императора Николая II и короля Югославии Александра I. Часовню предполагалось соорудить во владениях Нестора, при Доме милосердия в Харбине.

Обложка брошюры архиепископа Нестора «Братство Святой Руси»

В Харбинѣ — будет создан — памятник — часовня
имени Императора Николая II
и Короля Александра I.

Около недели назад арх. Не-
 стор обратился с просьбой по-
 строить в Харбинѣ памятник-
 часовню Византийских Мучени-
 ков Российского Императора Ни-
 колая II Александровича и Ко-
 роля Югославии Александра I
 Карагеоргиевича.

Во имя любви и любви му-
 чеников за все Славянство и по-
 явилось будущее счастие, арх.

Импорт.
самн в II

с преданности военным и
 историческим, иностранных дел и
 путей сообщения, а также за-
 шествие свое жилище частным
 образом по поводу передачи
 своих вещей по СМЗ.

Цейтлина вызвали
в Москву.

Начальник пенсионного от-
 дела управления СМЗ, министр
 иный административный агент
 Цейтлин вызывается в Москву.

Открытие ев-
рейской больницы

Губернаторские еврейской
 больницы получили официаль-
 ное извещение властей, что в
 открытии больницы по сторо-
 ны администрации города пре-
 пятствий не встретится.

В связи с этим, на востор-
 женное, 18 ноября, назначен
 торжественно официального сти-
 лия деятельности вновь постро-
 енной больницы.

Настоятельница и мать, на себя
 инициативу построения памят-
 на - часовни на участке руно
 поднимая или Дома Милосердия.

Первое освящение на
 это доброе дело в суммах 100
 лет состоялось от инициатора Н.
 М. Рериха.

Архитектурный проект,
 план и планы часовни изготав-
 лены архитектором Н. К. Рери-
 хом, стилем, которого предложе-
 ны же — Новгородский (ка-
 менный).

В часовне будут находиться

иконы Святителя Николая Чу-
 доотворца и св. вел. кн. Алекса-
 ндра Невского, а также икона св.
 ап. Андрея Первозванного, по-
 торый является небесным по-
 крышителем Нераскольного Дома
 Карагеоргиевича.

Сегодня в 40 лет со дня
 кончины великого русского
 писателя и Скорбящего Лоре-
 на великого писателя со Муче-
 ников - Бориса отлучает арх.
 епископ.

В. ГЕРСИНСОН.

Из газеты «Харбинское Время»
 17 ноября 1934 года

Внезапно появившиеся в газете обвинения Лукина не могли поколебать планы Рериха. Он не делает никаких выводов, никого не обвиняет. Всё слишком неопределенно. Однако в своем письме американским сотрудникам Николай Константинович сообщает крайне важный факт: «Вам будет интересно знать, что уже две недели до этой статьи мне передавали, что некая большевистствующая особа искала здесь писателя, который бы написал что-либо о моем безбожии, ибо "это сейчас нужно для Харбина"» [30]. Нравится нам или нет, но некоторая часть дальневосточной эмиграции испытывала симпатии к Советам и неизбежно являлась агентом влияния ОГПУ. Чекисты могли мстить бывшему «другу Москвы» за его антикоммунистические высказывания (тогда мстили всем подряд). Правда, это всего лишь предположение, исходящее от самого Рериха. Ведь ни для кого не было секретом – миссия прибывшего на Дальний Восток вождя состояла в том, чтобы объединить русскую эмиграцию.

III

Пребывание Рерихов в Харбине имело одну особенность – склонность к военному делу и военным. Конечно, это не было простой любовью к воинскому искусству (Юрий Рерих посещал специальный военный факультет в Сорбонне), а таило в себе далеко идущие планы.

Н.К.Рерих был принят интеллигенцией Русского Китая и Маньчжурии с распростертыми объятиями, его деятельность оказалась популярной во всех харбинских

кругах, и прежде всего – в военных. Дружественную поддержку он получил в лице председателя местного отделения Российского Общевоинского Союза (РОВС) генерала Г.А.Вержбицкого. Наладил также близкий контакт с другими генералами – В.Д.Косьминим (Военно-Монархический Союз), Е.Г.Сычевым (Восточно-Казачий Союз), генералом Соболевским (Легитимисты). В первые же дни по приезде Рерих не забыл и о главе русской эмиграции на Дальнем Востоке генерале Д.Л.Хорвате, который в 1921-22 гг. оставался непоколебимым оплотом Белой армии в Сибири (наравне с атаманом Г.М.Семеновым и бароном Унгерном). Случаен ли такой целенаправленный интерес к генеральской верхушке?

«Отбор генералов» начался еще задолго до приезда в Харбин. Летом 1932 года вице-президент Музея Рериха З.Г.Лихтман направила письмо брату Н.К.Рериха, Владимиру Константиновичу, в котором просила передать книги Юрия Рериха «По тропам Срединной Азии» не кому-нибудь, а двум уважаемым генералам – Хопра и Мори. Приведем здесь письмо к начальнику охранных войск по Южно-Маньчжурской железной дороге генералу Мори, так как эта фигура имеет важное значение для понимания Харбинской миссии.

«9 июня 1932. Дорогой генерал Мори, согласно распоряжениям доктора Джорджа де Рериха, я с удовольствием пересылаю Вам, через В.К.Рериха, его новую книгу "По тропам Срединной Азии", снабженную приветствием автора. Д-р Дж. де Рерих, который относится с величайшим почтением к Вам и Вашей великолепно осуществляемой работе, будет очень благодарен, если Вы примете его труд, и надеется на отклик по прочтении книги. Искренно уважающая Вас, Зинаида Лихтман» [31].

Весьма вероятно, генерал Мори был выбран не случайно. Этот выбор имел под собой некоторую мистическую подоплеку. Фамилия генерала практически совпадала по транслитерации с именем Учителя Мории. И хотя такие фамилии, как «Мори», «Морев», и даже на французский лад «Моруа», были широко распространены в светской среде, в кругах интеллигенции, Рерихи избрали именно армейского генерала. Он являлся крупным военным деятелем и был, следовательно, идеальной фигурой для претворения в жизнь их замыслов. Любой генерал – это, прежде всего, армия и ее солдаты, а Рерихам нужна была армия.

Для того чтобы усилить и провести в жизнь сибирскую идею, Рерих осенью 1934-го предпринял издание самостоятельной книги «Священный Дозор». В нее вошли в основном его харбинские очерки и выступления. Причем даже взгляд мельком не упустит программный характер большинства статей. В книгу было включено приветствие Н.К.Рериха «Славное Сибирское казачество» (речь в Харбине 3 октября 1934 года), в котором он напоминал о «великом еще несказуемом значении Сибири», о знамени Ермака Тимофеевича, о Сибирских кооперативах и алтайской вершине Белухе. «Белуха стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего» [32].

Эта речь стала залогом высокого авторитета Рериха среди местных казаков. Доверительные отношения установились с руководством Сибирского Казачьего Войска. В ноябре состоялось новое выступление академика перед казаками в театре «Весь Мир». И вскоре он профинансировал издание «Войскового Юбилейного Сборника». Сохранился в копии один редкий документ, письмо председателя Войскового представительства в Харбине Сибирского Казачьего Войска, адресованное Рериху.

«26 февраля 1935 года. Глубокоуважаемый Николай Константинович. С большой радостью получил я Ваше письмо от 21 января с. г. Я поспешил сейчас же ознакомить с ним членов Войскового Представительства, а затем и всех станичников нашей здешней станицы. Войсковое Представительство в своем заседании, заслушав Ваше письмо и мой доклад, постановило:

"Просить Председателя засвидетельствовать великому русскому художнику академику Николаю Константиновичу Рериху наше глубокое уважение и искреннюю признательность за его щедрый дар на издание нашего Войскового Юбилейного Сборника. Воспоминание об этой помощи нам в нашем войсковом деле Сибирские казаки унесут с собою в родные станицы вместе с образом великого русского художника и большого мыслителя, просветленному и умудренному взору которого ясно видно, что возрождение нашего поверженного в бездну греха русского народа, восстановление нашего Великого Отечества близится. Русский народ отшатнется от измышленных кумиров и вернется к истинному Богу

и будет строить свое государственное существование на основах Веры, Доблести и Труда. И верный сын Родины, Сибирский казак, в бодрости, имея дальних и ближних друзей, дойдет до Родной земли и под сенью знамени Ермака Тимофеевича будет верно и преданно служить ей как встарь".

Копию Вашего письма ко мне и постановления по нему Войскового Представительства я сообщаю всем станицам Сибирского Войска, вынужденно находящимся в Великом Русском Рассеянии. Прошу принять наши уверения в неизменно глубоком к Вам уважении и преданности. Председатель Войскового Представительства, полковник Березовский» [33].

Еще в сентябре 1934 года, по завершении первого этапа экспедиции в Баргу, произошло событие, которое спутало карты сразу всем политикам. РОВС перекупил харбинскую газету «Русское Слово» на пожертвование, сделанное руководству Союза академиком Рерихом из его личных средств. Пожертвование в размере 1000 американских долларов [34], по тем временам огромное. Фактически был приобретен собственный печатный орган, который мог формировать общественное мнение в среде русской эмиграции. Добавим, что в благодарность РОВС избрал Рериха почетным членом редакции, а уважаемый академик, в свою очередь, «рекомендовал» газете трех корреспондентов. Это были Георгий Шклявер, Владимир Шибаев и Илья Муромцев – сотрудники рериховских учреждений соответственно во Франции, Индии и Америке. Таким образом, покупка газеты стала серьезной политической акцией Н.К.Рериха, «решившего подчинить Союз своему влиянию» [35], как писала впоследствии местная пресса.

Первый номер возобновленной газеты вышел незадолго до Дня Непримируемости, который отмечался повсеместно 7 ноября 1934 года молебнами и заседаниями. (День русской скорби и траура выражал идею скорейшего освобождения России от большевизма.) Но газета явилась только начальным шагом к согласию политических партий и разрозненных сил азиатского зарубежья. Момент был решительный, и Рерих выступил главным идеологом собрания, состоявшегося в День общеэмигрантской непримируемости. Заседание было устроено в помещении Русского клуба по инициативе Общевоинского Союза, Трудовой Крестьянской партии и Союза Младороссов. Свою солидарность выразили и другие организации: Военно-Монархический Союз, Легитимисты, Союз Нового поколения, Беженский Комитет. Харбинская пресса писала, что на собрании «особенно ярко выявилось стремление русской эмиграции к необходимому объединению... во имя России» [36]. Некоторые считали объединение уже свершившимся фактом.

Газета «Русское Слово» вышла с заголовком «День Непримируемости объединил всю эмиграцию» (8.11.1934). Она опубликовала полный текст речи высокого покровителя РОВСа академика Рериха. Речь начиналась словами: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» Впрочем, этими же словами и заканчивалась. (Вспомним гимн композитора Завадского!) Она была посвящена религиозным основам сотрудничества. Фактически в речи содержался призыв к близкой борьбе «под знаменем Духа Святого» с богоборческими силами.

«Не однажды человечество, обуянное тьмою, выступало на богоборчество... Не однажды народы обрекали себя на одичание и утеснение. Гидра безбожия пыталась поднимать свою ядовитую голову, но каждый раз подтверждалась истина, что Свет побеждает тьму. После темноты еще ярче Свет.

В сиянии солнца солнц невозможно спать, и встает человек в бодрствовании к новому труду, к созиданию. И теперь расточатся все враги Бога. Народы поймут светлую ответственность созидания. Созидание требует сотрудничества. Сотрудничество требует доверия... Не будет повторением твердить об единении. Даже пчелы и муравьи малые знают эту основу...

Оружие Света, заповеданное Апостолом, куется в сотрудничестве. Идущие за Бога не могут рассеяться. Воинство светлое может проверять доспехи свои, но движение добра и строительства замирать не может. Не всегда заметны обычному глазу сроки и внутренние движения... В час сужденный, в час близкий зазвучат бранные трубы в светлом приказе: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!"» [37].

Полный пафоса клич Рериха показался харбинцам несколько абстрактным. Некоторые эмигрантские круги, в частности, партия харбинских фашистов К.В.Родзаевского, расценили

«траурное заседание» как «попытку создания антифашистского блока». Сам же Рерих знал определенно, чего он хочет, и, возможно, собирал войско для будущих азиатских походов. По крайней мере, он хорошо усвоил по приезду в Харбин настроение разнородных слоев русского общества, которое очень точно выразил глава Академической группы профессор Г.К.Гинс: «Мы, солдаты, ждущие своего призыва...» [38].

Накануне отъезда рериховской экспедиции в глубь Монголии, 17-го ноября 1934 года начали происходить события, которые нанесли удар по «военным замыслам» Рериха, связанным с его идеей построения нового Сибирского государства. Русская фашистская партия раздула в прессе травлю Рериха и его учреждений в Харбине. Провокационный материал появился сразу в трех газетах, финансируемых японцами. Можно предполагать, что это было делом рук японской разведки, которая сняла фотокопии частных писем Рериха в почтовой конторе на японском судне «Катору Мару» еще осенью 1924 года. И ровно через 10 лет эти письма всплыли как компромат на «легата Белого Братства» в связи с его планами «захвата Сибири». Военная ориентация Рериха и его сына, их работа среди эмиграции, вероятно, становилась помехой в намерениях Японии постепенно подчинить молодое государство Маньчжоу-Го своему полному влиянию.

Что именно предприняли Рерихи, чтобы противостоять выпадам, спровоцированным японской стороной, сказать с определенностью невозможно. Известно, Николай Константинович обратился по дипломатическим каналам к правительству Японии с просьбой дать официальную оценку развязанной против него кампании. Министерство иностранных дел Японии ответило Рериху через свое посольство в Пекине письмом господина Сайто, в котором заверяло, что «инциденты такого рода не повторятся» (14.2.1935). Однако дело было сделано, и все остались при своих интересах. Харбинские газеты в апреле и мае 1935-го снова выступили с обличением великого «масона и розенкрейцера». А Рерих отправился в длительную экспедицию на окраины Гоби. Основным сезон полевых работ начался в марте, когда экспедиционный отряд тронулся из Пекина на Калган, и длился до сентября 1935 года. Именно этот период является крайне важным для понимания «военных интересов» Рериха в Азии.

В последние годы в поле зрения исследователей появился Маньчжурский дневник Ю.Н.Рериха, относящийся к пребыванию экспедиции во Внутренней Монголии [39]. Оригинал представляет собой небольшую записную книжку, 60 листов, на развороте форматом в половину тетрадной страницы. Этот дневник – действительно малого объема, на каждый день приходятся записи в среднем по 3-10 предложений. В отличие от дневника отца, Н.К.Рериха [40], и экспедиционных дневников подобного рода, у Юрия Николаевича подробно представлен материал, пригодный для составления военных маршрутов (карт) или ведения боевых действий (топография местности, замеры высот, расстояния в милях от характерных природных объектов, русла пересыхающих рек, повороты дорог, роза ветров).

Наибольшее удивление вызывает подсчет японского транспорта, а также план-схема ставки Барун-сунитского князя Дэвана, каменные постройки которой потенциально могли использоваться для обороны и укрепления военных отрядов. Учитывая предельную краткость дневниковых записей, приходится отдать должное их автору в приоритете сведений военного характера перед ботаническими и этнографическими.

Для наглядности приведем выборочно цитаты из дневниковых записей Ю.Н.Рериха за 1935 год.

«31 марта. Дорожная застава Хоруг-суму. Выехали на Калганский тракт двумя милями западнее Улан-нурской заставы. Возле Улан-нура встретили два японских автомобиля, ехавших из Долон-нура.

2 апреля. Значительные перемены [настроения] у местных монголов. Рост милитаризма.

9 апреля. [Князь] Ван ожидал приезда губернатора Калгана, генерала Сунь-чи-ина, который, по слухам, находится в пути, с 800-ми солдатами.

12 апреля. 11-го через Хатан-суму проехало два японских грузовика по направлению в ставку.

13 апреля. Вечером пришло известие, что калганский генерал-губернатор вернулся в Калган, простояв в ставке неполный день. Всего с ним шло 11 машин, из них 6 грузовых с солдатами конвоя.

14 апреля. Рано утром две японские машины из ставки прошли в Долон-нурском направлении (одна грузовая и одна легковая).

6 мая. Сильный W-NW ветер. Ожидаем сегодня возвращения машины из Калгана. Начали собирать монгольские кличи... К вечеру в направлении на Сунитскую ставку прошли 4 японских грузовика, следовавшие по Долон-нурской дороге.

7 мая. Сильный NW ветер продолжается. Утром 4 японских грузовика прошли в обратном направлении.

9 мая. [Высота] 4600 футов. 14890 миль [по спидометру]. Выехали в 8.20 утра... Выехали на Ургинскую дорогу. 14897,47 м. – налево Ларсеновская заимка (скот)... 14913,12 м. – сухое русло реки. 14913,13 м. – колодец по левую руку. Пески. Дорога вдоль сухого русла реки... 9.45 утра. Налево от дороги у подошвы холма Даянги-хит азимут с точки на дороге 180°... 9.55 утра. Тронулись. Направление на NW... 14926 м. – колодец. 14927 м. – ставка. Любопытный разговор с представителем Таши-ламы.

12 мая. Утром прошли два японских грузовика с людьми. Оказалось, что партия топографов, занимается съемкой и переписью населения и скота... Говорят, что в марте князя посетили четыре японских чиновника и привезли ему титул полковника маньчжурской армии. В январе месяце 30 мальчиков из Барун-Сунита были отправлены в Японию для обучения.

13 мая. Ночью и утром снежная выюга с N ветром. В 8 утра + 1° C. Чертил маршрут на Барун-Сунит. Прошли обратно 4 японских грузовика.

12 июня. Дождь. Утром сменная езда [на лошадях]. Два японских грузовика по направлению к Долон-нуру. Вечером еще одна машина.

16 июня. Теплый безветренный день. С утра сменная езда. Прошли в направлении Барун-сунитской ставки две японские машины: одна грузовая, другая легковая военная» [39].

Юрий Рерих. Маньчжурская экспедиция, 1935

Юрий Рерих сказал:

«Для нас, русских, *особенно военных*, очень интересно, что в тибетских кочевых дружинах мы встречаем много знакомого. Лет 60 назад Российской Академией Генерального Штаба была издана книга генерала Иванова о тактике кочевых народов. С тех пор этой областью никто не заинтересовался. После моего многолетнего пребывания среди кочевников Тибета, дружеских встреч и боевых столкновений с ними, я продолжил эти исследования и в свое время прочел в Америке небольшую [лекцию] "Тактика кочевых дружин в Средней Азии". Если мы понаблюдаем за обстановкой вокруг всадника и боевого коня среди тунгусских племен Кокунора, в северо-восточном Тибете, то мы можем увидеть прямую параллель с нашими казачьими частями» [42].

Ю.Н.Рерих наработывал в Харбине политический капитал, точнее говоря, использовал любую возможность, чтобы представить себя публике профессиональным военным. Это ему с блеском удавалось. Он даже добился большего, чем можно было ожидать. В эмиграции среди русских бытовала странная легенда о личности Юрия Рериха.

Журналист Н.М.Языков в газете «Новая Заря», в статье, посвященной выходу рижской монографии «Рерих» (1939), вспоминал о своей встрече в 1935 году с Н.К.Рерихом и его сыном. В Шанхае, в отеле «Астор Хауз», он взял у академика Рериха интервью.

«Постучав в номер, я был встречен сыном ученого, молодым человеком с бородкой, по внешности необычайно похожим на императора Николая II. Русая бородка клинышком, такие же красивые глаза...

Сын Рериха, бывший его секретарем во время поездки, также был весьма колоритным человеком, и его наружность приводила многих прямо в смущение своим сходством с покойным царем...» [43].

Возможно, одного из Рерихов предполагалось «возвести» на будущий Российский престол? Этот риторический вопрос, несомненно вызывающий улыбку, приобретает гораздо больше смысла, если обратиться к записям американских сотрудников (Послания Кругу). Во время пребывания Николая Константиновича в Нью-Йорке летом 1929-го, он был назван «Николаем Великим» [44]. А в дневнике Зинаиды Фосдик есть пометка, сделанная 11 апреля 1934 года, – «Николай Третий» [45]. Это за одиннадцать дней до выезда в экспедицию. Запись достаточно убедительная. Нет ли в ней намек на императорское наследование?

Последнее соображение может быть дополнено одним очень важным документом – письмом Эстер Лихтман к американскому президенту Рузвельту от 29 апреля 1942 года. Автор послания, в прошлом вице-президент Рериховского музея, доверительно сообщала главе государства, что Рерих «выступал за то, чтобы Япония захватила Сибирь, и тогда он бы сделался "белым царем"..."» [46]. В письме имеется существенная деталь – слово «царь» написано в русской транскрипции («czar»), тем самым оно вложено в уста самого Рериха. Правду ли говорила президенту Ояна, бывшая духовная дочь Елены Ивановны? По крайней мере, в дневнике Е.И.Рерих есть запись: «Так наш Ф[уяма] идет на царственный путь к победе. Так быть Царю Белому и Царице Белой. Победа Наша. Север и Восток ждут. Земля русская трепещет» [47].

Вопросы и предположения можно расширить. Не мог ли стать во главе Сибирского государства и Рерих-младший? Может быть, Юрий Рерих – это потаенный запасной вариант «Мирового Плана»... В канун Рождества на исходе 1934 года Георгий Шклявер писал своему названному брату Юрию: «Радовался, читая в "Русском Слове" о Твоих успехах в Харбине, о лекциях, которые Ты прочел там. Каждый год приносит Тебе новую славу, а 1935-й год – подготовительный к великим событиям 1936 года, когда Имя Твое прозвучит во всем мире» [48].

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ВО ИМЯ СВЯТОГО СЕРГИЯ (Обращение ко всем русским людям)

3/16 мая 1934 года на торжественном собрании в память 620-летия со дня рождения одного из величайших подвижников и святителей земли русской Преподобного Сергия Радонежского было прочтено и единодушно одобрено всеми собравшимися следующее мое воззвание:

«Не случайно мы собрались сегодня на общую молитву во вновь устроенной в здании Музея часовне, где слышалось столь изумительное славословие Святому Сергию, выраженное в акафисте Ему, сложенном в великом восхищении духа какими-то неведомыми святыми молитвенниками еще в глубокой древности.

Не случайно и не для простого развлечения построили мы, с участием великого русского художника и мыслителя академика Н.К.Рериха, скромную, но крепкую, из дикого камня, часовню в русской деревне Чураевке в штате Коннектикут.

Сегодняшнее торжество, столь стройно и молитвенно прошедшее, обязывает нас отнестись с глубокой серьезностью к тому, какое великое значение для нашего смутного времени должны иметь подобные собрания. А потому считаю вполне уместным и благовременным обратиться ко всем архипастырям и пастырям Русской церкви, ко всем церковным и приходским организациям, ко всем братствам и сестричествам, а также ко всем вообще просветительным и культурным русским учреждениям и отдельным лицам, находящимся ныне во всех странах света и сочувствующим делу духовного возрождения России, – содействовать повсеместному ежегодному празднованию не только дня рождения Св. Преподобного Сергия 3/16 мая, но и прочих дней, связанных с Его житием и деяниями на благо России. Воспоминания о житии Преподобного, прославление Его созидательных деяний и благого влияния на умиротворение враждовавших между собою русских князей, Его помощь великому князю Димитрию Донскому в освобождении России от татарского ига, его строительство монастырей, впоследствии выросших в великие твердыни русского духа, и многие неисчислимые блага, Им посеянные в сердцах русского народа, – да вдохновят современных деятелей духовной культуры не только на добрые слова в этот день, но и на действительное проявление своего полезного служения русскому народу и всему человечеству. Да послужит в этот день всякий русский человек врачеванию современных душевных болезней, устройению братской взаимности, созидательному взаимному миролению и всякому трудовому, духовному и культурному преуспеянию русского народа как на родине, так и в рассеянии сущего. Вместе с тем, да ополчится каждый из деятелей истинной культуры против растлевающего современную жизнь безбожия, против упадка духовного, против неправды и враждования, против апатии и равнодушия к вопросам истинного просвещения. Никакие ученые авторитеты и столпы атеизма не должны убедить нас в том, что без восхищения духа, без веры в высший закон Бытия возможно какое-либо благо на земле. Но именно в благоговейной личной молитве, в благостном общественном богослужении, в спокойном, но сильном слове проповедей, в докладах, а также и в печати, и во всяком нашем делании в память великих дней Святителя проявим самое горячее желание к устройению столь необходимого в мире истинного мира и в человеках благоволения.

В современном мире, так высоко поднявшем на своих плечах технические достижения и в то же время так глубоко морально упавшем в пропасть безверия, взаимной вражды и разделений, должны быть найдены простейшие пути к возможному благоволению, к самой широкой братской терпимости, к столь желанному счастью мирного сожительства между близкими и далекими. И даже в решительной борьбе с служителями тьмы мы должны быть вооружены огнем подвига и светом веры.

Пусть же один из величайших Светочей Древней и Святой Руси бессмертными примерами своего святого подвига поможет нам сотворить чудо построения нашего нового, более счастливого грядущего Дня.

С особой усердной просьбой обращаемся мы к отцам духовным и к проповедникам

Слова Божия, где бы они ни находились, проводить в сознание своих паств или собраний и, особенно, в сознание молодежи великое значение Святого Сергия для всей русской истории. Всех же многочисленных русских деятелей, во всей широте их культурного служения, рассеянных по лицу всего земного шара, просим проявить самое действенное устремление к утверждению имени Св. Сергия в делах нашего каждого дня. Самое возможное, самое насущное и самое великое значение будет иметь основание во всех странах хотя бы самых скромных, самых бедных часовен и скитов, посвященных имени Св. Сергия. А дальше Сам Преподобный своей явной и чудесной помощью укажет дальнейшие пути ко благу и снова поможет светлому и уже незакатному возрождению Святой Руси.

Именно все безраздельно, невзирая на какие-либо временные юрисдикции, разногласия, на догматические или идеологические разделения, представители древнего благочестия – староверы, и сторонники новых христианских общин – все, кто только верит в обновление и просветление человеческого разума светом Христовым, все призываются к объединению около первоисточника великих русских духовных твердынь и государственности – около Преподобного Сергия Радонежского, который в акафисте, ему посвященном, именуется: "Духа светлого обитель! Зерцало совершенного терпения! Хранитель страха Божия – премудрости начало!"

Началом всякой премудрости, высшим стимулом для высшего творчества всегда было и будет – страх Божий, любовь, смирение и совершенное терпение. Необходимы и дерзания, но они неуязвимы и плодотворны лишь в борьбе со злом и с тьмою.

Для утверждения этих начал в сознании русских людей, для распространения идеи Сергиева строительства уже имеются подкрепления и со стороны архипастырей Православной церкви. Так, в свое время нами получены благословения на построение Сергиевых часовен от трех митрополитов: Платона Североамериканского, Евлогия Западноевропейского и Мефодия Дальневосточного. А ныне преосвященный Леонтий, епископ Чикагский пишет: "Исполать Вам за Ваши старания воскурить опять древнее Сергиево кадило, да еще в стране чуждей. Слышал повесть о создании и освящении Сергиева Знамени. Это умирительно и благовременно. Бог Вам в помощь".

Итак, с такими благословениями начнем всеобщее, повсеместное и самое надежное объединение около святого имени великого Радонежского Чудотворца во славу нашей Родины и для оздоровления духа русского народа, вступающего, несомненно, на великий путь служения всему потрясенному человечеству».

Георгий Гребеничиков

P.S. Все русские газеты и журналы, где только возможно, прошу перепечатать и распространить этот призыв.

Новая Заря (Сан-Франциско). 1934. Май

ВОДИТЕЛЬ ДУХА

**Лекция с. И.Зенкевича, председателя Духовного содружества
Преподобного Сергия Радонежского**

Дорогие друзья!

Воистину приходят времена апокалипсические. Во всех углах мира трещат револьверные выстрелы и льется кровь лучших людей. Божественная справедливость выявляется в грозных природных явлениях. Полосы жары, наводнений, пожаров, засух, ливней, тайфунов захватывают и опустошают целые области. Эти проявления стихийных сил природы являются следствием того, что мировое равновесие нарушено умерщвляющей эгоистической цивилизацией нашего времени. Весь мир поражен страшным недугом духовного оскудения.

Человечество разделяется и рвется в своем сознании на две половины. С одной стороны – Христос, как царство Света, а с другой – Антихрист, как царство тьмы, в лице всех без

исключения материалистических учений. На стороне Антихриста – властные, отлично организованные группы, обладающие всеми возможными материальными средствами борьбы. Во всех танцевальных залах, кабаках, местах бесшабашного разгула – толпа людей в тяжелом дымном угаре личных наслаждений правит черные мессы культа низменных животных страстей и шабаш Сатаны... А на стороне Христа – есть еще немногие искренне верующие, которые молятся в полупустых церквях «о спасении всех людей».

Но люди, горящие жертвенным служением, те немногие единицы, которые не утратили чувство совести и своей личной ответственности за судьбы человечества или своей нации, бродят в идейном бездорожии и часто строят высокую политическую Вавилонскую башню для того, чтобы *не понимать* друг друга. Они еще не вышли из цепей узких материалистических течений и искренне думают, что тот или иной политический рецепт может действительно вывести нас из тупика и вернуть нам Родину. Мы всё еще варимся в соку неизжитых политических страстей и гоняемся по сезонам за тем или иным модным политическим течением. Но проходит время, и старые политические моды заменяются новыми. Более хитрые из вождей таких партий пишут на своих политических знаменах имя Бога... Нужно иметь это в виду, применяя мерило и оценку Спасителя: «По делам их узнаете их».

По-человечески, можно до известной степени оценить и понять напряженность многих искренних русских людей, мечущихся из стороны в сторону в поисках выхода и реальных путей. Все мы крепко связаны одной общей национальной судьбой, и каждый из нас желает блага своей Родине и любит ее зоркой личной любовью. Но, понимая и ценя эти порывы, нельзя закрывать глаза на действительность, ибо не в постройке политических Вавилонских башен с крикливой рекламой наше спасение, а тайна нашего спасения лежит в личном духовном подвиге, в постройке духовного здания и духовной основы жизни.

Как направятся пути нашей нации – лежит в воле Бога. Никто еще не поборол своей судьбы и не изменил ее пути, предначертанного Божественным промыслом. Если это применимо к судьбе отдельного человека, то тем более оно применимо к судьбе целого народа.

Наше поколение пришло в мир в жестокие, страшные дни великих испытаний, и на наших глазах совершается ужасная историческая катастрофа. Силы мрака затемнили сознание человеческое; необходим яркий свет Сокровенного Знания, чтобы вывести нашу расу из глухих бездорожий Черного Века на осиянные пути духовного совершенства.

Мы, первые жертвы великой исторической катастрофы, должны принять на себя всю ярость разбушевавшейся стихии. Наша судьба тесно связана с судьбой нашей Родины, и наш долг – активно работать для ее восстановления и обновления, когда придет тому час... Счастливы мы, что Господу угодно было послать нас в мир в эти страшные годы переходной эпохи, – ибо великие испытания только закаляют душу для грядущего творчества, а мы знаем, что впереди нас ожидает громадная духовная работа по возрождению нашей Родины. Но нельзя зажечь пламенник знания без внутреннего чувства Бога; нельзя, не приобщившись к сокровенным истокам Тайноведения, создавать новые духовные ценности. Поэтому, чтобы оказаться достойными принять участие в строительной работе возрождения нашей Родины, – сначала нужно внутренне подготовить себя, преобразить душу, убрать обитель сердца, твердо идти за мерцающим светильником Истины, упорно работать над своим духовным развитием. Последнее мы считаем особенно важным, ибо оно и является в наших глазах высшей ступенью знания.

Не на физическом плане, не с оружием в руках сражаемся мы за нашу Родину. Наша борьба состоит в *сознании новых духовных ценностей*, в напряженной духовно-психической работе, невидимой и неосязаемой, которая, однако, является лучшим оружием против сил мрака, ибо воистину Свет победит тьму. С душой, осиянной ослепительным светом Сокровенного Знания, идем мы на помощь Родине в борьбе ее со злом, и мы глубоко верим – в этом помогут нам святые угодники.

Мы знаем – святые угодники уже неоднократно спасали нашу Родину в трудные минуты ее жизни... Теперь, в жестокие дни великих испытаний, в дни напряженнейшей борьбы тьмы и Света, эти угодники незримо помогают нашей Родине и через горнило

страдания и скорби ведут ее к светлому будущему.

Только в историческом опыте нашего прошлого мы можем найти указания, куда и как нам идти, и радостная весть для многих, кто ее может понять и оценить, уже провозглашена для нас. Уже есть зов на путь истинного служения нашей Родине и нашему народу. Может быть, немногие его расслышали, но это еще не значит, что его не было.

Если мы обратимся к духовной истории нашего народа, особенно к тем тяжелым национальным моментам катастрофических потрясений, когда, казалось, приближался последний час нашего исторического бытия, то увидим, что в самый страшный момент нашей истории всегда совершалась великая тайна невидимого заступничества Высшей Воли. Совершалось чудесное национальное обновление и великий духовный подъем. Если мы пойдем к источнику этой благодати, то всегда найдем его в тенистых рощах Радонежа, в келье векового духовного вождя русского народа, Святого и Преподобного Сергия Радонежского.

Историк Ключевский, человек, озаренный зорким духовным прозрением в судьбу нашего народа, писал: «Русская государственность не погибнет до тех пор, пока у раки Преподобного будет гореть лампада».

Темные силы ныне в первую очередь погасили этот источник Света, и пусть те, кто горит еще девственным желанием служения, – возьмут на себя почин возжечь этот потушенный Свет. Если не там, где когда-то строил Преподобный Святитель-плотник свою келию духа, то – здесь, за рубежом. Ибо прав профессор Рерих, который говорит, что дух Преподобного Сергия выходит из рамок только русского национального служения и имеет общечеловеческое значение.

А поэтому наш реальный путь не только в устройстве политических митингов и разработке экономических доктрин, но и в духовном подвиге, в молитвенном уповании и просьбе к Преподобному как надежному ходатаю пред престолом Господа Бога и заступнику за русский народ, который он не раз спасал и выводил на путь Истины и не замедлит, конечно, спасти и на этот раз.

Пусть не думают, что это призыв только к молитве как к некоему акту бездействия или отказ от активной борьбы, нет, – это призыв к еще большей напряженной деятельности, еще к большей жертвенности. Это призыв к монашеству в миру, к схиме служения благу. Ибо Дух Преподобного Сергия есть дух непрестанной деятельности и вечного конструктивного творчества.

Мы уже упомянули, как в самые страшные моменты русской истории чудесное заступничество Преподобного спасло наш народ. Вспомним историю борьбы Дмитрия Донского, на котором было благословение Преподобного Сергия и который был осиян его творческим и дерзновенным духом. Вспомним времена Смутного времени, когда настойчивые и повторные видения Преподобного простым русским людям и посадскому мещанину Минину вывели их на великое служение своей стране. Все великие акты русской истории совершались под знаменем Преподобного. Не видеть этого, значит иметь закрытые глаза.

Достойно величайшего изумления, почему это в наше время громадное большинство русских людей забыло своего духовного Водителя Преподобного Сергия Радонежского.

На протяжении истории русский народ всегда уповал на Преподобного и полагал на него свою волю и говаривал: «Преподобный знает, Преподобный сделает». От нас же самих нужен лишь духовный молитвенный подвиг, напряженность жертвенного горения и дерзаний к победе и, чтобы наши молитвы были услышаны Им, очистить свои умы от грязных и злых мыслей, дабы мы воистину могли представлять из себя в его руках искусное оружие, могущее разить врага и на расстоянии.

И сейчас наиболее нужное время выбросить Его Знамя – а Знамя Святителя это чудесное явление Преподобному Владычицы. Это знамя спасало и спасет нас и сейчас...

Наш реальный путь – не в залах политической Вавилонской башни, где на непонятных языках люди вырабатывают программы и грызутся из-за параграфов своих партий, а в утверждении, что в приближающейся схватке с силами тьмы неизмеримо большую действенную силу будет иметь молитвенная слеза какой-нибудь богобоязненной

неграмотной старушки перед образом угодников Божиих, чем сотни томов разных политических доктрин, написанных каким-нибудь умным и ученым политиком.

И теперь, в эпоху разгула темных сил, первым этапом служения под знаменем Преподобного будет ясное осознание в наших сердцах Его как Водителя и заступника перед Престолом Всевышнего. Уже сейчас начинают создаваться в разных местах нашего рассеяния часовни и алтари во имя Преподобного Сергия, и это радостное явление нужно расширить, нужно везде и всюду, где позволят обстоятельства, водружать Его Образ и возжигать лампаду Света.

Уже есть указания на то, что Преподобный Сергей начал новое служение своему народу. Уже идет по Москве и всем весям нашей Родины народная молва о всё чаще и чаще повторяющихся явлениях Преподобного Сергия разным русским лицам. Эта молва уже гудит по России. Ее отзвуки появляются в виде сообщений в русских газетах за рубежом. Мы иногда их сами читаем, а прочитавши наряду с очередным отчетом о состоявшемся бале или футбольном состязании, забываем, в худшем случае – не верим.

О если бы мы все могли поверить этой радостной вести, мы знали бы, что час восхода Солнца земли нашей – близок. Будем же просить и молить Преподобного о новом заступлении пред Господом Богом за наше русское несчастное царство. Преподобный Сергей – русский, от плоти и крови русского народа. Полюбим Его все, как Он любит нас, и час нашего избавления близок. Дерзающим же стать под Духовное Знамя Преподобного нужно всегда иметь в своем сердце слова обращений к Водителю: «Отче Сергей, с Тобой идем, с Тобой и победим».

Шанхай, 22 ноября 1934

РЦНК. Архив Института «Урусвати».

Ф. 1, оп. I, д. 13. Машиноп. копия

ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА ДУХОВНОМУ СОДРУЖЕСТВУ В ШАНХАЕ

24 августа 1935

Дорогие друзья,

Наверное, вы читаете мои письма, когда видаетесь. Вы чувствовали, что некоторые мои листы имели отношение и до ваших обстоятельств. Конечно, другие записки имели в виду каких-то других сотрудников, ведь за горами, за морями их много. Хочется сказать вам, что – всё ладно. Пути правильны, а потому никто не должен удивляться, если моментально не может дать себе отчет, почему, что и как. Если даже почему-то будете реже писать, мы будем знать причину. И вы, конечно, всегда чувствуете, что письма могут быть и на бумаге, и в мыслях. При этом трудно решить, которые письма доходчивее...

Не сумею сказать вам точно, когда именно выйдет печатаемая в Европе моя книга, но, наверное, вы будете знать об этом. Радовался я, что мой Лист «Содружество» дошел до вас к сроку, как и должно было быть. В нем мне хотелось оставить вам и укрепление, и светлый взгляд на будущее. Поверьте, если основы будут прочны, то и всё остальное будет нарастать. Лишь бы не подгнивали корни, или трениями, или какими-то посторонними отвлечениями. Ведь корешок, необдуманно высунувшийся, прохожий может обрубить и сжечь. Вот и около нас, около стана, сейчас много таких корней вязовых, кем-то когда-то обрубленных. Пусть сама природа напоминает вам о целесообразности и соизмеримости. Ведь одни из главных несчастий происходят оттого, что иногда люди бывают безрасчетно расточительны или небрежны и теряют всякую соизмеримость.

Радуюсь, что и «Катакомбы» были поняты как следует. Когда мы посещали священные первых христиан катакомбы, то всегда являлась мысль о том, какое горение, какая светлая деятельность излучались из этих святых подземелий. Да, нужна деятельность как рассадник растущих энергий. В творчестве даже самые трудные обстоятельства проходят незаметно. Всякое уныние обычно возникает от недостатка творчества, скажем вернее, добротворчества.

Конечно, одним из лучших пособников добротворчества будет дружеское сотрудничество, а вы и его имеете. Также необходимо и сердечное руководство, а вы его имеете. Также необходимо и иерархическое утверждение высшее, а вы и его имеете в лице священного Воеводы русского Преподобного Сергия. Значит, вы и укреплены, и обеспечены в продвижении всегда, когда к нему готовы. Не раз вы писали мне о подходе новых друзей, очень хороших. Не знаю я их имен. При случае хотелось бы иметь их портреты, хотя бы даже в самых маленьких фотографиях.

Как видите, я не повторяю о том сердечном доверии, которое вы должны питать друг к другу. Это уже такая примитивная основа, о которой, при вашей осведомленности, уже и повторять не нужно. И без того вы каждоминуто помните, что всё, что вы мыслите, всё, что вы творите – вы являете перед ликом самого Преподобного. Дерзните ли вы огорчить Его каким-либо нерадением, дерзостью, сквернословием или, чего Боже сохрани, предательством. Конечно, никто из вас не допустит, чтобы прямо или косвенно наносилось огорчение или расточалась бы благодатная энергия Священного Воеводы. А из этого высокого примера вы найдете и сердечную бережливость друг к другу.

Еще и еще раз радостно сознавать, что самоусовершенствование не есть самость, но именно широкое добротворчество. Только в этом сияющем горниле вы можете преуспеть. Люди особенно часто вредят и себе, и всему окружающему, допуская злоречие и глумление за спиною и подло, тайком. При случае выясняйте людям, что всякое злоречие и глумление на них же обернется удесятенно. Обернется в самую неожиданную для них минуту, когда, может быть, они находятся в иллюзии победы. Так часто люди воображают свое победительное благополучие именно тогда, когда они находятся уже на краю вырытой ими самими же пропасти. Но там, где сердце чисто, где оно было раскрыто перед Господом, перед Святым предстателем и Воеводою, там не может быть темных зарождений.

Когда я настаивал, чтобы вы постоянно имели перед глазами своими изображение Преподобного, я имел в виду ваше ближайшее благополучие и удачу. Постепенно вы настолько врежете в ваше сознание облик Священного Воеводы, что Он неотступно пребудет в вас, наполняя вас неисчерпаемыми новыми силами. В то время, когда темные будут клеветать и глумиться и кривляться за спиною – вы будете радостны духом, ибо перед ликом Преподобного вы будете сильны, тверды и нерушимы. Выясняйте людям, что ваше почитание Преподобного, Священного, от Христа поставленного Воеводы русского ни в коем случае не является каким-либо умалением всех прочих святых и подвижников. У каждого из этих высоких священных тружеников – своя благодатная миссия. Когда на парусах Средиземного и Черного моря расцветает изображение Св. Николая Чудотворца Мирликийского, никто тому не удивляется. Все понимают, когда воздвигается лик Спаса и Пресвятой Владычицы. Все понимают великое значение и Св. Антония, и Св. Серафима, и всех великих предстателей. У каждого из них есть великое поручение, и Преподобный Сергий уже дважды принимал на себя водительство путями русскими. Сумейте не только почитать, но и сердечно полюбить. Именно в любви и преданности вы не допустите умаления или глумления. Каждый глумящийся уже предательствует. Вы же должны уберечься от всякого предательства, ведь оно, как темная отравка, заражает весь организм.

Не преувеличим, если скажем, что большинство человеческих болезней и несчастий происходит от предательства и прочих низких и грубых выявлений. «Не всякий глаголящий Мне: Господи! Господи! – войдет в Царство Небесное». Помните эти потрясающие заветы, в которых так ясно и четко и повелительно определено должное состояние духа. Странно подумать, что еще и посейчас люди думают, что мысли их могут быть тайною. Именно нет ничего тайного, что бы не стало явным. А сейчас эта явность обнаруживается как-то особенно быстро. И злобный бумеранг как-то особенно сильно и немедленно ударяет метнувшего его. Разве не прискорбно видеть метателей зла, которые в каком-то безумии мечут отравленные стрелы и сами корчатся от разбросанного яда своего.

Очаги добротворчества нужны так же, как врачебно-санитарные учреждения. Повсюду жалуются на отсутствие достаточных санитарных мероприятий. Так же точно следует стремиться к тому, чтобы очаги добротворчества умножались на благодатных основах. «С оружием Света в правой и левой руке», по завету Апостолов, следует пребывать в

священном дозоре. Вы-то уже достоверно знаете, насколько такие дозоры вовсе не отвлеченность, но самое действенное и неотложное выявление благоразумия. Хотя бы самое простое благоразумие повелительно требует от людей соблюдения чистоты мыслей. Ведь в чистоте мысли нет ничего ни сверхъестественного, ни отвлеченного. Мысль действительнее слова. Мысль творящая, и потому она является рассадником добротворчества или злоумышления. Человек, вложивший злую мысль, не менее, если не более ответственен, нежели производящий злое действие. И это вы-то знаете твердо, но вам придется твердить это много, много раз. Не огорчайтесь, что вам придется повторять эти простейшие истины несчетное число раз разным встречным. Найдите слово самое доходчивое. Примите во внимание все условия быта вашего собеседника. Сумейте решить, где нужно тишайшее слово, а где нужна поразительная молния Света. Обнаружьте для себя, где возможно нечто стремительное, а где может быть заронено семя добра на продолжительное время. Без огорчения наблюдайте эти всходы. Всякое доброе семя рано или поздно процветет, и не нам судить о том, когда и как должно расцвести добро посеянное. Сеятель должен сеять и не воображать себя жнецом. Сожнет тот, кому будет указано приступить к жатве. И никто не скажет, что прекраснее: посев или жатва. От посева рука устает, и в жнитве спина утруждается. И то и другое – в поту, в труде. Но радостны эти труды, ибо в них полагается утверждение блага. А сердце ваше, когда соблюдено в чистоте, отлично знает, где истинное благо. И наедине, и в беседах дружеских вы будете неустанно и неотложно сеять добро и найдете в себе радость и бодрость в трудах этих.

Содружество есть сотрудничество, а сотрудничество есть общая песнь труду и творчеству. Молитва о творчестве будет сильна и благодатна. Да снизойдет благодать и благословение Преподобного Сергия на вас во всех светлых трудах ваших.

Духом с вами

Р.

NRM. Машинописная копия.

Копия: РЦНК

Н.К.РЕРИХ – ЗНАМЕНОСЕЦ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Альфред Хейдок

Старая, дореволюционная царская Россия хорошо знала имя академика Н.Рериха. Задумал ли русский царь строить у себя церковь по образцу древних новгородских храмов – из десятков представленных ему изображений царь выбрал проект Рериха. Понадобилось ли на Руси украсить вдохновенной кисти иконами новоотстроенный храм – кого приглашали? Приглашали Рериха. Кто написал картины духовного и пророческого содержания, перед которыми теперь часами в безмолвном восхищении простаивают посетители 29-этажного Музея имени Н.Рериха в Нью-Йорке, в Америке? Кто творец этих проникнутых духом и духовностью неподражаемых картин: «Царица Небесная», «Чаша Христа», «Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат», «Святые гости», «Сергий Строитель», «Не устрашимся», «Свет небесный» и многих других, количеством больше трех тысяч? Одних ликов Христовых написано Рерихом больше ста! И написаны так, что их, скорее, можно назвать молитвами художника, приившими зримые глаза образы... Кто создал Знамя Мира и международный договор по охране культурных, духовных ценностей, принятый уже тридцатью государствами, большими и малыми, и кто, наконец, разнес славу русскую по всему свету, где в настоящее время в Америке, Азии, Африке и в Европе насчитывается семьдесят два общества имени Н.Рериха?

Поистине – не оскудела Русская земля, коль рождаются в ней такие богатыри духа, как Николай Константинович Рерих!

И хотя на Руси храмы Божии запечатываются теперь печатью антихристовой, а иконы и картины, написанные Н.Рерихом, давно уже вывезены коммунистами за границу,

светильник духа, пламя которого всю долгую жизнь возжигал Н.Рерих, – этого коммунисты погасить не могли!

С этим светильником, возженным в великом сердце своем, Н.Рерих объехал все страны мира, объединяя вокруг себя как русских изгнанников за границей, так и иностранцев, призывая их к служению Богу, добру, свету, знанию в борьбе с силами сатанинскими. Пять лет провел он в пустыне и на высотах Гималайских гор. Проходил там, где никто не мог пройти, перевалил тридцать два высочайших в мире горных перевала и написал целый ряд изумительных по красоте и глубине книг. И все эти долгие пути и восхождения проделал Н.Рерих в поисках возможностей начать борьбу с заполонившим Россию коммунизмом, во имя спасения своего обманутого и ограбленного русского народа!

Нашел ли он эти возможности? Да, нашел! После своего возвращения из пустынь в населенные места, всюду, где находились русские люди, Н.Рерих объявлял: «Россию спасет русский же святитель, Преподобный Сергей Радонежский, тот самый, кто спас ее от татар в Куликовской битве, кто трижды явившись в сновидении Минину, заставил его собрать ополчение воеводы Пожарского для освобождения Москвы от поляков, – тот же защитник спасет Россию и в третий раз от слуг сатанинских, коммунистов. Объединимся вокруг имени Святого Сергея и станем под его знамя, ибо приспели сроки!»

«Откуда он знает?» – удивлялись одни. «Разве древние камни пустыни рассказали Рериху свои тайны?» – вопрошали другие.

Недоверие и непонимание окружающих всегда было и будет уделом великих людей. (Где тот пророк, в которого не бросали камнями.) Вокруг имени Н.Рериха возникали недоуменные вопросы. Как? Художник, храмостроитель, путешественник и писатель хочет спасти русский народ объединением под знаменем Св. Сергея? Причем тут Св. Сергей, когда для борьбы с коммунизмом требуются сила, деньги и оружие? Да наконец, как смеет Н.Рерих браться за незнакомое ему дело политической борьбы, когда до него за то же самое дело брались исключительные специалисты, военные политики – и то ничего не могли сделать?!

Люди, задающие такого рода вопросы, только обнаруживали свое недомыслие. Ведь потому-то Рерих и берется за освобождение России, что никакие другие специалисты этого не могли сделать! А на другие вопросы мы получим ответ, если обратимся к жизни Н.Рериха, к его личности, к успеху всех его начинаний. Тогда нам станет ясно избранничество этого человека и несомненное покровительство ему Сил Вышних.

Избранничество сказалось в нем уже с детских лет, о чем имеются свидетельства во многих жизнеописаниях Н.Рериха, переведенных на все культурные языки. Когда девятилетнего Рериха приводят в Петербурге к директору гимназии К.И.Маю, директор восклицает: «Да ведь это будущий профессор!» В Академии Художеств Н.Рерих в один год проходит по три класса... Несмотря на усиленные занятия живописью, Рерих так, между прочими занятиями, оканчивает и Юридический факультет. Необычайно рано, совсем молодым человеком, Рерих назначают помощником директора Музея Общества Поощрения Художеств. В 1906 году он уже директор художественной школы. Его работы имеют невиданный успех... Во время революции ему предлагают пост министра, но Рерих отказывается и уезжает в Америку, ибо предвидит ужасы грядущего и задумывается, как лечить Родину. В Америке быстро вокруг него сплываются дружные общества и воздвигается 29-этажный небоскреб под Музей Рериха. Оттуда Рерих, уже признанный вождь духовной культуры человечества, уезжает в опасную экспедицию, в самое сердце Азии, и возвращается только в 1928 г. Десять тысяч друзей и почитателей приходят отпраздновать сорокалетие его работы на благо человечества. В разных частях света стремительно возрастает количество обществ имени Н.Рериха, открывается Парижский центр для Европы. Рерих создает Знамя Мира и международный договор об охране культурных ценностей и, как председатель всемирного союза, подносит знаки отличия, ордена королям и президентам. Все великие люди мира с ним в переписке, все шлют ему благие пожелания и содействуют. Во всех странах к имени Н.Рериха прибавляют – «вождь культуры». Один восточный деятель пишет: «Наши земли были почтены приходом Рериха».

Рерих многогранен. Банкир обращается к нему за дельным советом по финансовым операциям. Государственные деятели также не остаются без ответа, когда с трудными

вопросами обращаются к Рериху за указаниями. И везде говорят: «Там, где Рерих, там будет успех!» На Востоке и на Западе слагаются о нем целые легенды. Тибетские жители уверяют, что во время азиатской экспедиции, когда разбойники напали на Н.Рериха и его сына, – пули от них отскакивали... Но больше всего поражает, что справедливость и величие души Н.Рериха единогласно оценили первосвященники разных религий мира. Не говоря уже о благословении митрополита Антония, главы Зарубежной православной церкви, которое, вполне понятно, было дано Рериху как глубоко православному человеку, – такое же благословение прислали ему и Папа Римский, и [духовный] глава буддистов Таши-лама Тибетский.

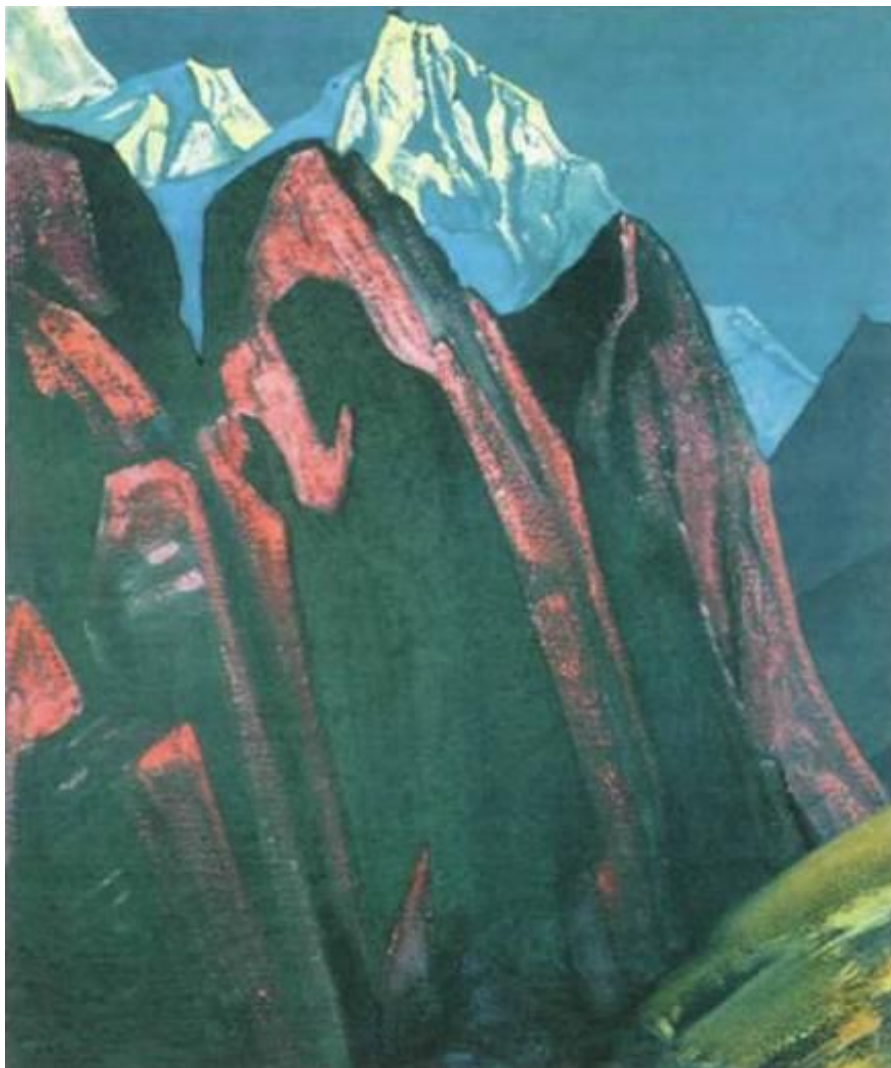
Почему избранники знают больше нас, обыкновенных людей? Если можно спрашивать: «Откуда Рерих знает, что именно Святой Сергей Радонежский спасет Россию и сроки ее освобождения так близки?» – то так же можно было спрашивать и пророков Священного Писания, откуда они узнавали грядущее. Источник знания, несомненно, один и тот же.

«По преданию, более тысячи лет тому назад, – говорится в русской истории, – славяне призвали варяжских князей, чтобы те "володели и правили" русской землей, ибо в ней не было порядка. Пришли три брата варяжские: Рюрик, Синеус и Трувор». Рерих, Рюрик – какое удивительное созвучие!

Когда люди обладают свободным выбором – кому они вручают водительство над собой? Только достойнейшему. Почему в разных странах различные группы народов принимают водительство Рериха? Почему «вождь культуры» стало именем Н.Рериха? А ведь «вождь культуры» – не есть ли это вождь жизни...

Чего же знаменосец Св. Сергея Н.Рерих требует от нас, русских людей, жаждущих нашего и Родины освобождения от сатанинского ига коммунизма? Он требует первым делом веры, затем мужества и сотрудничества всех истинных сынов России. «Когда русский народ возымеет этих трех, – говорит Н.Рерих, – тогда всё нужное для борьбы будет у него, ибо русская земля полна силы, и оружия в ней достаточно... Зову на строительство новой свободной России. Чтоб не предавал больше брата брат, сын отца. Чтоб крестьянин получил полную волю на своей собственной земле и чтоб ни одна рука не коснулась плодов его работы. Чтоб забыли люди о грабительских конфискациях, раскулачиваниях, лишениях, тюрьмах и острогах!.. Снова услышим звон колоколов на Руси, – продолжает Рерих, – свободный русский народ создаст неслыханное благополучие на свободной Русской земле – так сказано. Но для этого пусть народ обратит сердце свое к величайшему святителю своей земли Преподобному Сергию Радонежскому и пусть будет готов, когда посланцы придут звать его на подвиг. Это будет скоро, скоро...»

NRM. Машинопись

Н.К.Рерих. Тень Учителя (Майтрейя). 1932. Фрагмент.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

ГЕНРИ УОЛЛЕС: МИНИСТР И МИСТИК

I

Ключевой фигурой в деле осуществления Н.К.Рерихом Мирового плана явился Генри Уоллес, министр сельского хозяйства Северо-Американских Соединенных Штатов. В то же время именно с ним связаны роковые неудачи в воплощении идеи Новой Страны. В глубине исторической сцены за кулисами стояли и другие участники событий – Луис Хорш и Эстер Лихтман. Но это совершенно отдельная история, со своими не менее интригующими обстоятельствами. Личность же Уоллеса, или Галахада, заслуживает более пристального внимания.

Генри Уоллес происходил из семьи преуспевающих фермеров американского штата Айова. Следуя семейной традиции, он посвятил себя сельскому хозяйству. И наравне с любовью к земле отдавал досуг теософии, будучи глубоко религиозным и расположенным даже фанатично к занятиям подобного рода. Мистическая натура склоняла его к Востоку, поэтому и встреча с Рерихом была в конце концов неизбежна. Она произошла, и вместе с ней явились реальные возможности проведения Маньчжурской экспедиции. В феврале 1933 года Генри Уоллес заступил на должность министра сельского хозяйства. Но задолго до назначения у него уже установились отношения с сотрудниками Музея Рериха. Первой в этом звене оказалась Фрэнсис Грант.

Интерес к духовным вопросам у Генри Уоллеса постепенно перерос в преклонение перед Рерихом. Всемирно известный художник проповедовал на Западе Учение Агни-йоги и открыто провозгласил идеал Шамбалы. Министр обрел своего долгожданного Гуру. Произошло это заочно, по переписке, еще до личного контакта с Рерихом. Правда, было мимолетное знакомство в Нью-Йорке в 1929-м. Главная же встреча состоялась в марте 1934 года в Вашингтоне, и к этому времени Генри Уоллес, больше чем кто-либо другой, помимо ближайших сотрудников рериховских учреждений, разделял «гуманистические цели и широкие задачи» своего Учителя. Музей Рериха и его основатель были нацелены на создание «мирового культурного братства» [1, с. 11].

Самые первые контакты Генри Уоллеса с Музеем Рериха можно отнести к началу апреля 1927 года. Об этом сообщает в своих заметках Фрэнсис Грант [2]. Причем посещение Музея отнюдь не было случайностью. В историю с Уоллесом оказался вовлеченным всё тот же Д.Н.Бородин, сибирский агроном, направленный Советским правительством в Америку для изучения фермерского метода хозяйствования, для отбора семян и пород домашнего скота. Во время одной из поездок по близнему Западу Соединенных Штатов Бородин посетил штат Айова и познакомился с крупным фермером Генри Уоллесом, который к тому же являлся главным редактором еженедельника «Уоллесес Фармер» (Wallaces' Farmer). Этот журнал был основан еще отцом Уоллеса, состоявшим министром сельского хозяйства при кабинете президента США Герберта Гувера. Бородин рассказал Уоллесу, уже тогда питавшему неподдельный интерес к Востоку, о Николае Рерихе и его картинах, а также об исследованиях художника в области азиатской археологии и культуры.

Итак, после встречи с Бородиным в Айове, Генри Уоллес по рекомендации советского агронома в первый же приезд в Нью-Йорк появился в Музее. Он пришел без предупреждения, и поскольку это был воскресный день, то гость мог уйти, так ни с кем и не повидавшись. Наудачу в Музее оказалась Фрэнсис Грант, она жила в доме напротив и по выходным часто работала в своем офисе. Они познакомились, и отныне Грант становится ближайшим другом фермера, который выделил ее среди сотрудников Музея. С легкой руки Фрэнсис Грант сам Уоллес получил конспиративное имя «Друг». Но это было гораздо позже, уже при министерской должности. Забегая вперед, следует отметить, что именно Грант выступила непосредственным очевидцем и участником маньчжурской эпопеи, «единственным свидетелем, практически ежедневно поддерживавшим контакт с Уоллесом на протяжении трех лет» [2, с. 5]. После осмотра Музея Генри Уоллес был зачарован

пейзажами Рериха, величественными видами Гималаев. Он задавал многочисленные вопросы и дал понять Фрэнсис Грант, что питает далеко не праздный, особый интерес ко всему связанному с Азией.

Сразу же после визита в Музей Рериха между Айовой и Нью-Йорком устанавливается переписка. В своем первом письме от 8 апреля 1927-го Фрэнсис Грант приглашает Генри Уоллеса снова посетить рериховские учреждения на 103-й Стрит. Посылает ему первый выпуск журнала «Арчер» и сиккимский дневник профессора Рериха. «После общения с вами у нас сложилось впечатление, что мы сможем найти более широкую почву для сотрудничества» [3]. Уже в июле, спустя всего три месяца после встречи в Нью-Йорке, Уоллес становится членом Общества друзей Музея Рериха и получает по почте членскую карточку [4]. В течение года происходит обмен письмами.

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке.
Рабочий эскиз

Летом 1928-го Фрэнсис Грант вместе с Зинаидой Лихтман отправляется в Индию, куда прибыла Центральноазиатская экспедиция Рериха после многолетних странствий по Кашгарию, Монголии и Тибету. Из Индии начинается новая страница сотрудничества с Уоллесом. В Дарджилинге оформилась идея строительства научного центра «Урусвати» в Западных Гималаях. Было решено приступить к исследованию флоры и лекарственных растений горных районов, пригласить ученых для изучения необычайных природных

феноменов долины Кулу. Уоллес проявил большой интерес к данной работе. Его реакция была вполне естественной, поскольку он сам проводил эксперименты по выведению новых сортов зерновых и кукурузы на своей ферме в Айове. «Генри Уоллеса прежде всего интересовали исследования растительной жизни Гималаев. Этот проект, помноженный на интерес к Востоку и всему оккультному, оказался очень близок его собственным экспериментам по выращиванию гибридной кукурузы» [2, с. 3]. Позже, в начале 1930-х, опыты Уоллеса увенчались успехом, ему удалось вывести гибрид, на котором он сделал целое состояние, и слава великого фермера открыла путь к министерскому креслу.

Прямо из Дарджилинга 23 октября 1928 года Фрэнсис Грант направляет Уоллесу письмо. Дело не терпит отлагательства. В этом письме идет речь об организации американского центра в Гималаях, где сложились уникальные условия для исследования электромагнитного излучения природной среды [5]. Оказалось, Уоллес давно уже ставит эксперименты, связанные с электромагнитными излучениями, а именно они и должны стать основной областью специализации «Урусвати» [6]. Фермер из Айовы постепенно вовлекается в деятельность Института Гималайских исследований. В начале 1931 года он получает, как эксперт, отчет сотрудника Института доктора Вальтера Кёльца, составившего описание собранных в окрестностях долины Кулу растений [7]. Из Индии ему направляют также образцы кукурузных зёрен. Эти посылки – неоценимая помощь в разведении гибридной кукурузы.

Новый этап отношений Генри Уоллеса с Музеем Рериха начался осенью 1932 года. И связан он был с кампанией по выбору президента США. Уоллес активно поддерживал Франклина Рузвельта через свой еженедельник «Уоллесес Фармер», ориентированный на фермеров, и участвовал в предвыборных хлопотах в штате Айова. Либеральные взгляды Рузвельта, несомненно, импонировали Уоллесу, который стал демократом, невзирая на то что вся его семья традиционно числилась в республиканцах. Подоплекой такого расхождения с семейной традицией послужила неприязнь к Герберту Гуверу. В свое время отец Уоллеса участвовал в президентском избирательном марафоне на стороне Гувера и стал министром сельского хозяйства. На этом министерском посту он умер, и Генри Уоллес всегда считал, что работа при «режиме» Гувера и трения с президентом сыграли свою роковую роль. Сын в целом повторил путь отца. Будучи в лагере Рузвельта, Уоллес стал идеальной фигурой на пост министра сельского хозяйства в кабинете нового президента. Именно осенью 1932-го во время очередного визита в Музей Уоллес сообщил Грант о переменах в своей жизни [1, с. 11]. Айовский фермер приехал в Нью-Йорк в гости к своему другу Генри Моргентау, который был, в свою очередь, близким другом Рузвельта. Вместе они посетили дом президента в Гайд-Парке, где и было сделано предложение принять портфель министра. Для Генри Уоллеса такой шаг означал кардинальные перемены в жизни, для Музея Рериха – сигнал к вступлению в большую политику.

До инаугурации Франклина Рузвельта будущий министр Уоллес много времени проводил в восточной части Соединенных Штатов, встречаясь с новыми коллегами-политиками. В этот период он часто посещал нью-йоркский Музей. Однажды он привел с собой Луиса Бина, ставшего впоследствии статистиком министерства сельского хозяйства. Семья Бинов состояла в большой дружбе с Уоллесом и поддерживала его теософские искания, а позже разделила интерес министра к азиатским программам Музея. Рерих постарался максимально использовать сложившуюся ситуацию. Вхождение во власть его американских учреждений стало вполне реальным. В 1932 году Музей внес в Белый Дом два проекта – научно-исследовательскую работу в Гималаях и Пакт Рериха. Поддержка правительства Соединенных Штатов должна была придать импульс этим начинаниям. «Во многих отношениях эра Рузвельта, начавшаяся под знаменем "Нового Порядка", имела схожий подтекст» [1, с. 11]. Масштабность фигуры Рузвельта, выдвинувшегося в мировой политике 1930-х, вполне могла возбудить новое ощущение культурного единства и братства народов.

К моменту своего первого посещения Музея Рериха Уоллес успел прикоснуться к изучению всевозможных религиозно-оккультных доктрин. По крайней мере, так утверждала Фрэнсис Грант. «Его ни в коем случае нельзя было отнести к банальным искателям острых

ощущений, охотно посещавшим спиритические сеансы» [2, с. 3]. Генри Уоллес состоял членом Теософского общества, официально – начиная с апреля 1925-го. За полгода до вступления в Общество его глубоко потрясла смерть отца, и он силился найти «духовный смысл» существования. Хотя и прежде будущий министр уже посещал заседания Общества «два или три раза», впервые – в 1919 году, а по воспоминаниям теософа Луиса Бина – и в 1923 году в Вашингтоне. Уоллес испытывал глубокую симпатию к теософскому движению, поскольку оно было призвано, по замыслу его основательницы Е.П.Блаватской, служить интересам наибольшего числа людей. Он писал одному из своих теософских корреспондентов в конце 1931 года: «По сути я не являюсь ни селекционером кукурузы, ни редактором – я человек, ищущий способ заставить "Внутренний свет" засиять во внешних проявлениях» [8]. Он признается, что самым важным для него «станет искание религиозной доминанты Нового века» [там же].

Однако никакая реформация не возможна без человеческой опоры. Поиск посредников, способных скрепить эзотерическую связь, приводит Уоллеса к дружбе с ирландским теософом и поэтом Джорджем Расселом, американским лекарем Чарльзом Роосом, главным хранителем «Храма Человечества» в Халсионе Уильямом Дауэром, членом Теософского общества им. Безант в Охайе Эдвардом Джондро, которого справедливо называли «великим шаманом». Вся эта блестящая плеяда современников, взрастившая себя на идеях теософии, явилась мостиком к будущей карьере Уоллеса. Как политик, он вынужден был скрывать свои трансцендентные цели, облекая их в общедоступную форму социальных преобразований. Лишь изредка в публичных речах министр позволял себе перейти опасную границу. Это балансирование сохранялось до тех пор, пока впоследствии не прервалась его духовная связь с Рерихом.

Психологическая атмосфера, в которой формировалась личность Генри Уоллеса в начале 1930-х годов, была уникальна. Главным проводником, направлявшим будущего министра на «путь служения», стал Чарльз Роос. Это самобытный лекарь, принявший посвящение у индейцев ирокезов. Сам он называл себя финном и своей настоящей родиной считал Финляндию, входившую до Октябрьской революции в состав Российской Империи. «Я должен оставаться финном, – писал он в письме Уоллесу. – Барабаны сиу и кличи шошонов берут меня за живое, но внутри постоянно звучит Песнь России» (19.10.1931) [9]. Эта песнь со временем превратилась в плач, и Россия для Рооса стала «Землей дьявола». Вот на такой почве начал свои духовные труды «Генри Сеятель Кукурузы» (30.9.1931) [9]. Непосредственное влияние Рооса на Уоллеса в религиозном плане оказалось непревзойденным в этот период.

Фермер Генри Уоллес. 1920-е годы

Чарльз Роос и его жена Хуанита жили деревенской жизнью на природе, в Тейлоре Фоллс, Миннесота. По-индейски их обитель именовалась Посеймо, или Ястребиное Гнездо. Невдалеке располагалось «имение» Уоллесов, просто кусок земли с растущим на нем «Золотым клёном». Чета Роос занималась собиранием индейского фольклора, поэзией и молитвенными призывами к древним индейским богам, управляющим стихией дождя. Уоллес познакомился с Роосом, вероятно, через астрологическую ассоциацию в Дес-Мойнсе, где последний состоял очень плодотворным корреспондентом. Айовский фермер также увлекался астрологией, точнее, научной адаптацией астрологических знаний. Он пытался проследить влияние погодных условий (уровня осадков) на колебание урожайности зерновых. При этом использовалась статистическая экспертиза. Корреляционные методы легли в основу гипотезы о связи погоды с фазами Луны и положением планет. (Наибольшее значение придавалось соединению Юпитера и Сатурна.) Главная идея состояла в доказательстве того, что «физическая сила исходит от планет и вызывает изменения погоды» [10]. Роос по-своему оценивал астрологические опыты Уоллеса: «Что такое Бог Дождя, если не контроль за погодой!» (10.11.1932) [11]. Можно сказать, настоящий научный подход...

Духовная власть Чарльза Рооса и его соратника Эдварда Джондро распространялась на «кукурузного жреца» Уоллеса не только по части астрологии. Главный нерв этих отношений – религия и политика, переплетенные воедино. В одном из первых писем от супругов Роос в октябре 1931 года звучали настойчивые нотки об избранности фермера из Айовы. «Мы чувствуем, тебе суждено сыграть важную роль в великом Раскладе Истории» (22.10.1931) [9]. Уоллес пытается найти верную точку опоры в меняющемся мире, который он уверенно связывает с «Новой эпохой». В феврале 1932-го ему предлагают работу на Экспериментальной станции, закрепленной за Департаментом агрикультуры и сельского хозяйства в Вашингтоне. Эта научная станция по странному стечению обстоятельств называется «Канзас». Но об именах и названиях речь еще впереди. Роос подталкивает Уоллеса на трудную стезю политика: «Ничто не может помешать тебе стать сенатором»

(16.2.1932) [12].

Уже через полгода, летом 1932-го, Генри Уоллес активно включается в предвыборную кампанию, чтобы помочь Рузвельту. Мотивация всегда однозначная – древние «Красные Боги» призывают под свои знамена. Роос и Джондро уверены, что «Америке в период кризиса нужен великий человек» (10.7.1932) [13]. И Рузвельт – лучшая кандидатура из тех, которые имеются. Совершенно очевидно, после избрания нового президента последует «водворение в Вашингтоне» самого Уоллеса. Из Посеймо в Айову летят пророчества и указы шаманствующего Рооса:

«Что ж, пора подводить черту под этими Говорящими Листьями. Вновь повторяю: ты взойдешь на Высокие Холмы, если сможешь стать министром сельского хозяйства под началом Рузвельта! Восемь лет на этом посту дадут тебе великую возможность послужить своей стране. Дерзай – с силой, верой и надеждой» (14.7.1932) [13].

Высокие, или Капитолийские холмы – это местность, где расположен Белый Дом, символ президентской власти. Наставление действительно оказалось пророческим. Генри Уоллес восемь лет оставался на посту министра, затем сменил его на кресло вице-президента Соединенных Штатов и стал одним из хозяев Белого Дома.

Вослед наставнику Роосу, говорящему с Красными Богами, появляется другой – Уильям Дауэр. С 1931 года Уоллес проходит курс заочного обучения в «Храме Человечества». Этот духовный центр был основан Франча Ла Дью и Дауэром в Сиракузах близ Нью-Йорка в конце XIX века и через пять лет перенесен в Калифорнию. Свою родословную он вел от Американского Теософского общества, продолжая дело Е.П.Блаватской, и находился, как полагают, под покровительством Гималайского Учителя Илариона. Главная цель Храма была заявлена самим Иларионом через храмовников – научить людей «основополагающему единству жизни» и дать внутренний импульс новой человеческой расе. Присоединение Уоллеса к деятельности Храма стало логическим продолжением его теософских исканий. В ноябре 1931 года ему присваивается официальный статус «ремесленника Храма».

Уильям Дауэр осуществляет руководство, посылая в Айову специальные «уроки», и поддерживает переписку с новоявленным учеником «Школы Жизни». Издавна главный хранитель Храма Человечества связан с Чарльзом Роосом индейским посвящением и узами дружбы. Генри Уоллеса он тоже направляет в мир индейских богов. В июле 1932-го айовский фермер едет в паломничество по местам обитания индейцев племени Онондога близ Сиракуз. Дауэр напутствует Уоллеса в письме:

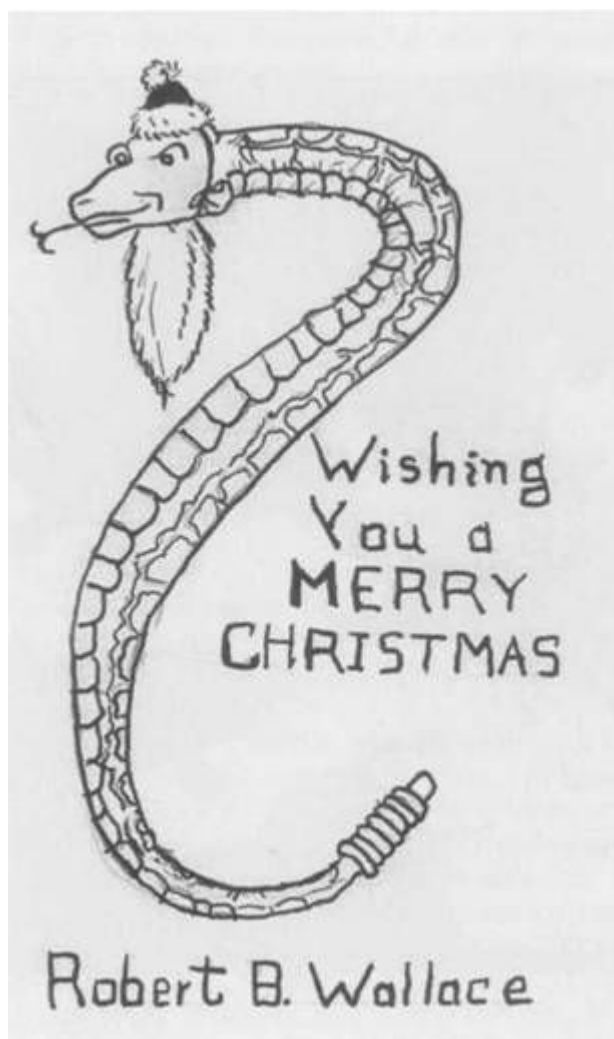
«Если будете в Сиракузах, настоятельно советую проделать путешествие в семь миль к югу и посетить резервацию, старинный дом Гайаваты. Можете спросить, помнят ли они меня под моим индейским именем или как доктора Дауэра. Возможно, даже краткий контакт приведет в действие некие силы вашей ауры, независимо от того, последуют ли внешние проявления. Советую разыскать нынешнего вождя – я его не знаю. Прежний был известен под именем Вождя Ля Форте. Мы были хорошо знакомы, и я не раз посещал его дом, а также дом его брата – Томаса Ля Форте, большого знатока индейского фольклора, повествующего о реинкарнациях, астральных телах, Учителях и т.п. Хотя, как я уже упоминал, эти два воина уже скачут по охотничьим полям в счастливом мире своих праотцев, надеюсь, поскольку я был столь частым гостем, найдется кто-нибудь, кто вспомнит меня, и вам будет оказано особое внимание» (1.7.1932) [14].

Генри Уоллес посетил резервацию Онондога, где встретился с вождями племени. Ему даже подарили настоящий индейский табак, который используется для «огненного жертвоприношения», или раскуривания трубки. После возвращения из путешествия собрата-храмовника Дауэр высказал одобрение: «Уверен, ваша встреча принесла духовную пользу. Так мы идем по знакам, заложенным в далеком прошлом» (9.9.1932) [14]. Что же имел в виду наставник Дауэр? В тайных анналах Храма сохранялись сведения, что великим Гайаватой некогда воплощался Махатма Иларион.

Пожалуй, самое поразительное во всей этой истории, имеющей отношение к формированию мировоззрения Уоллеса, следующее. Вокруг него образовался клубок

метасвязей, жизненных нитей, которые опосредовано тянулись к Рериху. С одной стороны – Генри Уоллес, Чарльз Роос и Тальбот Мунди образовали некий человеческий треугольник (30.9.1931) [9]. Последний, Тальбот Мунди, крупный американский теософ, был также тесно связан с Рерихом и его учреждениями. Он участвовал в культурных проектах Музея и несколько лет даже снимал апартаменты в рериховском небоскребе, в Мастер Билдинге. Мунди подхватил у Рериха тему Шамбалы и внес ее в американскую литературу. Этот самый Мунди состоял в активной переписке и с Роосом. Другой треугольник – всё те же Уоллес и Роос и еще Дауэр. Музей Рериха, а затем и сам Николай Константинович установили тесные отношения с Халсионом. Одно время, в начале 1930-х, даже рассматривался вариант слияния «Храма Человечества» и Института «Урусвати» как родственных организаций [15].

В течение нескольких лет на Уоллеса постоянно изливался благостный поток сведений о Рерихе. (Самым главным источником оставалась Фрэнсис Грант.) Художник прочно занял на Западе место мирового вождя культуры. Уоллес постепенно делал выбор, за кем ему следовать. Масло в огонь подлил Роос своими нелестными характеристиками, оценивавшими Николая Константиновича как мрачного гения, некоего «дуг-па» – так в Тибете называют темных колдунов. Вот образчик такого суждения: «Кстати, об этом художнике Нике из России, который держит галерею картин в Нью-Йорке и сейчас находится в Индии. Берегись!! Мои Боги говорят, этот человек – дуг-па, и поэтому я не хочу иметь с ним ничего общего. Он носит бороду?.. Держись подальше от такого субъекта! Темная птица!.. Плохая магия для нас, вольных пташек, гнездящихся в Зеленом соборе Золотого клёна» (10.11.1932) [11].

Рождественское поздравление Фрэнсис Грант
от Бобби Уоллеса, 22 декабря 1933 года

Министр Г.Э.Уоллес в рабочем кабинете (слева).
На бумагах лежит бронзовый дордже.
Фото из газеты «Нью-Йорк Таймс», 23 июля 1933 года

Возможно, именно субъективизм подобного рода подтолкнул Генри Уоллеса свернуть отношения со своими духовными наставниками. К концу 1933-го дружба с Роосом и Дауэром постепенно иссякает, хотя как-то еще продолжается по инерции в течение последующих нескольких лет (их имена упоминаются в письмах). Министр порывает в это время и с Теософским обществом как организованным движением [16]. Остается главное – теософский образ мышления. Это то, что «никогда не пропадет», по утверждению Луиса Бина. «Это часть его натуры» [там же]. Даже своим детям Уоллес с раннего возраста привил знание эзотерических символов, например культивировал символ «змеи». На Рождество, 22 декабря 1933 года его сын Роберт посылает Фрэнсис Грант, ставшей другом семьи Уоллесов, письмо-поздравление с рисунком теософического змия [17]. В канун 1934-го Генри Уоллес входит в новую гавань, имя которой Музей Рериха.

II

Как только Уоллес водворился в Вашингтоне, туда устремляется Фрэнсис Грант. Поездки ее в столицу становятся регулярными. В налаживании связей с государственными чиновниками помогает Морис Лихтман.

В конце февраля 1933 года Лихтман отправился в Белый Дом и как бы невзначай, мимоходом, посетил Уоллеса. Он передал подарок от Н.К.Рериха и поздравление с Гималаев по случаю вступления на высокий пост. Что же это за подарок, который приличествует министру? Им оказался бронзовый дордже.

Такой предмет вручался избранным сотрудникам, причем не простым смертным, а людям, облеченным властью. В свое время дордже получили Д.Н.Бородин, Г.А.Астахов, Г.В.Чичерин. Теперь он красовался и на рабочем столе Генри Уоллеса. Сразу же после встречи с Лихтманом, министр писал Фрэнсис Грант: «Хочу послать вам это короткое послание, прежде чем меня захватит водоворот. Дордже! Великолепно. Он будет стоять у

меня на столе... Я принимаю дордже, пока нахожусь на правительственной службе» (28.2.1933) [18]. Спустя полтора месяца Уоллеса в министерстве посетил его старый друг агроном Бородин. Гость увидел этот священный буддийский предмет. Он узнал дордже и сказал, что у него «есть такой же» (24.4.1933) [18].

Отношение самого Уоллеса к вещам подобного рода было искренним и неподдельным. Коль скоро Рерих стал для него Гуру, то предметы олицетворяли мистическую связь с пославшим их. Через год, в феврале 1934-го, в ожидании приезда Учителя из Индии министр выражал свое отношение к дордже: «Разглядывал давний подарок, прижал его ко лбу и подумал о длинной серебряной нити» (23.2.1934) [19]. От внимания Уоллеса не мог ускользнуть тот факт, что подобный символ был изображен на портрете Н.К.Рериха, написанном сыном Святославом незадолго до отъезда отца в Маньчжурскую экспедицию. Знаменитый портрет, о котором уже говорилось, Рерихи привезли с собой в Нью-Йорк. В его верхнем углу в круге действительно запечатлен двойной дордже – атрибут верховной власти. Вероятно, Уоллес видел картину 21 марта 1934-го, в день краткого визита в нью-йоркский Музей. «Я думаю о перстне Таши-ламы и великой картине с малиновой мантией, Поталой и скрещенными дордже на заднем плане» (23.3.1934) [20].

Сюжеты на буддийскую тему, к которым несомненно относится и всё связанное с Таши-ламой, взволновали Генри Уоллеса не вдруг и не сразу. В середине 1920-х годов айовский фермер уже интересовался Тибетом. «Однажды он спросил Боро (Бородина), где можно выяснить что-либо о Майтрейе, и тот посоветовал ему зайти в Музей Рериха» [21]. Там было открыто несколько залов с буддийской бронзой, танками и тибетскими манускриптами. Назначение на должность министра совпало с новой волной интереса к буддизму. В этот период Уоллес читает «из учения Будды», мечтает «вместе с сыном Бобби отправиться в Тибет» (17.7.1933) [19], на полном серьезе принимает древнее восточное поверье, согласно которому в июльское полнолуние «в астральном мире справляется Адсекский праздник, где Господь Майтрейя выступает с ежегодным посланием» (7.7.1933) [18].

Впервые Генри Уоллес обратился к Н.К.Рериху как к своему Гуру 12 марта 1934 года, накануне его приезда в Нью-Йорк из Индии. Письмо переполнено эзотерическим смыслом.

«Дорогой Гуру,

Мне часто вспоминается, как Вы держите ларец – самый драгоценный и священный ларец. Я много думал о Новой Стране, идущей вперед, чтобы встретить "семь звезд под знаком трех звезд". И я думал о предзнаменовании "Ждите Камень!"

Мы ожидаем Камень и снова приветствуем Вас на этой славной земле обетованной, хоть она и покрыта туманом неведомых страхов. Кто заставит прозреть тех, которые бредут в темноте?.. Вы – ответ на этот вопрос, и мы приветствуем Вас. Вы выведете нас из депрессии. Прогоните наши страхи. Мы думаем о Людях Северной Шамбалы и о том, как нас озарят вспышки Молний, начало Нового Дня. Ибо к нам спешит Тот, кто наследовал Будде.

Итак, я ожидаю, когда Вы укажете мне совершить то, ради чего я здесь.

Да пребудет с Вами вечно Мир, Радость и Огонь.

Как всегда с почтением – Г., находящийся в вихре водоворота, названного Вашингтоном» [22].

Будда Майтрейя.
Из собрания Музея Рериха в Нью-Йорке, 1930-е

Инициал «Г», стоящий в конце послания, принадлежал Генри Уоллесу. Вся последующая корреспонденция, адресованная Рерихам и Грант, подписывалась, как правило, именем «Галахад». Эзотерическое имя министр получил от своего Гуру Н.К.Рериха. Галахад – это средневековый рыцарь, хранитель Чаши Грааля. Согласно легенде, он вместе с другим рыцарем, Парсифалем, увозит святую чашу на Восток. Существует поверие, что в Чаше находится кровь Христа, собранная у распятия. Реликвия странствует по земле и переходит из рук в руки, когда мир сотрясают великие события. Иногда Святым Граалем называют также Камень Чинтамани. Сокровище Мира переливается всеми цветами радуги. А бывает, Грааль предстает как Нечто незримое, потустороннее, озаряющее всё вокруг живительным светом. Так описывает Грааль Жан Кокто в своей пьесе «Рыцари Круглого Стола».

Имя Уоллесу сообщила Фрэнсис Грант. Это был рождественский подарок министру. В канун 1934 года они встречались в стенах нью-йоркского Музея, 30 декабря целый день провели вместе и в начале января обменялись серией писем. Именно в это время Уоллес полон возвышенных порывов. «Каждый вечер я читаю историю о Камне» (4.1.1934) [23]. Он пишет письмо Модре, углубляясь в смысл данного ему имени. Размышляет о духовном пути, на котором люди обязательно подвергаются «величайшей опасности».

«Да, Поиск, будь то потерянное Слово Масонства или Священная Чаша, или возможности, которые открывает грядущий век, есть единственная достойная высшего смысла цель. Всё остальное – это кармические обязательства, это жизнь. Но, несомненно,

каждый потенциально является Галахадом, Парсифалем...

Разве вы, и Морис, и миссис Л[ихтман] не принимаете вызов? Разве нет людей, которые занимались бы серьезным поиском, и разве многие столь же сознательно не пытаются обрести новое прозрение, подобно прозрению Христа на Тайной вечере... Поистине, в этом смысле мы принадлежим к одной группе... Да будет нам дано стремиться к Чаше, над которой полыхает огонь...» (7.1.1934) [18].

Генри Уоллес делает свой выбор и скрепляет личные отношения с Музеем и с Н.К. и Е.И.Рерих. Он становится Галахадом.

Мартовское письмо Уоллеса открывает целую серию подобных писем, отправленных им на Гималаи. Они получили нашумевшее название «писем к Гуру». Эта переписка, которая велась в законспирированной манере, впервые была предана огласке во время президентской кампании 1940 года. Противники Ф.Д.Рузвельта хотели дискредитировать Уоллеса, поддерживавшего своего патрона, и тем самым подорвать доверие избирателей к самому президенту. Уоллес отрицал свою связь с Рерихом. Хотя несколько экспертов, изучавших почерк министра, пришли к положительному выводу относительно авторства. Главное заключение дал Герман Либерт 18 октября 1940 года (копия хранится в архиве Ф.Р.Грант в Ратгерс университете, США). Однако глава оппозиционной Республиканской партии Джозеф Мартин положил компрометирующий документ под сукно. Буря обошла Уоллеса стороной, и вскоре он стал вице-президентом Соединенных Штатов.

Тем не менее, авторство этих писем неоднократно оспаривалось и в 1940-е, и в 1970-е годы. Около 30 лет назад появилась книга Нормана Марковитца «Взлеты и падения народного века» [24]. Американский исследователь посчитал, что вся история с перепиской – мистификация. Но голос его был слишком слабым, для того чтобы хоть как-то повлиять на правдивые решения.

Неудавшееся разоблачение Уоллеса лишило покоя журналиста Вестбрука Пеглера. Задолго до очередных президентских выборов 1948 года на вице-президента обрушилась лавина обвинений, которая в конце концов смела его с политического олимпа. Первые публикации Пеглера были растиражированы в американской прессе в начале июня 1947-го. Основным заинтересованным изданием выступил «Нью-Йорк Джорнал Америкэн» [25]. Правда, шумиха со временем улеглась и окончательного вывода по поводу авторства так и не было сделано. Не так-то легко разобраться в письмах, которые оказались сплошь закодированными. На следующий год корреспондент этого журнала постарался пробиться к Фрэнсис Грант, главной свидетельнице «закулисной жизни» Уоллеса. Но интервью взять не удалось. 23 марта 1948 года была опубликована только ее фотография. Под большим портретом стояла скромная подпись: «Она не хочет говорить... Фрэнсис Грант знает тайну "писем Гуру", но не желает раскрыть ее». Тот же самый «Джорнал Америкэн» полгода спустя снова опубликовал статью под названием «Писал ли Уоллес письма Гуру? Решайте сами» [26]. Вопрос повис в воздухе, но это так и не спасло вице-президента от поражения.

И все-таки загадка неожиданно разрешилась. После публикации писем Е.И.Рерих [27], по которым можно идентифицировать события и псевдонимы людей, авторство Уоллеса не может вызывать никакого сомнения. К тому же, в самые последние годы стал доступен для исследователей архив Фрэнсис Грант в Ратгерсе. Там, среди прочих бумаг, хранятся оригиналы и копии более полутора сотен писем, списки имен с расшифровкой кодовых обозначений, сделанной ее собственной рукой, и воспоминания о Рерихе, где описаны взаимоотношения с ним бывшего министра.

Фрэнсис Грант.

Фото из «Джорнал Америкэн», 23 марта 1948 года

Экскурс в историю, выясняющий подлинность «писем к Гуру», не носит отвлеченный характер. Он имеет колоссальное значение. В дальнейшем придется неоднократно цитировать этот источник в силу его уникальности и богатства смыслового содержания. Возвращаясь к мартовскому письму Генри Уоллеса, следует остановиться на его текстовых особенностях. В начальных строках своего послания министр упоминает знаменитую картину с. Н.Рериха, на которой Николай Константинович изображен в ламских одеждах. Он держит в руках ларец с Камнем Чинтамани. Этот Святой Грааль предназначен для Новой Страны, которая незримо раскинулась на земле Северной Шамбалы. Известно, что Северной, или Красной Шамбалой Рерих называл Алтай и прилегающие к нему сибирские территории. А «Новый День» связан с эпохой Шамбалы, с приходом грядущего Будды Майтрейи.

Возникает закономерный вопрос: являются ли воззрения Генри Уоллеса самостоятельными или это мысли его Гуру? (В 1933 году Уоллес «с большим удовольствием» перечитывает книгу Рериха «Шамбала».) Что бы ни укоренилось в сознании министра, важно другое – в последующие несколько лет он произвел социальный переворот в развитии американского общества. И похоже, двигателем прогресса стала не только любовь к отечеству, но и вера в появление шамбалинского царя Майтрейи, которого в Тибете отождествляют с Ригден Джапо или Гесэром. Уоллес коллекционирует пророчества о «скором возвращении Гесэр-хана» (в письме от 23 марта 1934-го им упоминается в этой связи видение Таши-ламы). Он ожидает великих событий. «Пусть мы будем достойны Высшего доверия в 1935-м и 1936-м» [28]. Обращает на себя внимание всё тот же 1936 год...

На государственном посту Уоллесу досталось незавидное наследство. К началу 1930-х

годов Соединенные Штаты поразила Великая депрессия. Смена президентской власти и правящего кабинета давала небольшую надежду на лучшее будущее. И в этой ситуации новому министру сельского хозяйства нужны были нестандартные решения, чтобы вывести страну из кризиса. Национальная экономика требовала выработки общей стратегии сельскохозяйственного развития, поскольку ее основу составляли фермерские хозяйства. Для решения такой задачи под руководством Уоллеса был принят «Сельскохозяйственный регулирующий закон», который устанавливал приемлемое соотношение затрат на производство продукции и цен на товары народного потребления. Закон помог предотвратить катастрофу, и вскоре аграрный сектор пошел в гору.

Правительство задействовало новый социальный механизм. Наряду с Рузвельтом, главным выразителем идеи явился Генри Уоллес. Суть идеи состояла в «материальном изобилии». На глазах рождалась новая философия вселенского изобилия. Однако до осуществления полного благоденствия было далеко, требовалась глубокая духовная и экономическая трансформация общества. На вооружении у министра имелась некая концепция, говорившая о плодах просвещения. Эпоха всеобщего просвещения должна наступить вследствие мирового исторического события – появления великого духовного лидера, который придет из «центра Азии». Это будет Мессия, несущий божественное откровение. Едва ли случайными в таком контексте могут казаться слова Генри Уоллеса о «подготовке к Мировому Культурному Объединению» (29.10.1933) [22] и «силе Содружества Майтрейи» (30.3.1934) [20].

Как и подобает общественному деятелю, Уоллес выступает с речами в собраниях и в прессе. Его позиция оказывается несколько необычной. Достоинством широкой публики становится доклад Уоллеса «Государственность и религия» (1933). И вслед за ним – статья «Мы являемся чем-то большим, нежели экономическими людьми» (1934). Из уст министра звучат слова не только о сельском хозяйстве и экономике, но и о главенстве духа. Именно эта тончайшая реальность движет людьми во всех обстоятельствах жизни. «Мы нуждаемся в замене представлений об "экономическом человеке". Мы нуждаемся, в этом XX столетии, таком богатом и многообещающем, в более реалистической концепции человека, обладающего полнотой жизни и духа» [29]. Исподволь здесь появляется «внутренний человек», такой близкий Уоллесу в его теософских исканиях. Но теперь, на новом этапе, речь идет о выходе универсальной личности на общественное поприще. Совершенно естественно, что идеалы служения нераздельно связаны с ожиданием национального Вождя и мирового Мессии. В этом пункте построения Генри Уоллеса полностью совпадают со взглядами Н.К.Рериха. Как раз Рерих стал носителем знаний о Шамбале и ее Владыке Майтрейе, распространяя их в Европе и в Америке. Для подготовки миссии духовной реформации, или даже духовной революции, Рерих и Уоллес организовали экспедицию в Центральную Азию.

Каковы основы, положившие начало Азиатскому проекту? Прежде всего, это представления о легендарной справедливой стране Шамбале и ее воинстве. Согласно восточным повериям, Мессия должен появиться из глубин Центральной Азии. Он соберет монгольские, тибетские племена и выступит на завоевание мира. Шествие возглавит духовный лидер буддистов Таши-лама. Будет ли оно мирным или военным, покажет будущее... Об этом поведал на Западе Н.К.Рерих. В книге «Шамбала» (1930), опубликованной в Нью-Йорке на английском языке, художник собрал легенды о Шамбале и Майтрейе. Он записывал рассказы лам на маршруте Центральноазиатской экспедиции. «Истинно наступает время, когда учение Благословенного вновь идет с Севера на Юг... Приближается великая эпоха. Правитель Мира готов для битвы» [30]. Так начинается Рерих свое повествование. Как не вспомнить здесь о плане «Единой Азии», где говорится о соединении Севера и Юга (в письме к Г.А.Астахову). В открывающем книгу очерке «Шамбала Сияющая» Николай Константинович ведет воображаемый разговор с ламой. Несомненно, его собеседник, последователь Будды, – некий собирательный образ. Хотя прототипом вполне мог служить лама Ринпоче, настоятель монастыря Гум, расположенного на окраине Дарджилинга. В 1924 и 28 годах с ним состоялось несколько встреч во время посещения монастыря. (Рерихи тоже жили в Дарджилинге, в доме Далай Пхобранг, резиденции правителя Тибета Далай-ламы XIII.)

Одну из таких бесед Рериха и Ринпоче записала Фрэнсис Грант. Американская журналистка гостила в Индии, вместе с Зинаидой Лихтман она приехала повидать своих Учителей после завершения ими Тибетской экспедиции в 1928 году. Стенограмма воспроизводит живой разговор путешественника с настоятелем буддийского монастыря. Диалог начался с восхваления Америки и ее жителей, следующих учению Будды. «Америка почитает буддизм, и это учение имеет там множество последователей. Где еще можно отыскать страну, которая возводит ступу на крыше 24-этажного здания 400 футов высоты?» [31]. Говоря о ступе, Николай Константинович имел в виду строящийся в тот момент Мастер Билдинг (позже в доме разместился Музей Рериха). Однако первоначальный проект был несколько изменен, и на 29-этажном небоскребе осталось лишь стилизованное подобие буддийской ступы. Далее в беседе речь зашла о мирной миссии Рериха в Лхасу, проходившей «под знаменем буддизма», и о поисках Шамбалы. «В Шамбале – единственное спасение» [там же]. Разговор о Тибете завершился выводом о необходимости «объединения буддистов».

Фрэнсис Грант, будучи главным связующим звеном между Рерихом и Уоллесом, полностью разделяла шамбалинские идеи своего Гуру. Значит, она вполне могла оказаться фактором прямого влияния на министра. (К сожалению, личных писем Грант к Уоллесу не сохранилось. Вероятно, они все были уничтожены.) Еще в конце 1924 года, после неожиданного посещения Рерихом Нью-Йорка, журналистка написала оригинальное эссе «Владыка Шамбалы – надежда Азии». Уже самые первые слова впечатляют: «Владыка Шамбалы – Властитель Мира – приближается!» [32]. Во всех отношениях у Грант получилось по-буддистски выдержанное сочинение. В нем фигурирует художник Н.К.Рерих и Будда любящий, Майтрейя. Красной нитью через весь текст проходит также личность Таши-ламы. Религиозный глава Тибета Гэлэг-Намчжал в декабре 1923-го бежал из Ташилунпо в Пекин и затем поселился в Монгольской Гоби. Факт для нас чрезвычайно важный. Пройдет около четырех лет, и Фрэнсис Грант вновь заговорит о «духовной значимости Таши-ламы». В упомянутой выше беседе с настоятелем Гумского монастыря, в уста Ринпоче вложены слова о Таши-ламе как «Властителе Шамбалы» [31]. Это объясняет, почему личности Панчена придавалось в письмах Уоллеса такое подчеркнутое внимание. Так, за день до прибытия Рериха в Нью-Йорк, снова речь идет о духовном правителе Тибета. 13 марта 1934 года министр пишет Грант: «Буду беседовать с Роком, американцем австралийского происхождения... Он теперь едет в Пекин и сообщает, что Панчен-лама приближается к Кукунору» [19].

Во время экспедиционной стоянки в Монголии в 1927 году Рериху не пришлось встретиться с Панченом, но тогда в Урге художника всё же посетили его представители, специально прибывшая из Китая делегация лам. В начале 1930-х нью-йоркскому Музею удалось наладить контакты с духовным лидером буддистов. Зинаида Лихтман в своем дневнике упоминает о получении письма от Панчен-ламы, к которому была приложена его фотография и шелковое тибетское знамя. Письмо написано на китайском языке [33].

В 1935 году Рерих обратился к буддийскому иерарху за поддержкой своей идеи Пакта и Знамени Мира. На втором этапе Маньчжурской экспедиции, во время пребывания во Внутренней Монголии, глава каравана распорядился разбить лагерь рядом со ставкой Таши-ламы, недалеко от строящегося дворца «Живого Будды».

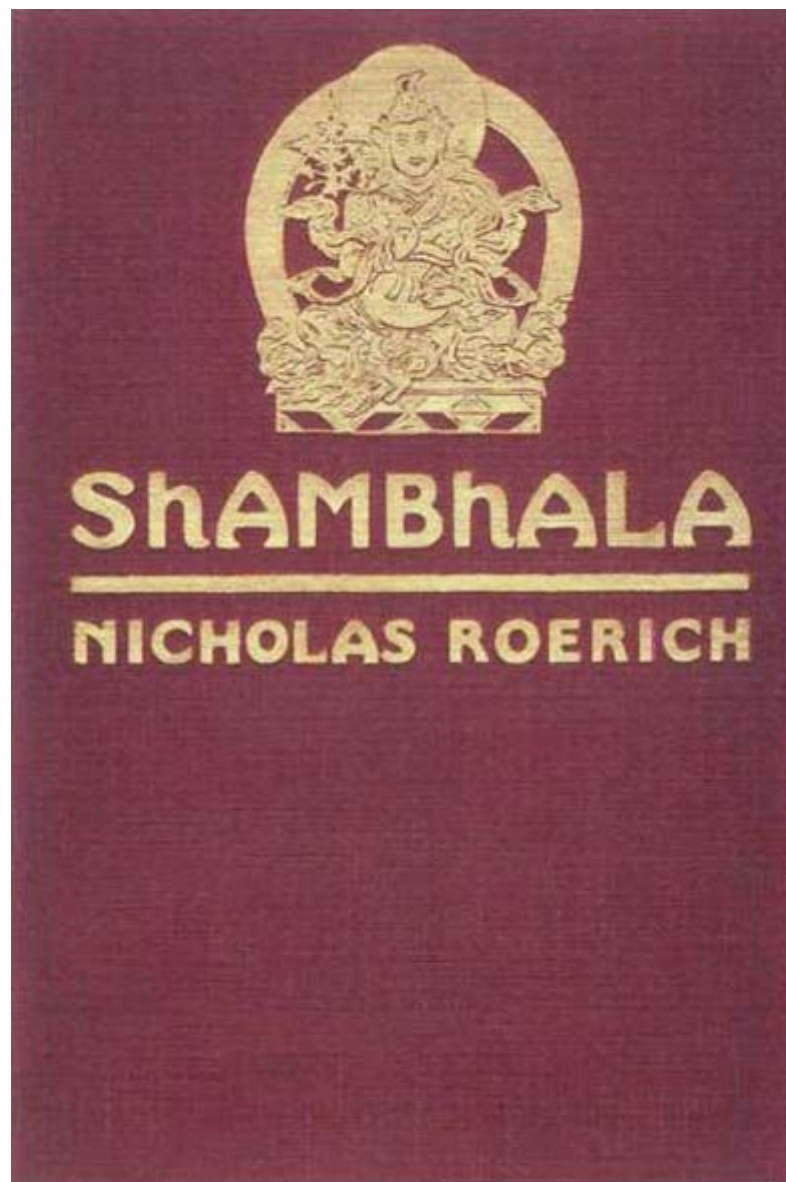
III

К лету 1933 года Генри Уоллес по-настоящему сближается с сотрудниками Рериховского музея. Деловые отношения перерастают в дружбу. Фрэнсис Грант, приезжая в Вашингтон, часами пропадает в кабинете министра. (Об этом свидетельствовал работник департамента Рекс Тагвелл.) Но такие долгие беседы, кажется, оправданы. Магнетизм Гималаев влечет неудержимо. 17 июня Уоллес пишет официальное письмо профессору Рериху. Он заявляет о своей приверженности идеалам искусства и науки. И поддерживает организацию встречи, чтобы обсудить идею Пакта. «Я глубоко верю в предназначение Знамени Мира и буду счастлив предложить вам любую помощь» [34]. Это совпадает с

планами Музея Рериха, который хочет провести в Вашингтоне очередную конвенцию Пакта в ноябре 1933 года. (Первые две прошли в бельгийском городе Брюгге.) Предстоящая конвенция Пакта и Знамени Мира была утверждена 4 июня на Совете директоров Музея. Тема сформулирована широко: «Культура и образование как фундамент для мира».

Девятый Таши-лама Гэлэг-Намчжал.
Фотография из собрания Музея Рериха в Нью-Йорке

Обложка книги Н.К.Рериха «Шамбала». Нью-Йорк, 1930

Чтобы склонить министра к позитивным решениям, пришлось много поработать. В апреле 1933-го Фрэнсис Грант «виделась с министром Уоллесом и говорила с ним о Знамени Мира» (12.5.1933) [35]. Она осталась очень довольна своей поездкой в Вашингтон. Как свидетельствует Луис Хорш в собственном дневнике, 22 мая он и Эстер Лихтман тоже имели встречу в Белом Доме. «Цель нашего визита – продвижение проекта Знамени Рериха» (22.5.1933) [35]. Разговор свелся к личности президента Ф.Д. Рузвельта. Конечно, именно от его позиции зависело осуществление этого проекта. Решено было сделать ставку, помимо главы государства, также на его мать, которая проживала в Нью-Йорке и с большой симпатией относилась к деятельности Музея. Во время беседы с сотрудниками Музея Уоллес заметил, что «судьбе было угодно, чтобы он стал членом Кабинета министров, дабы организовать встречу профессора Рериха и президента Рузвельта» [там же]. К этой же мысли возвращалась неоднократно и Зинаида Лихтман.

Реализацию проекта Генри Уоллес собирается начать с «главного». В последнем слове присутствует двойной смысл. Во-первых, президент получает в переписке кодовое имя «Главный» (чуть позже – еще одно, «Пламенный»). Во-вторых, министр ищет удобного случая, чтобы предложить своему начальнику для чтения книгу Рериха «Шамбала». Он задается вопросом: «Готов ли к ней Главный?..» [36]. Шамбала – своеобразный рычаг, которым Уоллес надеется сдвинуть сознание президента. Он меряет по себе. Такой же рычаг использовал и сам Рерих по отношению к предшествующему президенту. Во время одного из приездов в Соединенные Штаты художник встречался с Гербертом Гувером. На

аудиенции 24 июня 1929 года он заявил, что «народы Центральной Азии считают Америку землей Шамбалы» [37]. А весной 1930-го послал президенту Гуверу только что вышедшую из печати «Шамбалу».

Нельзя обойти стороной мистические склонности Генри Уоллеса. От них зависела, возможно, судьба целого государства. Могущество Соединенных Штатов могло умножиться или, наоборот, исчезнуть по воле одного человека. Мистицизм Уоллеса попал на благодатную почву. Его начала культивировать Фрэнсис Грант, приезжая в Вашингтон для встречи со своим Другом. В течение 1933 года она посещает Департамент агрикультуры несчетное число раз. Уже в самом начале, при вступлении Уоллеса на министерский пост, Грант очень серьезно подходит к своей миссии. «Она его ведет духовно, – записывает Зинаида Лихтман в дневник. – Очень важно для нас» (19.2.1933) [38]. В глазах сотрудников Музея министр является однозначно крупной фигурой. Это вполне понятно, он имеет прямой доступ в кабинет Рузвельта. Но с того самого момента, когда решение о Вашингтонской конференции было утверждено, личности Уоллеса придается особенное, таинственное значение. Круг сотрудников еженедельно встречается в стенах Музея, чтобы провести «спиритический» сеанс и получить советы, как действовать, в том числе и на общественном поприще. Духовным руководителем группы, дающим указания, считается Учитель Мория. Однако в видениях Софьи Шафран, матери Зинаиды Лихтман, он предстает в привычно-бытовом облике, в виде старенького седого дедушки. Из его уст исходят послания ученикам.

Ровно через неделю после принятых решений о конвенции Фрэнсис Грант уезжает в Вашингтон. Во время встречи с министром она уже знает, что «Уоллес был Братом Белой ложи и одним из больших работников» (11.6.1933) [38]. Вскоре на Гималаи летит письмо, где прямо говорится о высоком предназначении министра. Зинаида Лихтман писала Е.И.Рерих:

«Вы можете себе представить, родная наша, как все мы горим желанием успеха предстоящей Конвенции в Вашингтоне, как радостно хотим работать для этого события. И как раз идут изумительные возможности, посланные нам именно теперь Вл[адыкой] в лице друга Фр[энсис]. Судя по всему, что мы узнали о нем и через Фр[энсис], он прилагает усилия, чтобы помочь нам, и идет окрыленный Учением. Какой замечательный подход!» [39].

Итак, Генри Уоллес становится «большим работником», разделяющим принципы Учения Живой Этики. Он принимает все указы о проведении конвенции с «полным пониманием» и начинает немедленно действовать. При очередном посещении столицы в начале июля Фрэнсис Грант сообщила в Музей по телефону об аудиенции у президента. Министр беседовал с Рузвельтом, который благосклонно принял информацию о Пакте Рериха и сказал, что «будет ждать встречи с Гуру» [40]. Организовать визит Рериха к американскому президенту – это священный указ, к которому давно уже готовили Уоллеса. Для того чтобы лучше понять психологию новоявленного ученика, мотивы его поступков, следует обратиться к ретроспективе посланий и видений, направляемых для ознакомления в Вашингтон. Главными действующими фигурами выступают Рузвельт и Уоллес, последнего называют «Приходящим Братом», а также Рерих и Грант, имеющие соответственно имена Фуяма и Модра. Канва событий сводится к будущей конвенции Пакта и Знамени Мира.

«Ф[уяма] высоко молот поднял и ударил по металлу, и огненные искры во все стороны разлетелись. Одна искра полетела на стол Рузвельта, и он с большим интересом эту искру рассматривал» (9.4.1933). «Модра дала Уоллесу конверт, и когда он открыл его, оттуда выпали зерна для посева. Он с большим вниманием их рассматривал» (10.6.1933). «Пришедший Брат на подвиг послан. Пусть сильно и самоотверженно действует. Мория хочет видеть Брата победителем» (15.10.1933). «По широкой мировой лестнице – Приходящий Брат с флагом Н.К. [Рериха]. Фуяма подымается, и за ним Модра. И сильная струя [света] освещает их обоих. Иди, мой Брат, смело и сильно. Моя рука ведет тебя» (29.10.1933). «17-го ноября Фуяма передает ключ народу для охраны сокровищ мира. Вл[адыка] еще раз подчеркивает имя Фуямы. Приходящий Брат сильно чувствует Руку Водящую и помогает во всем Фуяме» (12.11.1933) [41].

Самое большое напряжение возникает вокруг президента Франклина Рузвельта. От него зависит уровень проведения конвенции. Уоллес всеми силами старается придать ей правительственный статус. Он посылает в августе 1933 года официальный запрос президенту США, а затем, с разрешения Рузвельта, обращается к государственному секретарю Корделлу Халлу.

Предложение, адресованное президенту Рузвельту, несет на себе некий драматический отпечаток. Оно облекается в форму такого же послания, которое когда-то было вручено легендарным Сен-Жерменом королю и королеве Франции, Людовику XVI и Марии Антуанетте. Об этом историческом факте сначала Рерихи сообщают в Музей, а затем министр Уоллес транслирует его обратно в Индию, как бы перепроверяя сведения, полученные от Фрэнсис Грант.

«2 июля 1933. Дорогие госпожа и профессор Р[ерих]. В это время великих испытаний приходит Ф.Р. Г[рант] с вестью, что Ф.Д. Р[узвельту] нужно предоставить удобный случай, подобный тому, какой был предоставлен Людовику XVI и Марии Антуанетте. Более того, имеется информация, что Ф.Д.Р. более подготовлен получить весть, чем некоторые люди в прошлом, имевшие благоприятные возможности такого рода. Я сделаю всё возможное со всеми предосторожностями.

Знамя Мира – Посланник, несущий вести от Великих. Я прошу у Них совета, как мне действовать наиболее разумно, быстро и эффективно, чтобы усилить скрытое желание в сердце Р[узвельта]. Я буду говорить о великих возможностях дружбы с новыми народами. (Может быть, вы сможете рассказать мне об этом более определенно, чтобы я мог зримо представить всё в практическом воплощении.)

Я буду говорить о необходимости усиления идеи Знамени Мира в тот момент, когда результаты экономической конференции оказались столь разочаровывающими. Я буду говорить о характерных особенностях Посла, приходящего, как правило, из далекой страны, и о знаках времени, и о необходимости того, чтобы великое Знамя признали лучшие представители всех народов. Мы надеемся увидеть вас в Америке этой зимой, и тогда можно будет поговорить об этих грандиозных перспективах более определенно. С уважением, Г.Э.У.» [42].

В этом письме вырисовывается фигура Н.К.Рериха как Посла мира. Речь идет о предполагаемом приезде Николая Константиновича в Америку для дальнейшего продвижения Пакта. Причем кампания в поддержку Пакта проходила одновременно с подготовкой международной конференции по зерновым культурам и вопросам торговли, что было связано с возможным признанием Америкой Советского правительства. Возникает естественный вопрос: почему утверждению Знамени Мира придавалось такое огромное значение? Ответ подсказывает Зинаида Лихтман, реагируя на письма своих Учителей Н.К. и Е.И. Рерих. Конвенция в Вашингтоне является лишь шагом на пути в будущее, она – часть Великого Плана. Необходимо «участвовать в Конвенции... и тем самым возбудить интерес к этому великому Плану» [43]. А сам Николай Константинович писал в Музей: «Знамя для Америки – первое условие будущей Вести» [44]. Становятся совершенно понятными дальнейшие перспективы Маньчжурской экспедиции, проходившей на фоне всё возрастающего движения Пакта.

При обращении в Госдепартамент сложилась поначалу драматическая ситуация. 30 августа 1933-го Уоллес получил письмо с официальной позицией правительства по поводу конвенции. В нем говорилось о ненужности Пакта Рериха, поскольку все пункты этого документа уже включены в Гаагскую конвенцию 1907 года и приняты Соединенными Штатами на государственном уровне. Через месяц госсекретарь Халл разъяснил позицию Госдепартамента, заверяя Уоллеса, что Пакт близок по духу ему лично, но правительство пока «не может вступать в какие-либо взаимоотношения с означенным движением» [45].

Ганс Мемлинг. Христос в окружении поющих ангелов. 1475

В Музее решено было действовать по нескольким направлениям. 6 сентября 1933 года пришла телеграмма от Н.К.Рериха с указанием «просить Халла стать протектором» конвенции, в противном случае покровительство принимает Уоллес или какой-либо сенатор, одобренный тем же Уоллесом. В телеграмме подчеркивалось: «Дело крайне важное» [46]. Одновременно с этим требовалось вести переговоры с Рузвельтом. Когда министр посетил своего начальника в Белом Доме, разговор снова зашел о Пакте и Знамени Мира. Увидев изображение Знамени – три шара в окружности, президент начал рисовать знак для Всемирной экономической конференции, который повторял рериховский символ. Уоллес вручил шефу сборник документов о Пакте Рериха, специально изданный Музеем. А через неделю после встречи, 18-го сентября Рузвельту было направлено целое послание от имени министра (проект готовила Ф.Р.Грант). В обстоятельном письме Уоллес излагал историю Пакта, созданного для защиты «мировых ценностей культуры и науки». В конце письма министр делал заключение о «замечательном плане, который имеет прямое отношение к новым подходам в проведении международной политики» [47]. Американскому президенту фактически предлагалось осуществить «новый поворот» в межгосударственных отношениях. Рузвельт согласился направить приветствие делегатам конвенции. В свою очередь Уоллес дал согласие выступить с речью и стать протектором, правда, не официально, не от имени правительства, а как гражданское лицо. Важен был имидж министра. В тот же день, 18 сентября, Фрэнсис Грант и Зинаида Лихтман направили телеграмму в Индию. Радость успеха стала совсем близкой.

Практически весь октябрь 1933-го Грант провела в Вашингтоне. При каждом удобном случае она встречалась с Уоллесом и вдохновляла его на продвижение дел по Пакту. «Отклик моего друга был замечательным, – писала Модра в Музей. – Моя речь полна огня» [48]. 7 октября Уоллес виделся с президентом, и тот сказал, что «Знамя – это великая идея, и лучше назвать его Знаменем Культуры и Единства» (8.10.1933) [38]. Общими усилиями удалось привлечь Рузвельта на свою сторону.

Невзирая на кажущуюся победу, из Индии шли тревожные письма. Е.И.Рерих была «как будто не совсем довольна действиями друга» (19.10.1933) [38]. Недовольна тем, что Уоллес недостаточно откровенно говорит с Рузвельтом. 19 октября Лихтман пишет Грант в Вашингтон и просит ее «действовать сильно с другом». Естественно, всякие личные слова подкрепляются указаниями свыше: «Пусть Приходящий Брат несет неугасимое пламя подвига. Пусть сильно, без страха говорит с Р[узвельтом] о подвиге народа. Ярko горит Знамя Мира Фуямы. Пусть укажет на это Модра своему другу. Успех должен быть» [там же].

Генри Уоллес проникся серьезностью момента. Первая половина ноября 1933-го прошла в напряженной подготовке к конвенции. Снова состоялись переговоры с Рузвельтом,

Халлом и его заместителем Филлипсом. На повестке дня стоял вопрос об участии американского правительства в конвенции и о президентском приветствии. В эти дни не только Фрэнсис Грант, но и Луис Хорш и Эстер Лихтман часто посещают правительственные учреждения. Последние даже нанесли визит миссис Рузвельт, которая благожелательно приняла гостей из Музея Рериха и «обещала написать своему сыну-президенту о Знамени» (6.11.1933) [38]. За несколько месяцев, предшествовавших конвенции, было совершено около десяти поездок в Вашингтон. В конце октября Уоллес даже сам приезжал в Нью-Йорк, чтобы обсудить некоторые вопросы с глазу на глаз.

К этому времени относится благоговейное письмо, которое министр адресует своему Учителю в Индию. Оно точно передает настроение, царившее в кабинете главы Департамента сельского хозяйства, и его увлеченность идеалами «Всемирного культурного объединения». При этом кодовые обозначения имен нисколько не портят общего впечатления от письма.

«29 октября 1933. Дорогой проф. Рерих,

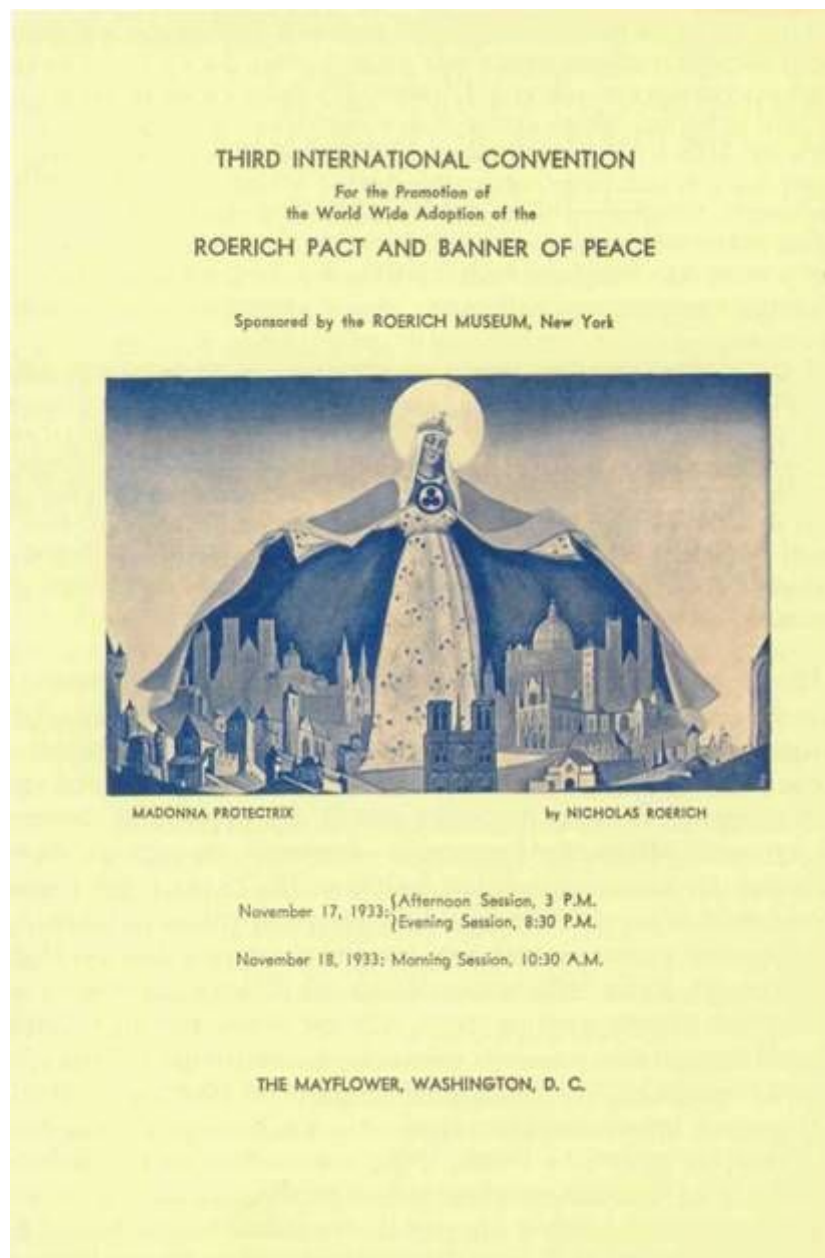
В эти дни злословия мы ищем возможности, чтобы действовать. Указания Мории, переданные через Модру, помогли преодолеть самые сложные обстоятельства. Вокруг Главного (Рузвельта), на которого я возлагаю свои надежды, очень много людей, верных ему, но не разделяющих его идеалов. Перед ним заискивают, и это превращает даже самые простые вопросы в трудноразрешимые проблемы. У Главного прекрасный целеустремленный характер и особое отношение к тому, что он называет "предчувствием". С этим сочетается потрясающая открытость, располагающая к нему всех ищущих людей, например тигров (русских). На прошлой неделе я разговаривал об этом с ним и с Кислым (Халлом) в самых теплых тонах.

В такие времена величайшее удовольствие – размышлять о поисках истины, подобно тому как это делали Аполлоний, Ориген или Акбар. Этот целеустремленный поиск, этот огонь, несомый ими, эта подготовка к Всемирному культурному объединению позволит человеческому духу исследовать и постичь всю суть красоты. Именно такой возможности для тех, кто ее заслужил, мы и добиваемся всеми нашими стараниями. Мы надеемся увидеться с Вами не только здесь, в Америке, но и среди снежных вершин. Да будет Работа, чтобы ее выполнять, и Блаженство, чтобы созерцать. Г.Э.У.» [49].

Подготовка к конвенции шла полным ходом. На английском языке была выпущена биография Н.К.Рериха, написанная Жаном Дювернуа (псевдоним Эстер Лихтман). Ранее эта брошюра издавалась по-русски и по общему признанию считалась лучшей биографией художника. В течение 1933 года появился ряд статей Рериха, опубликованных в журналах «Индиян Мэгазин» и «Буддист», последний выходил на Цейлоне. Оттиски этих статей в количестве 75 штук предназначались для раздачи всем заинтересованным участникам конференции. К началу сессии удалось отпечатать тысячу открыток «Санта Протектрис». Николай Константинович мастерски написал картину с изображением святой покровительницы, Матери Знамени Мира. Рериховский музей позаботился и о своей собственной печатной продукции, вышли специальные выпуски Бюллетеня с тематикой Пакта и Знамени.

Накануне торжественного открытия конвенции, 16 ноября президент Рузвельт принял в Белом Доме небольшую группу делегатов. Она состояла из четырех человек: министра земледелия Генри Уоллеса, главы Археологического института Америки Ральфа Магоффина, президента Рериховского музея Луиса Хорша и директора Панамериканского союза Гила Боргеса, выступившего спонсором конвенции.

Первое заседание состоялось 17 ноября в 15 часов. Открыл его своим приветствием Уоллес. Такое право ему давал титул протектора.

Программа Вашингтонской конвенции

В зале собрались представители многих государств Северной и Латинской Америк. Всё утопало в цветах, на сцене стояли портреты президента Рузвельта и Н.К.Рериха, творца Пакта. Интересно, что сцену украшало целых два портрета художника. С большой фотографии в зал смотрел Николай Константинович, облаченный в тибетские одежды (воспроизведение картины Святослава Рериха). Специально выбрали именно это изображение [50], из Вашингтона его запросила в Музее Фрэнсис Грант. В полной тишине председатель зачитал приветственные слова Н.К.Рериха [51] и госсекретаря Корделла Халла. Состоялось три сессии, выступающих было много. Основную речь произнес министр Генри Уоллес, вдохновенно и зажигательно. Софья Шафран даже «видела синюю звезду над Уоллесом» (18.11.1933) [38]. Событие это оказалось настолько удивительным, что о нем неоднократно рассказывали и писали в Индию. Даже через месяц всё еще вспоминали, как «над другом во время его речи сверкала большая чудесная синяя звезда» [52]. У сотрудников создалось впечатление, будто сам Христос облек Уоллеса в воинский доспех и его вело на подвиг сокровище волхвов.

Второй день конвенции завершился единогласным принятием резолюции. Вот как подводила итоги З.Г.Лихтман в своем отчетном письме Рерихам:

«Радостно могу сказать, что Конвенция прошла с большим успехом: с самой первой сессии всё шло с большим нарастанием. Участие 33-х наций в Конвенции, представители

многих стран, выражающие голос своей страны, каждый в отдельности, и не только приветствующие Знамя Мира, но также и заявляющие о признании Пакта их странами, всё это дало характер огромного исторического события, и присутствующие почувствовали это. Некоторые из спикеров прекрасно подчеркнули мировое значение Пакта и Знамени Мира для спасения Культуры, именно подчеркнув необходимость спасения в это тяжкое время, когда вандализм и черная злобная сила в дикой оргии пытается уничтожить все накопления человеческого гения... Родные наши, когда происходит торжественное мировое явление, каковым я считаю нашу Конвенцию, трудно говорить в обычных выражениях – могу лишь сказать, что силы Света были с нами, Вл[адыка] и вся благословенная помощь Его была с нами, Вы, творцы и создатели новой жизни для человечества, были с нами, и это чувствовалось во всем» [53].

Из Индии Рерихи откликнулись незамедлительно. 22 ноября Николай Константинович прислал телеграмму с благодарностью сотрудникам за работу во время проведения конвенции.

Вашингтонское собрание прошло успешно, но случилось несколько огорчительных происшествий. Президент Рузвельт не оправдал ожиданий делегатов. Обещанное им приветствие конвенции не появилось в назначенный срок – ни в первый, ни во второй день. Впоследствии выяснилось, что президента переубедил помощник госсекретаря Филлипс, сославшись на «частный характер» конвенции. К тому же в самый день ее открытия американские газеты вышли с заголовками о признании СССР правительством Соединенных Штатов. Зинаида Лихтман записала в дневнике: «Признана Россия – заключен договор с Америкой. Темные выиграли!» (17.11.1933) [38]. Отсутствие приветствия президента Е.И.Рерих объяснила «допущением тигров», которое нанесло несомненный вред (1.1.1934) [54]. Франклин Рузвельт и его окружение поддержали большевиков.

Инцидент с президентом, не сдержавшим данного им слова, резко изменил отношение Рерихов, а значит и сотрудников Музея, к главе Белого Дома. Именно за свою «шаткую натуру» он получает новое кодовое имя. Из «Главного» превращается в «Шаткого».

Однако в целом конвенция все-таки была признана успешной. Та же Елена Ивановна высоко оценила выполнение «великого исторического задания» (22.11.1933) [54]. Движение Пакта и Знамени Мира приобрело международный характер. А имя Н.К.Рериха «выдвинуто в государственном масштабе» (13.12.1933) [54]. Особо отмечены заслуги Генри Уоллеса. Министр зачислен в ряды ближайших сотрудников вследствие его «большой полезности». Отныне первостепенное задание состояло в том, чтобы «влиять на Шаткого». В одном из итоговых писем Е.И.Рерих писала:

«Пусть Модрочка передаст Др[угу], что мы очень ценим его труды, истинно, без него и без участия Южн[ой] Ам[ерики] нельзя было бы ожидать такого успеха... Итак, приветствуем нового рыцаря Круглого Стола сэра Галахада, как назвал его Н[иколай] К[онстантинович]. На имеющейся у нас картинке сэр Галахад имеет три шара на своем щите, в том же расположении, как и на Знамени Мира» [там же].

Помимо положительных оценок деятельности и личных благодарностей Уоллес получил из Индии известие о принятии его в ученики. В знак высокого доверия Н.К.Рерих при встрече должен был передать министру кольцо с надписью на санскрите «Майтрейя Сангха». Содружество Майтрейи пополнилось еще одним членом.

Однако самый необычный подарок за свои труды Уоллес получил совершенно неожиданно. Вскоре после конвенции, 24 ноября 1933 года он посетил Музей Рериха в Нью-Йорке, на 15 часов у него была назначена встреча с Фрэнсис Грант. В этот день произошло чудесное событие – у Софьи Шафран материализовался медальон с Ликом.

По одним сведениям это был портрет Махатмы Мории, по другим – бабушки Уоллеса, которая почитала Троицу, символически изображаемую на иконах в виде трех точек. Шафран преподнесла мистический артефакт министру. Запись из дневника Зинаиды Лихтман:

«Днем мама сидела и шила, вдруг она услышала издалека серебряный звон и голос

сказал: "It belonged to him. He used to wear it long ago".* Она посмотрела на стол и увидела под круглым стеклом от якобы медальона почти что совершенно истертый портрет – чудом пришедший. Конечно, она поняла, что это для Уол[леса], ибо Фр[энсис] ждала его сегодня в 3 часа дня. Мама позвала меня, Фр[энсис] и Нуцю (Мориса Лихтмана), и мы увидели этот чудом принесенный медальон, но без рамочки. Когда [Уоллес] пришел, она передала ему его, он был очень тронут. Вечером мы слышали его лекцию в Таун Холле – чудесный дух! Говорил о фермерских вопросах. Удивительный магнетизм у него!» (24.11.1933) [38].

Как на протектора, на Уоллеса легла обязанность продвигать и дальше идеи Пакта и Знамени, не только в Америке, но и на Востоке. Однако политика правительства США в отношении Азии на тот момент не отличалась дальновидностью. Фрэнсис Грант неоднократно подчеркивала эту особенность [2]. Поскольку конвенция прошла при широком представительстве латиноамериканских стран, то было решено взять курс на Южную Америку. Нью-йоркский Музей принял доктрину, которая согласовывалась с общемировой концепцией культуры Н.К.Рериха. «Странам Латинской Америки отводилась роль плодородных культурных нив» [там же]. Генри Уоллес согласился с выдвинутой доктриной. При содействии Фрэнсис Грант он даже начал изучать испанский язык, одновременно взялся и за русский. Работа для него впереди была очерчена в Южной Америке, в Азии и в Азиатской России.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

«ВЛАДЫКА ШАМБАЛЫ – НАДЕЖДА АЗИИ»

Фрэнсис Грант

«Владыка Шамбалы – Владыка Мира – приближается!»

Подобно порыву ветра эта весть проносится над Азией, и сила ее заставляет весь Восток застыть в напряженном ожидании нового движения, которое принесет ему новую судьбу. Так с Востока сообщил нам профессор Николай Рерих, выдающийся художник, который ведет сейчас экспедицию по Центральной Азии. Как он говорит, это великое предчувствие на Востоке обрело еще большее основание в прошлом году, после беспрецедентного исчезновения из монастыря Таши-ламы – религиозного главы Тибета.

Профессор Рерих покинул Нью-Йорк в 1923 году и в настоящее время находится в сердце Азии. Целью экспедиции, отправленной на Восток под покровительством Международного Центра Искусств в Нью-Йорке «Корона Мунди», является создание профессором Рерихом живописной панорамы стран, никогда ранее не запечатленных на полотнах европейских художников. Кроме того, высказывалась также надежда найти редкие образцы произведений искусства Востока. С момента начала экспедиции в Рериховский музей в Нью-Йорке было прислано более 150 полотен Николая Рериха, а также очень большая коллекция тибетских знамен и другие сокровища восточного искусства.

На Востоке профессор Рерих жил в бывшем доме Далай-ламы, недалеко от Дарджилинга, а во время поездок по восточным тибетским монастырям имел возможность войти в тесный контакт с ламами и народом и узнать об их чаяниях и надеждах. И среди самых разных чувств наиболее мощно ощущалась эта вера в наступление Новой мировой эпохи.

В прошлом году Восток испугала внезапная весть о том, что ночью, без предупреждения, Таши-лама ушел из своего монастыря в Шигацзе. Как мог незаметно скрыться Таши-лама? Кто его сопровождал? Куда он ушел? Никто не мог ничего сказать.

Для того чтобы понять тайну произошедшего, ламы, по обычаю Востока, обратились к древним рукописям и предсказаниям. О том, как истолковано в них исчезновение

* Это принадлежало ему. Когда-то, очень давно, он носил его. (англ.)

религиозного главы, ламы рассказали профессору Рериху, а также поведали ему и о надеждах, связанных с приближением великого события.

Предание, издавна известное в монастырях, гласит, что придет время, когда Таши-лама всенародно объявит культ нового Будды Майтрейи, или, как его называют, Владыки Шамбалы. А через три года, говорится в рукописях, этот святой человек, в котором сконцентрированы религиозные судьбы его народа, исчезнет из монастыря, и на Востоке начнут происходить большие события, которые закончатся приходом Владыки Шамбалы.

Ламы говорят, что именно так и случилось. Уже три года как Таши-лама публично объявил своему народу о культе Будды Майтрейи, большую статую которого в ознаменование этого события он приказал возвести в своем монастыре Ташилунпо. Гигантская статуя сделана из сплава семи металлов. С того дня культ Владыки Шамбалы распространился повсеместно, возрождая старые надежды. А через три года, в прошлом году, произошло еще одно знаменательное событие во исполнение этого пророчества. Как было предсказано, Таши-лама исчез из монастыря.

Известие об исчезновении Святейшего профессор Рерих получил из уст свидетеля – гелонга Таши, художника при свите Таши-ламы. Очевидно, свое бегство Таши-лама заранее тщательно спланировал. Об этом свидетельствует последовательность символических картин, нарисованных на стенах монастыря по указу Святейшего, с изображением всех стран, которые ему предстояло пройти на своем пути.

«Исчезновение Таши-ламы является беспрецедентным для Азии событием. – пишет профессор Рерих. – В настоящее время известно, что Таши-лама движется в направлении Монголии. Сейчас волна внимания к Тибету. За стеною гор идут события».

Согласно полученным от профессора Рериха сведениям, побег Таши-ламы был осуществлен в атмосфере большого волнения, и те, кто боялся последствий этого события, предпринимали попытки отодвинуть его на более поздний срок. «Бегство Таши-ламы изобиловало проявлениями героизма, – пишет профессор Рерих. – Триста вооруженных лам сопровождали беглеца, а сам лама вел под узцы запасную лошадь, потому что нужно было торопиться, ибо им постоянно угрожала погоня. Стало известно, что 500 конников спешат отрезать беглецам путь из Лхасы на перевал Нагчу. Таши-лама успел свернуть с намеченного ранее пути и уйти через глубокое ущелье. Поднялась пурга, и погоня из Лхасы задержалась на два дня. Так свершилось предсказание – произошел исторический побег, с вооруженными спутниками, в непрерывной скачке!»

Таши-лама взял из монастыря только один предмет – картину. «По словам монаха-художника гелонга Таши, Святейший взял с собой танку, изображающую Шамбалу. Ибо было сказано, что кратчайший путь лежит через правителя Шамбалы».

С этой танкой связаны некоторые наиболее священные верования Тибета. Копия с нее, сделанная художником Таши-ламы по просьбе членов экспедиции Рериха, недавно была отправлена в Америку.

Верования, в которых почитается Владыка Шамбалы, свято сохраняются. Только немногим открыты эти легенды, в них в иносказательной форме, по-видимому, содержатся символы современных азиатских движений. Профессор Рерих рассказывает о некоторых таких легендах, поведенных ему ламами.

«Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях – обе лежали на север и служили высотами посвящений. Утверждается, что страна Шамбала существует и ее Владыка носит имя Царя Истины. Согласно древним рукописям, в будущем появится могущественный правитель, не буддист, и в его свите будут воплощены высочайшие духи. Именно во время его правления явится Владыка Мира».

В некоторых предсказаниях указано, что Владыка Мира придет именно в 1936 году. «В сумерках, при загорающихся звездах, в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о Владыке Мира, о Его мощи, о Его действии и мудрости, о Его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какою-либо чудесною силою, – и лама называет признаки времени и сроки, когда должны произойти те или иные события. Он рассказывает предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения Далай-ламы и Таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при

которых страна подпадет под власть обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936». Настойчивость, с которой легенды говорят о Севере как стороне, где находится это таинственное царство, замечательна.

Другая версия этой истории рассказывает о царстве Агарты. Агарты – еще одно название Шамбалы. Оно встречается в легендах Центральной Азии, в которых говорится о таинственном священном царстве. Приближаясь к воротам этого благословенного царства, повествует легенда, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. В русских легендах также упоминается подобное сокровенное место – подземный град Китеж.

«О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники... Также указывается, что Потала, дворец Далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности».

Еще одно событие подтверждает обоснованность предчувствия ламы, что всё предсказанное должно в ближайшее время свершиться. Согласно пророчеству, знаком наступающих событий станет извержение потухшего вулкана в Самарканде. События начнутся через три года после того, как вулкан оживет. И действительно, недавно этот вулкан опять стал активным.

Каково бы ни было отношение к этим пророчествам, один факт остается бесспорным – они всколыхнули весь Восток. И повсюду слышен единый пульс, объединяющий всех в напряженном ожидании. В тех монастырях, которые посетили члены экспедиции, это чувство было очень сильным, и практически в каждом храме, независимо от его религиозного направления, стоят гигантские статуи Будды Майтрейи.

«Нужно быть здесь, чтобы это понять, – пишет профессор Рерих. – Нужно посмотреть в глаза людей, чтобы ощутить, как жизненно важно для них понятие Шамбалы. Поэтому сроки и события, о которых они говорят, не являются результатом праздного любопытства, а связаны с глубоким знанием. Несмотря на то что это знание бывает затемнено и извращено, оно, тем не менее, живет и движет мыслями людей. На перепутьях Востока можно собрать крупинки надежды и знания. И из этих крупин складывается сказание о героическом побеге Таши-ламы. И ткется новая паутина мировых событий».

«Повсюду местные жители сравнивают пророчества с реальными событиями, с волнением сопоставляют даты и ждут, ждут, ждут...»

«Примечательно, что даже самые простые люди, равно как и ламы, ожидают скорого прихода Владыки Мира, Спасителя человечества. Согласно их вере, этот Спаситель не дух, а человек, достигший полного совершенства. У людей имеется множество его изображений, где он предстает в облике царя, окруженного воинами всех наций и религий. Он царь-воин, и даже животные скоро примут участие в битве. Ламы говорят, что многие пророчества уже сбылись, и считают текущий год самым важным. Это начало Новой эры».

«Недалеко от монастыря Ташидинг, одного из самых больших в этих местах, есть пещера, в которой жил Падма Самбхава, великий учитель Тибета и основатель религии. А в глубине пещеры – дверь, которую никто никогда не открывал. Говорят, за этой дверью Учитель хранил тайны будущего. Сроки еще не наступили, но у всех есть предчувствие, что скоро настанет день и дверь будет открыта».

«Здесь кажется, что будущее уже было предначертано ранее. Под священной горой Гималаев Кинченджунгой притаились пещеры, где хранятся сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего, но будущее уже овеяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете почитание и ожидание Майтрейи Будды... И кажется, что поверх всех споров он держит маслянистую ветвь Нового Мира».

Итак, весь Восток указывает в одном направлении – на Север, на гору Меру, на Шамбалу, на те места, где свершаются тайные посвящения Учителей. На Север отправился Таши-лама, и именно с Севера ждет Восток исполнения пророчеств о приходе Владыки Мира.

Одна из древних рукописей – та, о которой постоянно говорят ламы и исполнения пророчеств которой ожидают, повествует: «После того как будет установлена первая статуя Будды Майтрейи, буддизм распространится на Север. Затем будет найдена чаша,

принадлежавшая великому учителю Будде. Это знак прихода Владыки Мира. Он явится первым учителем с Севера, которого будут приветствовать и почитать также и буддисты Юга. В мир грядет Будда любящий, непобедимый, и всей полнотой власти облечется Он в день, когда на небе засияет Венера».

И сейчас, по вычислениям астрономов, Венера приближается к Земле. Неудивительно, что Восток с таким нетерпением ожидает исполнения своих надежд, когда столько знаков указывают на возможность их осуществления!

Как бы мы ни относились к этим легендам, одно можно сказать определенно. Надежда на приход Владыки Мира, символизирующего для Востока Новую эру, представляет собой на сегодняшний день самую мощную силу. Много лет назад было сказано – «идеи правят миром», и несомненной истиной является то, что новая вера в Азии объединяет непримиримые религиозные движения и секты, и в этом едином порыве звучит молитва об исполнении вековых чаяний и о новой, чудесной судьбе великой объединенной Азии.

Нью-Йорк, 1924

Nicholas Roerich Museum. Машинопись

ПОСЕЩЕНИЕ ЛАМЫ РИНПОЧЕ В ГУМЕ

Фрэнсис Грант

Когда мы вошли, Ринпоче встал нам навстречу и в знак приветствия положил ладони поверх ладоней профессора Рериха. Затем он сел на золоченую скамью, отделенную спереди небольшой перегородкой, и жестом предложил нам располагаться на диванах. Профессор Рерих сел рядом с ним, справа от него села Зина [Лихтман], а рядом с ней – мы с Раей [Богдановой]. Против нас расположились Джордж [Юрий Рерих] и лама Мингюр, выступавший в роли переводчика.

Ринпоче заговорил первым. Окинув нас взглядом, он спросил, из какой части Америки мы прибыли и можно ли назвать Америку «благодатным, хорошим краем».

Николай Рерих отвечал:

– Америка – огромная страна, в ней всего в изобилии. Америка почитает буддизм, и это учение имеет там множество последователей. Где еще можно отыскать страну, которая возводит ступу на крыше 24-этажного здания 400 футов высоты?

– В Америке много буддистов? – продолжал лама Ринпоче. – Сколько?

– Тысячи, – отвечал Николай Рерих. – Это огромная страна. Если сесть на поезд и ехать со скоростью 70 миль в час в течение недели, вы объедете лишь один край по периметру американской границы.

– Хорошо. Америка – хорошая страна, раз она имеет веру. Наш господин Будда подобен солнцу. Свет его учения сияет над всеми.

Зина Лихтман:

– Мы приветствуем Вас от лица Америки, страны, почитающей буддизм. Однако мы прибыли с грустной миссией, ибо мы были потрясены тем, как Тибет обошелся с профессором Рерихом, и приехали, чтобы найти этому объяснение.

Ринпоче отвечал:

– Я – священнослужитель и, естественно, не знаю ничего о делах правительства. Но мы живем в трудные времена. Мы должны искать ответы только в Шамбале, где сияет истинное учение, которое даровал нам Цзонкапа.

Зина уточнила:

– Америка знает и чтит Цзонкапу. Но мы были глубоко потрясены бесчеловечным обращением Тибета с профессором Рерихом, личностью, которую почитают во всех странах. Вся Америка пришла в негодование, узнав, как обошлись с его мирной миссией, проходившей под знаменем буддизма.

Ринпоче повторил:

– Я – священнослужитель и ничего не знаю о делах правительства. Очень жаль, что профессор Рерих не смог попасть в Шамбалу, в истинные центры буддизма. В Шамбале – единственное спасение.

– Однако, – отвечал профессор Рерих, – мы полагали, что тибетское правительство набожно. Теперь мы видим, что оно не имеет отношения к религии, что тибетское правительство – это одно, а Шамбала – совсем иное. Далай-лама именует себя защитником всех живых существ. В таком случае, надо полагать, он считает нас ниже живых существ, поскольку не пожелал защитить нас, а отправил замерзать. Как должна реагировать Америка, если так обошлись именно с теми, кто нес знамя буддизма. Да, Фильхнер и его спутники были задержаны на несколько недель, но пять месяцев на морозе – так обойтись с буддистами...

– Мы живем в трудные времена. Многие отдали жизни, пострадав за религию. Они будут вознаграждены.

– Истинно, – отвечал Рерих, – я знаю, что многие подвергаются преследованиям за веру, как я сам. И я знаю, что преследовавшие меня пострадают за содеянное. Я знаю, что мы получим благословение, а они будут наказаны. Но зачем навлекать на себя наказание, когда его так просто избежать, когда всё можно уладить? Тем не менее, мы рады узнать, что Шамбала не имеет никакого отношения к тибетскому правительству. Теперь мы оставим эту тему и помолимся, чтобы тучи рассеялись, и пошлем наши лучшие мысли Шамбале.

Ринпоче склонил голову и отвечал:

– Все наши книги говорят о Шамбале. Мы знаем, что грядет Владыка Мира. Наши книги говорят, что в его стране один слон подобен тысяче обычных слонов, а самый последний бедняк имеет пятьсот кладовых золота.

– Конечно, мы понимаем, что значит величие духа и духовные богатства, – отвечал Николай Рерих.

– А знают ли в Америке, что Таши-лама станет Владыкой Шамбалы? – спросил Ринпоче.

– Конечно, всем известно о духовной значимости Таши-ламы, и все знают, что всюду, куда бы он ни отправился, он несет с собой истинное учение.

– Я сожалею, что профессор Рерих не смог увидеться с Таши-ламой до своего отъезда.

– У меня было желание встретиться с Таши-ламой, однако тибетский чиновник в Урге настаивал, чтобы мы ехали в Тибет. Он пришел в немалое волнение, когда к нам прибыли представители Таши-ламы, и просил не принимать их.

Ринпоче отвечал:

– Профессор Рерих всё видит, всё знает и всё понимает. Мы живем в трудные времена.

– Но я уже бывал в Лхасе – конечно, не в этой жизни, а раньше, – продолжал Николай Рерих.

– Вот почему, – отвечал Ринпоче, – ты благословен в этой жизни.

– Истинно, мы знаем, что мы будем вознесены, а правительство погибнет, но нам бы не хотелось, чтобы Америка затаила недоброе чувство по отношению к Тибету. Тибет должен, по меньшей мере, ответить на мое письмо и не обращаться с Америкой хуже, чем с низшим существом. Возможно, лама замолвит за нас словечко, передаст наше послание, дабы уладить ситуацию.

Ринпоче покачал головой и сказал:

– Священнослужители не имеют отношения к политике. Америка – страна широких взглядов, она поймет.

– Верно, Америка широка и велика. Но нет ничего хорошего, если одна великая страна затаит злобу против другой великой страны. К тому же, пришло время для буддистов объединяться. Американские буддисты теперь смогут сказать, что Тибет – не буддистская страна, ибо он подвергает буддистов преследованиям.

Дарджилинг, 1928

RUSC: Frances Grant Papers. Box 14, folder 42

Перевод с английского Татьяны Самариной

ПИСЬМА ГЕНРИ УОЛЛЕСА К ФРЭНСИС ГРАНТ

1.

28 февраля 1933

Уважаемая мисс Грант,

Хочу послать вам это короткое послание, прежде чем меня захватит водоворот. Дордже! Великолепно. Он будет стоять у меня на столе как постоянное напоминание вашего напутствия, которое является чудесным переосмыслением слов Учителя: «Да будет воля Твоя как на земле, так и на небесах».

В тот день, когда я получил дордже, знакомый священник подарил мне прекрасное распятие, сопроводив его благословением. А Чарльз Роос из Тейлоре Фоле еще раньше подарил мне старую аптечку индейцев сиу. Я поставил все три подарка рядом и подумал об объединяющей их жизненной силе, текущей по ним, подобно тому как главный стержень проходит через дордже.

Новая жизнь заполняет старые сосуды, и наличие трещины беспокоит все народы. Однако жизнь должна заявить о себе во весь голос.

В будущем, когда не надо будет спешить, надеюсь написать настоящее письмо. Тем временем я принимаю дордже, пока нахожусь на правительственной службе.

Было очень приятно встретиться с мистером Морисом Лихтманом. Я не музыкант, однако узнаю в нем тонкую натуру.

С вами в общем деле

ГЭУ*

2.

24 апреля 1933

Уважаемая мисс Грант,

Ваш приход очистил атмосферу. Необычайно, но мне написал один лютеранский священник, который сказал, что считает мою речь очень своевременной, и попросил копию для своей церковной газеты.

Заходивший Д.Н.Бородин узнал дордже. Сказал, что у него есть такой же. Пытаюсь помочь ему в связи с научной работой.

Вчера вечером читал из Агни-йоги. Странные огни, которые олицетворяют Их. Вскоре пришлю бутылочку с мускусом.

Еще раз благодарю. Медленно вырисовывается полная картина. Получил очень любезное письмо от Джейн Дауэр о Рерихе.

Искренне ваш

ГУ

3.

[После 24 апреля 1933]

Уважаемая мисс Грант,

Получил письмо от миссис Джейн Дауэр из Храма Человечества, которая говорит, что сотрудники Рериха были очень добры к ней и ее дочери.

И вот я думаю о вас, об устремлениях и красках Востока. Удивительно, но речь, которую я произнес, когда вы были здесь, кажется, принесла хорошие плоды.

Чарльз Роос из Миннесоты пишет:

«Холодный ветер дует на Месе,

Поднимается буря.

Укрепите ваши молитвенные перья

И крепко держитесь за вашего ГЭУ*».

* Подпись Генри Уоллеса здесь и далее приводится в виде монограммы.

Говорит, что послание пришло прямо от чейенских богов. В трактовке оно означает, что меня ожидает тяжелая борьба, через которую я смогу пройти лишь оставаясь в тесном контакте с Великими. Однако я и сам знаю это уже более года.

Почему-то у меня предчувствие, что в будущем произойдет еще много драматических событий.

Сегодня днем полчаса провел с Рузвельтом. Он был так рад, что удалось временно отвести угрозу войны в Европе. Его дух бодр и весел.

Мне предстоит совершить немало тяжелых, требующих пристального внимания дел, и в то же время я должен вдохнуть новый дух во многие начинания.

Поэтому я должен читать Агни-йогу и время от времени оставаться наедине с собой.

Мы являемся свидетелями первых незрелых ростков новой эры.

Да снизойдет на вас Мир Великих.

ГУ

4.

Воскресенье, 18 июня [1933]

Дорогая мисс Грант,

К этому времени вы уже, несомненно, получили письмо, адресованное проф. Рериху. Оно было написано до того, как я получил ваше послание, но полагаю, тем не менее, в нем проясняется интересующий вас вопрос. Можете изменить датировку, если хотите.

Последние несколько дней я замечаю, что лица Учителя М. и проф. Рериха сливаются во время моих утренних медитаций.

Когда вы появляетесь, возрастает напряжение, которое меня несколько смущает. Однако общий результат положителен, и некоторые трудности, кажется, растворяются.

Я не знаю истории двух военачальников Акбара. Д-р Веллар Ван Хук был большим почитателем Акбара и назвал свою ложу «Ложей Акбара».

Ваша спокойная уверенность очень ободряет того, чья вера в конечный результат, возможно, столь же сильна, сколь ваша, однако чью сиюминутную уверенность временами колеблют отголоски суетного мира и мелкие подводные течения.

Буду ждать возможности познакомиться с вашими южноамериканскими друзьями.

Что касается вашего обостренного восприятия прошлого, буду рад поговорить об этом, когда интуиция подскажет вам разумность такого шага.

Мистер Бин и я сегодня утром с трепетом изучали Книгу. Это было полезно для нас обоих.

Всецело полагаюсь на интуицию и знание моей сестры.

Искренне ваш

ГУ

5.

[10 сентября 1933]

Воскресенье.

Дорогая Ф.Р.Г.,

В минувшую среду встречался с Главным (Рузвельтом) и упомянул о своей заинтересованности в Знамени Мира, а также говорил о символическом значении Знамени и его идейной значимости. Он немедленно принялся изображать символ Мирового Экономического Порядка, как он его представляет. Прилагаю копию наброска. Как видите, мне было практически не о чем докладывать.

Вчера я с двумя моими людьми встречался с Главным по поводу Всемирной конференции по проблемам выращивания пшеницы. Уходя, я передал ему печатный экземпляр Пакта Мира, с копией его диаграммы Экономического порядка на обратной стороне. Он очень обрадовался, увидев фотокопию своей идеи, а затем взглянул на книгу. В

* Заглавные буквы имени Генри Эдгар Уоллес записаны в виде монограммы.

его глазах блеснул огонек, и он сказал: «Ах да, это то, о чем вы мне говорили. Возьму ее с собой почитать в дороге». Мне показалось, в его тоне сквозила искренняя заинтересованность.

В прошлую среду я был очень расстроен, поскольку он ограничился словами, что мне следует обсудить форму моего участия либо позднее с ним, либо с секретарем Халлом.

Реакции Главного зачастую непредсказуемы, однако мне кажется, что нам удалось достигнуть определенных результатов, хотя, возможно, не совсем того рода, как вы бы желали.

Предлагаю следующее: вы напишете Главному письмо, в котором кратко изложите основные положения, а я его подпишу. Либо нам придется удовлетвориться постепенными подвижками.

Все трое детей дома с матерью. Бобби в восторге от птиц.

К лучшему, что вас не было здесь на прошлой неделе, поскольку не могу припомнить, когда еще я был так занят с раннего утра до позднего вечера.

Веду с Халлом работу общего характера.

Вокруг президента снуют мириады дуг-па.

Д-р Езекииль вытащил меня на обед с Рабиновым – ничего страшного не случилось. Президент в пятницу поручил Генри Моргентау Младшему заниматься всеми сношениями с тиграми (русскими).

Все очень запутано, и дела будут двигаться медленно.

ГУ

6.

[18 сентября 1933]

Дорогая Ф.Р.Г.,

Я провел час за ланчем с м-ром Данном и полагаю, что мне удалось навести мосты и добиться полного неформального расположения как с его стороны, так и со стороны Халла. Данн родом из Нью-Йорк Сити. Занял сегодняшний пост в Госдепартаменте в 1927 г. Он не заканчивал университетов. Обучался на архитектора. Его действия продиктованы модой на прекрасное, которая прослеживается сейчас во всем мире. Он знает, что министерства иностранных дел других стран покровительствовали проведению международных художественных выставок. Соглашается, что мы должны всё более активно поворачиваться лицом к Южной Америке и Азии, и в качестве первого шага в этом направлении было бы неплохо поддержать культурный обмен, одним из проявлений которого являются Панамериканские концерты. В то же время опасается, что официальное участие США в Пакте мира по культурной линии сделает нас предметом насмешек всей Европы, которая скажет – Соединенные Штаты пытались распутать клубок экономических проблем на Лондонской конференции, однако лишь усугубили ситуацию принятием мер по стабилизации валюты, а теперь пытаются спрятаться от неприглядной реальности, апеллируя к непреходящим культурным ценностям.

В скором времени я напишу и попрошу вас передать письмо М.Р. (Мастеру Рериху) с благодарностью за прекрасный дар в виде соединенных дордже.

Искренне ваш

ГУ

7.

6 утра, 12 декабря [1933]

По дороге в Чикаго

Дорогая М,

Вчера днем видел человека, заведующего Белым Домом, в то время как мы ожидали вышестоящего в «Каса Бланке». Как я узнал ранее, его отношение было положительным, однако за то время, что минуло с тех пор, он прочел корреспонденцию из их архивов и узнал об отношении Кислого (Халла). Он подробно расспрашивал о вопросе, связанном с Гаагской

конференцией 1907 г. Не могли бы вы снова выслать мне опровержение на эту тему в форме письма, адресованного этому человеку, которое я ему передам. Он также сказал, что символ должен быть такого рода, чтобы его было видно с воздуха.

Пламенный (Рузвельт) продиктовал нам письмо, которое было затем отпечатано по всем правилам, однако я до сих пор не получил его. Он был завален работой на прошлой неделе и едва ли имел возможность подписывать корреспонденцию.

Не раз, в весьма сложных условиях, чувствовал я присутствие охранительного Щита Великих.

Тигры (русские) предпринимают всевозможные уловки, однако в отношении них человек, который теперь заведует Белым Домом, ведет себя безукоризненно. Пламенный проявляет мягкотелость по отношению к тиграм и, боюсь, уже заключил с ними какие-то соглашения.

Борьба с паразитами весьма напряженна, и единственной отдушиной остается мысль о Стойких и внутренняя убежденность.

Смотрю на медальон из прошлого и спрашиваю себя, увижу ли его снова в далеком будущем. Очевидно, каждый раз нам приходится участвовать в новой битве.

Возликуют ли наши сердца в этой схватке?

Неужели нам так и не суждено создать эту прекрасную землю красоты и справедливости?

Стойкий – ГУ

*RUSC: Frances Grant Papers.
Box 15, folders 32-34*

*Перевод с английского
Татьяны Самариной*

ПИСЬМО ГЕНРИ УОЛЛЕСА К ФРАНКЛИНУ ДЕЛАНУ РУЗВЕЛЬТУ

18 сентября 1933

Уважаемый господин Президент,

После моего визита к Вам в среду на прошлой неделе, я с возрастающим интересом обдумывал Ваши слова по поводу экономического мира на земле, а также Ваше воплощение этой мысли в форме символа. Использование символа, который может объединить общечеловеческие цели, всегда казалось мне особенно успешным и значимым приемом для претворения идеала в жизнь.

Именно поэтому план Знамени Мира, который представил мне Николай Рерих и с которым я, в свою очередь, познакомил Вас, интересует меня уже несколько лет. Мне кажется, он сочетает в себе действительно жизнеспособный план с целью объединения народов на почве совместной защиты тех ценностей, о значении которых не приходится спорить – культурных ценностей. Красному Кресту удалось создать межнациональную общность на базе заботы о физическом здоровье человека, а Знамя Мира предназначено для создания общности на базе заботы о духовном и культурном здоровье.

Я глубоко тронут идеалами, на которых основывается Ваш подход к народам мира, и Вашими представлениями о мире, которые Вы вкладываете в этот подход. Именно они побудили меня поднять подобный вопрос, особенно потому, что дело представляется важным и срочным, поскольку в ноябре в Вашингтоне Музей Рериха планирует провести третью Международную конвенцию, посвященную Знамени Мира.

Приходится согласиться с тем, что в последние годы все народы заняты приведением в порядок своих домов, а в области экономики различных стран предпринимаются шаги, направленные друг против друга, включая повышение тарифов, квоты на импорт, квоты на обмен валют, а также огромное количество других мер, свидетельствующих о национализме. И хотя некоторые из этих мер могут быть оправданы на данном этапе, просвещенные умы даже самых националистических государств должны признать, что, несмотря на

существование торговых барьеров в экономике, для фундаментальных ценностей, имеющих отношение к искусству и наукам, не должно существовать никаких преград и границ.

Мне кажется, что сегодня, как никогда раньше, весь мир обращает свой взгляд к Америке, чтобы получить поддержку и найти новые пути выхода из старых лабиринтов. Таким образом, заявление нашей страны о необходимости защиты и проявления уважения к культурным достижениям всех народов, а также о необходимости заботы об их сохранении, должно прозвучать с особенной силой.

Я имею представление о Знамени Мира, поскольку интересуюсь им со времени опубликования этого проекта Николаем Рерихом в 1929 году, поэтому я бы хотел кратко ознакомить Вас с его основными тезисами.

Пакт Рериха и Знамя Мира были созданы Николаем Рерихом для защиты мировых культурных и научных ценностей. Забота об их защите стала для него особенно важной после его археологических исследований в 1904 году. В кратком изложении план предусматривает, что все образовательные, художественные и научные организации, художественные и научные миссии, произведения искусства, памятники культуры и памятники культурного значения должны быть объявлены нейтральной территорией во всех странах и таким образом защищены как в мирное, так и в военное время. Для этой цели Николай Рерих разработал Знамя, которым могут быть отмечены различные музеи, университеты, соборы, церкви, специальные коллекции, библиотеки, а также другие культурные центры. В практическом применении Знамя Мира представляет собой проект, возможность существования и развития которого уже доказывается существованием Красного Креста.

С самого дня создания в 1930 году Знамя Мира получило значительную поддержку правительственных организаций, международных юридических организаций, культурных центров и отдельных лидеров в области культуры по всему миру. В мае 1930 года отдел Международного музейного дела Лиги Наций единогласно поддержал план Знамени Мира. Примерно в то же время, благодаря заинтересованности многих стран, в Брюгге, в Бельгии, был основан Международный Союз Пакта Рериха. Задачей Союза является продвижение идеи Знамени Мира. По инициативе Союза в 1931 и 1932 годах в Брюгге были проведены две международные конвенции. Двадцать две страны приняли участие в заседаниях конвенции, а также участвовали в выставках. Результаты конвенций нашли отражение в создании в Брюгге Фонда Рериха за мир, искусство, науку и труд. Обе конвенции проходили под патронажем д-ра Адачи, президента международного суда в Гааге. Оба раза было выражено глубокое разочарование по поводу равнодушного отношения к событию администрации Гувера. Этот факт особенно неприятен, потому что проект разрабатывался в американской организации. Поскольку инициатива по созданию плана, гуманитарного по своим целям и сути, принадлежит Америке, устроители Союза решили, что Музей Рериха должен организовать третью международную конвенцию по Знамени Мира в этом ноябре в Вашингтоне.

Начиная с 1929 года, Пакт находит широкую поддержку и одобрение у многих всемирно известных организаций и известных деятелей культуры, что означает его мировое признание. В области международного права Пакт поддерживают, помимо доктора Адачи, такие влиятельные лица как доктор Антонио де Бустаманте, член международного суда в Гааге; профессор Б.Лодер, член этого суда и его бывший президент; барон Мишель де Таубе, бывший министр образования Российской империи и юрист мирового масштаба; профессор Альфред Жоффрей де ла Праделл, вице-президент Института международного права; доктор Джордж Шклявер. Все эти лица выразили свою поддержку Пакта Рериха и готовность к его принятию и утверждению. Подобные отзывы пришли и из других источников, например, от гранд-маршала Франции Лотея, Папы Пия, президент-маршала фон Гинденбурга, президента Масарика, короля Бельгии Альберта, короля Югославии Александра, а также от таких известных деятелей науки и культуры, как Эйнштейн, Тагор, Меттерлинк, Бозе, Раман и других. Свою поддержку также выразили многие международные университеты и культурные центры. Особенно хотелось бы упомянуть международный Красный Крест в Женеве, поскольку вектор направленности Пакта Рериха выступает параллельно

организационным принципам Красного Креста.

Также Пактом заинтересовалась и лучшая половина человечества, что нашло отражение в единогласном одобрении Пакта на собрании федерации женских клубов. (Мне кажется, в одном из своих высказываний миссис Рузвельт смогла проникнуть в самую суть, сказав: «Я думаю, что идеалы Пакта Рериха не могут не найти поддержки тех, кто надеется, что все лучшее, оставшееся от прошлого, может быть сохранено для того, чтобы помочь будущим поколениям».)

Хотя, согласно Пакту Рериха, культурные ценности необходимо защищать особенно в военное время, гораздо более важное значение будет иметь профилактическое значение Пакта как инструмента, предотвращающего вспышки очагов агрессии и развязывания войны. Так, в рамках проекта планируется создание грандиозного документа, содержащего сведения обо всех культурных ценностях мира, требующих защиты и сохранения. Также планируется разработка конструктивных образовательных программ, особенно для молодежи, направленных на знакомство с культурными ценностями других народов. В план входит и создание Лиги городов искусства. Этот проект развил идею, согласно которой целые города, например, Падуя, Рим, Руан и другие, могут объединиться в один союз и таким образом избежать любых намеков на выяснение отношений военным путем.

Зная Ваш непредвзятый интерес ко всему новому, с одной стороны, и к вещам, имеющим отношение к мировому развитию, с другой стороны, я с удовольствием еще раз представляю Вам этот Пакт. Мне кажется, что это замечательный план, имеющий прямое отношение к новым подходам в проведении международной политики – «новый поворот» в международных взаимоотношениях. Мне кажется, что если сейчас Америка при помощи конвенции выкажет уважение художественным и научным достижениям других стран, а также проявит заботу об их сохранении, это принесет огромную пользу и будет способствовать укреплению мира. Более того, поскольку я сам интересуюсь культурой и наукой, уверен, что конвенция по Пакту Рериха, которая пройдет в ноябре в Вашингтоне, будет очень важной. Она может дать Америке – как весьма благополучной стране на сегодня – возможность еще раз заявить на весь мир, что во всем, что касается общепризнанных мировых ценностей, между разными нациями не должно быть никаких барьеров, все нации должны объединиться для выполнения общих задач, какими бы разными эти нации ни были. Я уверен, что человеческая раса, главная раса планеты, должна быть исполнена чувством взаимного уважения к культурным достижениям каждого народа в отдельности, являющегося ее составляющей, и именно отсюда начинается путь к миру для всех людей планеты.

Искренне Ваш

Министр Генри Э. Уоллес

FRL HP: Roosevelt Collection, 723.

Копия: NRM

*Перевод с английского
Сергея Харитонова*

ХАРБИНСКАЯ МИССИЯ И ДЕЛО АМЕРИКАНСКИХ БОТАНИКОВ

I

Маньчжурская экспедиция зародилась в недрах Департамента сельского хозяйства. Ее инициатором был Генри Уоллес, а вдохновителем министра несомненно стал Н.К.Рерих. Уоллес не торопил события, но как только появилась первая возможность, он представил проект в правительстве. Летом 1933-го Средний Запад Соединенных Штатов поразила сильнейшая засуха. Сделалась очевидной необходимость проведения специальной экспедиции по сбору семян засухоустойчивых растений, препятствующих распространению эрозии почв.

План новой экспедиции, как уже упоминалось, Рерих выдвинул еще в 1929 году во время пребывания в Нью-Йорке (выступление на Совете директоров Рериховского музея). Спустя всего полгода после приезда обратно в Индию, 3 июля 1931-го художник обращается в Вашингтон, в Министерство внутренних дел, с просьбой рассмотреть вопрос о его возвращении в Америку для организации «исследовательских экспедиций» по линии Института «Урусвати» [1].

Летом 1933 года стало ясно, что Николай Константинович в скором времени собирается обязательно посетить Соединенные Штаты. Уоллес сразу же проявил ответную инициативу. 2 августа он написал письмо своему коллеге министру финансов Вильяму Вудину, напоминая ему о разговоре, в котором они обсуждали сообщение Фрэнсис Грант о лекарственных растениях, произрастающих в Северной Индии и Малом Тибете. Вудин предложил составить доклад о перспективах использования таких растений и представить его на рассмотрение либо Национальной Службе здравоохранения, либо какому-нибудь частному фонду. Этот доклад Фрэнсис Грант подготовила очень быстро, и в середине августа он уже лежал на рабочем столе Уоллеса [2].

В конце ноября 1933 года директору Бюджетного комитета Льюису Дугласу было направлено прошение об утверждении суммы в 25 тысяч долларов на проведение научных исследований в Центральной Азии. В правительстве верстался план на будущий финансовый год. «Возможность, которой мы ждали, открылась», – сообщал министр относительно экспедиции в письме к Фрэнсис Грант [3]. Кто именно стоял за проектом, доподлинно сказать трудно. Спустя много лет Уоллес утверждал, что он инициировал экспедицию с подачи Рузвельта. В своем интервью, данном в Колумбийском университете 21 июня 1950 года, бывший вице-президент заявил: «Не сомневаюсь, что Ф.Д.Рузвельт, санкционировавший экспедицию Рериха, руководствовался самыми благородными мотивами» [4, с. 5102]. В этом историческом интервью Уоллес рассказал о своих взаимоотношениях с Рерихом и все нити свел к президенту Соединенных Штатов, к тому времени уже покойному. Не только идея, но и сама инициатива по организации экспедиции в Маньчжурию и Гоби исходила, по его утверждению, от Франклина Рузвельта. Обратим внимание, что президент не мог уже свидетельствовать ни за, ни против.

Генри Уоллес выдвинул два аргумента, чтобы обосновать президентское решение. Первый состоял в близком знакомстве самого Рериха с матерью Рузвельта, Сарой. И кроме того, русского художника и американского президента «объединял глубокий интерес к Центральной Азии, имеется в виду путь от Тибета к границам Сибири» [там же]. Уоллес оказался в высшей степени откровенным, заговорив о чувствознании. Президент Рузвельт всегда «чувствовал, что данный регион является благодатной почвой для зарождения будущих военных конфликтов, и взаимоотношения этого региона с Китаем, Россией и Японией крайне его интересовали» [там же].

Эти слова похожи на правду. Через десять лет после событий, о которых идет речь, в 1943 году Рузвельт отправил графа Илью Толстого с дарами к Далай-ламе XIV. Экспедиция прошла из Индии через Тибет и затем достигла Китая. Судя по всему, Рузвельт возлагал

определенные надежды на тибетское путешествие графа Толстого.

Перспектива для проведения Маньчжурской экспедиции в целом складывалась благоприятно. Ситуацию подхлестнула взрывоопасная обстановка в Тибете. В декабре 1933-го умер Его Святейшество Далай-лама XIII. И Уоллес в силу чрезвычайных обстоятельств принялся форсировать события. 21-го декабря он предпринимает попытку обсудить азиатский проект с президентом Рузвельтом. «Пытаюсь организовать специальную экспедицию в Центральную Азию» [5]. На встрече министр сельского хозяйства указал своему шефу, что его Департамент традиционно импортировал из гобийского региона *Agropyron cristatum*, или житняк гребенчатый. Эта трава хорошо прижилась в области Великих Равнин, раскинувшихся на целый ряд американских штатов. Значит, и другие растения из Азии вполне могли бы противостоять засухе.

Аргумент возымел силу. Однако еще раньше, 3 декабря Уоллес написал Рузвельту письмо, напоминая ему о его собственном предложении организовать экспедицию в пустыню Гоби. Министр подчеркивал, что «политическая ситуация в этой части мира всегда была довольно интригующей из-за того влияния, которое оказывали на нее всевозможные древние пророчества, традиции и прочее» [6]. Человеком, кто как нельзя лучше знал восточные легенды, пророчества и традиции, и был Н.К.Рерих. За него ходатайствовал Уоллес перед президентом.

В канун нового 1934 года Генри Уоллес появился в нью-йоркском Музее. 30 декабря состоялась его встреча с Фрэнсис Грант. На этой встрече вопрос о путешествии на Дальний Восток был окончательно согласован. На следующий день в индийский Наггар ушла телеграмма, подтверждающая возможность экспедиции. Ее «хочет устроить друг, – цитировала телеграмму Зинаида Лихтман в своем дневнике, – и Н.К.[Рерих] может быть главой» [7].

В январе 1934-го все замыслы стали приобретать более конкретные очертания. Департамент сельского хозяйства устроил специальное заседание, где была представлена твердая научная база проведения экспедиции. У министра появилась полная уверенность, что азиатский проект должен во что бы то ни стало состояться. Куратором проекта со стороны Департамента назначили Ноулиса Райерсона, начальника отдела растениеводства. За несколько дней до заседания Уоллес писал в Музей:

«20 января 1934. Слушание должно состояться в среду (24 января). В настоящее время план, предложенный нашим Р[айерсоном], включает две экспедиции.

1. Через Москву на Ташкент, Русский Туркестан и, возможно, Китайский Туркестан.
2. Через Центральный Китай на Лань Чжоу и, возможно, Кукунор перед поворотом на север.

Конечно, маршруты носят приблизительный характер.

Первоначальное предположение работать к западу от Калгана исключается из-за деятельности японцев во Внутренней Монголии.

Китайская экспедиция должна будет поддерживать контакт с университетом Нанкина, когда будет пересылаться растительный материал. Сотрудничество с китайскими ботаниками поощряется...

Насколько я понимаю, Храмовые леса во внутренней части Китая представляют богатый источник растительного материала.

Говорят, роза – любимый цветок М[ории]» [8].

Заметим, Уоллес упомянул о «храмовых лесах», произраставших в стародавние времена на месте нынешней гобийской пустыни. Такой ход мысли в дальнейшем окажется крайне важным. Так же как и эзотерическое вкрапление об Учителе Мории, которым завершается это письмо к Фрэнсис Грант.

Слушания по вопросу экспедиции прошли удачно. Райерсон, как видно из письма, предложил не одну, а сразу две отдельные экспедиции, причем обе сугубо американские. С самого начала отдел растениеводства имел отличную от министра позицию, считая, что иностранцы не могут возглавлять экспедицию. Общее руководство должно осуществляться из Вашингтона.

В первых числах марта 1934-го всё еще сохраняется в силе предложение о двух

параллельных экспедициях – китайской и туркестанской. Для путешествия в Китай планируется привлечь доктора Г.Г.Макмиллана, как официального руководителя экспедиции, и двух исследователей, Д.Л.Стивенса и Ф.А.Макклера. А в Туркестан – назначить главой Х.Л.Вестовера и дать ему в помощь некоего К.Р.Энлоу из отдела эрозий земной поверхности. Согласно меморандуму Райерсона, специально подготовленному для министра Уоллеса, перед Макмилланом поставлена задача «разработать детали будущей работы» в Азии [9]. Имя русского художника Рериха в указанном документе не упоминается вовсе. И это ровно за десять дней до прибытия Николая Константиновича в Америку!

Все-таки следующий этап положительных решений зависел от приезда Н.К.Рериха. 3 февраля 1934 года художник вместе с сыном уже выехал в Европу. По пути следования он телеграммами согласовывал цифры, касающиеся затрат на азиатское путешествие. Почти целую неделю в начале февраля Грант провела в Вашингтоне. Она возила Уоллесу указания, полученные из Индии. Эти указания касались «нового плана».

В Америку Рерих прибыл на несколько недель позже, чем предполагалось первоначально. (В Париже задержали неотложные дела, в том числе переговоры с генералом Н.Н.Головиным и «утвержденцами».) Пароход пришвартовался в нью-йоркском порту 14 марта 1934 года. Сразу же состоялся телефонный разговор с Вашингтоном, Фрэнсис Грант договорилась с Уоллесом о встрече уже на следующий день. Аудиенция Рериха у министра сельского хозяйства была назначена на вечер 15 марта. Зинаида Лихтман записала в дневнике: «Важно решить вопрос об экспедиции» [10, с. 610]. Встреча в Департаменте прошла согласно намеченному графику. Из Вашингтона Николай Константинович увез с собой официальное письмо, в котором Уоллес приглашал его возглавить экспедицию в Маньчжурию и Гоби и «взять под покровительство группу исследователей-ботаников» [11]. Министр также представил будущему руководителю своего сотрудника Н.А.Райерсона. Начальник отдела растениеводства особой симпатии не вызвал. И в этом уже заключался зародыш будущего конфликта.

Н.К. и Ю.Н. Рерихи в день приезда в Нью-Йорк.
Пароход «Париж», 14 марта 1934 года

Уоллес предложил Рериху встретиться с Рузвельтом, но художник отклонил такую возможность. По-видимому, причина заключалась в неадекватном поведении президента, который не выполнил обещаний по Конвенции 1933 года и сыграл решающую роль в признании Америкой политического статуса Советского Союза. Николай Константинович не считал нужным встречаться – Соединенные Штаты признанием Советов как бы частично выключили себя из Мирового плана. Только Япония оставалась верным союзником, занимая непримиримую позицию по отношению к большевикам. Потому и была сделана ставка на Японию.

По приезде из Вашингтона Н.К.Рерих заявил, что «экспедиция идет хорошо» [10, с. 612]. 20 марта он направил Уоллесу ответное письмо, где подтвердил свое участие в Маньчжурской экспедиции в качестве руководителя.

«Уважаемый господин министр, я получил Ваше письмо от 16 марта, в котором Вы приглашаете меня возглавить ботаническую экспедицию, организуемую Департаментом сельского хозяйства Соединенных Штатов для поиска засухоустойчивых трав в Центральной Азии.

В течение 35 лет моя работа проводилась в интересах Соединенных Штатов. В последнее десятилетие я представляю интересы американской организации, возглавляю американские экспедиции в Азию и являюсь руководителем Института Гималайских исследований, входящего в состав американской образовательной организации. Таким образом Ваше предложение совпадает с моими ближайшими интересами и предполагает естественное продолжение моей деятельности в этой области.

Я с удовлетворением принимаю Ваше предложение и надеюсь, что экспедиция

приведет к новым научным достижениям на благо Америки. Искренне Ваш, Н. де Рерих» [12].

Сопровождать Николая Константиновича в путешествии должен был Ю.Н.Рерих. Ему поручались финансовая и организационная стороны экспедиции. После встречи Уоллеса с Рерихом Департамент принял окончательное решение об отправке экспедиции в Азию, в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. В ее состав вошли также два американских ботаника – упомянутые доктор Макмиллан и его ассистент Стивенс. Другая экспедиция отправлялась в Русский Туркестан через Москву. Предусматривалась возможность последующего соединения исследовательских групп (Макмиллан позже вел переговоры с советским консулом в Дайрене).

При обсуждении в Вашингтоне плана Маньчжурской экспедиции Рерих уже учитывал перспективу будущего строительства на Дальнем Востоке. В основу была положена экономика. Первым предварительным шагом на пути создания нового государства стала организация кооперативов. Наиболее подходящим кандидатом на роль организатора кооперативного движения являлся брат Николая Константиновича, агроном В.К.Рерих. Пройдя с армией Унгерна всю Монголию во время Гражданской войны, он поселился в Харбине с начала 1920-х годов. За долгие годы жизни на Дальнем Востоке Владимир Константинович «собрал много знаний о крае». В 1922-м ему удалось поступить на службу в Земельный отдел КВЖД. Позже он открыл опытное поле на Западной линии дороги и маслодельно-сыроваренный завод в Харбине, которым заведовал до прихода большевиков. «Сельскохозяйственная ферма и ее организация меня очень интересуют, – откликнулся В.К.Рерих на предложение, сделанное ему братом еще в 1930 году. – Начиная с/х дело здесь, в Маньчжурии, можно надеяться вполне на успех» [13].

Устройство хозяйства на первых порах предлагалось начать в районе Шара-Сумэ, в Алтайском округе Монголии. Примечательно, что это ближайший крупный населенный пункт с южной стороны горы Белухи, вблизи границы с СССР. Указание пришло из Индии. Однако В.К.Рерих отклонил Шара-Сумэ. Ссылаясь на хорошее знание местности, он выдвинул соображения экономического порядка. (В 1921-м Владимир Константинович шел с конным обозом из Чугучака через Шара-Сумэ и Кобдо.) «Этот пункт отовсюду очень отдален от железных дорог, и потому сбыт продуктов будет затруднен и очень дорог, там на доходность рассчитывать трудно», – писал В.К.Рерих в Кулу [там же]. Альтернативой Монгольскому Алтаю стала Маньчжурия, плодородные земли вдоль Хинганского хребта (пахотные поля, пастбища для скота, ископаемые богатства). Окончательный выбор пал на район Трехречья, расположенный по рекам Ган, Дербул и Хаул.

Подготовка проекта задуманного Кооператива как раз и была поручена В.К.Рериху. Он занялся этой работой в октябре 1933-го. Николай Константинович изложил в своем письме к брату принципы организации «кооперативного дела». Письмо было написано 5 октября. Именно в этот день в дневнике Е.И.Рерих появилась запись о том, что «Алатырь приближается» [14]. Николай Константинович незамедлительно отреагировал на указание из высокого источника и направил в Харбин длинное послание.

«Окт. 5. 1933. Наггар. Кулу. Индия.

Дорогой Володя, в моем прошлом письме я упоминал, чтобы ты имел в полной готовности, как ты называешь, план посадки на землю. Пожалуйста, разработай этот план немедленно и пошли его, как обычно, на имя Зин[аиды] Григ[орьевны] для меня. При этом разработай план не как благотворительный, но как деловой кооперативный. Вполне понятно, что каждое кооперативное дело нуждается в оборотном капитале, но каждый кооператор, будет ли он финансовый или трудовой, должен совершенно ясно знать, на что именно требуются средства, каким образом предполагается их расходовать, какой именно труд будет приложен и какие именно результаты предполагаются. Как ты отлично знаешь, никакая отвлеченная благотворительность не тверда, но деловой обоснованный кооператив является основой будущего. Обосновать деловито такой кооператив можно лишь руководствуясь местными условиями. Ты писал, что возможно какое-то льготное получение земель. Это очень хорошо и должно быть вполне ясно подчеркнуто в хозяйственном плане. Также должны быть выяснены все побочные, если можно так выразиться, кустарные промыслы,

которые могли бы быть с доходною пользою развиты кроме основного земледелия и скотоводства. Конечно, вопрос земледелия и скотоводства должен быть также обоснован, чтобы и его можно было предложить вполне компетентным специалистам. Словом, безотлагательно ожидаем от тебя настоящий хозяйственный план земледельческого и прочего промыслового кооператива, конечно, на культурных основах, т.е. со школою, врачебною помощью и прочими необходимыми условиями. Конечно ты знаешь, насколько сейчас по всему миру трудно финансовое положение, и потому, как условия заработка, так и все прочие финансовые выводы должны быть исчислены чрезвычайно экономно и, главное, вполне основательно, чтобы каждая статья была достаточно защищена при обсуждении. Надеюсь, что местные заработные цифры не будут противоречить цифрам труда и в других странах. Не забудем, что сейчас в Нью-Йорке можно иметь университетского секретаря с тремя языками и стенографией за десять долларов в неделю, ректор колледжа в Мадрасе получает в месяц сто рупий, а если привести несколько цифр из Югославии, то можно поразиться, куда заведено человечество своим духовным отрицанием и разъединением. Говорю это к тому, чтобы цифры плана соответствовали бы всемирному положению вещей и не вызывали бы чье-либо нарекание в роскошествовании. Впрочем, ты сам деловой хозяин и вполне понимаешь все эти соображения. Также, конечно, ты чувствуешь, что мы хотели бы приложить к этому делу наше самое сердечное участие и руководство. Конечно, если поверх сельскохозяйственных и общепромысловых соображений ты включишь возможности руд или каких-либо других ископаемых, то это будет лишь ко благу. Вообще я бы предложил план, состоящий из нескольких концентрических кругов. Начни от малого, покажи его будущую жизнеспособность и, развивая, укажи, как из основной ячейки может получиться огромная сельскохозяйственно-рудовое-промышленное-торговое-кооперативное предприятие...

Национальная и культурно-созидательная задача, прежде всего, звучит против безбожия, разрушения и тления. Должно отойти время, когда 30 человек представляли 31 мнение, и должны люди понять, что пора предоставить диким животным грызню и дикий рев. Впрочем, не будем обижать животных, часто они бывают очень организованы и понимают смысл иерархии. Мир движется к разрушению, если положительные элементы не найдут в себе человеческого достоинства, чтобы объединиться твердо и светло, ибо сердце человеческое должно понимать, что есть строение и человеческая честь и достоинство...

Итак, несмотря на трудные времена, всё двигается. Двигайтесь и вы, и прежде всего, пришли вполне обоснованный кооперативный план и прими в соображение всё, что написано и в строках, и между строк.

Мы все шлем тебе, Ачаи[ру] и всем друзьям наши лучшие приветы и ожидаем ваших успешных сообщений. Все мы здоровы. Духом с тобою, Н.Рерих» [15].

К моменту приезда Н.К.Рериха в Нью-Йорк в 1934 году его брат прислал из Харбина пакет. Подготовленный им проект назывался «Маньчжурский сельскохозяйственный кооператив». Документ, переведенный на английский язык, Рерих сразу же представил Уоллесе. Целью данного проекта являлось «оказание финансовой поддержки русским сельскохозяйственным учреждениям в Маньчжурии, создание многопрофильной образцовой фермы, организованной по всем правилам ведения бизнеса и построенной таким образом, чтобы к концу организационного периода можно было выйти на самоокупаемость» [16].

По замыслу организаторов структура Кооператива обеспечивала объединение сельскохозяйственных общин и поселенцев, которые постепенно будут вливаться в сформировавшиеся общины. При этом членами Кооператива могли становиться только лица, рекомендованные русскими организациями в Маньчжурии. Руководство предполагалось осуществлять через специальный контрольный орган – Совет или Правление. В основе создавалась образцовая ферма, примерно на 20-ти тысячах акров земли. Отдельным фермерам-членам Кооператива выдаются в аренду участки по 50-60 акров. Идея такой общинной организации состояла в освоении богатых природных ресурсов дальневосточных земель, на которых возникнут молочные и скотоводческие фермы, начнется производство концентрированного молока, выращивание льна, а также развитие лесоводства и горного дела. «Кооператив с самого начала, – отмечалось в проекте, – будет организационным

центром всех русских сельскохозяйственных общин в Маньчжурии» [там же]. Уже в первый год прибыль, по расчетам, должна составить более шестисот тысяч маньчжурских долларов. Предполагалось, что в течение десяти лет кредит, данный спонсорами, руководство Кооператива полностью погасит. Удастся раскрыть богатый потенциал Маньчжурии и перейти к освоению соседних территорий.

Еще до отправления из Индии, осенью 1933 года Рерихи намечают ряд культурных акций в Харбине. Это приурочено к их приезду на Дальний Восток, который запланирован независимо от экспедиционных планов Департамента сельского хозяйства Соединенных Штатов. Непосредственно из Кулу и из Нью-Йорка осуществляются контакты с В.К.Рерихом. Идет закладка возможностей для продвижения идеи Знамени Мира в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Японии. Из Музея З.Г.Лихтман отправляет в Харбин номера журнала «Осетия», открытки «Санкта Протектрис», статьи для местной прессы – «Вандализм», «Внутреннее значение картин Рериха», «Картины Рериха в Индии» и другие. В.К.Рериху дается разрешение продавать по 20 копеек книгу Дювернуа, а также раздавать ее «полезным людям». Но на острие планируемой работы самым важным остается кооперативный вопрос. Дальний Восток является всего лишь плацдармом для развития кооперации в новой России. Вот что записывает Е.И.Рерих в своем дневнике.

«Когда будете составлять устав кооператива России, не упустите, что это есть кооператив разных видов труда. Также, что он может иметь отделения в разных странах. Также, что по постановлению Совета могут быть принимаемы иностранцы. Также кооператив имеет свою ссудосберегательную кассу, на правах банка может выпускать свои трудовые свидетельства и другие обязательства. Также следует, чтобы кооператив соприкоснулся с Лигой Культуры» (22.11.1933) [17].

В апреле 1934-го Генри Уоллес предпринимает шаги, чтобы продвинуть кооперативный проект в правительстве. Он планирует провести переговоры с некоторыми правительственными чиновниками, а также использовать возможности по линии частных фондов (как раз свое содействие предложил благотворительный фонд Рокфеллера) [18]. С верой в успех Н.К.Рерих отправляется в Маньчжурию. Там 11 июня он объявляет о создании Кооператива «Алатырь». Название выбрано не случайно. Алатырь – горяч-камень древнерусских сказаний, камень, на котором зиждется светлое будущее. Напутствуя Рерихов перед отправлением экспедиции, Уоллес писал Юрию Николаевичу: «Пусть Свет Северной Шамбалы ведет вас, Гуру и истинное посольство к вечной славе Новой Эры» [19].

II

С самого начала в деле организации Маньчжурской экспедиции создалась некоторая двойственность. На стадии подготовки к путешествию шли согласования с Райерсоном и Макмилланом. Уоллес неоднократно беседовал со своими подчиненными. Однако в разговорах, по-видимому, так и не был закреплён официальный статус Н.К.Рериха как главы экспедиции. В сознании сотрудников Департамента сельского хозяйства он оставался пришлым художником, который осуществлял только «контакт с властями» и прокладку маршрута экспедиционной группы. За несколько дней до отправки Николая Константиновича и Юрия из Нью-Йорка в Сиэтл, где они должны были сесть на корабль, идущий в Японию, Уоллес писал Рериху:

«Дорогой Гуру, ужасающее наступление готовится со многих сторон, но я хорошо укреплен Вашими указаниями... Мак[миллан] выразил свое беспокойство о том, что Вы и Джордж, будучи из кошачей расы (напомним, что «тиграми» Рерихи называли большевиков – В.Р.), можете стать персоной non grata для наших друзей, от милости которых мы так зависим. Я уверил его, что наши отношения являются близкими, и слегка успокоил его. Очевидно, эти страхи в общем не относятся делу. Я сказал ему и другому человеку в присутствии Рс (Райерсона), что Вы с Джоржем полностью отвечаете за контакт с властями, направление путешествия и т.д. Казалось, Мак чувствовал себя неловко насчет тесных взаимоотношений с врагами тигров (японцами). В остальном, я полагаю, дело в порядке. Работа в поле успокоит его страх» [20].

Уоллес всё-таки ошибался. До порядка оказалось очень далеко. В одном из своих первых отчетов, направленных из Токио в Вашингтон, Макмиллан писал Райерсону: «Путешествие обещает быть оппортунистическим предприятием в полном смысле этого слова» [21, л. 1]. Ботаник называет Рериха «противником», соперничая с которым очень трудно «просчитать ходы». (По выражению Макмиллана, шахматная партия – это детская забава по сравнению с тем, что предложил ему Рерих.) Еще до начала самой экспедиции, точнее полевых работ, возникает ощущение какой-то закулисной игры со стороны ботаников.

Когда 1 июня 1934 года Макмиллан и Стивенс прибыли в Японию, Рерихи находились уже в Харбине. Обе группы продвигались к месту выхода на маршрут самостоятельно. Такая несогласованность в передвижении была обусловлена срочным отъездом Макмиллана в Калифорнию накануне экспедиции. В Токио ботаники обратились к американскому генконсулу Артуру Гэррелсу и сыскали у него полную поддержку. Все вместе они были единодушны в оценке действий Рериха и его сына, которые «победным шагом прошли по городу, где им сопутствовал один успех за другим» [там же]. Гэррелс остался недовольным, что вокруг имени русских «создалась такая шумиха». Подобная реакция американцев вполне укладывалась в схему враждебных взаимоотношений США и Японии. Политическое соперничество двух стран, как известно, в 1930-е годы определяло эти взаимоотношения. Позже, в сентябре 1934-го, когда история с ботаниками получила огласку в Вашингтоне, Уоллес назвал именно Гэррелса инициатором скандала: «Серьезные проблемы начались в тот момент, когда человек О[лд] Х[ауза] (Госдепартамента, т.е. Гэррелс – *B.P.*) в стране правителей (Японии) убедил бот[аника] не исполнять указания, содержащиеся в письме от 23 мая и не наносить визит двоим указанным лицам (Цубоками и Ма)» [22].

Из письма Ю.Н.Рериха к ботаникам от 23 мая 1934 года, оставленного в американском посольстве в Токио, стало известно о маньчжурской окраске экспедиции. Рерихи намеревались сделать Харбин экспедиционной базой и действовать через правительство Маньчжоу-Го. Позиция русских вызвала у Гэррелса приступ ярости, поскольку Соединенные Штаты не имели официальных отношений с этим марионеточным прояпонским государством. Они не признавали его правительство, не обращались за визами и не имели межгосударственных контактов. Рерих же, представляя американскую экспедицию, не только вошел в сношения с правительством Маньчжоу-Го, но и посетил императора Пу-И.

Недоумение американских чиновников вызвало указание Юрия Рериха, данное в письме ботаникам, относительно необходимости их визита к Тейджи Цубоками. Этот человек отвечал в Японском правительстве за «пропагандистскую работу» в отношении государства Маньчжоу-Го. Распоряжение помощника главы экспедиции вызвало у Макмиллана некоторый шок, и, по совету того же консула, он не стал ничего предпринимать. Однако самую большую остроту ситуация с Рерихами приобрела после того, как американское консульство получило копии писем и меморандум из Мукдена по линии министерства иностранных дел Японии. Со ссылкой на меморандум Макмиллан сообщал:

«В Мукдене Рерихи дали понять официальным лицам, что они действуют от имени и по поручению Соединенных Штатов и намерены организовать экспедицию, которая отправится в неизвестном направлении с некоторыми целями. Они продемонстрировали письмо министра Уоллеса, датированное 16-м марта, короткую выдержку, где он благодарит их за решение "руководить и покровительствовать" экспедиции за засухоустойчивыми растениями в пустыню Гоби» [21, л. 3].

Оказалось, Говард Макмиллан только в Японии впервые узнал, что Н.К.Рерих назначен главой экспедиции, а сам он является рядовым ботаником. Более того, Юрий Рерих считался помощником руководителя. Первоначально было сделано предположение о подложном письме Уоллеса, предъявленном в Мукдене. Ведь Рерихи не имели даже американских паспортов. Информация из Мукдена привела сотрудников американского консульства в полное замешательство. В Госдепартамент США консул Гэррелс направил телеграмму стоимостью 70 долларов с изложением сути дела (сумма большая по тем временам, соизмеримая со средней месячной зарплатой). Из Белого Дома госсекретарь Корделл Халл ответил также телеграммой: «Теперь выясняется, Рерих – руководитель исследовательской

группы от Департамента сельского хозяйства, и до недавнего времени этот факт тщательно скрывался от Государственного департамента» [6]. Естественно, Рерихи оказались в немилости у официальных властей в Вашингтоне. Это наложило отпечаток на позицию ботаников. В поведении Макмиллана появились нотки подчеркнутой независимости. Позже, по прибытии в Харбин, американский ботаник высказался более резко в отношении Рерихов: «С этих пор я не намерен обращаться к ним ни за какой помощью» [23]. Экспедиция окончательно раскололась на две части.

В чем же состояли истинные мотивы конфликта? Еще в период согласования планов экспедиции в Вашингтоне министр Уоллес попал в затруднительное положение. Над ним нависла угроза клеветы из-за его дружбы с Фрэнсис Грант [24]. В офис на стол детектива правительственной службы легло «письмо под присягой». Нелепые обвинения Галахада и Модры в интимных связях могли легко стать добычей враждебно настроенной прессы. Подобная клевета бросала тень на имя Рериха и грозила срывом Маньчжурской экспедиции. Вероятно поэтому Уоллес проявил нерешительность и необоснованную мягкость, не сделав необходимого публичного заявления о статусе главы экспедиции. Райерсон считал, что неформальным главой будет Макмиллан, а непосредственное руководство осуществляется из его собственного отдела в Департаменте сельского хозяйства.

Настроение Макмиллана определялось стандартами представлений о научной экспедиции. Исследовательская работа по сбору засухоустойчивых растений казалась ему несовместимой с деятельностью Рериха в Японии и Харбине, которая свидетельствовала о «попытках скрыть свои намерения и связи» [21, л. 9]. К тому же ботаника пугала ситуация в самом Харбине, где Рерихи проводили культурные акции в среде русских эмигрантов. Он очень беспокоился, чтобы экспедиция не приобрела некую военную ориентацию.

«Ситуация в Харбине может существенно отличаться от моего представления. В городе более 70 тысяч белых русских и большая группа красных. Обстановка в регионе нестабильная, и в воздухе пахнет грозой. Это напоминает мне новые Балканы. Здесь всегда будет благоприятная почва для возникновения военных конфликтов...» [там же].

Именно из подобных страхов возникла впоследствии легенда о том, что Н.К.Рериха сопровождал в поездке по Маньчжурии большой вооруженный отряд казаков, имевший намерение не столько охранять, сколько завоевывать.

Воображение Макмиллана подогрела ситуация, сложившаяся в маньчжурском Дайрене. Там американским ботаникам пришлось задержаться более чем на три недели. Японские власти никак не давали разрешение на исследования в районе Хайлара, Барги и на западных склонах Хинганских гор, мотивируя тем, что на всей территории, прилегающей к пустыне Гоби, семена и травы считаются стратегическим материалом. На самом деле, по версии Макмиллана, общая задержка экспедиции на полтора месяца объяснялась совсем другими причинами. В правительственном департаменте Маньчжоу-Го в Харбине он встретился с директором по информации и связям с общественностью господином Кавасаки, который поставил под сомнение «исключительно научные цели экспедиции». Макмиллан в продолжение этой беседы сообщал Гэррелсу в Токио: «Мы давно подозревали, что дела разладились после того, как в Маньчжоу-Го прибыл профессор Рерих» [23]. Похожее сообщение было отправлено позднее и в Вашингтон: «У властей сложилось мнение, что Рерих и его группа – не те, за кого себя выдают, и от них жди одних неприятностей» [25, л. 4].

Японцы были очень недовольны обширными контактами Николая Константиновича в Харбине, не соответствовавшими никоим образом расхожим представлениям о научных изысканиях. После аудиенции художника у императора Пу-И, во время которой Его Высочеству вручили Знамя Мира и памятный знак Музея в Нью-Йорке, японцы завели на Рериха дело. Помимо информации разного рода, газетных публикаций и прочего, в дело попала листовка, распространяемая самим Рерихом (она содержала краткую биографию художника, его фотографию и репродукции двух картин). Кавасаки передал через японского секретаря, приставленного к исследовательской группе, официальное заявление: «Для собственного блага профессора Рериха ему придется прекратить публичную деятельность, поскольку неизвестно, что из этого может выйти» [23]. Это достаточно резкое заявление с

элементом угрозы. Дальнейшее развитие событий показало, что угрозы японцев не были пустым звуком.

В результате Макмиллан принял решение пойти на конфликт с руководителем экспедиции. Вместе со Стивенсом он отделился от Рерихов, набрал в штат японских помощников и остался в районе Хайлара для проведения самостоятельных изысканий. Он был готов ко всем неожиданностям на службе, которые возможны по приезде в Вашингтон, понимая, что стал в оппозицию не только Рериху, но и самому Уоллесу. «Когда всё закончится и я вернусь домой, меня могут ждать крупные неприятности, ведь у них всё схвачено. Если меня уволят, я не удивлюсь» [25, л. 5].

Существует и другое видение ситуации с американскими ботаниками. Об этом красноречиво свидетельствует фраза Фрэнсис Грант в ее рукописи «Николай Рерих и Азия»: «У экспедиции имелся серьезный изъян в лице двух ботаников» [26]. Похоже, с самого начала Николай Константинович не мог вообразить, что его руководящая роль в экспедиции оставалась некой тайной, которая не выходила за пределы кабинета Уоллеса. Художник, исходя из предоставленного ему права главенствовать, соответственно оценивал и поступки своих подчиненных.

Итак, Рерихи почти месяц находились в неведении о сроках прибытия Макмиллана и Стивенса в Японию. Затем американцам потребовалось полтора месяца, чтобы добраться до Харбина и формально соединиться с основным ядром экспедиционной группы (окончательного соединения так и не произошло). Они надолго застряли в Дайрене. В отчете Ю.Н.Рериха, предоставленном Департаменту сельского хозяйства, сообщается о негативном отношении японских властей именно к американским ботаникам, а не к главе экспедиции. Замешательство вызвал тот факт, что Макмиллан и Стивенс обратились с просьбой об оформлении виз для себя лично и отдельного разрешения на полевые работы. Чиновники устроили ботаникам длительную проверку, этим как раз и объясняется задержка с началом запланированного сбора трав [27]. Конечно, ни о каких согласованных с главой экспедиции действиях не было и речи. Н.К.Рерих сетует на «плохую кооперацию» с ботаниками. В конце концов он воспринимает ситуацию как «план какого-то вредительства» [28]. Ему видится, будто всё происходящее нарушает выполнение высокого замысла, оно «вредно по главной линии». Ранее уже было обращено внимание на существование главной линии экспедиции, которая не совпадала с задачами по сбору засухоустойчивых растений. В 1935 году Елена Ивановна открыто назовет «главной линией» строительство «Новой Страны». Юрий Рерих писал о ботаниках сотрудникам в Америку: «Лично нас весьма устраивает, что сами, по своему желанию, отделились, и настаивать на присоединении не следует!» [29].

Н.К. и Ю.Н. Рерихи. Маньчжурская экспедиция

В результате Рерихи обратились с просьбой к известному харбинскому ботанику Т.П.Гордееву принять участие в работе экспедиции. (Американские ботаники наняли своих специалистов по сбору гербариев.) В середине августа 1934 года, по прошествии двух недель после начала первого этапа экспедиции, Николай Константинович заявил сотрудникам Музея свою позицию еще более резко, чем его сын Юрий. Заочно он апеллировал к Уоллесу: «Вместо продвижения приходится купаться в грязи! Друг помнит, как его Гуру предупреждал его о предателях. Пусть он не губит свое будущее и изгонит таких темных диаволов» [30]. В разряд вредителей, или дьяволов, попали Макмиллан, Стивенс и их начальник Райерсон.

Примерно через месяц, 20 сентября Уоллес направляет телеграмму Макмиллану и Стивенсу с требованием их немедленного возвращения в Соединенные Штаты. Дублирующую телеграмму министр послал Н.К.Рериху: «Чрезвычайно сожалею о несоблюдении субординации Макмилланом. Отзываю его и Стивенса. Г.Э.Уоллес» [31]. Еще через неделю он письменно уведомил об отзыве ботаников американского генконсула в Харбине Джорджа Хансона и японского главнокомандующего в Хайларе Хироси Сайто. Уоллес заодно обвинил и Райерсона в халатном отношении к своим обязанностям. У последнего был явный настрой вырвать власть у Рериха. Еще в июле 1934-го он поднимал вопрос о передаче руководства в руки Макмиллана [32].

Вокруг ботаников развернулась борьба в самом Департаменте сельского хозяйства. Уоллесу противостояли, помимо Райерсона, и другие скрытые силы. Одной из них оказался сотрудник отдела растениеводства, некий Фредерик Колвилл. Его родной брат Кэбот Колвилл занимал пост американского консула в Харбине и поддержал Макмиллана и Стивенса. В своей телеграмме на имя брата от 27 сентября Кэбот Колвилл рекомендовал каким-то образом довести до Уоллеса его мнение, что дальнейшие исследования ботаников в Китае «наиболее соответствуют американским интересам» [33]. По всей видимости, возникший дипломатический узел впоследствии стал роковым для судьбы Маньчжурской экспедиции, приостановленной в 1935 году. Придется еще раз вернуться к нему в следующей главе. Именно с Дальнего Востока пошла клевета на Рериха и была очень быстро подхвачена в Соединенных Штатах. Американский корреспондент Джон Пауэлл, аккредитованный в Пекине, опубликовал в газете «Чикаго Трибьюн» скандальную статью о выдворении японцами из Маньчжурии экспедиции Н.К.Рериха.

К моменту возвращения ботаников в Америку Уоллес получил через Фрэнсис Грант «детальные инструкции» [34]. Эти инструкции пришли от Е.И.Рерих. Ботаников было решено уволить с работы. Телеграмма в Индию содержала запрос и о судьбе Райерсона. Ответная телеграмма оказалась очень лаконичной: «Перевести и понизить». Райерсон был переведен в отдел субтропических садовых культур того же Департамента и больше не мог вмешиваться в дела экспедиции. На посту его сменил Ф.Д.Ричи. Трагедию местного масштаба Уоллес описал в письме в нью-йоркский Музей:

«Номер один и два выполнены. Предоставил на усмотрение нашего друга (Райерсона) возможность подписать номер два. Он отказался. Его раздирали противоречивые чувства, и он едва не разрыдался. Сказал, будто причиной всех неприятностей было нежелание Отца (Н.К.Рериха) оставаться в С[тране] П[равителей] (Японии), и потому пчелы (ботаники Макмиллан и Стивенс) не смогли догнать их в пути. Когда пчелы так надолго застряли в Д[айрене], сказал он, Дж[орж] (Юрий Рерих) обязан был придти им на помощь. Он полагает, что Отец и Дж[орж], оба в равной мере виноваты в сложившейся ситуации, и уверен, что предпринятые меры несправедливы... Он дал понять, будто все его мысли направлены на защиту Гала[хада] (Уоллеса), поскольку боится неприятных последствий и публичной огласки происшедшего» [35].

Вероятно, под действиями «один» и «два» подразумевалось следующее: сначала отозвать, а затем уволить Макмиллана и Стивенса. Министр хотел, чтобы Райерсон взял на себя всю ответственность за действия ботаников. Заведующий бюро растениеводства напрасно убеждал, что он весьма озабочен тем, как защитить своего начальника Уоллеса. Судьба Райерсона вместе с подопечными «пчелами» была решена. Но «дело ботаников» только начиналось.

III

Для понимания харбинской миссии Н.К.Рериха придется еще раз возвратиться к ноябрьским событиям 1934 года, которые сотрясли весь Русский Китай (а позже докатились и до Америки) и фактически предрешили судьбу Маньчжурской экспедиции.

Что же произошло в Харбине? Почти одновременно три русскоязычные газеты, существующие на японские концессии, – «Харбинское Время», «Возрождение Азии» и «Наш Путь» опубликовали клеветнические статьи. Они были направлены не только против Н.К.Рериха, но и той части русской эмиграции на Дальнем Востоке, которая сумела «оценить миссию этого великого Посла, несущего им веру и надежду на идущие исторические события и грядущее освобождение» родины [36]. На Рериха посыпался шквал обвинений в том, что он является представителем «тайных сил», легатом Великого Белого Братства – АМОК (Античного Международного Ордена Розы и Креста^{*}).

В первой же своей публикации газета «Харбинское Время» ставила риторический вопрос, на который никакого ответа не требовалось: «Не связан ли приезд академика Рериха сюда с образованием нового государства Маньчжоу-Го?» (17.11.1934). После вторжения Японии на Дальний Восток в 1932 году процесс формирования марионеточного государства Маньчжоу-Го только набирал силу. В приложении к редакционной статье были помещены фотокопии писем Рериха, адресованные его брату в Харбин. Взрыв подозрительности основывался на том, что в посланиях к В.К.Рериху встречались непонятные выражения об «Учителе М.», кооперативе «Белуха» и рекомендация «до срока побывать на службе у Чжан Цзолина». Что такое «Белуха», помимо того что это название самой высокой горы на Алтае, эмиграция не знала. Зато все прекрасно были осведомлены о китайском генерале Чжан Цзолине, который, будучи маньчжурским наместником, в начале 1920-х предпринял попытку объединиться с бароном Унгерном для свержения правительства Монголии.

Одно из этих писем представляется настолько важным, что будет уместно привести практически весь полный его текст, реконструированный по газетным публикациям (в нескольких статьях напечатаны разрозненные выдержки).

«Катори Мару, 12 января 1925. Родные мои, приближаемся к Цейлону. Опустим это письмо на борту – пусть оно на том же корабле плывет к Вам. В последнем письме П.А. [Чистяков] жалуется на материальное положение. Пока мы не признаем, что материальные испытания на благо, до тех пор нам трудно идти вперед. А между тем, сейчас в мире происходит такая перемена, что и мы не должны отставать в понимании.

Не могу доверить бумаге многое происходящее, но одно можно сказать, что мы на границе совершенно новых достижений. Уже слово «Белуха» произнесено на бумаге, и невидимый шаг к Сибири уже сделан. Всё протекает в правильных сроках, и Вы не поверили бы, если бы я описал только что бывшее со мною в Нью-Йорке, Чикаго, Париже и Берлине. Прошло два месяца напряженной работы и достижений. При Водящей Руке можно было сделать многое для будущего. Слушайте чутко всё происходящее в Азии. Из этого центра Мира развернется будущее. Среди трудностей жизни мечтайте и о строительстве, и о сельском хозяйстве, и о жизни на новых местах.

Письмо это лучше уничтожить, ибо многое еще не следует произносить в пространстве. Пишите пока по прежнему адресу в Дарджилинг. После мая пишите: c/o Kashmiri General Agency. Srinagar, Kashmir, India. Они перешлют в горы, где мы будем искать летопись о Будде и о жизни Христа в Тибете. Плыдем хорошо. Шлем Вам стрелы бодрости. Духом с Вами, Н.Рерих» [37].

Хотелось бы обратить внимание на предложение: «Письмо это лучше уничтожить, ибо многое еще не следует произносить в пространстве». Конечно, речь идет здесь не о жалобах Чистякова и даже не о жизнеописании Христа в Тибете. Главное и потаенное касается Великого Плана. Существо этого Плана выражено в словах «шаг к Сибири». Теперь уже

^{*} Русский вариант расшифровки аббревиатуры. AMORC – Ancient Mystical Order Rosae Crucis, Древний Мистический Орден Розы и Креста. В 1930-е годы штаб-квартира Ордена Розенкрейцеров находилась в Калифорнии, США.

понятно, о каких сроках говорится и что произошло в Нью-Йорке, Берлине и Париже. Следует напомнить о встречах Рериха в 1924-м с Бородиным, Крестинским, Астаховым и Красиным и о намеченных на 1926 год его переговорах с большевиками в Москве. Проект «Единой Азии» был рассчитан на будущее. Понятно, что мечты о сельском хозяйстве относятся к кооперативному движению и концессиям на Алтае, а «жизнь на новых местах» связана со строительством завещанного Звенигорода.

Опубликованием перехваченного письма был нанесен первый удар по планам Рериха. Началась травля уже признанного лидера и его учреждений в Харбине – Комитета «Пакта и Знамени Мира» и отделения издательства «Алатас». Угроза Кавасаки наконец возымела действие. Кампанию против русского художника начали газеты, финансируемые именно японцами. К тому же ясно, письмо Рериха брату, которое вышло на поверхность через десять лет, оказалось в распоряжении японской разведки не иначе как уже на борту пассажирского судна «Катори Мару».

На следующий после «разоблачения» день «Харбинское Время» озаглавило полосу на своих страницах «План Аморк – создать в Сибири масонское государство», переопубликовав повторно те же самые выдержки из письма Рериха. Газета упивалась неизвестным словом «Белуха», смакуя его на все лады, и пришла к заключению, что таинственный смысл этого слова не что иное как название новой ложи масонов. А сам Рерих «принадлежит к числу величайших заговорщиков, поставивших целью овладеть всей политической властью над Сибирью» (18.11.1934). В течение недели ежедневно газеты публиковали аналитические обзоры, в которых разбиралась деятельность Рериха в Харбине и задачи его экспедиции в Северную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Выводы сводились к следующему – существует реальный план образования из Сибири, при поддержке американского капитала, самостоятельного государства. «В Харбине в политических кругах эмиграции всё больше и больше возникало разговоров о скором создании из Сибири "суверенного" государства» [38]. Никто не сомневался, что главой будущего «Сибирского правительства» должен стать академик Рерих. Основанием для такого заключения послужила его деятельность среди белоэмигрантов по созданию «единого фронта», а также письма к брату в Харбин, направленные за восемь лет до приезда художника на Дальний Восток. Газета «Харбинское Время» обильно цитировала выдержки из перехваченных писем от 16 сентября 1923-го и 24 апреля 1924 года:

«Помните, что Новой России назначено блестящее будущее и что Сибирь будет иметь особое значение». «Вы видите, какие космические конвульсии потрясают мир. Еще год тому назад мы знали о Японии. И сейчас ясны 1924, 1928, 1931, 1936». «Сибирь – это так важно для будущего строительства. Ведь в Сибири мы с вами встретимся. Именно там предстоит огромная созидательная работа» [39].

Здесь же вспомнили и о книгоиздательстве «Алатас», которое распространило свое влияние на Сибирь, Китай и Японию (директор издательства писатель Г.Д.Гребенщиков – тоже «масон»). Писали о неправославных взглядах Рериха и его посещении красной Москвы в 1926 году. Газетная шумиха имела под собой некоторую правдивую подоплеку. Правдивую в том смысле, что ряд фактов из биографии Рериха имел место, но их толкование журналистами носило зачастую извращенный характер. К примеру, в прессе появилось утверждение о причастности художника к деятельности только что упомянутого «Алатаса». В виде доказательства газета «Наш Путь» опубликовала фотокопию еще одного его письма к В.К.Рериху, написанного в 1924-м. Редакция делала вывод о принадлежности Николая Константиновича к тайному нью-йоркскому «центру». Вот фрагмент этого письма: «Не отказывайтесь и сделайте всё возможно лучше и полезнее, ибо это дело общее, и все носители Знака – в нем работают. Школа (Master Institute), художественный центр (Corona Mundi), мой Музей (Roerich Museum), транспортная компания (World Service) в Риге и теперь книгоиздательство (Алатас) – это всё наши дела и всё это имеет значение для будущего» [40].

Другой пример касается обвинений Рериха в его симпатиях к коммунистам. Одна из газетных статей вышла с заголовком во всю полосу: «Н.К.Рерих – большой поклонник Ленина» [там же]. Журналисты проанализировали книги, к изданию которых был причастен

Николай Константинович, и вынесли свой вердикт. Действительно, к тому времени вышли в свет: «Письма Махатмы», «Листы сада Мории», «Община», «Основы буддизма» и др. В монгольском издании «Общины» имя В.И.Ленина упоминается довольно часто. Для харбинских обывателей это стало сенсацией.

Однако самые нелепые обвинения посыпались на Рериха в связи с розенкрейцерством. Неожиданно художник стал «масоном и агентом еврейства» [41]. На страницах дальневосточных газет воспроизводилась фотография с портрета Рериха, позаимствованная из американского Журнала розенкрейцеров за июль 1933 года (издавался в Сан-Хосе, Калифорния). На портрете Святослав Рерих изобразил своего отца в ламаистских одеждах с ларцом в руках. По собственному усмотрению розенкрейцеры сделали компиляцию, дорисовав на фотографии над фигурой Николая Константиновича треугольники с крестами. Там же, в калифорнийском журнале, было помещено послание «брата Николая де Рериха» Императору розенкрейцеров Г. Спенсеру Луису. Весть с Гималаев датирована 7 мая 1933 года. Похоже, Рерих на самом деле направил это послание в Америку, ведь художник формально состоял в Ордене розенкрейцеров*. Но из приукрашенного портрета вовсе не следует, будто он «прибыл в Харбин со специальным крупнейшим масонским заданием», как писали газеты [там же]. И тем не менее искаженный портрет на многих произвел негативное впечатление. Дело приняло скандальный оборот. Рериху пришлось послать телеграммы сотрудникам в Нью-Йорк и Париж с просьбой привлечь к судебной ответственности Г. Спенсера Луиса.

* Здесь автором книги затронут вопрос, подробное освещение которого можно найти в письме Е.И.Рерих к Г.Г.Шкляверу от 2 января 1935 г.:

«... Конечно, со всею честностью Н.К. может сказать, что он *никогда* ни в масонских ложах, ни в других подобных организациях *членом не состоял и не состоит*. Много чего ему приписывается, и многие стараются хотя бы как-нибудь прикрепить его имя к своей организации. Мы знаем, как статьи и письма Н.К. подделывались и искажались до неузнаваемости. Сейчас же узнали, что даже известный Вам портрет Н.К., написанный Святославом, был искажен и разрисован в каком-то журнале. Святослав по этому поводу *написал свой протест*. Существует организация розенкрейцеров, называемая «Аморк», местонахождение ее в Калифорнии, в самой Америке она пользуется очень скверной репутацией, но в Европе, не знающей истинное положение вещей, она импонирует своей широковежательностью. Честность не украшает их деятельности. Эта организация воспользовалась мягкосердечием Н.К. и просила его дать две-три статьи в их журнал и затем без ведома Н.К. пропечатала его как Брата и Делегата Белого Братства и т.д. Мало того, глава их обратился к Н.К. с просьбой прислать для их Музея несколько местных и тибетских вещиц. Н.К. со свойственным ему сочувствием к каждому культурному начинанию послал несколько вещиц при милом письме с перечнем и кратким описанием вещиц. И вот мы теперь узнаем, что письмо это было совершенно искажено, вещи, просто перечисленные с кратким описанием их на отдельном листе, включены в письмо со всевозможными *добавлениями* и как особые дары чуть ли не от самого *Владыки Шамбалы* и *тому подобной ересью!!!* По счастью, мы храним все копии посылаемых писем как в Америку, так и здесь. Когда мы сравнили сочинительство г-на Спенсера Луиса с оригиналом, у нас дух захватило от такой наглости, бесцеремонной лжи. Пишу это Вам для сведения, ибо и до Вас могут докатиться волны этого бесцеремонного творчества. В Америке г-н Спенсер Луис, или, как его именуют, Император, известен как колоссальный блеф. К сожалению, Н.К. слишком поздно узнал репутацию и бесцеремонность этой организации, иначе никогда не дал бы им своих статей. Вся организация эта – сплошная *бутафория* и вредна тем, что она вводит в заблуждение некоторых действительно ищущих духов, мистифицируя их своими связями якобы с Белым Братством и т.д., тогда как там ничего нет. Конечно, между нами говоря, все это такая *сплошная чепуха*, и люди действительно культурные знают истинную цену большинства подобных организаций. ...» [Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III. 1935 г. М.: МЦР. 2001., стр. 12-13]. — *Прим. ред. эл. версии.*

Портрет Н.К.Рериха с масонской символикой.
Газета «Харбинское Время», 17 ноября 1934 года

За две недели до разразившегося скандала, 2 ноября 1934-го Рерих направил через Департамент сельского хозяйства США письмо президенту Рузвельту. К письму он присоединил очерк на русском языке «Да процветут пустыни!» и его английский перевод.

Этой своей статье Рерих придавал очень большое значение, настолько большое, что оценке оно сегодня, пожалуй, не поддается. Девиз «Да процветут пустыни» стал жизненно важной формулой, которая использовалась при каждом удобном случае – в письмах к сотрудникам, в интервью прессе и в публичных выступлениях. Именно такое название Рерих хотел вынести на обложку книги очерков, посвященной Маньчжурской экспедиции. И конечно, это не могло быть простой случайностью. Именитый путешественник писал о некогда цветущей стране, о которой осталось смутное воспоминание лишь в старых китайских хрониках. Она существовала в бывших владениях Чингисхана и со временем была поглощена пустынной Гоби. Ровно через полгода Рерих написал еще один очерк – «Сад будущего», где вернулся к теме оживления пустынь. Ссылаясь на авторитет другого исследователя, Свена Гедина, он вторил ему: «Огромные пустыни Центральной Азии когда-то были обитаемы миллионами людей и могут зацвести опять, вызвав наружу исчезнувшие реки» [42]. Публично Рерих изложил стратегию образования нового азиатского государства. Он даже упомянул о «шамбалинской войне» и о вожде «с большим сердцем» [43]. Но сокрытый между строк смысл сказанного мало кто понял.

В ответном послании 7 декабря 1934 года Г.Э.Уоллес сообщал профессору Рериху, что «президент очень заинтересовался письмом». И суть его вопросов сводится к следующему: «Была ли страна, являющаяся сегодня пустыней, покрыта деревьями, полями и

растительностью более пышной, чем в настоящее время?» и «в каких монастырях, где хранятся рукописи» [44], в которых дано описание страны, ушедшей в песок в XVI веке?.. Уоллес также упоминал и о других подобных вопросах, заданных Франклином Рузвельтом.

Несколькими строками выше уже шла речь о пустынной Гоби. Как и путешественник Свен Гедин, Н.К.Рерих неоднократно упоминал в очерках об империи Чингисхана. Монголы всегда мечтали о возрождении своего древнего государства. Они сделали великого хана символом присущего им воинственного духа. Рерих прекрасно понимал это. Он избрал психологически верный тон, прославлял Чингиса, как когда-то его прославлял барон Унгерн. В художественном творчестве Николай Константинович обращается к сюжетам монгольской истории. Хорошо известна серия его картин, посвященных Чингисхану. Среди них – «Мать Чингисхана», «Монголия», «Могила Чингисхана» и другие.

Один из малоизвестных карандашных рисунков достаточно большого размера, сделанный художником во время Центральноазиатской экспедиции, называется «Дворец на Угедей Майдане». На эскизе изображен буддийский храм в монастыре Эрдени Дзу, расположенном, по преданию, на месте Каракорума – древней столицы империи Чингисхана. В дневниках Е.И.Рерих Угедей Майдан упоминается как место, связанное со «славным царством». Оно относится к эпохе правления сына Чингиса, хана Угедая. Интересно отметить тот факт, что графическая работа, изображающая дворец на Угедей Майдане, повторяет в общих чертах более раннее живописное полотно «Силуэты» (1924). Объясняя сотрудникам нью-йоркского Музея смысл своей картины, Рерих утверждал, что он изобразил на ней «силуэты Города Будущего» [45].

Н.К.Рерих. Дворец на Угедей Майдане. Рисунок.
На оборотной стороне – набросок портрета Ю.Н.Рериха

Образ Чингисхана Рерих мечтал воплотить в кино. По завершении экспедиции во Внутреннюю Монголию Николай Константинович в мае 1936 года просит своих американских сотрудников связаться с режиссером исторических фильмов Сесилем де Милем и «заговорить опять о фильме "Чингисхан"» [46]. Мысль о создании киноэпопеи, в которую, помимо жизни завоевателя, должны были войти мотивы об Эрдени Мори, то есть Белом Конце счастья, и о Старце Горы, известном Учителе Чингиса, возникла у Рериха еще во второй половине 1920-х годов. Примерно через десять лет художник возвращается к монгольской теме. Из художественного мира перебрасывается мостик в мир кино. Он хочет достичь особой выразительности идеи «великого государства».

Начинания Учителя Рериха поддерживали его ученики и сотрудники. Фрэнсис Грант выступила с лекциями в Рериховском музее и в «Новом Историческом обществе» в Нью-Йорке. Одно из своих выступлений она начала сразу с упоминания о пустыне Гоби и Чингисхане [47]. Примечательно, что эта ее лекция называлась «Пробуждение Азии» и состоялась в разгар Маньчжурской экспедиции. Пустыня Гоби и ее ближние и дальние окраины – это те вольные земли, где Рерихами предreshался Союз народов Азии, или Штаты Азии.

Мысль о возрожденной империи Чингисхана оказалась не нова. И дело здесь вовсе не в харбинских лекциях Юрия Рериха о «Великих ханах». Н.К.Рерих явился выразителем тенденций, бродивших в среде евразийцев. В 1927 году появилось сразу несколько работ о монгольском завоевателе – Г.В.Вернадского, Г.П.Федотова, Н.С.Трубецкого. Вслед за восточниками заговорили сами монголы. Через пару лет после евразийского всплеска в Белграде вышло исследование Хара Дэвана «Чингисхан как полководец и его наследие» (1929). Это тот самый калмыцкий эмигрант Хара Дэван, который позже написал по просьбе Рериха серию статей о Шамбале (1935). Чингисхан, Шамбала и Новая Страна звучали как синонимы на всем пространстве Евразии.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

НАКАЗ ПРАВЛЕНИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КООПЕРАТИВА «АЛАТЫРЬ»

Надеюсь, что протекающая переписка по учреждению сельскохозяйственного кооператива «Алатырь» закончится успешно и это полезное учреждение осуществится, предоставляя работу и сотрудничество многим достойным поселенцам.

Подчеркиваю, что программа кооператива может быть выполнена в любом размере и пределы возможностей кооператива зависят как от руководящего управления, так и от энергичной самодеятельности его членов.

Само собой разумеется, что в основу кооператива будет положена величайшая хозяйственность и деловитость без всякого попустительства или небрежности интересов кооператива.

Также само собой разумеется, что кооператив оказывает содействие и помощь именно членам кооператива. Говорю это в предвидении, что могут возникнуть многие сторонние просьбы и предложения, которые могут вывести из равновесия и нарушить цельность смысла сотрудничества членов кооператива. Итак, сотрудничество и со-помощь, именно членам кооператива, которые несут на себе ответственность за благосостояние кооператива и потому прежде всего имеют право на содействие и помощь.

Кроме сельского хозяйства, кооператив естественно заботится и о культурных преуспеваниях своих сочленов. Потому, как строительство Православия, так и образовательные меры являются насущными заданиями кооператива. По поводу популярных национально-просветительных изданий мы имели беседы с В.Н.Ивановым, и в этом смысле он был бы весьма полезным сотрудником в кооперативе.

Надеюсь, что при развитии кооператива будет обращено внимание на лучшие

современные формы хозяйства, которые будут разъяснены членам кооператива, в форме доступной и привлекательной для применения.

Во всяком случае кооператив «Алатырь» должен явиться достойным показателем, насколько сельскохозяйственное сознание за эти годы преуспело и является одною из ближайших основ земного бытия.

Конечно, следует предположить, что полное взаимное доброжелательство и доверие, трезвость, честность и трудолюбивость будут истинным залогом преуспевания кооператива.

Во всех делах наших имя Христово, предстательность Преподобного Сергия Радонежского являлись прибежищем и оплотом. Также и в этом деле, да благословит благодатный воспитатель русского народного духа трудолюбие и взаимное доброжелательство членов кооператива «Алатырь».

Да будет этот Кооператив истинным «Алатырем», тем светлым драгоценным камнем, о котором заповедают русские былины и который, как камень краеугольный, поможет многим трудящимся сойтись в совместном преуспевании.

10 ноября 1934

Николай Рерих
Покровитель Кооператива «Алатырь»

ГМВ: МКР. Ед. хр. 35, л. 2-3. Авториз. Машинопись

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.К.РЕРИХА С МИНИСТРОМ ГЕНРИ УОЛЛЕСОМ

I.

27 сентября 1934

Уважаемый профессор Рерих!

В дополнение к моей телеграмме, отправленной на этой неделе, отзывающей из экспедиции д-ра Макмиллана и г-на Стивенса, я пишу, чтобы еще раз выразить Вам мое сожаление и негодование неподчинением этих членов экспедиции. Я думаю, что их действия, достаточно серьезные даже при нормальных обстоятельствах, поставили под угрозу успех экспедиции, а также безопасность ее членов.

Будьте, пожалуйста, уверены, что я Вам полностью доверяю и одобряю все Ваши действия по экспедиции и еще раз хочу Вас поблагодарить за Ваше сотрудничество и руководство этой экспедицией, поскольку считаю, что Ваш авторитет в Центральной Азии не имеет себе равных.

Чтобы в дальнейшем у Вас не возникало каких-либо препятствий, я написал письма американским консулам в Токио и Харбин, а также полковнику Сайто в Хайлар, и прилагаю копии этих писем для информации.

Я искренне надеюсь, что дела экспедиции, к сожалению имевшие осложнения из-за действий вышеупомянутых ботаников, будут теперь продолжены и экспедиция достигнет поставленных целей. С Вашей экспедицией связаны большие ожидания общественности из-за острой ситуации, вызванной беспрецедентной прошлогодней засухой, и я уверен, что эта работа под Вашим авторитетным руководством позволит нашей стране получить посадочный материал, который поможет сделать более счастливыми людей, проживающих в районе Западных Равнин.

Из статей в японских и других газетах, попавших здесь в сферу моего внимания, я был рад узнать о великолепном приеме, оказанном Вам в Японии и Харбине. Я не удивляюсь, поскольку знаю о том большом уважении, которым Вы там пользуетесь. Позвольте мне поздравить Вас с Вашими большими личными достижениями.

Еще раз выражаю мою признательность. С наилучшими пожеланиями Вам и Вашему сыну, Искренне Ваш

Министр Г.Э. Уоллес

NRM. Авторизованная машинопись.

Копия: UIL, Henry A. Wallace Papers

Харбин, 1 октября 1934

Уважаемый господин министр,

Предлагаю Вашему вниманию краткий отчет о научной деятельности экспедиции. Мы прибыли в Йокагаму 10 мая в 2 часа пополудни и в тот же вечер выехали в Токио. Две недели прошли в переговорах с японским Императорским правительством и властями Маньчжоу-Го. По получении необходимых разрешений для проведения научных исследований в Маньчжоу-Го, наш отряд покинул Японию 28 мая в сопровождении г-на с. Китагавы, японского секретаря по делам экспедиции, рекомендованного Министерством иностранных дел в Токио. Мы проследовали прямо в Харбин, в Маньчжоу-Го, через территорию Кореи и 31 мая в 6 часов утра прибыли в Харбин, где устроили базу для подготовки предполагаемой экспедиции в Восточную Монголию (Барга), Хинганские горы и Джахол. Наш первоначальный план состоял в том, чтобы начать полевую работу в конце июня и провести июль в Барге, а август в Джахоле. Однако нам пришлось отложить отъезд по причине неприбытия вовремя двух ботаников, задержанных в Дайрене. В письме от 23 мая, адресованном д-ру Макмиллану, мы наметили необходимые шаги, которые следовало предпринять по прибытии в Японию. По непонятным причинам ботаники пренебрегли нашими советами и продолжили переговоры с властями по собственной инициативе, в результате чего экспедиции пришлось задержать отъезд и пробыть в Харбине весь июль, ожидая прибытия ботаников. Эта ситуация была подробно описана в нашем меморандуме от 20 июля, отправленном вместе с копиями нашей переписки с д-ром Макмилланом.

Между 20 и 22 июня мы находились с визитом в Синьчине, столице Маньчжоу-Го, для окончания переговоров с властями Маньчжоу-Го. Господин Китагава, японский секретарь, оставался в Синьчине до 28 июня, планируя маршрут и обсуждая подробности с правительством провинции Хинган. Во время нашего пребывания в Синьчине мы имели честь быть принятыми в аудиенции Его Высочеством Императором Маньчжоу-Го Пу И, который весьма любезно осведомился о целях экспедиции.

По прибытии д-ра Макмиллана и г-на Стивенса в Харбин, г-н Джорж де Рерих посетил их в отеле, чтобы обсудить планы. Д-р Макмиллан, однако, заявил о своем намерении выступить отдельным отрядом и даже не счел нужным доложить об этом начальнику экспедиции. По этому поводу мы обменялись с ним письмами, копии которых были направлены Вам для информации, и решили затем приступить к полевой работе.

Мы выехали из Харбина в Хайлар 1 августа в сопровождении профессора Т.П.Гордеева, предоставленного в распоряжение экспедиции в качестве ботаника музеем Северной Маньчжурии. Проф. Гордеев изъявил желание присоединиться к экспедиции безвозмездно, при условии, что его дорожные расходы будут оплачены экспедицией. Т.П.Гордеев – известный ученый, автор специального исследования по песчаным дюнам Восточной Монголии. Макмиллан и Стивенс ехали с нами в одном поезде и в одном вагоне, но в пути избегали контактов с начальником экспедиции или с кем-либо из ее членов. Мы прибыли в Хайлар 2 августа рано утром и сразу же приступили к последним приготовлениям. Однако глава японской Военной миссии полковник Сайто просил нас отложить выступление на пару дней, поскольку собирался задать нам несколько вопросов в связи с прибытием двух американских ботаников. 2 августа профессор де Рерих в сопровождении г-на Джоржа де Рериха и г-на Китагавы нанес визит в японскую Военную миссию. Полковник Сайто заявил, что у местных властей сложилось впечатление, что экспедицию возглавляет профессор де Рерих и что разрешение приступить к исследовательской работе было дано именно профессору де Рериху. Д-р Макмиллан сделал заявление полковнику Сайто, что не считает себя членом отряда профессора де Рериха, не имеет соответствующих инструкций от Министерства Сельского Хозяйства и поэтому собирается выступить отдельным отрядом. Полковник Сайто просил профессора де Рериха разъяснить эту ситуацию. Мы согласились дать объяснения и обещали принести на следующий день документы, подтверждающие правильность наших прежних заявлений в

Токио и Синьчине.

3 августа состоялась новая встреча с полковником Сайто. Шеф полиции провинции Хинган, заведующий иностранным отделом полиции также присутствовали на беседе. Мы показали фотокопию Вашего письма от 16 марта 1934, и полковник Сайто просил разрешения показать это письмо д-ру Макмиллану, сидевшему в соседней комнате. Когда полковник Сайто вернулся, он сказал нам с огромным удивлением, что д-р Макмиллан считает документ не подлинным! После обсуждения этого вопроса полковник Сайто удовлетворился нашим объяснением, но отметил при этом, что крайне изумлен поведением ботаников, которые, как кажется, нарушили распоряжение своего шефа. Он настоятельно советовал нам выступить отдельным отрядом и заявил, что оба ботаника получают разрешение работать возле города Хайлара на ограниченной территории. Мы рассматриваем странное поведение д-ра Макмиллана и его коллеги как умышленную попытку дезорганизовать экспедицию и посеять недоверие в умах местных чиновников. Принимая во внимание нынешнюю ситуацию в стране, их необоснованные действия серьезно осложнили наше положение.

4 августа наш отряд выступил из Хайлара и проследовал на двух автомобилях к монастырю Ганчжур, расположенному в 175 км к юго-западу от Хайлара. Мы добрались до монастыря поздно вечером того же дня и провели несколько дней в занятиях ботаническими сборами в его окрестностях, в типичной пустынно-степной местности. Особое внимание было уделено участкам песчаных дюн. Во время нахождения в монастыре г-н де Рерих занимался изучением лекарственных веществ и копировал тибетскую медицинскую рукопись, которая будет переведена на английский. Из Ганчжура отряд проследовал в направлении Аршан Ямыня, расположенного в 20 км к юго-западу от монастыря Ганчжур, и затем, миновав Зангин Сумэ, направился к Хандагаю. Во время путешествия участниками отряда были сделаны обширные ботанические сборы. В Хандагае экспедиция провела 3 дня, занимаясь сборами в окрестностях. Следующая остановка была в Цаган-нуре, там собрали большие коллекции. Обратный путь в Хайлар проходил через долины Гуен-гол и Имин-гол. Из Хайлара экспедиция отправилась в Хинганские горы, где устроила базу в Бариме. В Хинганских горах мы провели 2 недели. В настоящее время ведется следующая работа:

1. Сбор семян в Хинганских горах и в степи в окрестностях Ман-ку.
2. Изучение и сортировка ботанической коллекции, собранной в Восточной Монголии и в Хинганских горах.
3. Сбор сведений о лечебных травах и собирание коллекции образцов лечебных трав, произрастающих в Северной Маньчжурии. Сбор и перевод китайских и тибетских медицинских текстов.
4. Подготовка научного отчета о ботанических результатах летней полевой работы в Барге и Хинганских горах.

Мы предполагаем возобновить полевую работу в Джехоле и прилегающих районах на границе пустыни Гоби, как только будут классифицированы коллекции и составлен должным образом научный отчет.

Сегодня в американском консульстве нам сказали, что д-р Макмиллан и г-н Стивенс выехали из Харбина через Дайрен.

С наилучшими пожеланиями от всех членов отряда.

Искренне Ваш

H. de Perich

*UIL, Henry A. Wallace Papers. Box: Wallace's Correspondence:
October, 1933 – July, 1935. Авториз. машинопись, 5 л. Вариант:
РЦНК. Ф. 2, оп. 1, д. 53, 4 л. Копия*

3.

2 октября 1934

Уважаемый профессор Рерих!

Сегодня президент попросил меня спросить Вас об отчете о Ваших наблюдениях и

исследованиях на окраинах пустыни Гоби. Он также просил меня передать Вам его просьбу – когда будете следующий раз в Вашингтоне, распределить Ваше время так, чтобы Вы могли провести с ним вечер. Он уже напоминал мне об этом несколько месяцев тому назад, но я забыл передать Вам эту просьбу.

Я уверен, что в настоящее время Ваши дела идут более гладко и что Вы и Юрий находитесь сейчас в самом добром здравии.

Искренне Ваш

Министр Г.Э.Уоллес

NRM. Авториз. машинопись.

Копия: UIL, Henry A. Wallace Papers

4.

17 октября 1934

Уважаемый профессор Рерих!

Неделю назад погожим октябрьским днем на Среднем Западе я размышлял о шестидесяти годах, которые Вы так успешно посвятили развитию культурных интересов человечества. Я думал тогда, так же, как думаю и сейчас, о глубоком значении символа Знамени Мира.

Как Вы знаете, президент предоставил мне полномочия подписать от имени Соединенных Штатов Пакт, подтверждающий нашу приверженность Вашей концепции, символ которой состоит из трех сфер, заключенных в окружность.

Несомненно, Вы получили к этому времени копию моей последней книги «Новые границы», на титульной странице которой Вы найдете изображение символа Пакта Мира. К сожалению, книга печаталась так поспешно, что у меня не было возможности увидеть пробный оттиск этой страницы, и символ Пакта Мира напечатан в перевернутом виде. Я связался с издателем письменно и устно и уверен, что в следующем издании эта ошибка будет исправлена.

Я надеюсь, что Вы и Юрий находитесь сейчас в добром здравии и прекрасном состоянии духа.

С глубочайшим уважением,
Искренне Ваш

Министр Г.Э.Уоллес

NRM. Авториз. машинопись.

Копия: UIL, Henry A. Wallace Papers

5.

Харбин, 24 октября 1934

Уважаемый господин министр,

В дополнение к нашему меморандуму от 20 июля и нашему письму от 1 октября, а также учитывая некоторые заявления, сделанные господином Г.Г.Макмилланом, мы имеем заявить следующее:

Заявление Макмиллана от 9 июля относительно газетных отчетов и интервью, данных профессором де Рерихом, показывает полное отсутствие понимания им всей ситуации. Мы никогда не игнорировали посольство во время пребывания в Токио и посещали его несколько раз. Мы не понимаем странного отношения г-на Гэррелса к нашему письму от 23 мая г-ну Макмиллану. Это письмо содержало довольно конкретные инструкции и было составлено вчерне после беседы с г-ном Грю, американским послом в Токио. Во время этой встречи мы просили посла оказать помощь экспедиции и показали ему Ваше письмо от 16 марта. Посол, как оказалось, знал обо всем. Он посоветовал нам, ввиду весьма деликатной ситуации с новым штатом в Маньчжурии, использовать наши личные связи в переговорах с местными властями. Мы не встречались с американским консулом (г-ном Гэррелсом) в Токио, поскольку не имеем американского гражданства и нам нечего было обсуждать с ним.

В своем заявлении о господине Тейджи Цубоками, г-н Макмиллан опять проявляет полное невежество. Г-н Цубоками как глава Отдела культуры МИД в Токио отвечает за всю научную работу, происходящую на японской территории, в Корее и на Квантунском полуострове. Он не является «чиновником-пропагандистом в пользу Маньчжоу-Го», как было заявлено г-ном Макмилланом. Помощь г-на Цубоками была необходима, чтобы заручиться содействием японских консульских чиновников по пути следования экспедиции. Следствием возражения г-на Макмиллана против посещения Миссии Маньчжоу-Го в Токио стала излишне долгая задержка его и его коллеги в Дайрене. Мы получили бесплатные визы из Миссии Маньчжоу-Го без всякого труда и проволочек.

Г-н Макмиллан опять-таки совершенно неправ, утверждая, что наш отряд посетил Мукден и имел там переговоры с местными властями. Меморандум, на который он ссылается, и Ваше письмо от 16 марта были показаны профессором де Рерихом в МИДе в Токио перед отбытием из Японии, и их содержание было передано правительству Маньчжоу-Го г-ном Цубоками. Мы никогда не попадали в затруднительное положение в Мукдене, как утверждает г-н Макмиллан, и нигде не задерживались. Единственная наша задержка была вызвана неприбытием г-на Макмиллана и его спутника. Его заявление о нашем визите в Военное министерство Японии совершенно смехотворно и вновь показывает его полное незнание местных условий. Визит в Военное министерство был необходим, чтобы заручиться содействием японских военных властей.

Насколько нам известно, г-н Грю, посол САСШ, никогда не посещал Индии во время нашего пребывания там. Ему было известно о Центральноазиатской экспедиции Рерихов во время службы в Госдепартаменте в Вашингтоне. Посол был хорошо осведомлен о нашем приезде, т.к. он получил письмо из Рериховского музея в Нью-Йорке, в чем он и признался. Утверждение консула, что «из всех людей мира, путешествующих в этой части мира, меньше всего русских», кажется более чем странным, поскольку именно в этой части мира железнодорожная полиция и железнодорожная охрана состоит из русских. Все экспедиции, как японские, так и иностранные, имеют русских сотрудников. Все иностранные фирмы используют русских в качестве своих представителей и агентов. То же самое верно и в отношении консульств и банков.

Советские визы были абсолютно бесполезны в Маньчжоу-Го и вызвали лишь ненужные подозрения. Все утверждения о японских подозрениях совершенно неверны. Причиной всех трудностей были действия самого г-на Макмиллана. Беспокойство г-на Макмиллана по поводу небезопасности пребывания в Харбине смехотворно. Если бы он двигался, как было указано в нашем письме от 23 мая, то у нас не было бы проблем с боеприпасами. Боеприпасы в настоящее время переданы на хранение в армейский склад в Дайрене, где они записаны на имя г-на Макмиллана, и хотя мы просили его положить их на наше имя, он не сделал этого и не информировал нас о том, что заедет в Дайрен на обратном пути. Его утверждение от 10 июля о плохих условиях на железной дороге между Харбином и Хайларом неверны. Эта линия безопасна, и европейские женщины и дети регулярно пользуются ею. Неоправданные действия г-на Макмиллана и его сепаратные переговоры привели в смущение местных чиновников (см. параграф 3 письма от 20 июля). Описание г-ном Макмилланом его беседы с г-ном Кавасаки в Синьчине, содержащееся в письме Гэррелсу от 20 июля, совершенно искажает реальные факты. Прежде всего, секретарь экспедиции г-н с. Китагава никогда не служил в ведомстве г-на Кавасаки. Во-вторых, заявление прессы, названное в письме рекламным листком, было передано г-ну Кавасаки по его просьбе. Заявление было подготовлено в Соединенных Штатах и составлено из сообщений американской прессы. Задержка экспедиции произошла исключительно из-за неоправданных действий г-на Макмиллана. Во время задержек мы постоянно получали запросы относительно местопребывания обоих ботаников от японских властей и даже от американского консульства в Харбине (копия прилагается). По заведенному обычаю, подчиненный должен сообщить о себе своему начальнику сразу же по прибытии. Этого г-н Макмиллан не сделал, хотя г-н де Рерих передал ему, что проф. де Рерих ожидает его. Мы не скрывали нашего адреса, он был сообщен г-ну Макмиллану, был известен в отеле (где нас уведомили о прибытии г-на Макмиллана) и в американском консульстве.

Частые утверждения г-на Макмиллана о его якобы подозрениях во всем, что связано с именем Рериха, это чистая клевета. Мы никогда не посещали летний курорт белых русских в окрестностях Хайлара. Сообщение о казаке-охраннике у дверей смехотворно. Г-н Макмиллан никогда не приближался к нашему дому в Харбине. Утверждение г-на Макмиллана в его письме от 11 августа (параграф 4) опять-таки совершенно неверно. Мы были вынуждены отложить наш отъезд из-за поломок на железной дороге, приведших к опозданию поездов на 9 часов. Станционное начальство, однако, получило инструкции скрыть истинное положение дел на дороге и продолжало продавать билеты. Г-н Макмиллан и его спутник не предприняли попытки встретиться с начальником экспедиции во время поездки в Хайлар, хотя ехали в том же самом вагоне. У двери в купе, в котором находились профессор де Рерих и другие члены экспедиции, не было выставлено никакой охраны. Несколько других пассажиров побывали в нашем купе во время путешествия.

Рассказ о наших переговорах с полковником Сайто в Хайларе приведен в нашем письме от 1 октября. Мы можем лишь добавить, что версия событий, изложенная г-ном Макмилланом, опять-таки совершенно неверна. Не было и речи об остановке экспедиции, и полковник Сайто просто хотел узнать, что случилось с г-ном Макмилланом и его спутником, названных членами нашего отряда в письме из МИД в Токио властям Маньчжоу-Го.

С экспедицией не было никакой казачьей армии (!) или обмундирования. Утверждение, будто мы обещали, что все, включая двух ботаников, поедут в Хинганские горы, является совершенной ложью. Мы никогда не утверждали ничего подобного. По возвращении в Хайлар г-н Макмиллан вновь не сделал попытки посетить начальника экспедиции, хотя г-н Сайто, японские ботаники, сопровождающие г-на Макмиллана, посетили нас в Хайларе и даже приехали на станцию, чтобы проводить нас.

Вся переписка создает довольно определенное впечатление, что утверждения г-на Макмиллана были сделаны с целью помешать работе экспедиции и опорочить доброе имя ее руководителя.

С сердечными пожеланиями,
Искренне Ваши

*Николай де Рерих
Джорж де Рерих*

P.S. Название местностей вдоль маршрута нашей экспедиции, указанные г-ном Макмилланом, полны ошибок и в ряде случаев неверны.

*Ull, Henry A. Wallace Papers. Box: Wallace's Correspondence:
October, 1933 – July, 1935. Авториз. машинопись, 5 л.*

6.

Харбин, 2 ноября 1934

Уважаемый господин министр,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 2-го октября, полученное мною 1-го ноября. Прошу Вас передать господину президенту, что я благодарю его за любезное приглашение и буду сердечно рад по возвращении представить все мои научные соображения по интересующим его вопросам.

Посылаю при сем мою беседу из местного журнала «Рубеж», в которой я именно подчеркиваю значение местной растительности для зарощения пустынь, ибо здешние сухостойкие травы лучше всего отвечают этим требованиям. Именно холмистые местности около центральноазиатских пустынь, еще сохранившие особо выносливые злаки, являются наглядным примером тому, насколько сама природа приучила эти растения к самообороне против засух и прочих неожиданных климатических перемен.

В настоящее время при ближайшем участии известного местного ботаника и почвовода профессора Гордеева составляется научный отчет экспедиции по Барге и отрогам Хингана. Не только собран значительный гербарий, но и будут посланы образчики семян, некоторых наиболее полезных и выносливых злаков, которые могут пригодиться и для ближайших экспериментов в Америке. Также было обращено внимание на местные лекарственные

травы. Значительная коллекция лекарств, употребляемых в местной медицине, будет через две недели отправлена отсюда через посредство американского консульства. Затем, отправив результаты экспедиции по Барге и отрогам Хингана, мы проследуем в юго-западном направлении, чтобы изучать более южные условия местности. Конечно, для движения в этом направлении нам придется проследовать через Китай. Такое продвижение может дать ряд интересных наблюдений не только в смысле засухостойких растений, но и в отношении лекарственных трав, которыми эти районы очень славятся.

Если зимние холода застанут нас на открытых пространствах, нам временно придется приютиться в местных монастырях. Но и это пребывание, конечно, будет использовано с несомненной пользой, ибо именно в зимнее время ламы-врачи живут при монастырях, и таким образом их легче встретить. Как я и пишу в моей журнальной беседе, в большом монастыре в Ганчжуре мы встретили у одного старого ламы тибетский медицинский манускрипт, который моему сыну Юрию удалось списать. Во всяком случае, приложив весь опыт бывших экспедиций, мы уверены, что и при нашей следующей поездке результаты будут значительными.

Очень часто я вспоминаю благородные устремления господина президента, чтобы дать гражданам Соединенных Штатов еще большие цветущие пространства, годные для обрабатывания и проживания. Неоднократно в статьях моих я касался этих жгучих вопросов о болезни планеты. Теперь мы продолжаем двигаться под девизом «Да процветут пустыни!»

Еще раз прошу Вас передать господину президенту чувство моего глубокого уважения и пользуюсь случаем принести и Вам мои лучшие пожелания в Вашей самоотверженности и высокопросвещенной деятельности на пользу человечеству.

Искренно преданный

[Н.Рерих]

*UIL, Henry A. Wallace Papers. Box: Wallace's Correspondence:
October, 1933 – July, 1935. Авториз. машинопись, 2 л. На русском яз.:
NRM. Машинопись, с припиской Н.К.Рериха: «Копия письма Уоллесу»*

1.

7 декабря 1934

Уважаемый профессор Рерих!

Я передал президенту Ваше письмо от 2 ноября, статью на русском языке «Да процветут пустыни» и английский перевод этой статьи. Он проявил очень большой интерес и попросил меня спросить, смогли ли Вы узнать во время Ваших контактов в монастырях или других местах, где хранятся рукописи, была ли страна, являющаяся сегодня пустыней, покрыта деревьями, полями и более пышной растительностью, чем в настоящее время. Он задал конкретный вопрос: «Было ли так в XVI веке?» Он спросил также, не смогли ли Вы узнать из этих рукописей о каких-либо возможных причинах, по которым эти земли высохли.

Вам может показаться интересным, что президент очень заинтересовался Вашим письмом и что он задавал вопросы о г-же Рерих, о которой уже имел некоторые сведения и которая его очень заинтересовала.

Я прилагаю также письмо, полученное от военного секретаря.

Надеюсь, что эта зима проходит для Вас радостно и плодотворно.

Искренне Ваш

Министр Г.Э.Уоллес

*NRM. Авториз. машинопись.
Копия: UIL, Henry A. Wallace Papers*

8.

Пекин, 18 февраля 1935

Уважаемый господин министр,

Мы заканчиваем приготовления к предстоящей поездке на северо-запад, которая начнется из Пекина в один из дней первой недели марта. Наша программа включает в себя, во-первых, устройство базы, и затем исследование района в летние месяцы. Это позволит нам подыскать подходящие места для сбора семян ранней осенью.

За время пребывания в Пекине мы собрали коллекцию растительных лекарственных средств, в соответствии с тибетской фармакопеей, а также коллекцию утерянных тибетских медицинских трактатов, которые будут посланы в Министерство перед нашим отъездом из Пекина. Нам также удалось заполучить копию ценного рукописного рецептурного списка.

Мы надеемся, что Вы получили наш предварительный отчет о результатах ботанической полевой работы, проведенной прошлым летом в Барге и Хинганском районе.

Прилагаю ваучеры с указанием расходов за декабрь и ноябрь.

Благодарю Вас за Ваш неиссякающий интерес к работе экспедиции и желаю Вам всего хорошего.

Искренне Ваш

Николай де Перих

NARA. Records relating to the Roerich Expedition, 1934-37.

RG 54170/27/8/2. Box 2. Авториз. машинопись.

Авторская копия: NRM. Машинопись

9.

Пекин, 1 марта 1935

Дорогой мой Галахад,

Из писем наших друзей я вижу, как Вы стараетесь для скорейшего устроения дела Канзаса. Это меня радует несказанно, ибо таким образом мне ясно Ваше понятие дела Канзаса. Если Вы его понимаете для будущего и для Вашей страны, то Вы также понимаете и всю спешность. При обычных делах возможны разные темпы, но дела такой важности, конечно, требуют и условий особой поспешности.

Очень скоро еще более станет ясно, почему я так подчеркиваю поспешность, но тогда многое может стать непоправимым. Если Вы убедились в широкой полезности дел для всей страны, то конечно Вы понимаете и всю ожидаемую поспешность. Зная меня, Вы также понимаете, что я не стал бы без оснований так настаивать на поспешности. Кроме этих общих условий, в самом деле Канзаса вся обычно деловая сторона может быть закреплена с любой обоснованностью и ясностью. Могут быть отвечены все запросы о гарантиях. Может быть польза и в отношении машин и прочей индустрии. Словом, не мне подчеркивать Вам то, что и без того Вам, как широкому деятелю, ясно. Потому-то так огненно мы каждый день ожидаем каких-либо с Вашей стороны добрых знаков.

К делу гербария скажу, что в этом сезоне многое будет легче, ибо не будет темных последствий заговора двух индивидуумов. Ведь, как Вы уже знаете, с этими последствиями мы многократно всюду встретились. Сколько лжи и клеветничества в известных породах двуногих. Сколько разрушительства! Теперь мне хотелось бы дать гербарии и заключения с точки зрения трех народностей – китайской, монгольской и тибетской. Очень часто такие фольклорные заключения приносят очень полезные и неожиданные решения.

Эти строки, вероятно, дойдут до Вас уже в конце этого месяца, незадолго до дня Пакта. Пошлем наши лучшие пожелания, чтобы всякие трудности преоборолись и это благое дело славно продвинулось.

До чего нужна спешность в деле Канзаса. И только Ваша страна может зорко охватить блестящие возможности.

Шлем лучшие приветы. Шлем все пожелания к славному будущему и каждый день с великим ожиданием надеемся получить добрые вести. Шлю Вам всё мужество, всю крепость, всю победу.

Духом с Вами,

Н.Рерих

NRM. Машинописная копия

*Перевод с английского
Сергея Харитонова, Татьяны Самариной*

Н.К.Рерих. Силуэты (Силуэты Города Будущего). 1924. Фрагмент.
Собрание Джо Ягоды, США

ПРОЕКТ «КАНЗАС»

Маньчжурская экспедиция поднялась на волне Новой Страны. В то время, когда в Вашингтоне Рузвельт и Уоллес обсуждали возможности путешествия в Центральную Азию с участием Рериха, на Гималаях выявлялся «план Азии». На повестке дня стоял вопрос о «Новой Стране», о ее образовании, которое «происходит не самою войною, но сцеплением народов» (12.11.1933) [1]. Это гипотетическое государство еще не существовало на картах, оно было в проекте. Для Рерихов слагалась страница «новой истории». В ближайшей перспективе главная роль на Востоке отводилась двум державам – Японии и России, и марионеточному государству Маньчжоу-Го (16.5.1934) [2]. По этой оси и начиналась экспедиция Департамента сельского хозяйства США.

Непосредственно перед Маньчжурской экспедицией и в ходе самой экспедиции в письмах Е.И.Рерих появляется целый поток суждений о Новой Стране. Она несчетное число раз повторяет сочетание этих двух слов, настраивая сознание своих сотрудников на нужный лад. Особенно плодотворным в этом отношении является 1935 год, когда Н.К.Рерих переместился из Маньчжурии во Внутреннюю Монголию. Иногда Елена Ивановна пишет от себя, иногда транслирует слова, записанные в дневник:

«Н[овая] Страна ждет чуда» (8.3.1935). «Нет большей радости, чем построение Новой Страны» (8.4.1935). «Итак, будем вместе строить Новую Страну» (3.5.1935). «Спасение Новой Страны близко» (5.6.1935). «Буду продолжать устремлять вас по главной линии к построению Новой Страны... Как нужно гореть любовью к построению Новой Страны, Нового Мира!» (14.6.1935) [3].

Все-таки важно прояснить, что же стоит за понятием «Новая Страна». В редких случаях это понятие приближено к «Новой России» (21.2.1935). Иногда при взгляде со стороны может возникнуть двойственное толкование. Во-первых, по национальной принадлежности: «Нов[ая] Страна – это страна Ф[уямы]» (14.5.1935) [там же]. Понятно, что Фуяма, или Н.К.Рерих, родился в России. Но возможно также, из последней фразы следует другое – Новой Страной будет править Рерих. Ясно одно, вряд ли новое государство отождествлялось с Советским Союзом.

В начале 1930-х годов у Рерихов существовало крайне негативное отношение к СССР. Сказывались последствия переговоров с Чичериным. Николай Константинович и Елена Ивановна протестовали против признания Соединенными Штатами на государственном уровне Советского Союза [4, с. 71, 74]. Их американские сотрудники тоже протестовали против «наступающей черной силы» [5]. Министр Уоллес уговаривал президента Рузвельта и госсекретаря Халла не подписывать договор с представителем Советов наркомом М.М.Литвиновым [6]. Наиболее резко в этой связи высказывалась Е.И.Рерих в одном из писем в Америку: «Советую не забывать тигров ни на мгновение. Они опасны не по национальности, но по сатанизму» [4, с. 86]. При таком отношении Советский Союз вряд ли мог претендовать на роль Новой Страны. Быть может, тогда следует говорить об Азиатской России, то есть о Сибири и прилегающих территориях?..

Идея Новой Страны звучала на протяжении десяти лет. Шаг за шагом Н.К.Рерих шел к реализации Великого Плана. После посещения Москвы в 1926-м и неудачного похода на Лхасу в 1927 году чаша весов склонилась к Америке. Теперь не Советский Союз и не Тибет определяли линию действия. В большую политику вступили Соединенные Штаты. По возвращении из Тибетской экспедиции Рерих вскоре появляется в Нью-Йорке, в царстве своих картин. К моменту его приезда летом 1929 года на углу 103-й Стрит и набережной Риверсайд взлетел небоскреб-музей. Именно там накапливались сотни и тысячи работ художника, написанные за пять лет странствий по Центральной Азии. Однако в этот очередной приезд речь шла не о живописи. Даже не научный проект, инициированный в связи с образованием Института Гималайских исследований «Урусвати», стал во главу угла. Рерих объявил на Совете директоров Музея о создании корпорации «Ур», которая нацелена в будущем развернуть свою деятельность в Азии, на пустынных пространствах Гоби и Такла-

С.Н.Рерих. Карандашный набросок к портрету Н.К.Рериха, начало 1930-х годов. Музей Николая Рериха в Нью-Йорке

Общепринятое мнение таково, что художник не может быть политиком. Тем более Рерих, исповедующий учения Востока и всегда пульсирующий духовностью, должен оставаться непогрешимым. Общественная жизнь, встречи с сенаторами, министрами и конгрессменами как бы не имеют ничего общего с культурной работой. В отношении Рериха такое расхожее мнение опрокидывается. Уже в ходе самого Тибетского путешествия, весной и летом 1927-го, как знамя, был брошен призывный клич, своеобразный девиз экспедиции: «Будем строить Новую Страну» (25.4.1927) [7]. Можно ли создавать целые государства, тот же Союз Азии, или Штаты Азии, не будучи по сути политическим деятелем?.. В Тибетском дневнике Е.И.Рерих встречаются обращения, касающиеся Союза Азии: «Ваше построение неожиданно вонзается в мировую политику» (24.7.1927); «Почти уявлен Ф[уяма] как деятель мировой политики» (13.8.1927) [там же].

Рерих принимает на себя миссию вождя и политика, он становится вровень с президентами и царскими особами Европы и Азии. Одна из первых значительных акций по прибытии в Америку в 1929 году была нацелена на Белый Дом. Уже через неделю, 24 июня Рерих встречается в Вашингтоне с Гербертом Гувером. Он рассказывает президенту о своей Центральноазиатской экспедиции и обращается к нему с письмом [8]. (Позже, 3 сентября, присутствует на аудиенции с министром труда Джеймсом Дэвисом [9].) Письмо к президенту заслуживает самого пристального внимания.

Значительная часть послания посвящена Шамбале. Но вовсе не той заоблачной стране счастья, затерянной в Гималаях. Николай Константинович допускает некоторую трансформацию. Земля будущего, земля Шамбалы – это Америка. Дипломатия высокого

порядка направлена на соединение Азии и Соединенных Штатов. Чтобы настроить Гувера на такой союз, Рерих на протяжении письма трижды упоминает о почитании среди азиатов «великого имени» президента. Он приспособливает легенду о великане, услышанную им от встречного монгола, и сравнивает имя Гувера с именем божества счастья Куверы. Герберт Гувер превращается в «великана, кормильца всех народов». Напомним, конец 1920-х годов стал периодом активного передела Центральной Азии и Дальнего Востока мировыми державами. Америка в соперничестве с Японией, Англией и Советским Союзом играла в этом процессе не последнюю роль. Поразительно, что многие американские газеты заговорили о «божестве счастья» еще в начале июня, когда Рерих только находился на пути в Америку. Первые интервью художник дал в Риме. Он упомянул не только о президенте Гувере, но и о Генри Форде, который оказался «полубожественным существом», или «сыном бога» [10].

Самым удивительным свойством политической дипломатии Рериха является его способность соединять легенду с текущим моментом. Он пишет в письме к президенту, будто имя его благоговейно почитается в «глухих уголках пустынь Гоби, Такла-Макана и на просторах Алтайских гор» [8]. Как видно, именно этими географическими пунктами очерчивается некое условное пространство, непроизвольно подталкивающее к мысли о Новой Стране. Накануне визита к Гуверу, 22 июня 1929-го Рерих встречался с американцем Беннетом, который сотрудничал с нью-йоркским Музеем. «Он ему говорил, что не о России надо думать, а об Азии, начиная с Сибири. Говорил об Алтае, Монголии, как подойти к местным правительствам...» [11]. Не правда ли, поразительное совпадение и в географии, и в политике.

Вопрос о границах нарождающегося государства является самым сложным. У Рерихов нет достаточно четкого определения территориальных разграничений. К середине 1920-х годов, периоду Тибетской экспедиции, существовал один определенный план. Однако к середине 1930-х политическое положение в Азии изменилось. Образовалась народная Монголия, произошел распад Китая, укрепила свое влияние Япония. В этой ситуации бессмысленно было говорить о Тибете (лишь о буддизме и управлении буддистами). В скорректированном плане появляются две главные силы – Россия и Америка. Трудно себе представить, что под Россией понимается Советский Союз, хотя формально договор между двумя странами уже заключен. Еще раз обратим внимание на этот факт.

«Россия и Америка будут теми странами, которые повернут руль всего мира... Когда Россия будет укрепляться, междоусобия будут разрушать самые мощные страны... На Дальнем Востоке будут перемены. Туркестан, Памир и Афганистан присоединятся к Новой Державе» (18.10.1934) [12].

Во время Маньчжурской экспедиции выявляются две главные фигуры – Рузвельт и Рерих. Именно на этих людях держится теперь Великий План. В записях Елены Ивановны каждый день разговоры ведутся только о «любимом президенте». Франклин Рузвельт занимает центральное место в истории с экспедицией. «Да, какая мощь и какое благо получится, когда во главе двух великих стран будут стоять такие представители как Ф[уяма] и Р[узвельт]!» (20.12.1934) [там же]. Из Индии начинается переписка с хозяином Белого Дома. Об этих уникальных взаимоотношениях Е.И.Рерих и Ф.Д.Рузвельта речь еще впереди. Пока следует обратить внимание на другое, на соответствие лидеров и держав. Если Рузвельт – президент Соединенных Штатов, то какой страной будет править Рерих? К концу 1934-го – началу 1935 годов Николай Константинович окончательно возведен сотрудниками в ранг вождя. Не только предводитель культуры, но вождь в самом широком охвате мировой жизни.

Вождь всегда должен иметь свое поле битвы, свои земли и народы. В данном случае все атрибуты власти налицо. Очерчено пространство от Внутренней Монголии до русского Алтая. Центр политической власти помещен в алтайский Звенигород. О правительстве Новой Страны Е.И.Рерих записала еще в 1927 году. Затем и в 1933-м, и в 1934-м годах снова повторяла о Звенигороде (2.2.1934) [1]. Она также писала в Америку: «Не отдадим от себя час великого радостного совместного ежедневного свидания и труда в великом Пресветлом Граде Зв[енигороде]» [4, с. 61]. Напомним, именно в это время созданы полотна Рериха

«Звенигород» (1933), «Странник Светлого Града» (1933), «Сергиева пустынь» (1933). Кстати, Сергиева пустынь у Рерихов непосредственно связана с Алтаем, ее устройство предполагалось при кооперативе «Алатырь» (31.12.1933) [1]. Тогда же подготовлена рукопись «Напутствие Вождю».

Первые страницы рукописи «Напутствие Вождю» были получены в Музее в августе 1933 года. З.Г.Лихтман берется за перевод текста с русского на английский и читает его в кругу американских сотрудников. «Это "Напутствие" прямо насыщает душу, и чувствуется, что нельзя жить по-прежнему, прочтя эту всеохватывающую мудрость» (20.8.1933) [13]. Она мечтает, чтобы именно ей выпала честь начать работу, связанную с публикацией книги. При участии Фрэнсис Грант был сделан официальный перевод рукописи на английский язык. В конце августа этот перевод направлен в Индию для согласования. Лихтман еще не знает, какого объема будет книга в окончательном виде, но уже начинает собирать деньги, необходимые для издания. Текст книги она воспринимает как обращение или наставление. «Опять замечательное "Напутствие Вождю". Не знаю, почему мне при этом вспоминается "[Ловцу], вступающему в Лес". А теперь уже не Ловец, а Вождь – конечно, всегда Он был Вождем – наш благодетель Гуру...» (23.10.1933). Из уст Зинаиды Лихтман звучит оценка личности Вождя. Она нисколько не сомневается, что роль мирового лидера предназначена именно Н.К.Рериху. Только такой руководитель, принимающий власть как жертву, может применить, по ее выражению, «Свод Законов Этики» в жизни.

В книге «Напутствие Вождю» собраны заповеди водительства. В современной литературе, в предисловиях, предваряющих переиздания «Напутствия», образ вождя не персонифицирован. Считается, что это некий собирательный образ и наставление дается не иначе как видным государственным деятелям и неизвестным руководителям разного масштаба. Некоторые авторы дерзают называть вождем даже Е.И.Рерих, которая в действительности никогда не брала на себя функцию общественного лидера.

Чтобы завершить рассуждения о личности Вождя, приведем еще одну цитату из письма Зинаиды Лихтман, написанного ею 23 июня 1935 года, накануне драматических событий вокруг Н.К.Рериха и его Музея: «Теперь перечитываю "Напутствие Вождю" и поражаюсь Мудрости Строительства, Указанного на будущее – какая благая жизнь, полная конструктивного труда и духовного роста под руководством Вождя. Но как радостно сознавать, *кто именно является Вождем!*» [14]. Последние слова подчеркнуты самой Лихтман. Она определенно знает, кто именно является Вождем.

Н.К.Рерих. Странник Светлого Града. 1933

Н.К.Рерих. Сергиева пустынь. 1933

Итак, два вождя появляются на мировом горизонте. Один – в Америке, другой – в Азии. Вполне логично, что между ними образуется некое подобие союза. Е.И.Рерих направляет в октябре 1934-го свое первое письмо президенту Соединенных Штатов. Он откликается на ее зов и задает вопросы. Н.К.Рерих, со своей стороны, использует канал Уоллеса. Уже упоминалось об очерке «Да процветут пустыни!» и положительной реакции на него Рузвельта. Следует упомянуть и незначительную пикантную подробность. Когда министр доложил президенту об успехах экспедиции Рериха и планах ее руководителя провести зиму в буддийском монастыре, тот отреагировал своеобразно: «Большое спасибо. Хотел бы я тоже провести зиму в монастыре. Интересно, нельзя ли этот очерк Рериха опубликовать в каком-нибудь американском журнале» [15]. Очерк опубликовать не удалось, но заочные отношения вождей получили новый импульс (новый после Конвенции 1933 года), и Рерих даже удостоился приглашения Рузвельта посетить его в Белом Доме по возвращении с Дальнего Востока.

В тот же день, 7 декабря 1934 года, когда Уоллес описывал в письме к своему Гуру встречу с президентом, в экспедиционном дневнике Рериха по странному стечению обстоятельств впервые появляется упоминание о проекте «Канзас» [16]. Этот проект обставлен глубочайшей конспирацией, которая была, естественно, необходима после харбинских скандалов и разоблачений. Даже в своем дневнике Николай Константинович пишет иносказательно, «требуется осмотрительность в выражениях, чтобы не было недоразумений» (8.4.1935) [там же]. Понятие «Новая Страна» исчезает из обихода и сменяется отвлеченным «Канзас» и его производными – «дело Канзаса», «штат Канзас», «Канзас скул» и т.д.

Кстати, на эту деталь уже обратили внимание современные американские исследователи. «Определенно, что "Канзас" не имеет отношения к Канзасу в Соединенных Штатах» [17]. Некоторые справедливо считают – «Канзасом именовалась Монголия» (Уайт, Мейз) [там же]. Такой вывод основывается на письме Генри Уоллеса к Фрэнсис Грант, написанном в начале января 1935 года. Министр извещает ее, что собирается изложить канзасский проект «Шаткому», то есть Рузвельту [18]. При этом объясняет Модре некоторые детали относительно Канзаса, соседствующего с Китаем. (Упоминается о «последних веяниях в кредитно-денежной политике» Соединенных Штатов, которая сильно влияет на импорт серебра, и о жителях районов к югу и востоку от Канзаса, могущих пострадать от этой политики.) Из письма следует – вполне вероятно, что Внутренняя Монголия может быть не самим Канзасом, но лишь краем Канзаса, входить в него как составная часть, и их нельзя отождествлять. Хотя в отдельных случаях, в контексте изложения канзасских проблем, создается впечатление именно о Монголии и монголах.

Другие исследователи рассматривают идею «Канзаса» шире. Не ограничивают ее только Монголией: «Упоминания о Сибири под кодовым названием "Канзас"» (Уокер) [19].

Основанием для такого мнения явилось утверждение Луиса Хорша о том, что Рерих хотел образовать «новое сибирское государство» [там же]. В качестве доказательства автор ссылается на письмо русского художника. Конечно, отношение Рериха к Сибири и Алтаю всегда было благоговейным. Об этом уже много говорилось в предыдущих главах, прежде всего, в связи с «Сибирским сборником». Даже в разгар травли в Харбине Николай Константинович не скрывал своего «сибирского пути». Отвечая на анкету «Харбинского Времени» (не для печати, а для истории), Рерих отрицал планы создания государства в Сибири. Это вполне понятно. Отказ обусловлен инстинктом социального самосохранения. Однако в том же пункте анкеты записано: «Мыслью, что свержение коммунизма и возрождение России лежит через Сибирь» [20]. По всему похоже, сибирская точка зрения на «Канзас» тоже допустима.

Истинный смысл географического термина «Канзас» у Рериха остается до конца не разгаданным. Возможно, углубление в суть самого проекта подскажет правильное решение. Возвратимся к событиям начала декабря 1934 года. Рерих запрашивал своих сотрудников в Нью-Йорке о «Канзасе», подчеркивая, что «это обстоятельство чрезвычайно спешно и полезно; нужно бы знать ваш ответ по этому канзасскому делу как можно скорей» (8.12.1934) [16]. Требовалась сумма до двух миллионов американских долларов в виде займа на пять лет. Так определил Рерих. Ставка делалась на хозяйственную деятельность в монгольских степях и алтайских предгорьях. «В Канзасе и уголь, и всякие прочие ископаемые, – писал Николай Константинович. – Вы лучше меня знаете и о скотоводстве тех мест» [там же]. Прибыльная статья – разведение животных (баранов и маралов), выращивание лекарственных и кормовых трав (например востреца, травы, полезной для скота).

Финансирование проекта «Канзас» намечалось осуществить через Америку. Начальный капитал обещал предоставить Луис Хорш, финансист и президент Рериховского музея. Гарантией под займ выступает предполагаемый доход с соляных озер. При установлении границ Новой Страны появится возможность дохода от таможенных сборов. В середине января 1935-го Ю.Н.Рерих направляет письмо З.Г.Лихтман для передачи сведений Галахаду. На Уоллеса ложится главная доля ответственности за проект.

«Уверен, что при содействии Галахада весь вопрос примет скорый и полезный оборот. Эти дни пытался выяснять сведения, о которых просил Модрин друг (Уоллес) для своего физико-географического исследования: главным обеспечением является доход с соляных озер. Так, озеро в Алашани (Чжарента-нур) приносит Мексиканских \$ 500.000 таможенного сбора за год; Ихе и Бага Шикир-нур в Ордосе приносят до M\$ 300.000 в год; озеро Харамангнай приносит M\$ 200.000 – \$ 150.000 в год; Ирене Дабасун-нур столько же; Чонхор Дабасун-нур – M\$ 200.000 таможенного сбора. Имеется также каменный уголь хорошего качества и другие полезные ископаемые, о которых сообщу дополнительно» [21].

Не прошло и трех дней после письма в Америку, Н.К.Рерих высказывает новое соображение, которое дополнило «вопрос о гарантиях». Он рекомендует начать образование кооперативного банка. (Хотя впервые новости о «монгольском банке» пришли телеграфом из Пекина 8 декабря 1934-го [22].) Вдогонку за письмом одна за другой летят телеграммы. По прошествии месяца Рерих снова торопит с банком для «Канзаса». «Должен быть создан банк, тогда многое станет еще проще» (22.2.1935) [16].

В первых числах марта экспедиция покидает Пекин и направляется в глубь Монголии для наблюдения за растительностью Гоби и для сбора семян. Из Америки еще нет ясных решений относительно всего проекта в целом. Уоллесу и Хоршу недостает гарантий. Рерих же непрестанно торопит. В его дневнике слово «Канзас» мелькает очень часто. «Опять повторяю: Канзас, Канзас. У нас ежедневно десятки раз упоминается Канзас. Сейчас построение этого культурного дела особенно значительно и неотложно...» (15.3.1935) [там же].

Начиная с января 1935 года канзасскими делами активно занимается Фрэнсис Грант. Она часто бывает в Вашингтоне, инициирует Уоллеса обратиться за помощью в Госдепартамент. В соответствии с инструкциями Н.К.Рериха необходимо «потребовать» от этого ведомства, чтобы оно оказало «содействие Кооперативу в Канзасе» [23]. Такое же

решение было принято на Совете директоров Рериховского музея. Помимо кооперативного движения там поднимался вопрос о Пакте Рериха. И тот и другой пункт оказались принципиально важными. Поскольку Совет готовился «вступить, если необходимо, даже в открытую конфронтацию со Старым Домом» [там же]. По кодовым спискам Старым Домом, или Олд Хаузом, именовался Государственный Департамент.

Здесь следует сделать небольшое отступление и пояснить, что проект «Канзас» отличался от первоначальных замыслов, осуществляемых в Харбине. Организация сети кооперативов в Маньчжурии под общим названием «Алатырь» стала невозможна. Харбинская пресса уничтожила это благое начинание. В отравленной атмосфере кооперативное движение было обречено на гибель. Рерих решил перенести его из Маньчжоу-Го во Внутреннюю Монголию. Причем сделать первые шаги в кооперации, в отличие от Маньчжурии, оказалось целесообразным на государственном уровне. Николай Константинович в начале апреля 1935-го обратился к главе Монгольского движения за автономию князю Дэвану. Он объяснил на встрече, что «богатые американцы будут счастливы помочь монголам создать процветающий бизнес и таким образом установить более близкие взаимоотношения между народами Америки и Монголии» [24]. О сути данных переговоров доложил Госдепартаменту Соединенных Штатов американский министр Нельсон Джонсон, пересказав свою беседу с Пао Йе-чингом, официальным представителем Дэвана. Несколькими днями ранее Джонсон уже посылал донесение о Рерихе. Тогда информацию о русском профессоре и его необычной миссии, которая связана «с флагом, способным дать защиту во время войны» [25], министр почерпнул из беседы с «живым буддой» Тилува-хутухтой.

В феврале 1935 года началось активное формирование фондов кооперативного банка. Первый взнос сделал Генри Уоллес в размере 4500 долларов. Это был его гонорар за книгу «Новые Границы», где автор высказал идею о «возможностях кооперации, открывающих новую эру» [26]. В добавление к своей доле министр лично предпринял шаги для поиска средств в целом на проект «Канзас». Он обратился к известному магнату Форду и сделал это достаточно оригинальным способом. Вот как описывает Уоллес в письме к Грант свое «мистическое» обращение:

«На стр. 4 НА* одно имя собственное упоминается 9 раз. Я впервые встретился с обладателем этого имени на прошлой неделе, и через час или два после получения вашего письма воспользовался практикой, подобной описанной в 7 и 8 строках стр. 38 ОЕС**, за исключением того что для подтверждения Воли [Всевышнего] я держал в руке символ молнии и заклинал дух воспрянуть в моем сердце. А затем я написал письмо человеку, чье имя упоминается 9 раз, в состоянии обостренного духовного восприятия. Я не упоминал в письме о Канзасе, однако постарался расчистить путь, чтобы можно было, если письмо вызовет действие, развить тему Канзаса в самом скором времени.

Думаю, вы можете немедленно отправить посылку с экземпляром СА с пометкой "Лично в руки", а также письмо с пометкой "Лично в руки", в котором следует обратить внимание указанного человека на стр. 4, упомянув, что вы делаете это по совету Г[алахада], и что это связано с письмом, отправленным Г[алахадом]. Вся эта идея основывается на предположении, что человек, имя которого упомянуто 9 раз, имеет склонность к мистицизму. Если я ошибся, из этой затеи ничего не выйдет» [27].

Девять раз в книге «Сердце Азии» упоминается старший Форд. Уоллес действительно ошибся, и многообещающий источник денег открыть не удалось. После краткого обмена письмами секретарь Форда «отказал в достаточно резкой форме» [28]. Он попросил по данному вопросу больше не беспокоить. Нужно добавить, что Музей давно уже пытался завести дружбу с Генри Фордом. В первой части книги упоминалось, как Н.К.Рерих посещал заводы Форда в 1924 году. Во время очередной поездки в Америку через пять лет, зимой 1930-го, художник снова намеревался посетить Детройт и встретиться там со знаменитым

* Книга Н.К.Рериха «Сердце Азии», в оригинале письма – H. of A., the Heart of Asia. Эта книга вышла в 1930 году в издательстве «Рерих Музеум Пресс».

** Начальные буквы английского издания книги «Криптограммы Востока», выпущенной под названием «On Eastern Crossroads» («На восточных перепутьях»).

магнатом [29].

Между тем, Уоллес продолжает предпринимать усилия, чтобы обеспечить поддержку кооперативному движению в Монголии. Он отзывается на обращение Рериха, который прислал несколько телеграмм, уведомляя о просьбе «правительства Канзаса» выделить заем на один миллион, а затем еще на 100 тысяч долларов сроком на три года, под проценты (6-10 % годовых) и гарантию минеральных богатств [30]. Очевидно, что в этот период, зимой-весной 1935-го, «Канзас» фигурирует повсюду в документах как Внутренняя Монголия. Уоллес верит – должен быть найден особый подход в решении канзасского вопроса. Письма Рерихов из Китая полны надежд на будущее. Ответные письма наполнены благодушием и верой в успех. По крайней мере, так выглядит послание Фрэнсис Грант к Юрию Рериху. Несмотря на обилие упоминаемых персон, оно не дает ощущения позитивных изменений.

«Новости из вашего письма самые приятные, и очень радостно узнать, что Питер (Юрий Рерих) будет действовать в сфере, в которой он столь сведущ, и что Хадсон (Таши-лама) так благосклонно настроен. В отношении Гал[ахада] и Кан[заса] у меня есть все основания верить, что он понимает большое значение этого проекта» [31].

Из этого письма однозначно следует очень интересный факт. Рерихи в Монголии и Китае встречаются не только с Тилува-хутухтой, но и находят подходы к Таши-ламе. Как только экспедиция прибыла в Пекин, в декабре 1934 года Юрий Рерих снесся с представителем Таши-ламы. Он рассчитывал, что «будет хороший шанс войти в дело» [32]. Относительно Таши-ламы и взаимоотношений Рерихов с буддийским иерархом в нашем распоряжении имеются одни намеки, очень скудные обрывки фраз, за которыми по сей день плотно опущена завеса неизвестности.

Поиски средств для «Канзаса» продолжают постоянно в течение полугода, всю первую половину 1935-го. Большие надежды на сотрудничество подают госпожа Рунес, руководитель одного из комитетов при Музее, и ее брат, и еще некий молодой человек 45 лет (имя хранится в тайне), который неожиданно умирает. Уоллес неоднократно порывается посвятить в суть проекта президента Рузвельта. Но Е.И.Рерих не дает разрешения раскрыть План. Необходимы последовательные шаги, на очереди стояло подписание Пакта Рериха в Вашингтоне.

К лету 1935 года ситуация стала налаживаться. Появилась возможность учреждения синдиката из десяти участников. Функция членов предполагаемой организации заключалась в отправке товаров на место, то есть во Внутреннюю Монголию. Эти товары предназначались в качестве обеспечения кредита от «Банка ЕИ», рекомендованного Уоллесом [33]. Опросный лист банка и другие документы уже были переданы Луису Хоршу, и проект «Канзас», кажется, начал обретать реальные черты. Согласно записям Фрэнсис Грант, проект включал в себя Фонд содействия кооперативному движению и «был близок к реализации» [34]. Департамент сельского хозяйства с готовностью согласился продлить срок пребывания Н.К.Рериха в Азии на 1936 год. Судьба «канзасской экспедиции» складывалась благоприятно. Однако неожиданные события, произошедшие в Вашингтоне и Нью-Йорке, сотрясли Музей Рериха. Эхо этих событий докатилось до гималайских высот и монгольских пустынь.

II

В своей рукописи «Николай Рерих и Азия» Фрэнсис Грант упоминает о «началах монгольской кооперации». Впервые за многие годы, уже после смерти Рерихов-старших, она нарушила молчание, окутавшее историю с Маньчжурской экспедицией. Из рукописи стало известно, что «проект выходил за рамки первоначальных целей экспедиции» [34]. Конечно, вместе с правдой соседствовала недосказанность. Создание сети кооперативов Н.К.Рерих планировал задолго до путешествия в Центральную Азию. При этом Грант ни разу не обмолвилась о названии данного проекта. Хотя слово «Канзас» не сходило когда-то с уст всех сотрудников, вовлеченных в работу по экспедиции.

Возникает вполне естественный вопрос, почему проект назывался «Канзас»? И кто в точности инициировал это название, Рерихи или Уоллес? Или существовала обоюдная

договоренность после встреч Галахада со своим Гуру в Америке... В поисках ответа следует возвратиться к событиям конца 1933 года. При обсуждении перспектив экспедиции на Дальний Восток Уоллес аргументировал президенту Рузвельту необходимость такой научной поездки с участием Рериха. Напомним, речь шла о поразившей Америку засухе и о Великих Равнинах, куда из Центральной Азии экспортировалась трава житняк гребенчатый. Великие Равнины простираются на Среднем Западе Соединенных Штатов с северо-запада на юг и юго-восток, от границы Канады до флоридских окраин. Территория Великих Равнин охватывает несколько американских штатов и напоминает слегка вытянутую подкову. В ее центре находится штат Канзас. Как раз там проводились исследования по адаптации засухоустойчивых растений в естественных условиях. Несомненно, научные станции находились повсюду и в других штатах – Северной Дакоте, Оклахоме и даже в далеко отстоящей от Равнин Аризоне. Но именно штат Канзас оказался тесно связанным с деятельностью Уоллеса на посту министра по реализации Сельскохозяйственного Регулирующего закона. Столица штата стала до некоторой степени эпицентром фермерской активности, и Канзас Сити постоянно упоминался в переписке Уоллеса с Георгом Дэвисом, представляющим специальную организацию «ААА» (Agricultural Adjustment Administration), которая была создана в недрах Департамента сельского хозяйства для контроля по исполнению Регулирующего закона.

К тому же Генри Уоллес мог иметь здесь мотивы личного характера. Именем «Канзас» называлась экспериментальная станция вблизи Вашингтона, главная научная база Департамента, где проводились исследования по фермерскому хозяйству. Накануне президентских выборов 1932 года, еще до получения министерского поста, Уоллесу предложили работу на станции «Канзас». Он взял более высокую планку и мечту стать великим экспериментатором принес в жертву государственным интересам.

Все указанные факты попадают в разряд предположений. Возможно, существует и более простое объяснение, которое вытекает из здравого смысла. Климатические условия Великих Равнин отдаленно, но все же напоминают пустыню Гоби, переходящую на северо-западе в степную зону Монгольского Алтая. Эта территория, вплоть до горы Белухи, своей конфигурацией условно повторяет Великие Равнины. И что самое поразительное – географически располагается по тем же параллелям, от 35 до 50 градуса северной широты. Такая «канзасская подкова» вполне могла быть прообразом Новой Страны.

Подобный ход мысли оправдан, если вспомнить о принципе экстерииоризации. Это понятие пришло в расширенном виде из Учения Живой Этики. Оно означает не только перенос чувствительности, но и перенесение жизненных условий (природных, климатических, расовых и других характеристик) из одной точки земного шара в другую. Например, нубийцы из Северной Африки обнаруживают некоторое сходство с жителями долины Кулу, в Индии, и американские индейцы напоминают о монголоидных народах Центральной Азии. А теперь процитируем параграф из книги «Община», входящей в свод текстов Живой Этики. Этот параграф посвящен экстерииоризации.

«Скажем – на таком-то месте должна основаться новая община. Место имеет все нужные признаки... Тогда берем новое место и переносим на него возможности первого... и мы переживаем эффект первого решения, подводя устои будущего строения. Будет ли нечто на пятидесятой параллели или двадцатью параллелями южнее, но существенно сохранить озарение строительства. Сказка о невидимом городе со звоном...» [35].

Может ли вызывать сомнение тот факт, что пятидесятая параллель соотнесена с горой Белухой, у подножия которой раскинется «город со звоном», завещанный Звенигород?! Географическая карта преподносит еще один сюрприз. Двадцатью градусами южнее, в зону тридцатой параллели попадает не только Лхаса, но и долина Кулу, где поселились Рерихи после Тибетской экспедиции. Там предполагалось заложить Город Знаний, прообраз Звенигорода.

В этой связи целесообразно обратиться к письму Е.И.Рерих, адресованному Эстер Лихтман и Нетти и Луису Хоршам. В нем присутствует один достаточно запутанный фрагмент, понять который можно только при знании «кодовых слов». Тем не менее, там имеются полезные сведения.

«Указано, что "как ручательство, нужно Нов[ую] Страну утвердить". То есть за денежный вклад будет отвечать не только К., но и Н[овая] Стр[ана]... Также, родные, прошу вас пояснить Г[алахад], что ничего нового в основании К. нет, но есть лишь развитие того же плана. Именно К. давно указана... Перечтите в "Криптограммах" видение Пр[еподобного] Серг[ия]. Вернее, то другое место было привходящим, но К. есть первый указ» (24.4.1935) [36].

Елена Ивановна Рерих. Кулу, 1930-е годы

Издатели писем Е.И.Рерих делают расшифровку обозначения «К.», раскрывая его как «Калифорния». Не дается никаких комментариев и объяснений, что стоит за понятием «Калифорния». Действительно, «новые штаты» фигурируют в письмах Елены Ивановны, начиная с весны 1935 года. Речь идет, похоже, о «точном местонахождении запасных вариантов расположения кооперативов» [37]. Для американских сотрудников, в том числе и для Уоллеса, в этом заключались новые «элементы Плана». Сокращение «К.» очевидно связано с Алтаем и Белухой. Елена Ивановна упоминает «К.» в одном контексте с «видением Преподобного Сергия», ссылаясь на свою собственную книгу «Криптограммы Востока», – «Также Сергей говорил иногда о Белой Горе» [38]. Если учесть тот факт, что экспедицию планировали продлить до 1937 года, а в 1936-м Е.И.Рерих собиралась выехать из Индии в Афганистан на встречу с мужем, то вполне понятной становится «главная линия», нацеленная на Алтай и Новую Страну.

Вообще Елена Ивановна играла не меньшую роль в Маньчжурской экспедиции, чем сам Николай Константинович. Не вполне доверяя Уоллесу (после истории с ботаниками), она решилась напрямую установить контакт с президентом Ф.Д.Рузвельтом. Ответственной миссией в этой связи был наделен Луис Хорш. Его задача состояла в том, чтобы встретиться

с Рузвельтом и передать послание с Гималаев. Письмо Е.И.Рерих к президенту, датированное 10 октября 1934 года, оказалось достаточно патетическим. Его текст базировался на множестве исторических примеров, которые иллюстрировали помощь невидимых сил монархам и правителям мировых держав. В одном ряду упоминались норвежский король Кнут, шведский король Карл XII, французская королева Мария Антуанетта и великий Наполеон, а также английская королева Виктория. Говорилось о трагическом положении Советской России, отвергшей «грозные предостережения» (намек на переговоры Рерихов с московскими коммунистами). Особое внимание было уделено сюжету с подписанием хартии независимости Америки. Имеется в виду появление таинственного профессора, состоявшего советником при Джордже Вашингтоне. Логическим завершением письма стало предложение президенту Соединенных Штатов принять совет и руководство от «Великой Гималайской Общины». Свое послание Елена Ивановна закончила таким обращением к Рузвельту:

«Вы можете стать не только Правителем, но [и] истинным Вождем. Потому из того же Единого Источника Рука Мощная протягивает Вам свою Поддержку, и Огненные Вести снова могут доходить до Белого Дома. Карта Мира уже отмерена, и Вам предлагается занять достойнейшее место в слагающейся Великой Эпохе. И только от Вас зависит, принять или отринуть его. Судьба страны в Ваших руках» [39].

У Музея Рериха давно сложились доверительные отношения с матерью президента Рузвельта, проживавшей в Нью-Йорке. В свое время она устраивала протекцию в делах Вашингтонской Конвенции 1933 года. И когда Рузвельт на несколько дней оказался в гостях у матери, Луис Хорш попытался использовать неожиданно возникшую ситуацию, чтобы повидаться с президентом. Визит носил исключительно частный характер. Председатель Совета директоров Музея прибыл в Гайд-парк 7 ноября 1934 года. Сара Рузвельт устроила Хоршу встречу со своим сыном за чашкой утреннего чая. Это была редкая удача, поскольку президент случайно задержался с отъездом на один день. Незапланированный день оказался решающим, Хоршу удалось установить личный контакт с первым лицом государства. Он получил статус специального курьера-посланника и начал доставлять письма от Е.И.Рерих прямо в Белый Дом. Вот как описал Луис Хорш свою первую встречу с Ф.Д.Рузвельтом:

«Я извлек письмо и сообщил ему, что имею Послание от Ма[тери] (Е.И.Рерих), являющейся уникальной личностью, наделенной Пламенной Душой, добившейся выдающихся Достижений и высот Свершений. Мать является единственной прямой связующей нитью с Сообществом Великих Мудрецов, живущих в Гималаях. Это Сообщество Великих Мудрецов с незапамятных времен помогало мировым лидерам, а теперь протягивает руку помощи ему. Ему предлагают помощь, но ничего не требуют взамен.

Я передал ему письмо и, поскольку он не мог вскрыть конверт, достал свой нож и вскрыл его. После моего вступления, приведенного выше, он сказал: "Это письмо – я ждал его, нисколько не удивлен и знаю о нем". Не успел он приступить к чтению письма, как зазвонил телефон и он снял трубку. Звонил начальник почтовой службы. Я молился об одном – чтобы разговор не затянулся, время было так дорого! Вновь взявшись за письмо, он пропустил обратную сторону первого листа и сразу перешел ко второму. Когда я указал на это упущение, он вернулся к первому листу и прочитал обратную сторону обоих.

Дойдя до вопроса, касавшегося Дж. Вашингтона, он остановился и отметил, что в случае Вашингтона несомненно имела какая-то Помощь, возможно, связанная с масонами, однако источник ее неизвестен. Я указал, что Дж. Вашингтон получал Помощь из источника, упомянутого в Письме, того же источника, который сейчас предлагает Помощь ему. Он сказал: "Да, в конце концов Азия – древнейший источник". В этот момент вошла его мать и спросила, завершил ли я Послание. Я ответил: "Нет еще, но вскоре завершу". Не могу найти слов, чтобы отблагодарить эту великодушную женщину за ее доброту и глубокое понимание. Читая письмо, сын потихоньку пил чай. Закончив, он произнес: "Чрезвычайно интересно".

Затем я заговорил о Пламенной Душе Матери и заметил: "Если бы я только мог найти слова, чтобы передать Вам, какая это замечательная и выдающаяся личность". Он сказал: "Когда Ма[ть] будет здесь, я бы хотел повидаться с ней". Я рассказал ему, что она вдохновляет картины Отца (Н.К.Рериха) и его Работу, о великом мужестве и

изобретательности, проявленных ею во время пятилетней экспедиции. Тогда он спросил меня, где живет Ма[ть]? Я ответил: в Гималаях. Затем я рассказал ему, как в 1922 году она предсказала будущее Америки, указав, что в 1929 году над Америкой пролетит черная Птица. Это произвело на него большое впечатление. Он спросил, в какой части Гималаев она живет.

Я также упомянул, что Гал[ахад] ничего не знает о моем визите, который носит конфиденциальный характер.

Я сказал, что, подобно тому как он формирует современную политику и судьбу Америки, Сообщество Великих Мудрецов, знающих будущее, формирует Судьбу Планеты. Он кивнул и произнес: "Да, верно". Мне показалось, мои слова тронули его за живое. Затем он сказал: передайте Матери, что это "чрезвычайно интересно, и она должна продолжать посылать мне Послания". Я спросил, могу ли я передать, что вы "принимаете предложенную Помощь и Послания?" На что он ответил: "Да". Я взял карандаш и записал часть этого сообщения.

Потом я спросил, каким образом он хотел бы получать послания, и он ответил: "Отправляйте их через моего секретаря" (это личный секретарь, который проработал с ним уже 20 лет). Я оговорился: "Нельзя ли мне самому доставлять послания – так будет лучше?" Он ответил: "Тогда вам придется ждать около недели, прежде чем вы сможете увидеться со мной". Я ответил, что меня это устраивает, и попросил дать указание секретарю в случае моего звонка назначить мне встречу. Он согласился» [40].

Луис Хорш с книгами Агни-йоги.
Нью-Йорк, 1930-е годы

По итогам аудиенции в доме Рузвельтов Хорш направил телеграмму в Индию. Окрыленная успехом Елена Ивановна уже через неделю готовит новое письмо президенту,

оно датировано 15 ноября. А 19 декабря 1934-го Хорш на законных основаниях оказывается в приемной Рузвельта. Он с удовлетворением отмечает, что его имя находится в списке приглашенных. Встреча состоялась в Овальном кабинете. Первым делом Рузвельт упомянул о Рерихе: «Друг прислал интересную статью о травах». Имелся в виду очерк «Да процветут пустыни!», полученный им через Уоллеса. Затем президент прочитал переданное Хоршем послание и с улыбкой промолвил: «Поистине, это так близко перекликается с моими собственными мыслями и взглядами, что я мог бы приписать себе авторство этого письма» [41]. Рузвельт получил ответы на беспокоившие его вопросы, касающиеся мировой политики и экономического положения Соединенных Штатов. С первой же встречи существовала договоренность о том, что вопросы будут задаваться устно. Хорш фиксировал их на бумаге и отсылал телеграммами в Индию. Оттуда приходило очередное письмо, содержавшее ответы по всем пунктам.

Елена Ивановна пообещала президенту постепенно раскрыть «весь план Нового Строительства», в котором ему лично и Америке в целом «предназначено сыграть великую роль» [39]. Франклина Рузвельта беспокоили, прежде всего, «соседи». Он искал пути улучшить взаимоотношения со странами Южной Америки. Вскоре Е.И.Рерих успешно использовала этот интерес, предложив создать Конфедерацию латиноамериканских стран под руководством САСШ [там же]. Совершенно очевидной стала перспектива проведения новой Конвенции Пакта и Знамени Мира под руководством Панамериканского Союза. 15 апреля 1935 года в Вашингтоне Пакт Рериха подписали страны Южной и Северной Америки при личном участии главы Соединенных Штатов.

Отношения Хорша с Рузвельтом складывались самым благоприятным образом. Гость из Нью-Йорка всегда получал беспрепятственный доступ в президентские апартаменты, что являлось свидетельством доверия Рузвельта к посланиям Е.И.Рерих. Луис Хорш упоминает характерную деталь: каждый раз, после прочтения письма из Индии и короткой беседы, президент складывал листы и прятал их во внутренний карман своего пиджака. Так с первым лицом государства у Рериховского музея установились прочные дружественные связи. Рузвельт получил новое нейтральное имя «Стефан» (вместо прежнего «Шаткий»).

К весне 1935 года отношения с хозяином Белого Дома еще более упрочились. В начале марта из Наггара приехала Эстер Лихтман и привезла очередные указы. Она присоединилась к Хоршу, и вместе они посетили президента. Встреча состоялась 8 марта и продолжалась дольше обычного, 25 минут бесценного президентского времени (как правило, встречи длились 10-15 минут). Главный вопрос, затронутый Эстер Лихтман по поручению Елены Ивановны, касался кооперативного движения в Монголии.

«Оя[на] начала подробный рассказ о Канз[асе] и огромных возможностях субсидий. В ходе разговора она упомянула о хорошем знакомстве От[ца] (Н.К.Рериха) с этим местом – о его встречах и оказанных ему почестях. Затем разговор зашел об огромном бизнес-потенциале этого учреждения, ключом к которому является кооперация. Оя[на] отметила, сколь важно для Ам[ерики] получить плацдарм в этом регионе. Время пришло...

Это произвело на Стеф[ана] большое впечатление, и он кивнул в знак одобрения. Видя, что верное основание заложено, Оя[на] заговорила о сегодняшнем Кооперативе. Идея пришлась Стеф[ану] по душе. Он указал на возможность бартерных отношений. Оя[на] упомянула, что Галад (Галахад) уже некоторое время работает над проектом Кооператива, и если об этом пойдет речь, Стеф[ану] следует одобрить проект. Необходимая сумма также упоминалась. Таким образом, Стеф[ану] известна суть дела. Кажется, он полностью одобряет эту идею...

Затем речь вновь зашла о Канз[асе], но в этот момент вошел секретарь, напоминая, что время вышло. Стефан сказал: "Еще одну минуту". Оя[на] спросила, можем ли мы встретиться вновь, поскольку речь идет о чрезвычайно важных проектах. Стеф[ан] ответил: "Конечно. Вы будете здесь на следующей неделе?" Мы ответили утвердительно... Кажется, этот план глубоко его заинтересовал. Затем он повернулся к нам и дважды повторил с большим чувством: "Мы должны работать вместе..." Оя[на] говорила убедительно. Вся атмосфера была проникнута лучащимся теплом и созидательными идеями на благо Сияющего Будущего» [42].

Рузвельт исполнил обещание. Он вновь встретился с сотрудниками Музея Рериха через несколько дней. 14 марта «последовало продолжительное обсуждение Кооперативов» [43]. По-видимому, вопросы кооперативного движения и составляли обещанные Еленой Ивановной в последнем письме к Рузвельту «детали великого Плана» [36]. Бумаге нельзя было доверить сокровенное. Естественно, существовали только инструкции в устной передаче. И тем не менее, главная мысль о «Новом Строительстве» проходила красной нитью через всё послание.

«Строительство нужно понять как Объединение стран на Дальнем Востоке, и в этом объединении восточных народов Президенту суждено принять великое участие. В то время, когда алчные народы будут рассчитывать на мощь пушек, на Востоке будет создаваться Великая Держава. Начинание это принесет то равновесие, которое необходимо для созидания великого Будущего...

Итак, наступило время реконструкции Востока, и пусть друзья Востока будут в Ам[ерике]. Предвидится Союз народов Азии, и объединение племен и народов будет происходить постепенно, там будет своя Федерация стран. Монголия, Китай и Калмыки составят противовес Японии, и в этом объединении народов нужна Ваша Добрая Воля, г-н Президент» [36].

Сердцевину этого послания составляет идея «Союза Востока». Отныне, после травли, организованной японцами в Харбине, Япония уже не входила в союзники Рерихов. Она была в «противовесе». На первый план выдвигались буддийские страны и национальные сообщества (например джунгары, именовавшиеся калмыками). На их территориях предполагалось развернуть экономическую деятельность как фундамент будущего азиатского переустройства. И президенту Рузвельту, наравне с художником Рерихом, пророчилась роль вождя в «Новом Строительстве».

Посвящение Рузвельта на миссию мирового лидера символически обозначилось дорогим подарком. Е.И.Рерих передала президенту через Эстер Лихтман древнюю танку со священным изображением Владыки Шамбалы. Сама же «посланица» должна была возвратиться в Гималаи. Отъезд намечался на лето 1935-го, после проведения Вашингтонской конференции Пакта Рериха и еще одного «тайного» задания, которое Ояна намеревалась выполнить в Европе со своим соратником Логваном, или Луисом Хоршем.

Суть этого задания состояла в том, чтобы добиться Нобелевской премии мира для Н.К.Рериха [44]. Такая премия могла стать итогом вполне заслуженного признания русского художника после подписания Пакта в Вашингтоне. Николай Константинович, предлагая международный документ об охране исторических и современных памятников, учреждений науки и искусства во время военных конфликтов, однозначно выдвигался в число лидеров мировой культуры. Заметим, официальное признание является неотъемлемой чертой великого руководителя и вождя. Это вторая попытка выдвижения Рериха на Нобелевскую премию. Первая была предпринята шестью годами раньше. Номинация кандидата, участника Трансгималайской экспедиции и автора книги «Алтай–Гималаи», состоялась 25 марта 1929 года в Нью-Йорке [45].

Соблюдение логики исторических событий обязывает нас возвратиться вновь к концу 1934 года. Последование является самым веским аргументом истории, возможно, даже несет на себе отпечаток побуждений, глубоко скрытых в человеческой природе. Когда дружба с президентом Рузвельтом начала укрепляться, именно тогда приобрели актуальность некоторые проекты. Кооперативное движение, Пакт Мира и Нобелевская премия сделались вехами созидания Новой Страны. Для большего успеха дела в канун 1935 года Рерихи меняют расстановку сил. Главным действующим лицом среди сотрудников Музея становится Луис Хорш. Чуть позже, весной 1935-го к нему присоединяются Нетти Хорш и Эстер Лихтман. Они образуют прочную коалицию. Елена Ивановна облакает всех троих полным доверием и называет «огненные мои войны». Вышеперечисленные проекты сосредотачиваются в руках Хорша. Теперь «любимый сын» Логван осуществляет контакты с Белым Домом. Даже Фрэнсис Грант фактически оттеснена на задний план.

Е.И.Рерих обращается непосредственно к Генри Уоллесу. 27 декабря 1934 года направляет ему короткое емкое послание (в тот же день составлено и третье письмо

Рузвельту). «Если Вы готовы хранить Указания, которые идут от Владыки Шамбалы непосредственно ко мне... то доверенный мой передаст Вам лично мое послание. Это мое предложение и все Указания, которые будут переданы Вам, должны знать лишь Вы и *никто больше*» [39]. Этим доверенным оказался Луис Хорш. 31 января 1935-го он посетил министра, передал письмо с Гималаев и сообщил об «отдельной миссии» [46]. Помимо ответственности за кооперативы, на Уоллеса ложилась новая обязанность – двинуть Нобелевскую премию. Как официальное правительственное лицо, он должен организовать представление на Н.К.Рериха в Нобелевский комитет.

В это же время к Уоллесу обращено внимание и самого Н.К.Рериха. В начале февраля в Пекине художник приобрел специально для Галахада монгольскую танку «Колесо Жизни». Ровно через два месяца этот ценный подарок попадает по назначению. Память о Владыке Будде вдохновляюще действует на Уоллеса, поскольку он ощущает себя главной действующей фигурой в подготовке Вашингтонской конференции. Впрочем, от имени правительства Соединенных Штатов ему действительно был присвоен титул протектора Конвенции по подписанию Пакта Рериха. Благодарственное письмо Уоллеса скорее напоминает обращение ученика к Гуру, чем министра к руководителю экспедиции.

«Дорогой профессор Рерих! Я пишу, чтобы выразить глубокое впечатление, которое произвела на меня танка с изображением Колеса Жизни. Здесь мы начали непрерывную войну между силами, направленными вверх и вниз, действующими между верхним, средним и нижним мирами под благосклонным наблюдением Беспредельного и Просветленного. Искренность концепции и умелое использование цвета такими простыми людьми чрезвычайно интересны.

Я думаю о вас и Юрии и о том, что вами движут силы, ставшие более чем когда-либо магнетическими. Наши сердца всегда открыты для вас. Пусть радость Знамени Мира осенит мир в грядущие дни. Искренне ваш, Галахад» [47].

Подписание Пакта Рериха американскими нациями состоялось 15 апреля 1935 года в Белом Доме в присутствии президента Соединенных Штатов Ф.Д.Рузвельта и представителей еще двадцати государств Южной и Центральной Америк. Принятие международного документа приурочивалось к празднованию Дня Панамериканского Союза. Ценности мировой культуры стали объединяющим началом. Конференция в Вашингтоне фактически явилась первым шагом на пути к Конфедерации, или Союзу двух Америк. О единении писала Рузвельту в конце декабря 1934-го Е.И.Рерих, о единении говорил на Конвенции сам президент [48].

Подписание Пакта Рериха. 15 апреля 1935 года.
В центре: Ф.Д.Рузвельт, Г.Э.Уоллес (справа); стоят:
Зинаида Лихтман и Эстер Лихтман (крайние справа)

По поручению правительства Соединенных Штатов договор подписал Генри Уоллес. В своей речи он сделал исторический обзор возникновения и развития идеи Пакта. Великая дань уважения была отдана Н.К.Рериху как инициатору защиты и сохранения памятников культуры. Выступая перед собравшимися, министр зачитал приветствие, которое Николай Константинович направил в его адрес по случаю памятного события.

«Дорогой господин министр, обращаюсь к вам, как Протектору нашего Пакта за сохранение культурных ценностей, с просьбой передать мои самые сердечные поздравления всем, кто собрался в этот Достопамятный День, посвященный Панамериканскому Братству.

Как вы знаете, работа в Экспедиции не позволяет мне лично присутствовать на этом торжестве. Но в духе я приветствую всех тех, кто собрался в этот день, и присоединяю свои глубокие чувства в защиту и вечное процветание всемирных достижений культуры, истинных светочей человеческого прогресса.

Возможно, наше объединенное решение защитить священные проявления Красоты и Знания сплотит нас в один мощный союз. Ибо вокруг этих всеобщих памятников человечество укрепит в взаимном уважении, базирующемся на познании человеческого гения во все века и у всех народов.

По случаю этого благоговейного торжества я шлю мои искренние приветствия и самые сердечные чувства. Заверяю в моей преданности. Сердечно, Н. де Рерих» [49].

Подписание Пакта Рериха получило большой резонанс и в Америке, и в Европе. Почва для поездки сотрудников Музея в Скандинавию была на редкость благоприятной. На следующий день после Конвенции, 16 апреля 1935 года, Генри Уоллес обращается с письмом к вице-президенту Комитета по Нобелевским премиям мира Бернарду Хансену, а также к самому президенту доктору Фредерику Стэнгу. Он сообщает о только что завершившихся торжествах по случаю подписания Пакта в Белом Доме и выражает официальное мнение, что «профессор Рерих мог бы стать наиболее предпочтительным кандидатом на Нобелевскую премию мира» [50]. Помимо писем руководителям Нобелевского комитета, Уоллес направил послание еще 15 адресатам. Среди них были члены Комитета, американские послы, министры Норвегии, Швеции и Германии. Отправляясь с ответственной миссией в Европу, Луис Хорш и Эстер Лихтман запаслись целым арсеналом рекомендательных писем. Они выехали из Нью-Йорка в конце апреля и пропутешествовали полтора месяца. Это была поездка «за Наградой», как выразился Хорш в беседе с Рузвельтом. Однако ее результат никто не мог бы предугадать даже отдаленно...

III

Из Северных стран «огненные воины» вернулись просто другими людьми. На Совете директоров Музея они намекнули, будто секретарь Нобелевского комитета «ничего не знал о профессоре Рерихе» [51]. Выглядело это весьма странно, поскольку Музей Рериха в течение последних лет поддерживал тесную связь с Осло. В Комитет было направлено несколько сот подписей от имени граждан Соединенных Штатов с просьбой о присуждении награды создателю Пакта. В Нью-Йорке Луис Хорш и Эстер Лихтман неожиданно заявили, что «во многих странах Европы они встретили враждебное отношение к Рериху» [там же].

В самом первом после возвращения письме к Е.И.Рерих, написанном 8 июня 1935-го, Хорш обошел стороной детали скандинавской поездки (в Индию послан отдельный отчет). Он только упомянул о «новых связях с учреждениями» и о том, что «время покажет результаты» [52]. Зато большинство излагаемых проблем сосредоточилось вокруг личности «Друга» и его отношения к Пакту, вокруг экспедиции и Канзаса. Незримо нарастали какие-то противоречия. Хорш еще называл Елену Ивановну «моя возлюбленная Мать», но пройдет всего лишь месяц и он станет обращаться к ней подчеркнуто вежливо: «Уважаемая мадам Рерих». Будто между ними никогда и не существовало близкого духовного родства.

Что же произошло в Вашингтоне и Нью-Йорке? Отвечая на июньское письмо Хорша, Е.И.Рерих предварила свое послание пророческой фразой: «Первый день нового оккультного цикла» [36]. Оно было датировано 24 июня 1935 года. Поразительно, но именно накануне, 23 июня, в Америке разразился скандал, спровоцированный статьей пекинского журналиста Джона Пауэлла в газете «Чикаго Трибьюн». Елена Ивановна не могла еще знать об этой публикации. До отдаленного Наггара телеграммы доходили только на третий день. Само название статьи, не говоря уже о ее предвзятом содержании, было настоящей катастрофой. Она называлась «Японцы выдворяют экспедицию, посланную министром Уоллесом» [53].

Творение Пауэлла представляло собой журналистскую фальшивку. С первых же строк глава экспедиции Н.К.Рерих и министр Г.Э.Уоллес изобличались «в подозрительной деятельности». Статья не выглядела объемной, всего полторы газетные колонки, но была написана очень ядовито. Автор смешал правду с неправдой. Вначале рассказал, что во время пребывания в Маньчжурии «экспедицию сотрясали внутренние противоречия», вызванные отставкой двух американских ботаников. Затем упомянул о другом «шумном скандале», связанном с покупкой экспедиционным отрядом винтовок, револьверов и боеприпасов. Рерихи обратились в 15-ю пехотную часть Соединенных Штатов, расквартированную в Тяньцзине, за походным вооружением, но получили отказ. Они запросили 30 винтовок и 45 автоматических пистолетов. О списке, составленном Юрием Рерихом, упоминает американский министр обороны Гео Дерн [54]. После соответствующего распоряжения от военного ведомства из Вашингтона ситуация благополучно разрешилась, оружие удалось купить. Однако подозрительность по отношению к экспедиции была посеяна. Среди монгольских лидеров газетчики распустили слух о том, что Рериха и его сына сопровождает «вооруженный конвой из белых русских казаков». Этот контингент якобы нанят в экспедицию специально, поскольку казаки служили ранее под началом атамана Семёнова. Одним словом, опубликованная статья прямо ударила по авторитету главы экспедиции, которая была «вынуждена покинуть зону марионеточного режима Маньчжоу-Го из-за противодействия японских военных, заявивших, что она замешана в политических интригах» [53].

Рерих назвал этот выпад «величайшей инсинуацией». Расследованием инцидента при первой возможности занялся Юрий Рерих. Еще в Пекине он имел серьезный разговор с синологом Оуэном Латтимором и сотрудниками американского посольства. Оказалось, что несколько американцев встречались с Макмилланом и Стивенсом в пекинском «Гранд Отеле» на их обратном пути в Америку. Ботаники преуспели в клевете и распространении ложных слухов о Рерихах повсюду, где они проезжали, в том числе в Северном Китае. Через Луиса Бина, теософа и друга Уоллеса, из канцелярии Департамента сельского хозяйства удалось получить копии всех донесений Макмиллана [55]. Эти донесения больше походили

на доносы, чем на отчеты научной экспедиции. Таким образом «вредоносная деятельность ботаников распространилась в американской колонии на Дальнем Востоке» [56]. Пауэлл повторил выдумку Макмиллана и консула Гэррелса о том, что экспедицию профессора Рериха везде сопровождал вооруженный отряд русских казаков. Фактически в Пекине обнаружился «след» Макмиллана!

В день появления статьи в «Чикаго Трибьюн» Фрэнсис Грант оказалась случайно в Вашингтоне. Она встречалась с Уоллесом, и тот не выразил особого беспокойства относительно нападок на экспедицию. Эта газета всегда славилась своими оппозиционными взглядами по отношению к правительству. Фрэнсис Грант предложила выступить в печати с опровержением, поскольку клевета начала быстро распространяться. Буквально на следующий день заметку Пауэлла переопубликовала «Нью-Йорк Таймс» и русскоязычная пресса – «Рассвет» и «Новая Заря». Телеграммой из Индии было получено добро на защиту имени Николая Константиновича. Сразу же Грант подготовила для печати вариант своего отклика и представила его министру Уоллесу. Друг отреагировал неожиданно резко. В начале июля он писал в Нью-Йорк:

«Я считаю вашу статью недопустимой, в значительной степени не соответствующей истине и во всяком случае бесполезной. Ваша преданность Высшему, кажется, не подлежит сомнению, однако это не означает, что я доверяю вашему суждению. Я ему не доверяю. Завтра я предпринимаю действия, которые вам не понравятся, но которые я считаю удобными Трем Щитам и, главное, Господу. Завтра вы получите уведомление об этих действиях. Прошу вас не ездить на юг. У меня не будет времени встретиться с вами» [57].

Обещанные «действия» Генри Уоллес не замедлил осуществить. 3 июля 1935 года министр направил официальное письмо на имя президента Рериховского музея Луиса Хорша. Копия пошла Н.К.Рериху в адрес Гонконг-Шанхайского банка в Пекине (туда стекалась вся корреспонденция). Резюме письма было продублировано телеграммой [58], посланной главе экспедиции, с распоряжением о передислокации на юг провинции Суйюань, в глубь Китая и как можно дальше от границ Монголии. Экспедиционный отряд в это время находился в районе Батухалки.

«3 июля 1935. Уважаемый господин Хорш! Для вашего сведения я прилагаю здесь копию телеграммы, отправленной мной сегодня профессору Рериху... Я не знаю, имеются ли какие-либо основания для разного рода инсинуаций относительно политической активности профессора Рериха в Монголии. Однако я крайне озабочен тем, чтобы он занимался, как в действительности, так и официально, именно тем, чем он должен заниматься, находясь на службе в Департаменте сельского хозяйства, то есть исследованием семян, представляющих ценность для Соединенных Штатов.

Я буду Вам очень признателен, если вы окажете мне содействие в том, чтобы это было тактично и ясно доведено до сведения профессора Рериха. Говоря это, я конечно же осознаю, что большинство, а скорее всего все эти инсинуации, появившиеся в прессе в конце июня, не имеют под собой никаких оснований. Тем не менее, в столь беспокойные времена на Востоке, как сейчас, представляется благоразумным не рисковать, и поэтому Департамент просит профессора Рериха, принимая все меры безопасности, направиться с экспедицией в более спокойный район провинции Суй-юань, который, как предполагается, богат семенами засухоустойчивых трав. Искренне Ваш, Г.Э.Уоллес» [59].

Подобное письмо в тот же день министр направил и Фрэнсис Грант [60]. Оно было выдержано в вежливом официальном тоне. Это означало полный разрыв дружеских отношений.

На время оставим в стороне мотивы поступков и хитросплетения взаимоотношений всех сотрудников, вовлеченных в дела Маньчжурской экспедиции. Важна историческая канва происходящих событий. На их фоне в полной мере проявятся начертания характеров и судеб.

Не прошло и недели после письма Уоллеса, как решено было свернуть экспедицию. Научный советник Е.Н.Брессман просит Рериха до 1 января 1936 года «покинуть Центральную Азию» [61]. Сотрудники Музея М.М.Лихтман и Ф.Р.Грант срочно выезжают в Вашингтон для встречи с Другом. Но двери Белого Дома закрылись для них навсегда. Ни

через неделю, ни через месяц они так и не смогли добиться аудиенции. Уоллес, близкий сотрудник и ученик Рериха, в одночасье повернулся спиной к своему «Гуру». Морис Лихтман сообщал 10 июля в Нью-Йорк своей жене: «Родная Радна, прости, что не пишу всё [это] время, но если бы ты знала, как здесь всё напряжено. Вчера и сегодня добиваюсь видеть Гал[ахада], но он избегает меня... Бедная Модра очень потрясена этой историей, и поверь, есть чем — это страшная вещь, обернуться врагом, как Гал[ахад]» [62]. Правда, Морису Лихтману все же удалось повидаться с министром. Но эта мимолетная встреча не имела никакого смысла. Уоллес отказался даже принять телеграмму от Е.И.Рерих, которая адресовала ему специальное послание.

Морис Лихтман. Нью-Йорк, 1930

В середине августа Департамент сельского хозяйства предписал экспедиции Рериха продвинуться в район Синина, местности Кукунор, богатой засухоустойчивыми травами. Однако судьба всей Миссии была предreshена. 1 сентября 35-го Уоллес телеграфировал Рериху: «Следуйте немедленно в Пекин. Завершите там работы как можно скорее и отправляйтесь не позже 15 октября по самому прямому маршруту в Индию» [63].

В заключение дадим обзор писем Ю.Н.Рериха к З.Г.Лихтман [64], относящихся к окончанию Маньчжурской экспедиции. Юрий Рерих являлся координатором проекта «Канзас» и осуществлял связь с Америкой. Для понимания всей ситуации важна именно его оценка событий. Это необходимое добавление в довершение полной картины.

«Последние телеграммы от Модры и Друга (Уоллеса) нас повергли в большое удивление. Отсюда просто не придумать, что могло произойти в Ваших краях. Неужели тыл разлагается? При таких обстоятельствах продвижение становится невозможным, а сроки близки. Начавшееся культурное строительство в Кан[засе] нельзя бросить... Поддержите друг друга в час испытаний. Ведь наступает грозный год, и нужна большая внутренняя подготовка. А то легко унести вместе с вихрем, который уже начинается во многих местах нашей планеты» (23.7.1935).

«Получили Ваше письмо с описанием перемен, происшедших в Г[алахаде]. Все это чрезвычайно непонятно. Видимо, кто-то очень потрудился, совершенно не отдавая себе

отчета, что делает. Ведь с таким сознанием ко всему вопросу К[анзаса] подходить нельзя. Были даны большие возможности... Итак, как всегда в истории событий, тыл развалился скорее фронта и требует экстренных мер для водворения порядка» (16.8.1935).

«Дело в том, что мы получили совершенно неожиданно радиogramму из министерства с предложением перевести экспедицию к началу сентября в Синин, в Кукунор. "Радио" было датировано 22 августа и достигло нас 23-го. Итак, вопреки времени и пространству и всем географическим условиям и другим соображениям и формальностям, кто-то нам предлагает "перелететь" в Синин через горы и пески. К сожалению, как увидите из письма, это вне человеческих возможностей, а собирать семена астрально вряд ли возможно. Видимо, у кого-то "развинтили гайки", как говорят казаки, и нас начинают кидать по всему необъятному пространству Средней Азии... Слышу положительное по делу К[анзаса], но не могу действовать, по известным Вам обстоятельствам. Двери были открыты, возможности были, но не сумели войти. Ведь делать-то нужно руками человеческими» (29.8.1935).

Можно только удивляться превратностям судьбы. Именно 3 июля 1935 года, в день злополучного письма Уоллеса, адресованного Хоршу (и, соответственно, Рериху), Николай Константинович сделал в дневнике короткую запись о том, что он «мысленно» посвящает Канзасу свой Записной лист «Строитель» [16]. Случайность это или нет, но очерк начинается словами: «Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их» [65]. Проект «Канзас» завершить не удалось. И Новая Страна «руками человеческими» так и не поднялась из мертвых песков Азии.

Научные же результаты центральноазиатского путешествия оказались достаточно убедительными для экспедиции подобного рода. Небольшая группа исследователей смогла найти во Внутренней Монголии 300 видов засухоустойчивых растений. Прежде всего нужно отметить, что на втором этапе (весна-лето 1935 года) экспедиционный отряд, вопреки заявлению газеты «Чикаго Трибьюн», состоял вовсе не из белых русских казаков. Основное ядро включало восемь человек: глава экспедиции Н.К.Рерих и заместитель главы Ю.Н.Рерих; два китайских ботаника – доктор Й.Л.Кенг из Национального университета в Нанкине и его помощник Янг; ответственный за снабжение полковник В.И.Грибановский, коллектор ботанических образцов А.Я.Моисеев; два водителя – Н.В.Грамматчиков и М.Н.Чувствин. Кроме того, в отряд входили пять монголов, выполнявших функции проводников и рабочих. Маршрут экспедиции проходил по пустыне Гоби. База располагалась в лагере Тимур-Хада, недалеко от Пэйлинг Миао, провинции Суйюань. В августе 1935-го экспедиция направилась из Северного Китая в глубь китайской территории и осенью, по возвращении в Индию, завершила исследования в долине Спити, в Северо-Западных Гималаях.

В целом за весь экспедиционный период 1934-35 годов была собрана коллекция семян, составившая 485 пакетов. Систематизированный гербарий только из Внутренней Монголии включал 1169 номеров, не говоря уже о гербариях из Хинганских гор и Спити. Помимо этого в Департамент сельского хозяйства Соединенных Штатов была представлена карта растительности района Внутренней Монголии (на двух листах), также послана коллекция уже упоминавшейся «Материя Медика» из Северной Маньчжурии, включающая 83 наименования, и собрание тибетских медицинских текстов. К ним прилагался составленный Ю.Н.Рерихом «Китайско-латинско-японский словарь медицинских растений, произрастающих в Маньчжурии» (53 стр.).

Маньчжурская экспедиция. 1935. Сидят (справа налево): Н.К.Рерих, Й.Л.Кенг, В.И.Грибановский; стоят: А.Я.Моисеев, М.Н.Чувствин, Янг, Н.В.Грамматчиков

Почвенно-флористические исследования, которые проводила экспедиция на Дальнем Востоке, дали неожиданные результаты. Анализ Баргинского гербария сделал сотрудник Тяньцзинского музея, ботаник И.В.Козлов. Он обнаружил новый для науки вид Колокольчика-бубенчика – *Adenophora nova* [66]. Тот же ботаник провел изучение Калганских сборов, содержащих 225 видов растений (538 экземпляров), 10 почвенных образцов и 52 образца горных пород, среди которых лунный камень, базальтовая лава, порфир, желтая и красная яшма, гранит с охрой и пр. [67]. Однако самое поразительное научное открытие сделал ботаник экспедиции Кенг. Он обнаружил несколько новых видов «агропирума». Собственно, главная задача, поставленная Департаментом сельского хозяйства в Вашингтоне, и состояла в поиске известных и неизвестных засухоустойчивых трав. Она была выполнена.

Подводя итоги азиатской поездки, Ю.Н.Рерих писал Фрэнсис Грант: «Вам будет интересно услышать, что один из собранных нами агропирумов оказался новым видом и был назван доктором Кенгом как *Agropyrum mongolicum*. Так, мы имеем новую разновидность агропирума и открытие *Timougia Sapozhnikovi* во Внутренней Монголии, эта трава известна своим произрастанием только на Тянь-Шане» [68].

Н.К.Рерих. Тимур Хада. 1935. Собрание Лекхи Поддар, Индия

Результаты своих научных изысканий ботаник Й.Л.Кенг опубликовал в Соединенных Штатах в «Журнале Вашингтонской Академии наук» [69]. Он указал в статье на пять неизвестных науке трав. Одна из них названа в честь руководителя экспедиции Н.К.Рериха – *Stipa roerichii*, и является новой разновидностью *Stipa sibirica*. Таким образом имя русского художника оказалось навсегда вписанным в анналы ботанической науки. Отъезд экспедиции в Индию был намечен на 24 сентября. Накануне Рерихи прибыли в Шанхай. Там, в отеле «Астор Хауз», Николай Константинович дал интервью ежедневной русской газете «Новости дня». Это тот самый отель, где корреспондент Языков пораился сходству Юрия Рериха с покойным царем Николаем Александровичем. В день отбытия газета вышла с заголовком на первой полосе: «Великий идеалист и апостол мира Николай Константинович Рерих в Шанхае». Рассказывая о своей поездке по Центральной Азии, глава экспедиции заявил, что после исследований в индийском Пенджабе, через четыре-пять месяцев он возвратится в Америку и подведет итоги. Возвращения в Соединенные Штаты не получилось, об этом речь впереди. Значительная часть беседы с Рерихом была посвящена Святому Сергию Радонежскому. Здесь художник оставался верен себе на протяжении всей Маньчжуро-Монгольской поездки. Это говорит лишь о том, что вера в 1936 год осталась непоколебленной.

Разговор зашел и о художественном творчестве, в частности, о самой последней картине «Силы Небесные», написанной перед выездом в экспедицию в январе 1934 года. В беседе Николай Константинович развернул краткое название в длинную фразу «С нами Силы Небесные невидимо служат» [70]. Эти необычные слова были вынесены в подзаголовок газетной полосы. Художник поведал читателям сюжет своей картины. Монолог Рериха корреспондент дополнил собственным впечатлением: «Николай Константинович на мгновение задумывается. Легкое облачко грусти пробегает по его лицу» [там же]. Причина грусти легко проясняется, если обратиться к письму Рериха, написанному в тот самый день, 23 сентября 1935-го, сотрудникам в Америку.

«Сообщаю для вас, что сегодня в газетах – о постройке Нового Города. Ведь это то самое, что так могло бы быть близко всем нам, если бы не произошли уродливые происшествия. Всё-таки обидно, когда нечто уже сложенное распаляется» [71].

Картина «Силы Небесные» становится программной. В ней звучит пасхальная звенигородская тема. Ничто не может отвратить Рериха от служения Высшему, даже неожиданная катастрофа в Америке, которая приостановила экспедицию и отсрочила Великий План.

Не только судьба Маньчжурской экспедиции, но и судьба Пакта Рериха оказалась трагичной. Огромный успех Вашингтонской конвенции был сокрушен одним человеком. Генри Уоллес сделал всё, чтобы аннулировать Пакт. Ратификация Пакта сенатом

Соединенных Штатов и странами Южной Америки стала невозможна. 24 октября 1935 года министр, как протектор Конвенции, разослал серию писем официальным лицам и послам латиноамериканских государств и практически всех европейских держав. Эти письма содержали пометку «лично и конфиденциально». Они касались непосредственно «профессора Николая Рериха и некоторых людей, занимающих активную позицию в продвижении Пакта Рериха» [72]. Даже правительства таких стран, как Египет, Иран, Китай, Сиам, Албания, Южная Африка были введены в курс дела. Нужно принять во внимание, что откат Уоллеса происходил на фоне той огромной работы по распространению идей Пакта, которая проводилась рериховскими учреждениями. Например, зимой 1935-го от имени главы Маньчжурской экспедиции Знамя Мира получил китайский лидер Чан Кайши [73]. Уоллес же своей собственной волей дискредитировал многие культурные акции, связанные с Пактом. Конечно, официальное уведомление пришло и на имя посла СССР в Соединенных Штатах А.А.Трояновского. «Цель данного письма, – писал Уоллес о Рерихе, – сообщить вам, что мое отношение полностью изменилось. Я более не верю ни ему, ни тем, кто возвеличивает его имя» [74]. Далее следовали имена заклятых врагов министра – Фрэнсис Грант, Мориса и Зинаиды Лихтман. Советские дипломаты от ответа уклонились.

При таком шквальном потоке уоллесовских писем стало бессмысленно говорить о Нобелевской премии мира. Ее получил за 1935 год барон де Кубертен, инициатор возобновления Олимпийских игр. Вместе с ним другими претендентами фигурировали шведский принц Карл, руководитель международного Красного Креста, и немецкий пацифист Осецкий. Рериха в списке кандидатов не было. На жизненном пути своего Гуру министр Уоллес оказался злым гением, неким Галахадом-перевертышем.

Остается добавить несколько завершающих штрихов к портрету Генри Уоллеса. Возможно, это просто ассоциация, невольно возникающая в исторической ретроспективе. В то время, когда Уоллес становится Галахадом, на другом, европейском континенте происходят удивительные события. Во Франции у Жана Кокто возникает замысел пьесы «Рыцари Круглого Стола». Именно Жан Кокто, как гласит легенда, когда-то распорядился Священным Камнем, будучи его хранителем до Рериха. Французский режиссер в начале 1934 года тяжело заболел. В видении перед ним проходит сюжет «Рыцарей». Сам создатель драмы отмечал необычный, мистический характер его появления. Только через три года постановка пьесы осуществляется в Париже. На первый взгляд трудно усмотреть связь между министром сельского хозяйства Уоллесом и театральным действием. Однако такая связь очевидна, если углубиться в гениальную трактовку известного сюжета.

В пьесе одним из главных действующих лиц является рыцарь Галахад. Он – всегда защитник Святого Грааля и смело вступает в борьбу с неведомым. Кокто перемешивает добро и зло. Именно поэтому на сцене появляются антигерои, одержимые чарами могущественного колдуна Мерлина и его слуги, бесплотного духа Джинифера, который поочередно воплощается то в одного, то в другого героя. Происходит замещение Рыцаря Грааля. Лже-Галахад смущает ум короля Артура, хранителя Круглого Стола. В представлении автора Лже-Галахад реально существует, он некий фантом, которого быстро уносит время. Ему на смену приходит весть о Святом Граале. И этот Грааль «есть не что иное, как чрезвычайно редкое согласие с самим собой» [75]. Такого согласия как раз и не доставало Генри Уоллесу. В глазах Рериха он навсегда остался Лже-Галахадом.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПИСЬМО Н.К.РЕРИХА ПРЕЗИДЕНТУ ГЕРБЕРТУ ГУВЕРУ

24 июня 1929

Господин Президент,

Для меня большая радость и честь, по возвращении из Американской Центральноазиатской экспедиции Рериха, сообщить Вам о различных аспектах проведенной

нами работы – художественных и научных изысканиях, наблюдениях из области азиатской жизни – и о возможностях торгово-культурного взаимодействия. С большим удовлетворением хочется отметить: Ваше великое имя почитается в Азии наравне с божеством, как символ процветания и прогресса.

Американская Центральноазиатская экспедиция Рериха отправилась в путь 8 мая 1923 года из Нью-Йорка. С тех пор мне посчастливилось не только запечатлеть на холсте свое видение Азии и записать свои впечатления, но и близко изучить жизнь Индии, Ладакха, Китайского Туркестана, Алтая, Бурятии, Монголии, Цайдама и Тибета.

Художественные плоды экспедиции – около пятисот моих картин – будут выставлены в постоянной экспозиции в Музее Рериха в Нью-Йорке, которая откроется 17 октября. Мои литературные наброски уже частично нашли отражение в книгах «Гималаи» (издательство Брентано), «Алтай-Гималаи» (издательство Стоукса) и нескольких других трудах, которые сейчас готовятся к печати мной и моим сыном Георгием, выпускником Гарварда.

Неописуемы красоты Азии, ее археологические сокровища. Нам посчастливилось обнаружить в Трансгималаях древние менгиры и кромлехи, подобные мегалитическим сооружениям в Карнаке, Великобритании и во Франции. Мы также сделали несколько находок, аналогичных [археологическим] памятникам в Монголии, на Северном Кавказе и так называемым готским могильникам. Изучая вопросы буддизма, мы узнали о существовании в Тибете большого количества последователей так называемой религии бон-по, течения, относящегося к добуддийской эпохе Тибетского нагорья. Эта загадочная религия, почитающая богов свастики, странным образом перекликается с буддизмом, однако, подобно черной массе, все обряды исполняются наоборот. Нам удалось также получить для Америки Канжур и Танжур, 330-томное собрание, содержащее буддийский канон на тибетском языке.

Среди древних учений тибетского и гималайского регионов особый интерес вызвало у нас так называемое Учение о Шамбале. Это древнее Учение о будущем, к нашему удивлению, объемлет принцип эволюции, тесно перекликаясь с концепциями великих современных ученых. В дальних странах, на своих языках, люди говорят о тех же энергиях, что привлекли внимание профессора Милликена, открывшего космические лучи; они выражают идеи, перекликающиеся с вопросами, которые занимают Эйнштейна.

Местные жители с огромной уверенностью говорят о приближении Энергии Огня, уже определяющей некоторые явления на нашей планете. Метеорологические показания, изменение климата, некоторые виды заболеваний, такие, например, как менингит, новая форма инфлюэнцы, расстройства сна, формы невритов, рассматриваются ими как проявление новых аспектов огненной энергии. Что немаловажно, эти люди дают точные указания, как излечить и преодолеть новые проявления, овладев психической энергией. Интересный факт для сравнения: наши врачи и ученые, обсуждая открытие новых лучей и тонких энергий, также начинают говорить о проявлениях психической энергии, как о чем-то совершенно материальном. Не вдаваясь в подробности этого поразительного учения, важно упомянуть о «кристаллах раздражения и злобы». Местные жители рассказали нам, что организм человека вырабатывает мощнейший и опаснейший яд при каждом приступе злобы или раздражения – физические следы этого яда могут быть локализованы и подвергнуты анализу. Когда я поведал об этом нашему доктору, он проявил живой интерес, указав: современная наука находится как раз на пороге открытия особых продуктов, откладывающихся в организме, особенно при реакции, вызванной страхом или раздражением.

Самым значительным наблюдением для нас было то, что сознание Азии подтверждает нашу эволюционную научную теорию. Старый традиционный подход, который зиждется на принципе непримиримости Запада и Востока, демонстрирует полную несостоятельность, когда соприкасаешься с живой мыслью этих далеких людей науки. При ближайшем знакомстве понимаешь: сознание далеких монголов, китайцев, сартов и тибетцев вполне готово принять все достижения нашей цивилизации.

Не могу не воспользоваться возможностью и расскажу Вам еще об одном удивительном явлении – том благоговении, с каким почитается Ваше имя даже в самых глухих уголках пустынь Гоби, Такла-Макана и на просторах Алтайских гор. В уединенной

лачуге, в храме, посвященном священным образам, я видел Вашу фотографию, вырезанную из газеты или журнала. Когда я принялся разглядывать ее, седобородый старец сказал мне с невыразимым благоговением: «Это великий человек, кормилец всех народов. Поди не просто прокормить столько ртов – людей со всего мира».

В другом местечке, тоже в пустыне, встречный монгол сказал мне: «На земле еще существуют великаны. Есть великан, способный утолить голод всех людей на земле». Я спросил: «А вы знаете имя этого великана?» К моему изумлению, он произнес слово, производное от Вашего почтенного имени и имени божества счастья Кувера. И в других местах – близ Хотана, Карашара, Урумчи, а также близ китайской границы с Тибетом – мне доводилось слышать удивительную легенду о великане, кормильце всех народов.

Трудно передать радость, с которой сознаешь: даже эти далекие народы способны ценить подлинный героизм и подлинно великие свершения наших современников. Вы спросите, как слух об этих свершениях достиг пустыни. Одна из загадок Азии – способность слухов преодолевать пески и горные кряжи, озера и пустыни. Как бы то ни было, факт остается фактом. С точки зрения международных отношений, о нем полезно знать и пользоваться этим уникальным радио.

Хочется отметить: американский флаг встречал повсюду не только почтение, но искренние проявления дружеских чувств. Монголы, сарты, китайцы, тибетцы, – все произносили в один голос: «Америка – это Чи-чаб», а чи-чаб означает «защитник». Ни одна другая страна мира не вызывает столь глубокого уважения и надежды, как Америка. И если Америка, ради мира во всем мире, не услышит этот призывный голос из сердца Азии, неисчислимые души, разбросанные по азиатским просторам, наполнятся глубокой скорбью.

Когда я показал монголам фотографии индейцев из Аризоны и Нью-Мексико, они воскликнули: «Это же наши братья!»

Затем они поведали нам красивую легенду о том, как давным-давно жили на земле два брата. Но восстал Великан-Дракон, и земля раскололась на части. И теперь родня ожидает вестей от любимой родни.

Не могу передать, с каким воодушевлением люди в разных уголках Азии разглядывали репродукции небоскребов Америки – эти картинки считались самыми ценными подарками. Мне говорили: «Это же земля Шамбалы». Трудно представить отзыв более высокий, ведь Шамбала для этих людей – Земля Будущего.

Если меня спросят, почему другие путешественники не рассказывают столь охотно о расположении азиатов к Америке, отвечу: во-первых, возможно, они не смогли оценить наиболее конструктивных начал Америки. Затем, с людьми нужно разговаривать на их собственных языках. Если общаться через обычного переводчика-наймита, к вам не будет доверия; нельзя доверять и этому посреднику, ведь никогда не знаешь, какие мотивы определяют тот или иной тон его речи. Но, к счастью, со мной был мой сын Георгий. Тибетцы считают его высочайшим авторитетом тибетского языка среди европейцев. Он владеет монгольским, санскритом, персидским и китайским языками. Его словам действительно удавалось доходить до самого сердца местных жителей. И уверяю, мой оптимизм не беспочвенен. Скорее, это не оптимизм, а знание положения дел.

Вновь с удовольствием повторяю: Ваше великое имя глубоко чтимо во всей Азии, а огромные азиатские просторы, с их миллиардным населением, таят многочисленные прекрасные возможности мирного взаимодействия и торговли.

Готов в любое указанное Вами время поделиться всеми подробностями, наблюдениями и выводами с любым определенным Вами лицом или чиновником. Ибо таким образом, чувствуем, мы послужим самому близкому нашему сердцу делу – славе Соединенных Штатов и истинной эволюции Человечества.

С глубочайшим уважением

Николай Перих

*Перевод с английского
Татьяны Самариной*

ПИСЬМА Е.И.РЕРИХ ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ РУЗВЕЛЬТУ

1.

10 октября 1934

Пишу Вам с Высот Гималаев и в грозный час, когда весь Мир стоит у преддверия Переустройства и судьбы многих стран взвешиваются на Космических весах. Пишу и предлагаю Вам Высокую Помощь. Помощь из того Источника, который с незапамятных времен стоит на несменном Дозоре, наблюдая и вправляя в спасительное русло течение мировых событий.

История всех времен, всех народов хранит свидетельства такой Помощи, сокрытой от широкой гласности и обычно приходившей в поворотные пункты истории стран. Принятие или отклонение от нее неизменно сопровождалось соответственным расцветом или падением страны. Помощь эта в виде предупреждений или советов проявлялась в самых неожиданных и разнообразных аспектах. Не буду утруждать Вашего внимания перечислением многочисленных примеров отдаленного прошлого, но напомним лишь вкратце несколько ближайших к нашему времени. Так, первый Габсбург получил предупреждение от рыцаря-певца; и норвежский Король Кнут увидел незнакомца в одежде пилигрима, предупредившего его об осторожности с соседями. И шведский Король Карл XII получил от священника сильное предупреждение не начинать рокового похода против России, положившего конец развитию его государства.

Со времени опубликования дневника графини Д'Адемар, придворной дамы, состоявшей при злосчастной Марии Антуанетте, стал широко известен факт неоднократного предупреждения королевы путем писем, личного свидания через посредство той же графини Д'Адемар о грозящей опасности стране, всему королевскому дому и многим их друзьям. И неизменно все эти предупреждения шли тогда из одного источника, от графа Сен-Жермена, члена Великой Гималайской Общины. Но все спасительные предупреждения и советы его принимались за оскорбление и обман; трагические последствия отрицания всем известны.

Вспомним Наполеона, так любившего в первые годы своей славы говорить о ведущей его Звезде, но который тем не менее не принял всего Совета и обуянный гордынею пошел против главного условия – он не должен был нападать на Россию, но он пренебрег благим предостережением, и разгром его армии и печальный конец его также известны. Из более современных нам событий можно отметить предупреждение королеве Виктории, имевшее место в пятидесятых годах прошлого столетия. Предупреждения и благой Совет были отринуты, последствия этого переживаются этой страной сейчас и еще не закончились.

Также и Правительству России были своевременно даны грозные предостережения, и мы все свидетели тяжких последствий отвергания их.

Но перейдем к примерам более близким Вам сейчас и примерам принятых советов. Так, мы знаем, что при Джордже Вашингтоне состоял таинственный Профессор, советами которого он пользовался, отсюда весь его успех. Также при объявлении свободы Америки при отделении ее от Англии засвидетельствован факт, как во время этого Исторического Собрания в момент колебания и нерешительности среди присутствующих появился высокий незнакомец, который произнес зажигательную речь, закончив возгласом: «Америка да будет свободна!» Энтузиазм Собрания был поднят, и свобода Америки подписана. Когда же присутствовавшие пожелали приветствовать помогшего им принять великое решение, то незнакомца нельзя было найти, он исчез. Так, по всей истории можно видеть, как разнообразно проявлялись Помощь, Предупреждения и Советы высокого значения; и Советы эти, идущие из Благого Источника, всегда были легко исполнимы и никогда не умаляли ту страну, которой они были даны.

В связи с вышеизложенным следует не забыть и пророческие слова президента

Линкольна о грозных событиях, которые встанут перед Америкой. События эти наступили, и грозные предвестники решительного часа столпились у порога! И тот же Источник утверждает: «Америка приблизилась к рубежу, к поворотному пункту в своей Истории. Именно Америка может достичь великого значения и мирного преуспевания. Готов Совет для Америки, и полезно ей принять его, ибо иначе много примеров грозных последствий отрицания».

Вы, г-н Президент, поняли, что отжившими мерами, приведшими Мир к наблюдаемому нами рушению, слагать благосостояние и будущее страны невозможно. Вы отважно и неустанно ищите пути к новому строительству. Вы поняли, что Птица Духа человечества не может летать на одном крыле, и дали место женщине. Вы можете стать не только Правителем, но истинным Вождем. Потому из того же Единого Источника Рука Мощная протягивает Вам свою Поддержку, и Огненные Вести снова могут доходить до Белого Дома. Карта Мира уже отмерена, и Вам предлагается занять достойнейшее место в слагающейся Великой Эпохе. И только от Вас зависит, принять или отринуть его. Судьба страны в Ваших руках.

Кто я, скажет Вам тот, кто передаст это послание. Но прошу Вас верить в огненную устремленность сердца, жаждущего помочь стране и Вам, г-н Президент, сердца, радостно принявшего на себя роль Вестника Блага.

Да будет решение Ваше к принятию Великих Вестей, ко Благу!

Елена Перих

2.

15 ноября 1934

Господин Президент,

Ваше послание передано мне. Я счастлива, что Ваше великое сердце так прекрасно восприняло Послание и Ваш светоносный ум был свободен от предрассудков – этой заразы, которая уничтожает в нас божественный и творческий огонь веры. Именно, Ваша вера в Новое Строительство и Ваш открытый ум помогут мне постепенно раскрыть перед Вами весь план Нового Строительства, в котором Вам и Вашей Стране предназначено сыграть великую роль.

Мое сердце радо передать Вам следующие Великие Слова: «Несмотря на оппозицию, страна не знала более любимого Президента. Его слава будет расти. Так суждено».

Теперь я дословно процитирую полученные Указания, касающиеся наиболее важных вопросов.

1. «Вынашиваются намерения вовлечь Страну в войну. Эти попытки будут иметь место с двух сторон. Одна попытка придет через провокацию от страны на Востоке, другая через подстрекательство от страны за океаном, под предлогом защиты Китая. Если бы даже мнение нации было в пользу войны, уступать нельзя, так как Страна стоит перед реконструкцией, которая подымет ее на высоту. За этими попытками следует зорко следить, ибо давление должно быть преодолено. Страна не должна разоружаться, напротив, пусть ее мощь чувствуется. И хотя нация может быть против вооружения, нельзя уступать, ибо никто не посмеет напасть на сильного Правителя».

2. «Мощь за океаном – иллюзорная мощь. Это удаленное государство не питает к Вашей Стране иных чувств, кроме ненависти и зависти».

3. «Над страной с Востока множество зловещих знаков. Явленные Космические пертурбации потрясут ее силу. Бдительно надо следить за этими попытками, ибо они приведут к военным вызовам. Так, пусть Президент остерегается конфликтов. Необходимо, чтобы те, кто окружает Президента, не распространяли слухов о его недружелюбии к стране на Востоке, так как они часто выдают свое собственное мнение за слова Президента. Так, этот существенный вопрос имеет первостепенную важность».

4. «Среднему Западу США угрожает плохой урожай, поэтому полезно запастись зерном и сеять его на Севере и Востоке; особенно может пострадать пшеница».

5. «Мы посылаем мускус от усталости».

Мой доверенный передаст Вам все указания о свойствах этого чудесного лекарства, которое дает силу и уравновешенность нервной системе, а также предупреждает против многих заболеваний. В случае, если Вы оцените его действие, я буду рада послать Вам еще.

Я закончу это послание указанием на то, что за всеми бедами Страны, за всеми ее врагами стоят те, чьи имена назовет мой доверенный. Но их падение предрешиено, грядущее десятилетие будет свидетелем этого великого падения.

Я знаю, что Ваше большое и доблестное сердце выявит все возможности для того, чтобы сужденное воплотилось во всей мощи и красоте, поэтому радость живет в моей душе.

Время грозное, но прекрасное, ибо это время величайшего в истории Переустройства, и так много возможностей открывается перед теми, кто действует под Защитой Руки, держащей Кормило Мира.

Шлю Вам, г-н Президент, все стремление моего сердца, все мои лучшие мысли, чтобы помочь Вам в этом сужденном великом Достижении.

Елена Перих

3.

27 декабря 1934

С великой радостью в сердце я спешу отправить Ответ.

«Мы видим возможности становления равновесия в соседних странах, и народы будут помнить Инициатора этого Единства наций. Мы видим Конфедерацию Южных стран Ам[ерики] под руководством Соединенных Штатов. Можете начать работу в этом направлении. Не нужно колебаться из-за существования Пан-Ам[ериканского] Со[юза], ибо в его настоящем состоянии он представляет скелет без души. Мы видим Союз с Президентом Р[узвельтом] как Главой, состоящий непосредственно из Глав каждой страны. Его сердцем будет Президент Р[узвельт]. Но во всем этом строительстве Президент должен будет утверждать магнит своего сердца, ибо его токи мощны, и Президент должен использовать их. Никто не может заменить его. И мы видим, как Президент может умиротворить конфликты между странами, если он сам будет вызывать Представителей стран для Арбитража».

«Пусть Белый Дом прекратит политику, отравленную Страной за морем, ибо их яд проник на почву соседних стран. Все космические условия благоприятны для секретных переговоров Президента, которые не должны разглашаться прессой и теми, кто его окружает. Поэтому Президент должен действовать через тех, кто предан и близок ему. Так мы видим конструкцию Союза, который в будущем присоединит Ю[жную] А[мерику] к США. И Основателем этого Великого Государства будет Президент Р[узвельт]. Этот Великий Союз сужден и будет осуществлен».

«Президент не может целиком обсуждать эти планы ни с кем, но все каналы должны привести к этому».

«Также следует помнить, что Глава Белого Дома представляет гораздо больший интерес для Страны за морем, нежели для своей собственной Отчизны».

«Так Президент Р[узвельт] будет Великим Объединителем этой мощной Страны, которой предназначено сыграть великую роль на Космических Весах. Этот жизненный вопрос будет решен, и помощь Президенту будет Дана».

Я должна добавить, что «Страна на Востоке проходит тяжелый период внутреннего разрушения, которое искусно скрывается».

Подобно этому «для внутреннего благоденствия страны следует установить контроль, который должен следить за тем, чтобы цены на продукты не поднимались».

Я смогу послать Вам особого вестника с Посланием.

Для сердца, горящего истинной любовью к своей Родине, для сознания, не отравленного никакими предубеждениями, для сознания, не страшющегося широких горизонтов, Ответ всегда готов.

Угрожающие знаки мирового разрушения будут покрыты Строительством Света, и на мощном фундаменте мужества Вашего огненного Сердца и великого Доверия Руке Ведущей,

которая руководит судьбами Мира, будет построена величайшая из Эпох. Так Сужденное будет исполнено!

Мне радостно писать Вам это, радостно верить Вашему Сердцу.

4.

4 февраля 1935

Господин Президент,

Это послание будет передано Вам через мою верную посланницу. Вы можете доверять ей так же, как и моему первому посланнику. «Распознавание, бдительность и умение хранить тайну» – вот основы Великого Служения для Блага человечества, и они огненно запечатлены в наших сердцах.

С полным доверием и знанием Вашего великого Сердца я передаю Вам, г-н Президент, следующие Великие Слова:

«Так, предназначено Президенту Рузвельту строить Ам[ерику] и в следующий период, ибо Президент заложит основание мощной Единой Америки, потому Президент может готовиться к этому сроку. Так, нужно начать творить каналы в этом направлении. Радость народов будет залогом успеха. Теперь можно будет начать готовиться к утверждению позиций на Востоке, Западе, Севере и Юге».

«Приближающееся десятилетие явит много новых основ. Среди алчности многих народов утвердятся также и новые начертания».

«Президент Рузвельт являет сущность Урана, и его путь – с Новым Строительством. Так, явления многих стран должны быть рассматриваемы с разных сторон. Неприязнь к Стране будет явлена Германией, и Франция не понимает вполне духа страны. Юг тоже преследует свою политику. Север может лучше понять размах новых построений. Но глаз Президента должен обратиться на Восток. Говоря о Востоке, Мы имеем в виду также и Россию. В этом направлении Президент должен иметь пока выжидательную позицию, ибо произойдут перемены».

«Так, Строительство нужно понять как Объединение стран на Дальнем Востоке, и в этом объединении восточных народов Президенту суждено принять великое участие. В то время, когда алчные народы будут рассчитывать на мощь пушек, на Востоке будет создаваться Великая Держава. Начинание это принесет то равновесие, которое необходимо для созидания великого Будущего».

«Америка давно связана с Азией. Древние узы были усилены благоприятными сочетаниями Светил. То, что указано Космическими Законами, должно быть создано. Никто не должен препятствовать курсу, указанному Светилами, или задерживать его. Так, каждый должен понять, что народам, занимающим большую часть Азии, предназначено ответить на дружбу Америки. Президент может воспринять Совет счастья. Пусть силы Президента будут применены к упрочению ситуации. Твердой рукой Президент может направить в назначенный срок свой народ к Союзу, который даст равновесие Миру. Можно применять малые меры, но большие должны быть осознаны. Мы шлем послание, которое укрепит волю Президента и приведет ее в соответствие с лучами Светил. Народы Америки должны войти в Новую Эпоху. Так называемая Россия является равновесием Америки, и только при такой конструкции мир во всем Мире станет решенной проблемой. Но отрицание высочайших принципов не может служить защитой».

«Итак, наступило время реконструкции Востока, и пусть друзья Востока будут в Ам[ерике]. Предвидится союз народов Азии, и объединение племен и народов будет происходить постепенно, там будет своя Федерация стран. Монголия, Китай и Калмыки составят противовес Японии, и в этом объединении народов нужна Ваша Добрая Воля, господин Президент. Вы можете выразить Вашу волю во всем ее многообразии, и в этом направлении можно утвердить мысли. Потому пусть культурное строительство начинается в сердце Азии. Ничто не мешает Америке следовать Нашему Руководству. Пусть культурная корпорация растет, и мирное сотрудничество привлекает народы. Уже многие племена стремятся твердо придерживаться Нашего действия. Может ли Америка не

присоединиться к здоровой структуре? Все Ваши знаки, г-н Президент, оживут, когда весь сужденный Огонь запылает. Так должно исполниться Предопределение Светил».

Мое сердце пылает радостью и верой в великое Строительство с Вашим, г-н Президент, участием. Относительно некоторых деталей великого Плана Вы можете говорить с моей доверенной посланницей, так как ей будут переданы инструкции. Я прошу Вас, г-н Президент, доверять моей посланнице, ибо ее преданность основана на знании и проверена не во времена счастья, но в самые трудные моменты в течение многих лет.

Переустройство Мира продвигается гигантскими шагами. Великий Армагеддон, предсказанный всеми древними Писаниями, бушует во всю свою мощь, и силы тьмы, борющиеся за само существование свое, прилагают все усилия, чтобы разрушить каждое Светлое начинание. Потому так необходимо зорко следить, чтобы разрушители не проникли в лагерь Света. Но Свет побеждает тьму, и великое Строительство приближается.

Посылаю Вам древнее символическое Изображение Владыки Шамбалы и прошу, Вас, г-н Президент, принять это дорогое и священное для меня Изображение и помнить, что Луч Великого Владыки будет сопровождать Вас во всех Ваших действиях на благо Вашей Страны и установления равновесия в Мире. Подобным же образом, вырезанная из дерева фигура покровителя Тибета Бодхисаттвы Ченрези является символом синтеза Космического Разума, который воплощается в различных расах человечества.

Моя посланница возвратится в Гималаи, следовательно, г-н Президент, Ваши вопросы и Ваши слова могут быть переданы мне в полной безопасности.

Великое Доверие с Вами, г-н Президент, и мое сердце вновь с радостью утверждает это. Чаша, предложенная Вам, принесет Вам Благословение Наций.

Я шлю Вам весь огонь моего сердца. За принятие Высочайшей Меры. За принятие Чаши Мира.

С полным доверием

Елена де Перих

Ваш вопрос, господин Президент, достиг наших высот накануне отъезда моей посланницы, и я рада добавить к Посланию Ответ, Данный мне:

«Европа являет знаки разложения. Алчность народов не устоит ни перед чем. Но каждый захват будет служить обратным ударом, ибо не удержать того, что не принадлежит по праву. Поэтому не нужно пытаться образумить тех, кто действует алчностью, ибо часто эти захваты будут служить провокационными вызовами. Поэтому лучше явленное благородство Президента Рузвельта не явить публично. Эти вызовы алчности лучше миновать. Пусть динамит взрывается там, где его закладывают».

«Наш Луч над Президентом Рузвельтом. Новая Заря зажигается над Америкой».

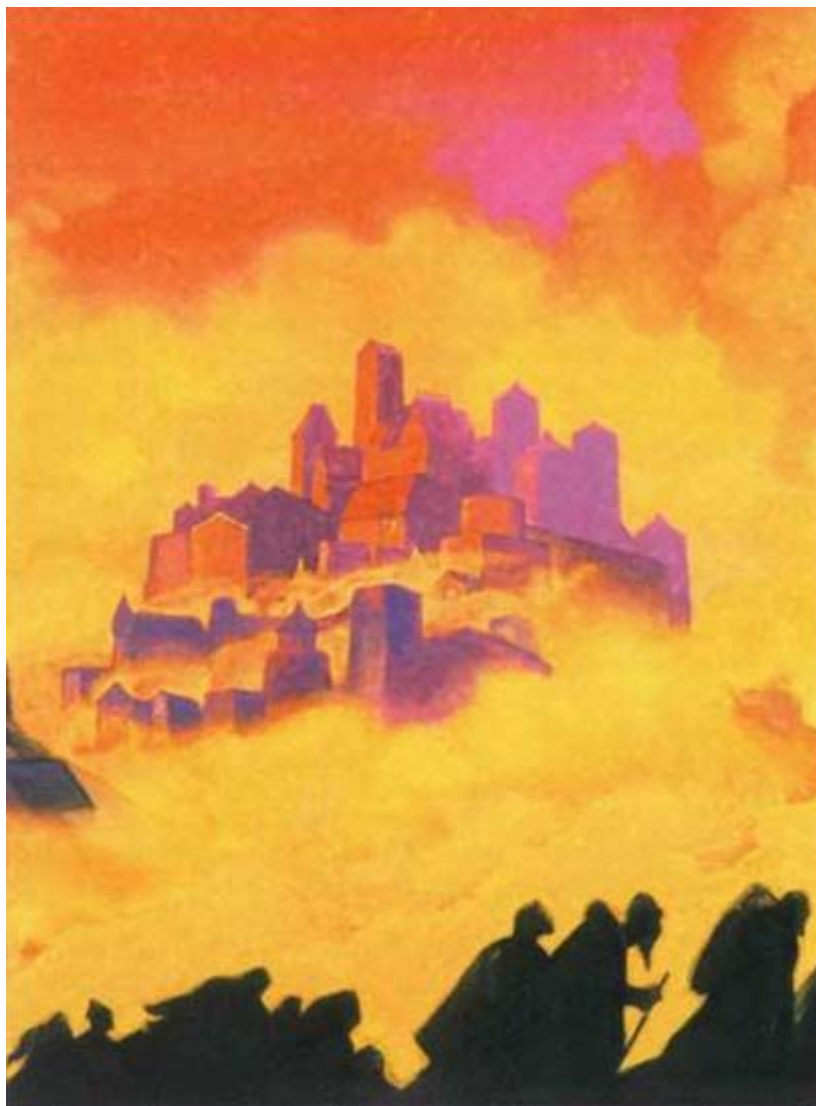
«Так Президент Рузвельт будет облечен Властью».

Елена де Перих

Franklin D. Roosevelt Library in Hyde Park, New York. F. 723.

Опубликовано на русск. яз.: Елена Ивановна Перих. Письма.

Т. II: 1934. М., 2000; Т. III: 1935. М., 2001

Н.К.Рерих. Армагеддон. 1936. Фрагмент.
Государственный музей Востока, Москва

РУЗВЕЛЬТ, ХОРШ И НОВЫЙ «КАНЗАС»

I

Крушение Маньчжурской экспедиции произошло в июле 1935 года. Формально ее приостановил Генри Уоллес. Что же стало причиной столь резкого и непредвиденного поступка?.. Как правило, ответственные решения в правительственных кругах не принимаются в одночасье. За десять дней, прошедших со дня выхода статьи Пауэлла в «Чикаго Трибьюн» до упомянутого письма министра к Луису Хоршу, позиция главы Департамента сельского хозяйства по отношению к Рериху кардинально изменилась. Почитаемый Гуру неожиданно превратился в «амбициозного русского художника». Однако фактическая сторона дела, конечно же, не может быть уложена в отчетную декаду. Уоллеса давно захватили подводные течения, бушевавшие вокруг экспедиции. Эти силовые потоки исходили из нью-йоркского Музея, от президента Луиса Хорша и «гималайской посланницы» Эстер Лихтман. И теперь, в первую очередь, необходимо реконструировать события, которые привели к завершению миссии Рериха на Дальнем Востоке.

Несмотря на заверения Уоллеса, данные Фрэнсис Грант, будто бы газетная шумиха вокруг экспедиции не произвела на него никакого впечатления, министр был крайне обеспокоен. С зимы 1935-го он вел «двойную игру», поддерживая отношения отдельно и с Грант, и с Хоршем. (Таково было указание Е.И.Рерих.) Если при встрече с Грант 24 июня Уоллес не проявил никакой враждебности, то в следующий раз «Друг резко переменял фронт» [1]. В разговоре Фрэнсис «почувствовала, что Логван и Ояна его чем-то напитали... и он – не тот» [там же].

Уже после отъезда Фрэнсис Грант из Вашингтона, в конце июня президент Франклин Рузвельт срочно вызывает телеграммой Хорша. Встречи в Белом Доме, а затем в Департаменте сельского хозяйства окончательно меняют расстановку сил. По крайней мере, именно с этого момента министр уже не нуждается в услугах Грант. Он направляет радиogramму в Китай: «Рериху Гонконг-Шанхайский банк Пекин. Абсолютно отказываюсь иметь дело далее Фрэнсис. Буду иметь дело с Луисом. Галад» [2]. Как видно из послания, Уоллес подписывается именем «Галахад», еще считая себя учеником Мастера. Пока он просто пересматривает условную иерархию, в которой уже нет достойного места ни Фрэнсис Грант, ни Морису Лихтману. Оба сотрудника, приехавшие в Вашингтон 8 июля 1935-го налаживать отношения, испытали на себе «чудовищно жестокое обращение» со стороны министра, как сообщила Зинаида Лихтман в письме к Н.К.Рериху [3]. Уоллес принял новое руководство. «Последние его слова, переданные через Би[на], были, что он будет принимать сообщения (т.е. послания – В.Р.) только через Луиса» [там же].

Указания Рериха, его письма и статьи уходят как бы в тень, они уже не имеют руководящего значения. Например, в начале июля 1935-го Уоллес заявил, что очерк «Монголия», который сам автор, Николай Константинович, обозначил программным документом, является «неправдивым» [4]. Тем самым, как выразилась Зинаида Лихтман, «Друг» проявил «недопустимое неуважение к личности Ам[оса]», то есть Рериха. «Очень резко отозвался о недавно полученной нами статье о стране Чинг[ис] Хана» [3]. Отныне только Хорш становится признанным авторитетом, а за ним обозначается фигура Эстер Лихтман. Она будто бы получает прямые наставления от Махатмы Мории, и в этой ситуации Рерихи оказываются не нужны. В том же июльском письме Зинаида Лихтман сообщала об Уоллесе: «Неоднократно говорил о том, что он является также учеником Вл[адыки] и имеет свои указания» [там же].

Что конкретно притянуло министра к тайно оформившемуся дуэту, еще предстоит осмыслить. Но несомненно, один вывод напрашивается – здесь главенствует вопрос о власти. Генри Уоллес подумывает в 1936 году выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов. После успехов в экономике и постепенного выхода страны из депрессии шансы взойти на президентский олимп кажутся вполне вероятными. И

всякая дискредитация имени министра является ударом по его престижу. (Ведь Уоллес упомянут прямо в заголовке статьи Пауэлла.) Политическая сторона проекта «Канзас», не говоря уже об элементах военных, совершенно неприемлема в данный период. Ученик не верит до конца своему Учителю. Мифы о «белых русских казаках» пересиливают здравый смысл. Уоллес меняет маршрут экспедиции, тем самым расстраивая, как он полагает, замыслы отца и сына обосноваться военным лагерем у гобийских границ Внутренней Монголии. 15 августа 1935-го из Департамента уходит очередная телеграмма с указаниями:

«Профессору Николаю Рериху. В подтверждение телеграммы от 5 июля. Я уверен вы находитесь достаточно далеко к югу от Сюйюаня и этот ваш маршрут будет таким чтобы не возникло больше для вас беспокойства от людей заинтересованных в спорных проблемах. Г.Э.Уоллес» [5].

На одном из правительственных приемов Генри Уоллес имел разговор с госсекретарем Филлипсом, который сообщил некоторые сведения о перипетиях с экспедицией Рериха. Эти сведения передал американский посол в Советском Союзе. В продолжение беседы министр получил письмо от 24 августа 1935 года за подписью помощника госсекретаря Уолтона Мура. Со ссылкой на военного атташе в Москве Государственный департамент информировал о предполагаемых планах Рериха. Эти данные поступили от «заинтересованных» советских граждан.

«Вооруженная группа продвигается сейчас по направлению к границам Советского Союза, действуя под видом научной экспедиции, и намеревается сплотить разрозненные белоэмигрантские элементы и недовольных монголов» [6].

Американская военная разведка пользовалась ложной информацией. Но для Уоллеса это могло показаться похожим на правду, поскольку он был посвящен в Великий План, предложенный Гуру во время встреч в Вашингтоне и Нью-Йорке. И, конечно, ожидал развития событий в самую непредвиденную сторону.

В письме также сообщалось о факте покупки экспедицией вооружения в Тяньцзине и о том, как Рерих обошел местные военные власти, связавшись с «процарски настроенными кругами в Вашингтоне» [там же]. Госдепартамент дал понять, что ему известно о телеграмме руководителя экспедиции к Уоллесу от 30 ноября 1934 года, где содержалась просьба о помощи. (Департамент сельского хозяйства действительно содействовал в получении разрешения от Министерства обороны на приобретение оружия.) Из всего изложенного следовал прозрачный намек, будто Уоллес и принадлежал к упомянутым «процарски настроенным кругам». К тому же министра просили прокомментировать сложившуюся ситуацию и дать ответ, каковы будущие планы экспедиции, поскольку необходимо уведомить обо всем посла в Москве.

Несмотря на то что история с вооружением экспедиции не являлась столь драматичной, оппозиционная пресса и государственные чиновники превратили ее в скандальную. Рерихи, вопреки своим первоначальным запросам, получили всего шесть винтовок, четыре револьвера и обмундирование. Условия необходимой самообороны, казалось бы, не должны вызывать столько нелепых слухов. Тем не менее, Уоллесу надлежало держать ответ как главе Департамента. И вскоре нашелся подходящий повод решить все проблемы сразу одним махом. Юрий Рерих сообщил в телеграмме от 24 августа 1935-го, что из-за политической нестабильности в ряде китайских провинций экспедиционный отряд не может переместиться в Синин, как того требовали инструкции из Вашингтона. В ответ Уоллес приказал закрыть экспедицию. Генри Уоллес прекрасно сознавал весь трагизм ситуации. Прекращение экспедиции по Монголии и Китаю влекло за собой окончательный разрыв с Рерихами. В тот самый день, когда Николай Константинович и Юрий садились на пароход в Шанхае, чтобы отплыть в Индию, министр направил письмо Е.И.Рерих. От прошлогодних эмоциональных посланий к «Матери Друидов» не осталось и следа. Скупые строки пронизывает сдержанный чиновничий дух.

«24 сентября 1935. Уважаемая Мадам, я пишу это письмо по личной инициативе, желая проинформировать вас точно и определенно о моих намерениях. Я настаиваю, чтобы не было никаких контактов, прямых или косвенных, в виде писем или каким-либо иным

способом, между Рерихами (отцом, матерью и сыновьями), с одной стороны, и мною, с другой стороны. Официальные взаимоотношения отныне будет осуществлять Фредерик Ричи, глава Отдела промышленного использования растений при Департаменте сельского хозяйства Соединенных Штатов. Искренне, Г.Э.Уоллес» [7].

Одновременно Уоллес направил письма всем лицам, вовлеченным в историю с экспедицией, – генеральному консулу в Токио Артуру Гэррелсу, третьему секретарю американского посольства в Японии Кэботу Колвиллу и генеральному консулу в Калькутте Вильямсону Гавеллу, и уведомил их о финале монголо-маньчжурской эпопеи.

Будет вполне естественно объединить разные высказывания Генри Уоллеса о причинах прекращения экспедиции. Собранные воедино, они дают яркую палитру суждений министра, направленных против деятельности Н.К.Рериха на Дальнем Востоке.

«Причина преждевременного ограничения срока [экспедиции] в том, что стало всё более очевидно, что Рерихи интересовались иными вещами, нежели собирание коллекции засухоустойчивых трав. И эти посторонние интересы таковы, что могли вызвать трудности для Соединенных Штатов на Востоке» [8].

«Я убежден, что интересы профессора Рериха простираются далеко за пределы Соединенных Штатов. Он интересуется беспокойными областями в Азии... Наблюдая, вплоть до лета 1935 года, за действиями профессора Рериха на Востоке и действиями его последователей в этой стране, я склоняюсь к выводу, что его последователи боготворят профессора Рериха и видят в нем некоего сверхчеловека. Они настроены решительно и не остановятся ни перед чем, чтобы помочь ему реализовать какую-то необычную фантазию Азиатской власти» [9].

«Рерих затеял международную политическую игру. Не знаю, по чьему указанию и по какой причине. Я всегда был уверен, что он – белоэмигрант. Он имел огромную мечту обрести величие, и эта мечта была связана с Сибирью. Его последователи верили, хотя никто из них прямо не говорил мне об этом, что Рериху предначертано судьбой стать правителем Сибири, только не при большевистском режиме...» [10].

Вполне вероятно, мотивы разрыва Уоллеса с Рерихами вообще выходят за рамки простого недовольства поведением Гуру во время экспедиции. Сюда вплетается некая философская доктрина, присущая министру как государственному деятелю. В этой доктрине главным остается вечный вопрос о предназначении человека. И ответить на него, по мнению Уоллеса, можно лишь в том случае, если учесть все аспекты проявления человека в мире.

Первое, цели человеческого существования обусловлены его бытием, то есть природой, в которой протекает жизнь. Природная среда регулируется консервацией почвы, лесов, рек, планированием городов и т.п. А в разных регионах вследствие этого возникают разные типы управления хозяйством (фермами). Второй аспект как раз и связан с экономическими механизмами управления. Должны ли быть хозяйственные корпорации мелкими единицами или крупномасштабными объединениями... В любом случае на повестку дня выходит необходимость кооперации в тех или иных формах. Отсюда плавно вытекает финансовая сторона всего дела. «На третьем месте, – считает Уоллес, – следует решительно установить определенный закон в сфере денежного обращения, что в конечном итоге приводит к области международных отношений, к определению уровня использования золота как основной валютной единицы» [11]. Последние слова процитированы из письма министра к Луису Хоршу, они написаны в разгар кампании по прекращению экспедиции Рериха. Очевидно, вопрос о золоте, серебре и свободном валютном обращении вышел изподволь на передний план. И он стал по-настоящему философским вопросом.

II

Философия в руках и политика, и бизнесмена является инструментом власти. Подобно Уоллесу, Хорш создает свою собственную систему ценностей, в которой религиозность уживается с золотым тельцом. Этот сплав мистического и материального начинает определять политику рериховских учреждений в Нью-Йорке. Зимой 1935 года в Музее

Рериха стали формироваться новые тенденции. Зинаида Лихтман назвала их «уклоном Логвана». В поведении Луиса Хорша появилась некая свобода, или вольность, неприемлемая для духовной иерархии. «Логван прислушивается и исполняет Указы и всё, идущее от Е[лены] И[вановны], но не от Н[иколая] К[онстантиновича]» [12]. Эта уклончивая линия странным образом проявляется в процессе осуществления проекта «Канзас». Н.К.Рерих просит на поддержку монгольского проекта более миллиона долларов. Хорш с легкостью говорит «об ошибках Гуру». Причиной недовольства выступают деньги. «Они не появились при профессоре Рерихе» [там же]. Значит, финансовое бремя снова ложится на плечи действующего президента Музея.

Хорш сопротивляется, ему только что удалось погасить очередные займы и вылезти из долговой ямы. Последние три года, с апреля 1932-го, здание Музея Рериха находилось под «внешним управлением», то есть со времени постройки оно не было полностью выкупленным. Над Музеем постоянно висела угроза ареста имущества. Совет директоров, или попечителей, потерял хозяйственный контроль из-за всеобщего финансового кризиса, поразившего Америку. 5 февраля 1935 года небоскреб был выставлен на публичные торги и Хорш сумел его выкупить. Недвижимость перешла в пользование образовательной корпорации «Мастер Институт Объединенных Искусств».

Для оформления собственности требовалось провести реорганизацию. Хорш выступил на собрании доверенных лиц, владельцев акций корпорации, и предложил переизбрать основателей Н.К.Рериха и Е.И.Рерих, чтобы облегчить процедуру. Согласно юридическим нормам, нужно было подписывать учредительные документы. Рерихи находились за пределами Соединенных Штатов, поэтому в правление вошли другие лица, в том числе Эстер Лихтман. Хорш всех заверил, что это «временные меры и сразу же после завершения реорганизации Основатели будут восстановлены в своих правах» – так описывала происходящие в феврале события Зинаида Лихтман [13]. Однако сам Хорш заявлял, будто Рерихи перестали быть членами правления «Мастер Института» и потеряли права держателей акций еще в 1928 году [14]. Примерно такую же версию подтверждает и Фрэнсис Грант, расхождения лишь в незначительных деталях. Совет попечителей принял предложение Хорша за несколько лет до реорганизации с «согласия профессора Рериха и мадам Рерих» [15]. Формально не имело значения, когда всё происходило на самом деле. Рерихи в любом случае оказывались за бортом. Важен поступок Луиса Хорша. Весной 1935-го он решительно не захотел ввести своих «Отца» и «Мать» обратно в состав доверенных лиц. В дальнейшем, в феврале 1936 года началось судебное разбирательство по имущественным вопросам, тогда факт попечительства уже играл первостепенную роль. Рерихи не имели пакета акций и, значит, потеряли право владеть собственными картинами. А их в Музее насчитывалось более тысячи. В этом и состояла главная трагедия – потеря бесценных полотен и разрушение музейного комплекса.

С.Н.Рерих. Портрет Луиса Хорша. 1931

В какой-то мере Луиса Хорша можно понять, он защищал свое имущество. Судебный процесс имел очень глубокие корни. Брокер с Уолл-Стрит встретился с Рерихами в 1922 году. Он и его жена Нетти стали близкими учениками Николая Константиновича и Елены Ивановны. В Нью-Йорке образовался духовный круг сотрудников. Обладая достаточным капиталом, Хорш начал финансировать деятельность Института Объединенных Искусств. Это учреждение нового синтетического типа создали в Америке Рерихи и супруги Лихтман. Позже, в 1923 году организовался Музей Рериха, в 1924-м – книгоиздательство «Алатас», в 1926-м и 1927-м – корпорации «Белуха» и «Ур». Кроме того, при Музее существовали другие организации: «Мировая Служба», «Новый Синдикат», «Международное информационное агентство». Хорш пожертвовал рериховским учреждениям 500 тысяч долларов. Помимо спонсорского вклада, вложил еще 600 тысяч под 4% годовых. На эти деньги была приобретена земля, выстроено здание Музея, куплены картины (помимо части картин Н.К.Рериха, привезена из Европы коллекция старых мастеров, западно-европейская живопись). Значительную статью расходов составила Центральноазиатская экспедиция (1923-28), собрание предметов восточного искусства, поездки сотрудников в Латинскую Америку, Европу, Азию и даже траты на самые насущные нужды – заработную плату, приобретение мебели, оборудование офисов и прочее. В течение 13 лет все денежные заботы лежали исключительно на Хорше. Именно поэтому финансовый директор захотел вернуть обратно вложенные им средства, как только представилась возможность. Точнее, как только он разуверился в своих Гуру. Другой вопрос, что ученичество, духовное развитие и вообще ценности культуры вряд ли могут измеряться материальными затратами. Примат духа оказался ненужным фетишем. Это своего рода укоренившийся материализм. Луис Хорш назвал деятельность Рерихов «мистически-спиритуалистическим культом» [14].

Возможно, имеются другие, нематериальные причины отступничества. Луис Хорш в объяснительном письме к Елене Ивановне от 30 июля 1935 года писал о духовном гнете, который испытали на себе разуверившиеся ученики. (Помимо него самого речь шла о Нетти Хорш и Эстер Лихтман.) Посыпались упреки Учителям, якобы они повинны в «атмосфере неприязни, неопределенности, зависти и несправедливости» [16], сложившейся среди членов нью-йоркской общины. Примерно за год до кризисных событий, в апреле 1934-го, на собрании Совета директоров Нетти Хорш сделала заявление от себя и от имени своего мужа: «Мы приложим все усилия, чтобы собрать средства для осуществления Великого Плана Рериха» [17]. Маньчжурская экспедиция только начиналась. К лету 1935-го уверенность в «осуществлении великого будущего» исчезла. Обещание Учителей сделать Луиса Хорша «послом в Звенигороде», то есть дипломатическим представителем Соединенных Штатов в

Сибири, с каждым днем становилось всё призрачнее. Со времени утеранных сроков прошло пять лет, и главный финансист Музея уже не верил ни в 1931 год, ни в 1936-й.

Однако самая главная причина, о которой Хорш не упоминал ни в каких письмах, скрывалась в потаенной глубине. Он потерял веру в Рериха, но взамен уверовал в собственное величие. Дружба с Рузвельтом, казалось, открыла возможности управлять судьбами мира.

Супруги Луис и Нетти Хорш. Нью-Йорк, 1930-е годы

Тем более что мистическое влияние на президента Соединенных Штатов постоянно усиливалось. Отношения с Белым Домом вступили в новую фазу после приезда из Индии Эстер Лихтман. Освоив метод автоматического письма, она начала принимать послания якобы от гималайских Махатм. У нее была полная уверенность, что ей надлежит теперь выражать волю Учителей. На то имелись законные основания. Е.И.Рерих сама назвала Ояну «наместницей». И Эстер Лихтман стала постепенно замещать свою духовную мать.

Самый первый случай произошел на встрече с Ф.Д.Рузвельтом 14 марта 1935 года. Президента беспокоили в тот день вопросы финансового характера. Для Хорша разговор о мировых денежных потоках являлся его главным коньком. Поэтому в подобных случаях он всегда был готов к самым решительным шагам. Приведем краткую запись из отчета о посещении Рузвельта:

«Речь шла о валютном рынке и других финансовых проблемах... Мы пообещали прояснить волновавшие вопросы. Г[осподь] позволил нам дать Стеф[ану] несколько ответов, исходивших словно из Ашрама. Стеф[ан] задавал различные вопросы, ответы на которые желал получить от "далекого Ведущего"» [18].

Конечно, Луис Хорш имел в виду под словом «Ашрам» недостижимую гималайскую

обитель, откуда посылались благие мысли. На поставленные вопросы Рузвельт сразу же получал ответы через Эстер Лихтман по «беспроволочному телефону». Месяц спустя произошла и вовсе настоящая подмена. Президенту вручили письмо не от Елены де Рерих, а от ее заместительницы. Причем, письмо не имело авторства. Это случилось 15 апреля 1935 года, в день подписания в Вашингтоне Пакта Рериха. Из псевдогималайского послания следовало, что на злобу дня вышел вопрос о серебре. Хорша очень волновало состояние валютного рынка в Китае. При посредничестве Эстер и ее дара принимать послания из воздуха он решил перевести проект «Канзас» на серебряные рельсы. Вот выдержка из этого апрельского письма:

«Китай всё больше будет приобщаться к серебру. Стоимость продовольствия превысит ценность серебра, потому можно установить товарообмен. Народ Китая возмущен колебанием курса серебра, а следовательно, фундаментальный принцип будет представлять собой гуманный акт – предоставление продовольствия для народа. Так Америка станет великим противовесом, а президент Рузвельт – спасителем нуждающегося Китая» [19].

В конце июня 1935 года, после поездки Хорша и Лихтман в Европу по делам Нобелевской премии, Рузвельт назначает им личную встречу. Видимо, необходимо было продолжить консультации по канзасско-китайскому вопросу. Взаимными телеграммами помощник секретаря президента и Хорш согласовывают дату аудиенции в Белом Доме. Она пришлась на 3 июля [20]. Это и есть тот роковой день, когда Уоллес выступил против Рериха. Союз Рузвельта и Хорша определил судьбу Маньчжурской экспедиции.

III

К середине августа 1935-го у Рериха еще остается надежда на «продвижение дел по Канзасу». Николай Константинович подготовил специальную записку, в которой предложил «третий комбинированный план», относящийся к канзасскому проекту [21]. Напомним, что первый кооперативный проект был связан с Маньчжурией (1934), второй – с Внутренней Монголией (1935). Однако вся инициатива, касающаяся Канзаса, уже сосредоточилась в руках Луиса Хорша. Он единолично осуществляет контакт с министром Уоллесом. На музейных заседаниях обсуждаются только протоколы, полученные из Института «Урусвати», вопросы перемены маршрута экспедиции и текущие дела. От разговора о «кооперации в Канзасе» председатель Совета директоров уклоняется. Сотрудники, сохранившие верность основателю Музея Рериху, приходят к выводу, что Хорш желает «устранить главное лицо из всех предприятий» [там же].

Они оказались недалеко от истины, ибо в это самое время разворачивался новый «Канзас». В проекте участвовали уже другие лица, без Рериха и его близких помощников – Фрэнсис Грант и супругов Лихтманов. Тайно от всех 9 сентября 1935 года Луис Хорш и Эстер Лихтман посещают Франклина Рузвельта в его семейном доме в Гайд-парке. Там идет разговор о «Канзасе». Хорш сообщил президенту о деятельности Н.К.Рериха, оценивая позицию главы экспедиции в переговорах с монгольскими лидерами как неприемлемую и ложную. По его мнению, не следовало бы распространять заявления о кооперативном движении в Автономном правительстве Монголии. «Фарро действует в деле Канзаса очень непрактично» [22].

В своих дневниковых записях Хорш продолжает традицию использования кодов. Рерих получает имя «Фарро», а затем еще одно – «Патриарх», Елена Ивановна становится «Мэри», Уоллес – «Уолтером». Сохраняется и стиль взаимоотношений с сильными мира сего. В отчете о посещении президента Рузвельта упоминается дорогой подарок, который визитеры вручили «Стефану». Это была старинная бронзовая статуэтка Будды. Благословенный водворился на письменном столе президента. Что же касается проекта «Канзас», то с общего согласия собравшихся дело решили продолжить. «Чуть позднее мы вновь попробуем подступиться к этому вопросу через посредство одного китайского министра», – сказал Хорш, и Рузвельт «одобрительно кивнул» [там же].

Через два месяца, как раз после отпуска президента Рузвельта, 15 ноября 1935-го Хорш и Эстер Лихтман в очередной раз посетили Белый Дом. Значительная часть беседы, помимо

традиционных вопросов о торговле серебром и «управляемой валюте», была посвящена Рериху и «монгольскому проекту». Вот выдержка из отчета Хорша.

«Я спросил [Стефана], есть ли у него вопросы. Он ответил: "Пока нет". – Но затем добавил: "Разве что один. Министерство сельского хозяйства обеспокоено деятельностью профессора Рериха на Востоке – он превысил свои полномочия и начал вмешиваться в политику". Мы заверили его, что все шаги, предпринимаемые министром Уоллесом, абсолютно корректны. Фарро поставил себя в ложную ситуацию, вступив в сношения с японцами, большевиками и монголами. Мы упомянули, что "Новый порядок" наведен также в одном нью-йоркском учреждении – Музей Рериха преобразован в Мастер Институт Объединенных Искусств. Мы сообщили о разрыве всех отношений с мадам и профессором Рерихами. Мадам утратила Связь, которая теперь установлена в Нью-Йорке. Категорический тон произвел на него впечатление. Ояна подтвердила: монгольский проект будет по-прежнему жить и развиваться, но не так, как предполагал Рерих. Я уточнил, что на его проработку уйдет некоторое время. [Стефан] откликнулся: "Да, конечно". Затем с большой серьезностью он повторил свою мысль относительно Рериха о том, что подобные вопросы должны оставаться выше политики, и проиллюстрировал свою мысль выразительным жестом» [23, л. 6-7].

Критика Рериха являлась лишь дымовой завесой. Из беседы явствовало, что все ее участники сами не прочь заняться политическими интригами на Дальнем Востоке. Как специалист по серебру, Хорш сводил канзасский проект к концентрации международного рынка серебра в американских руках. Он неоднократно повторял Рузвельту одну и ту же мысль: «Америка должна стать мировым финансовым лидером» [там же, л. 5]. Под таким углом и были сформулированы его предложения президенту. Главное, следует «надавить» на Китай с целью узаконить там золото-серебряную систему. Это означало введение управляемой валюты, то есть валюты, подтвержденной драгметаллами (приблизительно в таком же процентном соотношении к золоту и серебру, как и в Соединенных Штатах). После Китая нужно «работать с Индией в том же направлении» [24, л. 3-4]. И затем взяться за Англию, предприняв усилия для сосредоточения серебряного рынка не в Лондоне, а в Нью-Йорке.

Эстер Лихтман и сотрудники Музея Рериха
Георгий Гребенщиков, Фрэнсис Грант, Софья Шафран. 1920-е

Итак, проект нового «Канзаса» Хорш свел к серебру. Овладение серебряным рынком и землями, богатыми залежами серебра и золота, – такова суть предложений, развернутых перед Рузвельтом. Кажется, президент сразу же уловил экономическую выгоду для своей страны и принял монгольский проект. Этот проект стал быстро разрастаться, вбирая в себя

не только прилегающие к Внутренней Монголии гобийские земли, но и территории соседних могущественных государств.

«[Стефан] начертил карту Востока и отметил точкой Владивосток. Затем нарисовал Сахалин, Камчатку, Японские острова, Чахар, Суйюань и другие [китайские] провинции. Здесь находятся золотоносные месторождения, которыми хотят завладеть японцы. Если провести окружность от Владивостока, мы как раз получим территорию, на которую имеет виды Япония. Оя[на] отметила, как мудрый шаг, признание Советской Р[оссии]. Стефан отозвался: "Некоторых из сегодняшних лидеров скоро не станет. В любом случае, с ними легче иметь дело, чем с японцами". Он заговорил о консервации земель и указал, что если дело пойдет здесь успешно, то подобный опыт может быть перенесен на Восток» [24, л.2].

Эта историческая беседа состоялась 15 января 1936 года, за две недели до официального закрытия Маньчжурской экспедиции. (Департамент сельского хозяйства обязал Рерихов предоставить отчет к 1 февраля.) Канзасский проект принял ясные очертания. Чтобы окончательно укрепить доверие Рузвельта, Хорш извинился перед президентом, публично признав свои прошлые ошибки. И ошибки эти заключались ни больше ни меньше в том, что Рерих принимал участие в экспедиции на Дальнем Востоке.

«Я принес извинения за монгольский проект... Мне казалось, присутствие Патриарха поможет решить на месте многие вопросы. "30 лет я проработал на валютной бирже и знаю, что нужно быть практичным". Стефан замахал руками: "Не вините себя. Возможно, Патриарх просто перегнул палку". Мы возразили ему: "Нет, нет. Он действовал умышленно".

Оя[на] привела еще несколько случаев вмешательства Патриарха в политику якобы от имени американского правительства. Она упомянула также о 25 миллионах, которые он хотел получить от японцев на ведение подрывной работы. Мы напомнили о проблемах, возникших с Фарро у Уолтера. Стефан откликнулся: "Уолтеру повезло, что он от него избавился". И добавил: "Монг[олия] имеет важное значение с точки зрения России, а не Японии"» [24, л.4-5].

Несомненно, Рузвельт показал себя сильным политиком, а Хорш – удачливым бизнесменом. Что же касается благотворительной помощи в 25 миллионов долларов от правительства Японии, то этот факт могут подтвердить или опровергнуть лишь находки в японских архивах. Следующая встреча с президентом в Белом Доме, еще через две недели, окончательно развела бывших единомышленников. Рузвельт и Уоллес открыто поддержали Хорша в судебном процессе против Рериха.

К отчету экспедиции была приурочена правительственная акция, направленная против Н.К.Рериха. 30 января 1936 года агентство «Юнайтед Пресс» распространило скандальную информацию. Сразу несколько ведущих газет – «Уолд Телеграм», «Сан», «Нью-Йорк Пост» и др. – опубликовали критические статьи. На руководителя экспедиции посыпались обвинения в шпионаже. Заголовки статей выглядели похоже: «Маньчжоу-Го называет Рериха шпионом, Соединенные Штаты расформировали его экспедицию» [25].

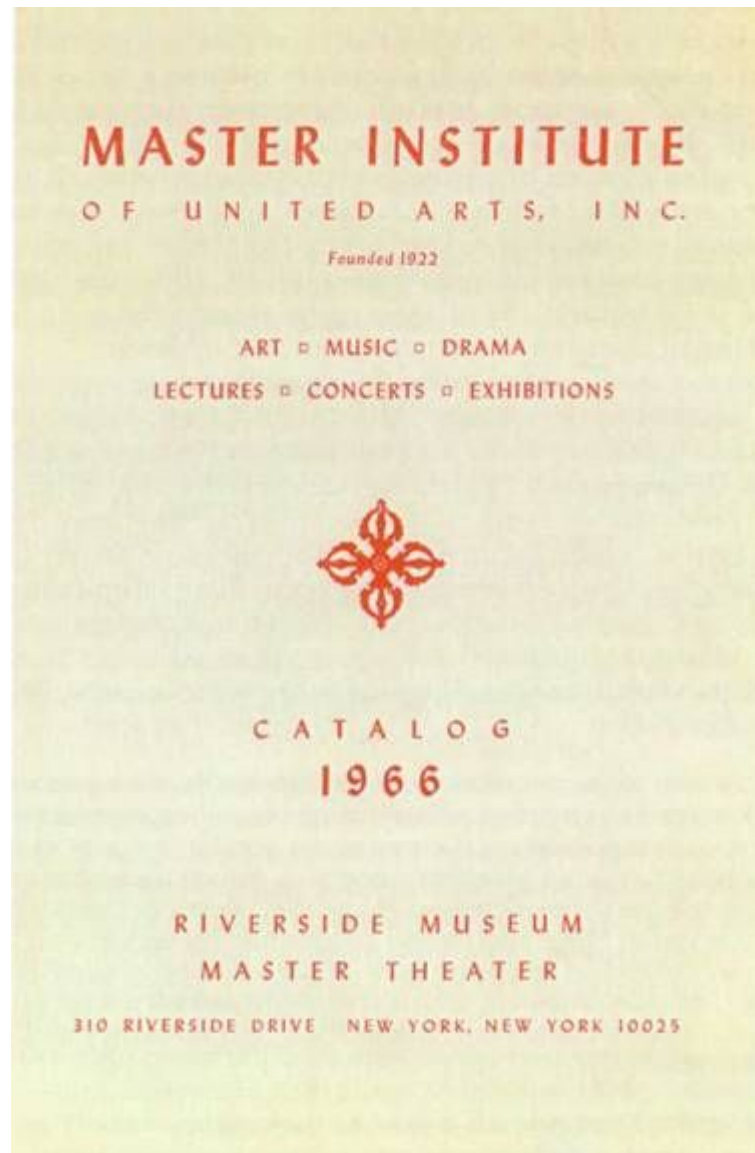
Акция устрашения прошла за неделю до судебного заседания, где главными фигурантами выступали два президента Рериховского музея – действующий и почетный. Суд состоялся в феврале. И накануне американская общественность должна была узнать о нарушителе закона. Рериху инкриминировалась неуплата налогов в сумме 48 тысяч 757 долларов. Он якобы не заполнил налоговые декларации за 1926, 1927 и 1934 годы и обманул государство. Именно в те годы, когда проходили первая и вторая центральноазиатские экспедиции. В действительности все финансовые дела на период отсутствия Николая Константиновича в Америке вел Луис Хорш. Последний как раз и сообщил в Департамент по налогам, что художнику выплачено 250 тысяч долларов за его картины. Хотя оформление бумаг в связи с передачей картин Мастер Институту носило формальный характер.

Большая часть суммы у Рериха пошла на проведение экспедиции по Китайскому Туркестану, Монголии и Тибету. Справедливости ради, нужно признать, что из этих средств был куплен дом в Наггаре, в Индии. По прибытии в Дарджилинг летом 1928-го на экспедиционном счету имелось около ста тысяч долларов [26]. Но правда заключалась и в другом – расходы на научные экспедиции по закону не облагаются налогом. Просто-

напросто документы были оформлены таким образом, что Рериху выделялась ссуда. Экспедиция обеспечивалась его художественными трудами. Невзирая на джентльменские договоренности, Хорш обратился в суд. Потрясенный этим известием, Рерих писал в декабре 1935-го:

«Господин Хорш, подобно братоубийце, предпринял действия против своих соратников, с которыми проработал много лет, против всей группы людей, с самого начала самоотверженно служивших делу культуры... Его братоубийство – это намерение показать, что он всё создал один. Но он пришел собирать урожай, который уже был посеян без него. Никто не забыл его доллары. Мы всегда готовы по достоинству оценить его дар Музею, потому что то был не просто личный дар, а пожертвование Институту. Сейчас, однако, высокий статус Института снижается до категории объекта частной собственности, в котором вдруг становится виден кулак тирана-хозяина» [27].

На правительственном уровне непримиримо столкнулись культурные, духовные устремления с материальными интересами. Защитники культуры в 1936 году проиграли суд. Слушания проходили на протяжении еще нескольких лет, неоднократно подавались апелляции в высшие судебные инстанции. Против Рериха работала целая государственная машина. Орудием борьбы стал Генри Уоллес. Совершенно очевидно, сведения о шпионской деятельности Рериха для прессы предоставил Департамент сельского хозяйства. Сотрудники Николая Константиновича забросали Уоллеса телеграммами. Они требовали, чтобы министр «публично опроверг эти инсинуации и принес бы извинения» [28]. Газеты вскоре поместили опровержения. Однако дело было не только в Уоллесе. Нити вели в кабинет президента Соединенных Штатов.

Мастер Институт Объединенных Искусств.
Обложка каталога на 1966 год

За два дня до начала информационной войны, 28 января 1936 года состоялась встреча Рузвельта с Уоллесом, Хоршем и Эстер Лихтман. Беседа полностью была посвящена Рериху. Каждый из ее участников сказал свое веское слово. Хорш скрупулезно зафиксировал всё на бумаге.

«Заговорили о Патриархе – о тех 25 миллионах долларов, которые он хотел получить от Патронов (т.е. японцев – *B.P.*), о заигрываниях с Родственниками (большевиками), заигрываниях со всеми правительствами; о том, что Ам[ерика] должна признать Маньч[журию]...

[Стефан] спросил: "Где Р[ерихи] сейчас?" Г[алахад] предостерег: "Патриархи – опасные люди". Упомянули о посещении [ими] в 1926 году страны Родственников для получения Работы... Стефан произнес: "Экспедиция за травами ударила им в голову". Я добавил: "Она также ударила в голову Мэри". [Стефан] утвердительно кивнул...

Г[алахад] сообщил об отзыве экспедиции с 1 февраля 1936 года. Стефан отозвался: "Мы больше не нуждаемся в его услугах". Я рассказал [Стефану] о судебном процессе, решение в котором предстоит вынести судье Р. Он ответил: "Это просто. Я помогу". И написал для себя имя [судьи] Р. на листке бумаги. Мы попросили позволения держать его в курсе тяжбы, и он дал согласие» [29].

Как видно из записей Хорша, в том числе и последующих, Рузвельт вмешался в судебное разбирательство. Е.И.Рерих и Н.К.Рерих, каждый по отдельности, в декабре 1935-го и в январе 1936-го направили американскому президенту письма с разъяснением ситуации

вокруг Музея и экспедиции. Но ничто не могло уже повлиять на итоговое решение. После суда Хорш и его неизменная спутница Эстер Лихтман нанесли визит вежливости Рузвельту. «Мы поблагодарили его за помощь с [судьей] Р. Он радовался, что мы выиграли процесс» [30].

Общими властными усилиями Рерих был низвергнут. Музей его имени получил название – Риверсайд музей. Вождь культуры сменился, и Рузвельт выдвинулся «пророком Новой Эры» [там же]. Произошли и другие удивительные метаморфозы. Проект «Канзас», предложенный Рерихом, закрылся вместе с экспедицией. Новый «Канзас» стал набирать силу. Мастер Институт реорганизовал свою структуру и сохранил культурную направленность. В его стенах продолжилась образовательная деятельность, устраивались выставки, концерты, лекции вплоть до середины 1970-х годов. Хорши выступили против Рерихов, но «не повернули против Учения». Нетти Хорш до последних лет жизни (умерла в 1991-м) «всё еще хранила книги Учения, и портрет Учителя висел в ее спальне» [31]. «Законные» владельцы Мастер Билдинга были абсолютно уверены, что через них осуществляется миссия Махатм. Франклин Рузвельт регулярно получал «автоматические» письма в 1936 и 1937 годах. Таких посланий насчитывается не менее десятка. В них затронуты темы политики, экономики. Америке предрекается светлое будущее, как «Избранной Земле». И повсюду прославляется «Пламенное Сердце президента Рузвельта» [32].

Духовная «помощь» главе государства, видимо, сохраняется и в последующие годы. В архиве Рузвельта отложилось несколько писем Эстер Лихтман начала 1940-х. Стилль этих писем подсказывает, что отношения с президентом остаются накоротке [33]. Эстер даже собирается послать Рузвельту корзинку с клубникой со своей фермы. Луис Хорш к тому моменту уже занимает важные посты. С 1938 года он является советником министра Уоллеса, членом ряда правительственных программ по продовольствию, с 1942-го – менеджером Совета по экономике в период военных действий, и в 1945-м назначен директором Департамента торговли при правительстве Нью-Йорка.

Существует еще одна поразительная метаморфоза. Очевидный крах проекта «Канзас» и разгром Рериховского музея не стали непоправимой трагедией. Это всего лишь упущенные возможности. На Гималаях Рерихи верят в 1936 год, надеются на воплощение Великого Плана. Их уверенные голоса долетают до Америки. Для примера приведем фрагменты из переписки Юрия Рериха и Фрэнсис Грант, двух координаторов Маньчжурской экспедиции.

«Примите наши поздравления в канун Великого Года. Несмотря на невиданное предательство, мы уверены в конечной победе» (Ю.Н.Рерих, 24.12.1935) [34].

«Сердце обливается кровью, когда подумаешь, какие чудесные возможности были упущены из-за предательства. Однако ваши полные энтузиазма письма говорят мне, что возможности не потеряны, а лишь отсрочена их реализация, и что надежды, которые мы выражали в наших беседах 1934 года, должны осуществиться» (Ф.Р.Грант, 18.5.1936) [35].

«В последних письмах вы говорите о наших беседах 1934 года. Мы по-прежнему работаем в этом направлении, хотя прекрасная возможность была утеряна в 1935 г. в связи с действиями Гал[ахада]. Происходят великие перемены, и рождается Новая Страна» (Ю.Н.Рерих, 22.6.1936) [36].

Завершая заключительную главу, остается констатировать бесспорный факт. Идея Новой Страны переходит в разряд «прекрасных возможностей». У Рерихов она осталась неосуществленной. Последние 12 лет жизни Николая Константиновича в Кулу добавляют новые загадки. Только дальнейшая судьба всей семьи и каждого ее члена в отдельности может дать нам слабую надежду – понять мечту о Звенигороде. Но это уже именно то, что находится вне пределов времени, за рамками Маньчжурской экспедиции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ ДЕЛАНУ РУЗВЕЛЬТУ

I.

Елена Рерих

12 декабря 1935

С полным доверием и открытым сердцем, но на этот раз в глубокой печали я пишу Вам. Уже несколько месяцев я пытаюсь найти возможность предупредить Вас, что те двое, которые передавали мои послания, оказались предателями на 14-м году сотрудничества, и я вынуждена лишить их моего доверия.

Поддавшись жадности и амбициям, они нарушили святое доверие и передали Вам в апреле свой собственный совет относительно некоторых финансовых вопросов (серебро), выдавая его как исходящий через меня из Истинного Источника. Этот Источник предупредил меня о совершенном предательстве, и мне было приказано запросить их, оба они признались мне письменно, что передали Вам свое собственное послание, создавая у Вас впечатление, что оно исходит из Истинного Источника через меня.

Я была потрясена и возмущена таким предательством и немедленно телеграфировала о запрещении передавать какие-либо послания без полного моего ведения и предварительного на то разрешения. Эти двое очень хорошо знали, что по всем вопросам они должны обращаться ко мне, более того, один из них должен был возвратиться сюда летом и привезти с собой возможные вопросы. Когда они увидели мое возмущение их поступком и осознали серьезное последствие последнего, то, движимые страхом и ненавистью, вступили на путь открытого предательства и решили не только порвать с нами все отношения, но и начать отвратительную кампанию по дискредитации нашего имени, чтобы уничтожить нас как свидетелей их предательских действий.

В своей ненависти они не останавливаются ни перед чем. Г-н Х[орш] воспользовался отъездом в экспедицию Основателя Учреждений и снял его имя. Далее, имея с 1923 г. все полномочия нашего адвоката и постоянно контролируя наши личные счета и налоги, вдруг, спустя 9 лет, ложно представил в Налоговый Департамент фонды экспедиции за 1926 и 1927 годы (когда мы были в Тибете) как наши личные доходы, вводя нас в заблуждение все эти годы, что наши налоговые дела в порядке. В результате его действий на нашу собственность – наши картины в Америке – без предварительного уведомления был наложен арест. Это всего лишь два примера того, на что они идут, чтобы дискредитировать наше имя. Такова месть людей, чье предательство было раскрыто.

Я пишу Вам всё это, чтобы предупредить Вас, что Послания не могут передаваться через этих лиц. Символ Иуды и Девадатты вечен; и все-таки, независимо от того, насколько трудны для нас сейчас времена, мы знаем, что правда и справедливость восторжествуют. Не легок путь тех, кто ныне несет новые идеи и прокладывает ступени для нового сознания человечества. Но идеи движут миром, и так продвигается эволюция.

Я особенно огорчена тем, что не могла предупредить Вас раньше и не могла связаться с Вами, в то время как мое сердце стремилось передать Великие Слова на рубеже наступающего важного Года. Никакие человеческие доводы не могут решить проблемы современного мира. Только Те, Кто стоит на страже, знают, куда повернется Колесо Необходимости.

Пусть Высочайшее Благословение остается с Вами.

Я знаю, Ваше великое сердце поймет.

С полным доверием.

P.S. Если Вы одобрите этот канал, Послания можно будет посылать снова.

2.

Николай Рерих

Наггар, Кулу, Пенджаб,
Британская Индия
3 января 1936

Уважаемый господин Президент!

День 15 апреля 1935 года был одним из самых памятных в моей жизни. Под Вашим высоким покровительством в Белом Доме был подписан Пакт о Защите Культурных Ценностей. Как долго я ждал возможности увидеться с Вами лично и от всего сердца выразить Вам мое уважение и глубокую благодарность.

Тогда я не мог ожидать, что буду вынужден беспокоить Вас этим письмом – криком моей души – и вызывать к Вашей справедливости и защите. В Вашем лице находит выражение вся нация. Обстоятельства вынуждают меня рассказать Вам о той тяжелой ситуации, в которую я попал по злому умыслу моего бывшего сотрудника, которому я полностью доверял.

Как Вы, возможно, слышали, наша Центральноазиатская экспедиция продолжалась с 1923 по 1929 год, и ей было посвящено довольно большое количество публикаций. Эта экспедиция была организована Американским институтом и финансировалась на американские деньги. Сейчас, спустя девять лет, г-н Хорш, имевший от меня доверенность на право распоряжения моим имуществом и занимавшийся моими финансовыми и налоговыми делами, представил Федеральной налоговой инспекции суммы, потраченные на эту экспедицию, как мои собственные доходы. В результате этого действия в мое отсутствие на мое имущество в Америке был наложен арест. У меня нет иного имущества кроме моих картин, они являются единственным источником моего дохода. Но самая печальная сторона этого дела заключается в том, что такой арест обычно налагается только в случае умышленного уклонения от уплаты налогов. Возможно ли, чтобы я, в возрасте шестидесяти одного года, получив международное признание, оказался виновен в таком злом умысле. Только враждебность, зависть или подлая месть могут привести к такой трагической ситуации, направленной на то, чтобы запятнать мою репутацию, в течение 62 лет остававшуюся безупречной. Я всегда писал о Соединенных Штатах с таким искренним энтузиазмом, и именно Соединенным Штатам я отдал лучшие результаты своей творческой работы. Известно, что мы провели два года, о которых идет речь (1926 и 1927), в Центральной Азии и Тибете, и большую часть времени находились в местах, отрезанных от внешнего мира. В различных публикациях рассказано об огромных трудностях, которые нам пришлось перенести. Мы жили в палатках в суровую зиму на высоте 15000 футов. Известно, как мы потеряли весь караван и пять наших людей. И как раз в то самое время, когда мы чуть не погибли, когда г-жа Рерих навсегда потеряла свое здоровье, меня обвинили в уклонении от уплаты налогов. Известно, что отпущенные на экспедицию средства не облагаются налогом. Кроме того, эти средства были собраны для экспедиции в то время, когда я находился в Азии и деньгами распоряжался исключительно г-н Хорш. Отправившись в экспедицию и вернувшись в Соединенные Штаты, я имел все заверения со стороны г-на Хорша, что все было в порядке, и что освободить меня от всех финансовых забот, взяв их в свои руки, было для него особой привилегией, как он писал в своих письмах.

Таким образом, после пятнадцати лет деятельности, посвященной Соединенным Штатам, мне предъявлены обвинения, я оказался в очень тяжелом положении. На карту поставлена вся моя репутация. Я не располагаю каким-либо капиталом и во время моей Центральноазиатской экспедиции я не получал жалование. Даже для того чтобы нанять адвокатов, я сейчас должен обратиться за помощью к своим друзьям, которые сами ограничены в средствах. После 45 лет моей культурной, образовательной и творческой работы, признанной во всех странах мира, меня обвиняют в действиях, которые полностью противоречат моему кредо. Я верил человеку, который этого не заслуживал и который ради своих злонамеренных целей сейчас пытается исказить истинные факты. Но мое сердце не потеряло веру в людей.

Все обстоятельства этого беспрецедентного случая столь необычайно трагичны, что я

вынужден обратиться к Вам, г-н Президент, так как в моей стране России у нас было право в чрезвычайных случаях обращаться к нашему Императору. С самого начала моей деятельности у меня всегда был большой интерес к Соединенным Штатам. Даже первая выставка американского искусства в Санкт-Петербурге 37 лет назад была организована благодаря моим усилиям. Язык Искусства и Науки – это язык Мира и Доброй Воли. А сейчас все мои лучшие надежды растоптаны злой волей одного человека.

Господин Президент, я взываю к Вашему сердцу, к Вашей безграничной справедливости. Ваше справедливое слово рассеет эти темные облака. Я уверен, что это обращение не останется без ответа и что в историю Искусства и Культуры не будет вписана еще одна трагическая страница.

Мои многочисленные американские друзья и верные соратники могут представить Вам все факты такими, каковы они есть.

Эти враждебные нападки привели к опасному ухудшению здоровья г-жи Рерих. Она так любит Америку и видит в Вас Великого строителя новой эры человеческого прогресса.

Мы знаем, что Свет всегда побеждает тьму и справедливость должна восторжествовать.

Я взываю к Вашему сердцу.

С верой и надеждой

Николай Рерих

NRM. Машинописная копия

3.

Зинаида Лихтман

21 июля 1936

Меня глубоко тронуло Ваше сочувствие по поводу сложившейся сегодня серьезной ситуации, с которой мы столкнулись, и огромной несправедливости по отношению к Основателям организации, Николаю и Елене Рерихам. Я изложу мои ранние доводы с некоторыми деталями, которые, я уверена, полностью объяснят причины возникновения данной ситуации.

Как я уже упоминала, в течение 13 лет мистер Хорш все время относился с уважением и пониманием к профессору Рериху и мадам Рерих. Поверив в его искренность и желание помочь, профессор и мадам Рерих полностью доверились ему. Профессор Рерих даже передал ему все полномочия по ведению дел, и Хорш постоянно занимался этим с 1923 года. Мы сами, три доверенных лица, с полным доверием следовали его рекомендациям, как финансового, так и юридического характера. Именно поэтому, когда мистер Хорш в прошлом феврале выступил на собрании Доверенных лиц и сообщил, что для принятия мер по реорганизации здания необходимо, вместо профессора и мадам Рерих, находящихся за пределами Америки, выбрать других лиц, которые будут подписывать юридические документы, мы согласились сделать это, поверив в такую необходимость. Он уверил нас в том, что это временные меры и что сразу же по завершении реорганизации Основатели будут восстановлены в своих правах Доверенных лиц.

В качестве заместителей он предложил своего родственника и одну из своих помощниц, мисс Э.Дж.Лихтман. Только после завершения реорганизации и реставрации здания на условиях, обещавших большие перспективы, мистер Хорш дал понять, что он имел совершенно четкие цели. Выбрав именно этих помощников, он хотел, чтобы большинство Совета Доверенных лиц было на его стороне. Воспользовавшись этим приемом, он мог принимать решения, за которые проголосует большинство. Стало совершенно очевидно, что его единственной целью является отставка оставшихся Доверенных лиц и полная передача здания в его распоряжение. Мы, трое Доверенных лиц, случайно узнали об этих намерениях и решили передать дело в суд. Слушание должно было состояться 17-го января. В прошении, переданном в суд, мы заявили, что намерены сделать всё, что в наших силах, для того чтобы защитить работу, которой мы в течение 15 лет занимались под руководством Николая Рериха.

С целью добиться большего эффекта своих действий, мистер Хорш посетил друзей и

знакомых профессора Рериха, а также наших друзей и знакомых, где с пренебрежением отзывался о профессоре Рерихе – любыми способами пытаюсь опорочить его доброе имя и его бескорыстный и великий труд в области искусства и науки.

Эти злобные попытки опорочить профессора и мадам Рерих и нашу работу стали нам известны через наших друзей, выразивших огромное возмущение предательством, совершенным в отношении Основателей в их отсутствие. Профессор и мадам Рерих не могут защитить сами себя и полагаются только на преданность тех, кто остался верен их идеалам, а также тому бескорыстному и достойному труду, которым в течение последних 15 лет они занимались на благо Америки.

Среди обвинений, выдвинутых мистером Хоршем против профессора Рериха, были «неприятности с выплатой подоходного налога». Это показалось нам довольно странным, поскольку именно мистер Хорш занимался всеми финансовыми делами профессора Рериха в его отсутствие. Таким образом, в обязанности мистера Хорша входила ответственность за ведение всех дел профессора Рериха в это время.

Что скрывалось за этими заявлениями мистера Хорша, мы узнали в начале декабря, когда получили две телеграммы от 28 ноября 1935 года, которые отправил нам профессор Рерих. В них говорилось:

«Федеральный Департамент по налогам требует немедленной уплаты Ваших налогов и заполнения деклараций за 1926 и 1927 года. Сумма составляет 48195 долларов, а также 562 доллара за 1934 год. Хорш»

«Федеральный Департамент по налогам наложил арест на Ваше личное имущество в Америке до полной выплаты Вами налогов. Хорш»

Таким образом, становится ясно, что делались попытки намеренно запутать профессора Рериха, а также сделать его ответственным за то, чем, в силу своих обязанностей, должен был заниматься мистер Хорш.

Несомненно, правительство было введено в заблуждение полученной информацией, поскольку абсолютно непонятно, на каких основаниях мог быть рассчитан такой налог. Мы уверены, что правительство Соединенных Штатов не станет намеренно преследовать художника и ученого, который в течение 15 лет, часто с риском для жизни, посвящал всего себя и свои труды на благо развития Американской культуры.

С 1923 по 1928 год профессор Рерих находился в экспедиции, направленной музеем Рериха в Центральную Азию. В течение 1926 и 1927 годов, а также небольшого периода 1928 года, профессор Рерих пребывал в Китайском Туркестане, Монголии и Тибете. Как известно, он находился в очень труднодоступных для связи местах, несколько раз мы вообще думали, что он не сможет вернуться. Он, как и все исследователи, испытывал доселе неизвестные, почти нечеловеческие трудности. Дважды, а именно в 1926 и 1927 годах, местные условия не позволяли ему выходить на контакт. Лишения в этот период стали причиной гибели всех животных в караване, а также пяти участников экспедиции.

К телеграммам мистера Хорша, которые мы получили, профессор Рерих приложил свое письмо: «Вам известно, что фонды, полученные мной от Музея, использовались исключительно на нужды экспедиции. Я не получал жалованья, и в течение всех пяти лет я использовал свои личные сбережения для завершения экспедиции. Никто не может сказать, что я брал средства для себя лично. Длительное время мы находились в очень удаленных местах без средств связи и были в полной власти местных условий и существующих обстоятельств. Смерть нашего каравана из 100 животных, а также пяти участников экспедиции получила широкую огласку в прессе. Тем не менее, несмотря на все эти трудности и опасности, мы закончили работу, которая, как мы уверены, принесет пользу Америке. Мне не известно ни одного случая, когда бы человек, посвятивший всю свою жизнь работе на благо общества, подвергался бы таким преследованиям, особенно во время его пребывания в неисследованных районах Тибета».

В период с 1926 и 1927 годов, о котором идет речь, профессор Рерих дважды возвращался в Америку, а именно в 1929 и 1934 годах. Очевидно, что если бы в отношении подоходного налога профессора Рериха возникли какие-либо проблемы, мистер Хорш имел возможность попросить его лично предоставить интересующую его информацию и

прояснить обстановку. Мистер Хорш, однако, ни разу не проявил интереса по этому поводу. Более того, трое Доверенных лиц, включая мистера и миссис Лихтман, а также мисс Грант, по очереди участвовали в работе экспедиции в Центральной Азии в 1926-1928 годах. Таким образом, мистер Хорш, наделенный полномочиями решать юридические вопросы профессора Рериха, имел возможность получить с их помощью интересующую его информацию. Также непонятным остается то, почему мистер Хорш, занимавшийся налогами профессора Рериха с 1925 года, пропустил 1926, 1927 и 1934 года, хотя во все остальные годы налоги платились исправно. Если бы мистер Хорш не собирался намеренно повредить профессору Рериху, он бы проинформировал его или же спросил его совета. Нам приходится, таким образом, признать, что совпадений здесь нет, и мистер Хорш прилагал все усилия для того, чтобы навредить профессору Рериху и претворить в жизнь свой план исключить из Совета профессора и мадам Рерих, а также и нас, их помощников.

Кроме того, достойно сожаления то, что министр Уоллес, в течение девяти лет бывший горячим поклонником профессора Рериха, культурного лидера и создателя Пакта Рериха, подпал под влияние мистера Хорша и его помощников, вследствие чего изменил свое отношение к профессору и отказал нам в возможности защититься от обвинений мистера Хорша.

Кажется невозможным, что человек такого международного значения, как профессор Рерих, посвятивший всю свою жизнь служению человечеству и 15 лет отдавший работе на благо Америки, может быть просто выкинут из организации, которую он создал и которая впоследствии развивалась на основе его идеалов. Кажется невероятным, что какое-либо правительство может так несправедливо обойтись с человеком во время его отсутствия, и в особенности с человеком, бескорыстно посвятившим себя работе во благо прогресса человечества.

Благодарю за возможность объяснить Вам ситуацию, а также надеюсь на Вашу поддержку в том, что касается идей культуры.

Искренне Ваша

Зина Лихтман

NRM. Машинописная копия

4.

Эстер Лихтман

Нью-Йорк, 29 апреля 1942

Дорогой господин Президент,

Прошу простить меня за то, что я воспользовалась покровительством вице-президента и попросила его передать Вам это письмо. После ухода мистера Кани у нас больше нет возможности выходить на контакт с Белым Домом, именно поэтому я осмелилась на этот дерзкий шаг. Однако я смиренно прошу Вас простить вице-президента, поскольку мне известно, что нет человека более верного и признательного Вам, нежели он.

Хотя мы и лишены огромной привилегии видеть Вас лично, Вы продолжаете находиться среди нас, поскольку живете в наших сердцах и мыслях. Мы искренне восхищаемся Вашей работой, Вашими мудрыми решениями и Вашей уникальной способностью управлять страной в этом мире, полном хаоса.

Я бы хотела привлечь Ваше внимание к некоторым фактам. Мы поддерживаем контакты с Латиноамериканскими ассоциациями, и через них мы узнали, что Фрэнсис Р. Грант, «дама», прибегавшая во время последней кампании к шантажу, совершила турне по Южной Америке, профинансированное Синдикатом Херст Ньюз. Ее цель – антирузвельтовская, антиправительственная пропаганда. Ее атаки, в основном, направлены на нашего любимого Президента. Станным, с нашей точки зрения, является факт, что она не нападает на вице-президента, которого также ненавидит.

Находясь в Индии, Рерих, несомненно, что-то замышляет. До нас дошли слухи о том, что за несколько дней до событий в Пирл-Харборе в одной из русских газет появилась статья, подписанная Рерихом, в которой он поощрял действия Японии, оккупировавшей

Маньчжурию. Примерно тогда же, когда мы разорвали наши с Рерихом отношения, он выступал за то, чтобы Япония захватила Сибирь, и тогда он бы сделался «белым царем»... Британские власти в Индии, а также наши представители, должны быть в курсе его деятельности.

А теперь – моя небольшая просьба. Я вывела замечательный вид клубники. Поскольку я уверена, что ее вкус понравился бы даже королю, я бы хотела, чтобы несколько этих растений были и у Вас. На следующей неделе я еду на свою небольшую ферму в Адирондаксе, чтобы заняться там весенними посадками. Я была бы просто счастлива, если бы смогла привезти или послать Вам молодые растения, если на то будет Ваше разрешение. Прошлым летом у меня была мечта – преподнести Вам полную корзинку, но я не знала, как это лучше было сделать. Я надеюсь, моя мечта осуществится в конце этого июня.

Примите мою глубокую признательность. В своих молитвах я прошу Бога благословить Вас. Вы нужны нам всем, Вы нужны миру. Мистер и миссис Луи Хорш присоединяются к моим пожеланиям.

Всем сердцем Ваша

Эстер (Эсфирь) Дж. Лихтман

Franklin D. Roosevelt Library in Hyde Park, New York. F. 723

*Перевод с английского
Татьяны Самариной*

Николай Константинович Рерих. Индия, 1930-е годы.
Фотография из собрания Музея Рериха в Нью-Йорке

ДОРДЖЕ ДЕРЗНУВШИЙ И НОВАЯ СТРАНА ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ

Заключение

После разрушительного вихря, пронесшегося через нью-йоркский Музей в середине 1930-х годов, Америка уходит из Великого Плана Рерихов. Наоборот, Советская Россия окончательно выдвигается на передовой рубеж, даже невзирая на сталинские репрессии. За годы эмиграции мировоззренческая позиция Н.К.Рериха неоднократно меняется. Николай Константинович проявляет удивительную политическую гибкость. Непримируемость к большевикам – в начале эмигрантского пути, и предпочтение Советов в конце жизни. (Такие колебания повторяются в период между Тибетской и Маньчжурской экспедициями.) Нужно быть справедливым, это – не отрицание или вера во власть как таковую, а признание будущей миссии русского народа. Именно ему, народу, предстояло сокрушить, по выражению Рериха, «дракона фашизма». И уже после армагеддона, опустошительных сражений в Европе, начать созидание «Новой Страны». Недаром перед великой войной в Русском зарубежье оживают мотивы «Града Китежа».

Изменчивое отношение к власти у Рериха меняет и его представление о «Новой Стране». Он идет на ощупь, интуитивным путем. Великий План постоянно трансформируется. Отсутствие застывшей константы указывает на духовную зрелость. В его идеальное государство вплетаются тибетские, монгольские и сибирские элементы. Вокруг Алтая собираются буддийские и христианские народы. Звенигород – это русская идея.

Рериховское построение Новой Страны, на первый взгляд, попадает в разряд утопий. Известно, идеальные государства Платона и Конфуция являются продуктом философской теории. Вслед за мыслителями шаг вперед сделали иезуиты, они осуществляли христианский идеал Царства Божия в Латинской Америке. Рерих пошел еще дальше, от теории к действию. Сам манифестировал идею и сам ее воплощал. На практике он старался выстроить межгосударственные отношения, заложить кооперативы и банки, открыть промышленные корпорации, насытить мир образами красоты. Художник не только писал картины, но и вел переговоры с императорами, президентами и министрами. Активность Рериха в Азии образует особый вид деятельности, который уже нельзя назвать утопическим.

В современном мире представление об утопии имеет снисходительный оттенок, оно связано с чем-то фантастическим и нереальным. «Слово "утопия" стало именем нарицательным для чего-то неосуществимого, оторванного от действительности» [1]. У Рериха всё иначе. Учение Живой Этики, внесенное им в жизнь, добавляет необходимую духовную компоненту – рост сознания. Постоянное обновление человека не имеет ничего общего с утопией. Такому новому явлению пока еще нет достойного названия в обществе.

Что касается воплощения самой идеи Сибирского государства, то ее не следует ограничивать временными рамками, периодом одной человеческой жизни. Внешне неудавшаяся попытка, как бы нечто незавершившееся – это тоже социальный опыт. Возможно, смысл миссии Рериха состоял в «цементировании пространства», закладке новых возможностей на будущее.

В книге «Вестник Звенигорода» неоднократно упоминалось о странном совпадении идей. По сути, Великий План Рерихов на первом этапе перекликается со смелой мечтой барона Унгерна – возрождение империи Чингисхана. Также личность Уоллеса-Галахада выходит на историческую сцену одновременно с созданием французского режиссера Жана Кокто, в его пьесе «Рыцари Круглого Стола» появляется Лже-Галахад.

Но самое поразительное совпадение относится к книге русского генерала П.Н.Краснова. Кадровый военный становится известным писателем-эмигрантом. В 1922 году выходит в свет его фантастический роман «За чертополохом» (написан в 1921-м). В Русском зарубежье этот роман на редкость популярен.

Главный герой произведения – художник Коренев, оказавшийся в эмиграции. Он отправляется на Восток, гонимый тоской по родине, по угасшей, умершей России.

Коммунистическая фактория отгорожена от всего остального мира погибельной черно-серой пустыней. Вдоль безжизненной земли плещется лиловое море чертополоха. Огромные растения, как лес, с колючим стеблем и розовым цветком, преграждают путь. Но художник решается на опасное путешествие. «Вы едете в новую страну» [2]. Коренев устремляется в Россию, после мечтает достичь Индии с востока, вопреки Колумбу, который шел когда-то на запад.

Автор романа рассказывает о возрождении России. И художник Коренев является участником этих событий. Другой герой, атаман Аничков, после революции воевавший с большевиками в Туркестане, отправился в Лхасу к Далай-ламе. В тибетском глухом монастыре Бог-до-Оносса он встретил царственных особ, князя Михаила с сыном. От буддийских монахов получил там тайные знания и приуготовился для освобождения родины. Со всего света в монастырь стали собираться эмигранты, остатки Белой армии. Какая-то сила влекла их через Гималаи.

Сюжетная линия романа завершается необычным образом. Происходит чудо – пришествие русского царя-освободителя. «Император появился в Туркестане. Он сошел с Алатауских гор, а туда, по словам одних, прибыл из Лхасы... И это всё сделал юноша, почти ребенок, назвавший себя императором и таинственно появившийся из недр Центральной Азии. Похоже на сказку!» [2]. Однако неожиданная интрига запрятана в конце романа. Европа, отказавшись от войны с Россией, подписала «Пакт мира». Китай уступил новой стране пустыню Гоби, которую русское правительство захотело обратить в «тучные нивы». Под руководством химика Берендеева найден новый элемент, кристалл «водий». Достаточно одну крупинку кристалла закопать в песок, чтобы он стал влажным. «Мы будем сеять воду в пустыне» [2]. Речь идет о пустыне Гоби. На ее окраинах установлены пограничные столбы с надписью: «Воеводство Далай-ламы».

Столь пространное изложение на этих страницах деталей романа Краснова «За чертополохом» вполне оправдано. Его сюжет безошибочно напоминает долгое странствие Рериха по Центральной Азии. Здесь предсказано многое – и белый царь в Сибири, и Пакт Мира, и программный очерк «Да процветут пустыни!» и, конечно, Западное далай-ламство. За чертополохом – Новая Страна. Добавим, что Рериху была хорошо знакома личность Краснова и его книги. В своих письмах Николай Константинович упоминает имя генерала неоднократно [3].

Явные параллели дают богатую пищу для размышления. У кого-то обязательно возникнет подозрение в плагиате. Налицо слишком много совпадений. С другой стороны, можно ли подвергать сомнению, например, факты, когда научные открытия совершаются одновременно в разных частях планеты. Такие исторические примеры известны. Идеи как бы носятся в воздухе. Вполне вероятно, поток из пространства доносил мысли о Новой Стране и барону Унгерну, и генералу Краснову, и художнику Рериху.

В случае с Рерихами определенно имеется Источник знаний. Они сами говорят о связях с Махатмами. Это вопрос веры, в широком смысле – вопрос ученичества. Только через оценку творчества можно добраться до этого высокого Источника. Множество картин Н.К.Рериха посвящено Шамбале и Майтрейе. На полотнах проходят лики святых и подвижников – Сергия Радонежского, Франциска Ассизского, Лао Цзы, Конфуция, Рамакришны. Вся святость и все подвиги проистекают из Твердыни Шамбалы. Оттуда, из «Обители Света» направляются даже шамбалинские войны. Идея Новой Страны возникла тоже под знаменем воинственного Ригден Джапо, грядущего Будды Майтрейи.

Самая большая трагедия Рериха связана с разрушением Музея его имени и имеет прямое отношение к Шамбале. Нью-йоркский небоскреб, который венчало подобие ступы, – это прообраз дозорной Башни. О ней упоминается в текстах Агни-йоги. В Гималаях трудятся охранители мира, в Америке стояли на дозоре культуры. Уже после проигранных судов за обладание зданием и картинами Николай Константинович доверительно писал своему сотруднику Клоду Брэгдону:

«Теперь я хочу сказать вам нечто очень важное... В предыдущем письме вы правильно заметили, что Хорш потерпел поражение, и он знает об этом. Конечно, так оно и есть, по следующей причине. Среди картин, представленных в музее, который Хорш уничтожил,

находились картины с образами и знаками Шамбалы. Эти образы и знаки были даны специально для того, чтобы заронить представление о Шамбале в сознание американской нации. Мне не надо останавливаться на огромном значении этого Послания. Вы знаете, как оно важно. И Хорш это знал и, тем не менее, присоединился к темным силам, чтобы перечеркнуть страницу ненаписанной истории. Таким образом, Хорш не только незаконно присвоил акции и картины, но также и злонамеренно уничтожил Священное Послание Шамбалы» [4].

Имелись в виду, в первую очередь, картины «Сокровище горы», «Сжигание тьмы», «Дозор Гималаев», «Весть Шамбалы». Рерих назвал это письмо «историческим», оно завершило давно начатую тему. Музей действительно строился в виде Башни, или Дома Учителя. В его основание был установлен закладной камень. На церемонии присутствовало около пятисот человек, и состоялась она 24 марта 1929 года. Дату устроители выбрали не случайно. Ровно девять лет назад, день в день, Рерихам были даны первые записи Учения Живой Этики. Также и само здание Музея в Нью-Йорке по первоначальному проекту составляло 24 этажа. Луис Хорш заложил в угол небоскреба под вспышки софитов раджпутский железный ларец, сделанный способом ручнойковки и искусно инкрустированный золотом и серебром. Собравшимся было объявлено, что реликвия недавно «получена из Малого Тибета» [5]. З.Г.Лихтман в своем дневнике написала о «ларце Учителя». В нем находились фотографии рериховской экспедиции по Центральной Азии, тибетские монеты и письмо о Новой Стране. По утверждению Е.И.Рерих, последний документ являлся личным посланием Гималайского Махатмы. Вполне вероятно, копию именно этого послания Кэтрин Кемпбелл получила из Калимпонга в 1949 году, когда усилиями верных учеников Елены Ивановны возрождался Музей Рериха. «Для прогресса Лучшей Страны возведите Храм Родителей» [6]. Напомним, что над главным входом в небоскреб был сделан витраж с символическим изображением Отца и Матери, то есть Н.К. и Е.И.Рерих. Они держат в руках макет будущего звенигородского храма.

Зинаида Лихтман и Фрэнсис Грант
у ларца с реликвиями. Нью-Йорк, 1929.
Фотография из собрания Музея Рериха в Нью-Йорке

Установка закладного камня. Нью-Йорк, 1929.
В центре Луис Хорш с ларцом

Импульсируемый идеей «Новой Страны», монголо-сибирского государства на просторах Азии, Николай Константинович отправился на переговоры в Москву, а затем в Лхасу. Тибетская экспедиция постепенно превратилась в дипломатическую миссию. От имени Западного Далай-ламы, Рета Ригдена, Рерих намеревался предложить Владыке Тибета союз для покровительства буддийскому миру. Подобная дипломатия хорошо согласуется с рериховской родословной. Это вековой опыт налаживания межгосударственных отношений, отложившийся в генах. Герб рода Рерихов украшен пальмовыми ветвями. Согласно генеалогическим изысканиям, ветви указывают на владение предками искусством дипломатии. Рерих сумел поддержать традиции рода. Его переговоры на Востоке и на Западе только подтверждают линию дипломатической преемственности. Миссия в Лхасу и во Внутреннюю Монголию становится политически и морально вполне законной, даже закономерной.

Накануне первой экспедиции, летом 1924 года Рерих пишет автобиографическую картину «Дордже дерзнувший». Возникает план «Единой Азии» и планируются встречи с советскими полпредами Н.Н.Крестинским и Л.Б.Красиным в Берлине и в Париже. Начиная с этого момента Николай Константинович несет на своих плечах груз Махатмы Ак-Дордже. На картине как раз и изображен молящийся лама Дордже. Перед ним явился грозный Махакала. Одиноким подвижник дерзнул сразиться с самим Повелителем Времени.

Завершающий период жизни в Индии отмечен для Рерихов знаками дерзновений. Начинается крутой поворот в сторону России. Этот поворот таит в себе непредвиденные трудности. В канун решающего 1936 года Е.И.Рерих обращается с последним письмом к Ф.Д.Рузвельту. Она просит президента Соединенных Штатов «не слишком закреплять отношения с Новой Страной» [7]. Совершенно ясно, что под «Новой Страной» уже подразумевается Советский Союз. С середины 1930-х политические предпочтения Рерихов

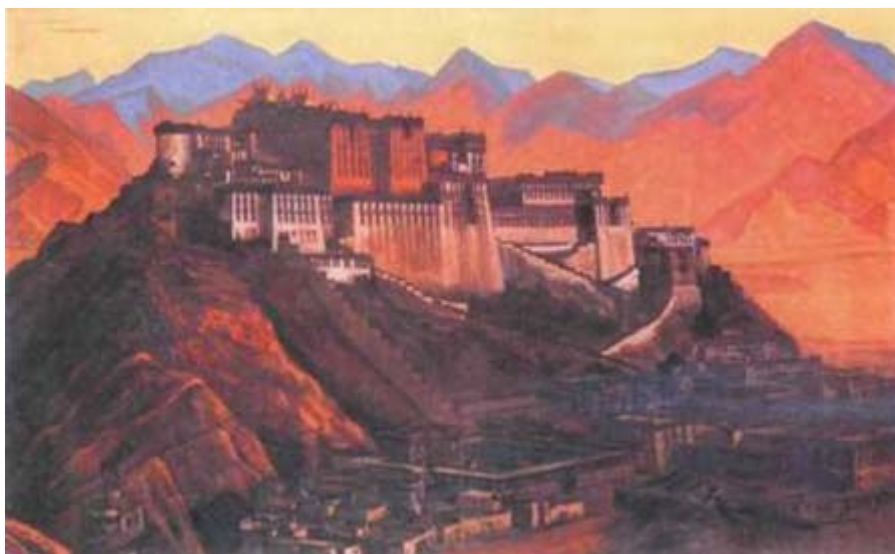
очевидно меняются. Разрушение Музея в Нью-Йорке только оттеняет общемировые события. На международной арене активно формируются два полюса сил. Поднимает голову фашизм, и Европа быстро катится в пропасть войны. Россия неизбежно делается спасительным фактором прогресса.

В один ряд с Европой Рерихи ставят происходящее в Азии. В 1937 году умирает духовный лидер Тибета Таши-лама. Тогда же был найден новый перерожденец, Четырнадцатый Далай-лама. Усиление позиций Китая и ослабление Англии формирует устойчивую геополитическую ситуацию. Тибет как бы примыкает к прогрессивному, светлому полюсу. Невзирая на обиды, нанесенные предыдущим Далай-ламой XIII членам русско-американской экспедиции, Н.К.Рерих верит в потенциал будущего Тибета. Иначе как можно объяснить тибетские мотивы, внезапно ожившие в его творчестве. В 1939-м художник создает монументальное полотно «Твердыня Тибета», шириной более полутора метров. На картине на фоне гор изображена священная Потала, дворец Далай-лам. Перед самым уходом Рериха, в 1947 году появляется еще одна такая же картина «Лхаса». Только дворец Потала нарисован не парадно, как в первом случае, а со стороны озера. Лхасская тема проходит лейтмотивом в сборах на родину.

Со смертью главы семейства Н.К.Рериха мечты о Новой Стране вспыхивают особенно сильно. Всего через три дня после кремации, 17 декабря 1947-го вдова художника Елена Ивановна и сын Юрий направляют телеграмму академику Е.Н.Павловскому в Ленинград: «Собираемся вернуться домой вместе с картинами» [8]. Гималайская обитель отныне покинута навсегда. В Дели Рерихи обращаются в советское консульство за разрешением на въезд в Советский Союз. Принято твердое решение вернуться из эмиграции. Это не эмоциональный всплеск, а осмысленное желание завершить работу, начатую когда-то Дордже. Прошение подается несколько раз, но кремлевское правительство не спешит дать ответ. Наконец в середине 1949 года становится известно, что прошение о приеме в гражданство СССР отклонено. По прошествии более года Е.И.Рерих пишет отчаянное письмо министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому.

«17-ХП-50. Глубокоуважаемый Андрей Януарович, Присоединяюсь к обращению моего сына Юрия к Вам и прошу Вас не отказать мне и двум моим воспитанницам в разрешении вернуться на Родину и, несмотря на мой преклонный возраст, дать мне возможность явиться на сотрудничество с народом нашим и Новой Страной в яро наступающие трудные дни.

Надеюсь на благоприятный ответ, прошу Вас принять выражение моего глубокого уважения, Елена Рерих» [9].

Н.К.Рерих. Твердыня Тибета. 1939

Н.К.Рерих. Дордже дерзнувший. 1924

Еще одна попытка репатриации закончилась неудачей. Вышинский оказался бессилён что-либо изменить в проржавевшей государственной машине. Точно так же в свое время ничего не смог сделать и В.М.Молотов, к которому лично обратился с письмом уже тяжело больной Н.К.Рерих. Елена Ивановна была убеждена, что их пребывание в Калимпонге, в восточной Индии, носит временный характер. Но до ухода из жизни в 1955-м ей так и не удалось приехать в Советский Союз.

Обращает на себя внимание неоднозначность позиции Е.И.Рерих. С одной стороны, она жаждет сотрудничества с «Новой Страной», как написано в письме к Вышинскому, но с другой – отвергает даже малейшую мысль о лояльности к коммунистам. Примерно в то же время, летом 1950-го Елена Ивановна разъясняла свою позицию ученику Балтазару Боллингу: «Старый мир сотрудничает с силами тьмы, а у Нового еще нет настоящих, достойных лидеров. Коммунизм, в его нынешней форме, уже изжил себя и безнадежно устарел – фактически он никому не нужен» [10]. И в эту ненужную коммунистическую страну семья Рерихов стремиться через все препятствия. Не готовилась ли сама родоначальница Живой Этики стать «достойным лидером» в Новой Стране?.. Вопрос, конечно, остается исключительно риторическим. Если речь и могла идти, то только о духовном лидерстве.

По протекции Н.С.Хрущева впоследствии Юрию Николаевичу Рериху все-таки удалось вернуться из эмиграции и получить место в Академии наук. Прожил он на родине всего три года. Его биография сохранила важные факты, достойные внимания. Наиболее интересные нашли отражение в дневниках Рихарда Рудзитиса, последнего председателя Латвийского общества Рериха, закрытого с приходом советской власти в Прибалтику. Сын великих родителей, Ю.Н.Рерих не отказался от продвижения Великого Плана. Первоначальные усилия сосредоточились на проведении ряда художественных выставок. Искусство Рерих-отца стало настоящим откровением для советских граждан. В картинах заключалась некая тайна, предстояние перед Гималаями. Но о главном Юрий Николаевич сообщал только в доверительных беседах.

«В России многое происходит по Плану. Исполняются предсказания. Хотя и не совсем так, как предполагалось. Теперь так много говорят об Алтае, Сибири. "Новые люди на новом месте". Следующий центр – на Алтае. Все, у кого есть возможность, пусть едут на Алтай... "Про Алтай – это решено"». «Конечно, Город Будущего и Музей надо строить на "чистой земле" – на Алтае. Там будущий Центр. Надо смотреть на Восток, а не на Запад» [11].

Хрустальная статуэтка Будды Майтрейи.
Музей Н.К.Рериха. Новосибирск

Встреча в Доме дружбы. Москва, 1974.
Вверху у стола: С.Н.Рерих, А.Е.Быстров, З.Г.Фосдик

Комментарии к этим высказываниям Ю.Н.Рериха, наверное, будут излишними. Курс оставался всё тот же – алтайский Звенигород. Согласно завещанию отца, часть его картин, привезенных из Индии, Юрий Николаевич передал в Новосибирск, самый крупный город по соседству с Алтаем. Да и сам он был «согласен переехать» на жительство в Барнаул или в новосибирский Академгородок при первой возможности. Но скоропостижная кончина знаменитого востоковеда в 1960-м отдала мечту о Новой Стране еще на десятки лет.

Последний из Рерихов, Святослав Николаевич, приехал в Москву на празднование столетия со дня рождения отца в 1974 году. Этот юбилей, организованный при участии Союза советских обществ дружбы, стал настоящим прорывом брежневской культурной блокады. Художник Н.К.Рерих всё еще числился в сомнительных эмигрантах. Празднование прошло успешно, и Святослав Николаевич на конференции «круглого стола» в Доме дружбы откровенно заявил:

«Николай Константинович всегда стремился на Алтай, хотел увидеть Белуху... Всегда верил в будущее Сибири – "Великий Звенигород", который там будет, и предвидел, что это именно те места, которые войдут в историю как места претворения в жизнь новых мыслей, новых чаяний и новых достижений человечества. У Николая Константиновича и Елены Ивановны всегда жила вера в будущее Сибири» [12].

Спустя многие годы снова были произнесены слова о Звенигороде. Причем сказанное прозвучало в присутствии ближайших учеников Рериха – директора нью-йоркского Музея З.Г.Фосдик (Лихтман) и старого советского дипломата А.Е.Быстрова. Вскоре Святослав Николаевич предложил подробный план создания «Алтайского Центра». Его копию в 1978

году известный рериховед П.Ф.Беликов переслал в Новосибирск Н.Д.Спириной [13].

Зинаида Фосдик внесла свою лепту. В 1981-м она преподнесла в дар новосибирскому Дому ученых хрустальную статуэтку Будды Майтрейи. Это древнее изваяние оказалось настолько ценным, что уже само по себе могло бы составить алтарь для храма. В письме, подтверждающем дарение, было подчеркнуто «значение Сибири для будущего» [там же]. Теперь хрустальный Майтрейя передан в музей Н.К.Рериха в Новосибирске.

С.Н.Рерих не принимал личного участия в экспедициях отца, но всегда знал о целях миссии, осуществляемой на Востоке. Стоит возвратиться ко времени завершения Маньчжурской экспедиции. Оценивая сложившуюся, неразрешимую по человеческим меркам, ситуацию, Святослав Николаевич писал из Индии З.Г.Лихтман:

«11 сент. 35. – Дорогая Зиночка, уже давно не писал, но столько, столько работы – скоро приезжает Н[иколай] К[онстантинович] и просил послать людей собрать травы, семена. Уже сегодня отходит одна группа. Е[лена] И[вановна] тоже теперь больна, но скоро, надеюсь, поправится.

Время трудное, но всё-таки 6-го октября – 12 лет, как пришел Камень. В прошлом году пришла Чаша (на Новый год, 1933-34). Как сказано во всех пророчествах, Чаша придет или появится при Майтрейе как свидетель.

Для очистки благородных металлов их раскаляют на плавилином огне и переливают в новые формы. Великий Год наступает. Приготовимся встретить...

Нужно укрепляться по всем линиям. Окопавшись, мы уже спокойнее можем собирать нужные нам данные, и с приездом Н.К. очень многое решится. Конечно, о приезде Н.К. лучше не говорить, а главное не надо *высказывать предположения, хорошо это или плохо*. Другие пусть думают, как хотят. Мы знаем, что Рука Водящая уже давно все предусмотрела. Когда что-то сложено на годы вперед, не все ли равно, как оно свершится. Есть события, предуказанные на десятки лет вперед, и ничто их не сможет изменить. Нам отдельные детали могут казаться непонятными, странными, но если что-то должно свершиться, надо только принять все как нужное и неотложное. Здесь мы закаляем дух. Эта Земля – только краткая Школа. Так и пройдем поверх всего. Крепко обнимаю Вас. Ваш Святослав Рерих» [14].

Заключение будет неполным, если не суммировать личный опыт. Автор этих строк в марте 1991 года несколько раз встречался со Святославом Николаевичем Рерихом в Бангалоре. Разговор шел о судьбах Индии и России. «Россия будет все более и более подниматься. Наступает важное время». Говорили также о его старшем брате, Юрии Николаевиче, крупном специалисте по буддийской мысли. Тогда же удалось записать небольшое интервью об Алтае. Вся семья Рерих считала «Алтай очень важным центром, центром большого будущего». На вопрос, что такое Звенигород, Святослав Николаевич сдержанно ответил: «Великая реальность и великая мечта».

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

Маньчжурская экспедиция: генерал Головин и архиепископ Нестор

1. Послания М.М. Кругу в Америке (M.M.'s Messages). 12.XII.1928 – 31.XII. 1929. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Дневник З.Г. Фосдик (Лихтман). Автограф. Запись от 19 октября 1929.
2. Отчет о поездке в Вашингтон Н.Рериха, Ю.Рериха и Ф.Грант в декабре 1929 года. – NRM. Машинопись. 2 л. На англ. яз.
3. Грант Ф.Р. Письмо Н.К.Рериху. 14.2.1934. – NRM. Авториз. машинопись. Л. 1. На англ. яз.
4. Гребенщиков Г.Д. Письмо З.Г.Лихтман. 3.1.1934. – NRM. Автограф. Л. 1.
5. Гребенщиков Г.Д. Письмо З.Г.Лихтман. 1.11.1933. – NRM. Автограф. Л. 1.
6. Гребенщиков Г.Д. Письмо З.Г.Лихтман. 28.12.1933. – NRM. Автограф. Л. 2.
7. Грант Ф.Р. Письмо Н.К.Рериху. 17.2.1934. – NRM. Авториз. машинопись. Л. 1. На англ. яз.
8. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М.: Сфера, 1998. с. 609, 648.
9. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К.Рериху. 4.6.1934. – NRM. Автограф. Л. 1-1об.
10. Рерих Н.К. Письмо Комитету «Утверждения». 27.8.1935. – NRM. Машинописная копия. 1 л.
11. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. с. 276.
12. Рерих Н.К. Письмо И.А.Кирилову. 20.3.1934. – NRM. Машинопись, почтовая открытка. Также см. о генерале Н.Н.Головине – копии писем Н.К.Рериха к И.А.Кирилову от 21.3.1934 и 7.4.1934 (NRM).
13. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К.Рериху. 19.3.1934. – NRM. Автограф. Л. 1-1об.
14. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К.Рериху. 2.4.1934. – NRM. Автограф. Л. 2об.
15. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К.Рериху. 12.3.1934. – NRM. Автограф. Л. 1об.
16. [Группа сибиряков]. Предисловие к сборнику «Сибирь и ее будущее». Рукопись. 1934. – Rutgers University Special Collection. Frances Grant Papers (RUSC: FGP). Box 14, folder 86. Машинопись. На англ. яз.
17. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. [12.10.1934]. – Государственный музей Востока (Москва). Мемориальный кабинет Н.К.Рериха. (ГМВ: МКР). Ед. хр. 18, л. 7. Автограф.
18. Головин Н.Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Рукопись. 1934. – RUSC: FGP. Box 14, folder 85 (Golovin Nicholas manuscript and publication). С. 33, 52, 55, 58. Машинопись. На русск. и англ. яз.
19. Сводка Иностранного отдела ВЧК о русском монархическом движении за границей // Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Том I: Так начиналось изгнание. 1920-1922 гг. Кн. 2: На чужбине. М.: Гея, 1998. с. 470.
20. Нестор, архиепископ (Анисимов Н.А.). Дальний Восток и Япония. Рукопись. 1934. – RUSC: FGP. Box 14, folder 86. Р. 59, 60. Машинопись. На русск. и англ. яз.
21. Professor Roerich's Schedule. March, 1927. – NRM. Машинопись. На англ. яз.
22. Рерих Н.К. Письма сотрудникам в Америку. 24.9.1934 и 2.10.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 38, л. 2; ед. хр. 17, л. 2. Машинопись.
23. Рерих Н.К. Письма сотрудникам в Америку. 22.10.1934 и 24.10.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 4, л. 4, 6. Машинопись.
24. Радионова З. (Лихтман З.Г.). Николай Константинович Рерих // Русский Листок (Сиэтл). № 28. 5 ноября 1934. с. 1-3. Под ред. П.В. Шкуркина.
25. Савада Ринзо. Письмо Н.К.Рериху. 29.3.1934. – NRM. Авториз. машинопись. 1 л. На англ. яз.
26. Рерих Н.К. Письмо Р. Саваде. 30.3.1934. – NRM. Машиноп. копия. На англ. яз.
27. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934. Рукопись. – NRM. Тетрадь 46. 14 марта – 6 июля 1934. Автограф.
28. Чертков П.И. Письмо Н.К.Рериху. 22.1.1935. – NRM. Машинопись.

29. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 1.5.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 6, л. 2. Автограф.
30. Рерих Ю.Н. Письмо З.Г.Лихтман. 23.5.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 12, л. 5. Автограф.
31. Roerich Commends Hayashias Leader after Meeting Him // Japan Advertiser (Tokyo). May 24, 1934.
32. Лихтман З.Г. Письмо Н.К.Рериху. 24.4.1934. – NRM. Машинописная копия.
33. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 23.5.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 12, л. 1. Автограф.
34. Музей в Киото чтит искусство академика Н.К.Рериха // Русские Поля (Сиэтл). № 39. 4-17 ноября 1934. с. 5.
35. Като Кюдзо. Николай Рерих и Япония // Проблемы Дальнего Востока. 1987. №2. с. 143-144.
36. Рерих Н.К. Письма сотрудникам в Америку. 23.5.1934 и 25.5.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 12, л. 2 и ед. хр. 28, л. 4об. Автографы.
37. Чертков Г.И. Письмо З.Г.Лихтман. 25.9.1934. – NRM. Автор, копия, машинопись.
38. ГИЧ (Чертков Г.И.). Николай Рерих (1874-1974). К столетию со дня рождения // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1974. 27 октября.
39. Ниппонский гений – на страже ценностей культуры. Н.К.Рерих о стране творческого горения // Заря (Харбин). 1934. 1 июня. № 144.
40. Nicholas de Roerich: «Hail to Japan» // The Osaka Mainichi & the Tokyo Nichi Nichi. May 22, 1934.
41. Н.К.Рериху главы епархии, архиепископа Нестора и официальных лиц // Заря. 1934. 1 июня. № 144.
42. «В 1936 году грядут величайшие события» // Харбинское Время. 1934. 5 июня. № 147 (920).
43. И.К. Прибытие знаменитого русского художника Н.К.Рериха в Харбин // Наш Путь (Харбин). 1934. 31 мая. № 133 (227).
44. [ТАСС]. Восемь пунктов // Красная Газета (Ленинград). 1927. 10 июля. Вечерний выпуск. № 183 (1501).
45. Жаров Л. Нищие русские эмигранты – миллионеры духа. Н.К.Рерих о неисчерпаемых культурных богатствах Зарубежной Руси // Рупор (Харбин). 1934. 31 мая. № 143.
46. М.Ш. (Шмидт М.). Зовущий человечество к светлому будущему. Беседа «Зари» с академиком Н.К.Рерихом // Заря. 1934. 31 мая. № 143.
47. Например, см.: Аргус. Н.К.Рерих – гость Харбина // Рубеж (Харбин). 2 июня 1934.
48. Юбилей Юридического факультета – праздник эмиграции // Заря. 1934. 1 июня. № 144.
49. Невский Д. Юбилей очага культуры в Харбине. Вчера Юридический факультет отпраздновал 15 лет своего существования // Рупор. 1934. 1 июня. № 144.
50. Рерих Ю.Н. Письмо З.Г.Лихтман. 19.6.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 13, л. 2. Машинопись.
51. Н.К.Рерих на «Вечере Русской Культуры» в Чураевке // Заря. 1934. 6 июня. № 149; Д.Н. (Невский Д.). Большой день в Молодой Чураевке // Заря. 1934. 7 июня. № 150.
52. Вечер Русской Культуры в Комсобе // Харбинское Время. 1934. 7 июня.
53. Русские могут гордиться своей культурой! Речи на вчерашнем торжестве в Коммерческом собрании // Заря. 1934. 8 июня. № 151.
54. Сегодня – «День Русской Культуры». Обращение Беженского комитета к русским людям // Заря. 1934. 11 июня; А.З. Все накопления – в сокровищницу будущей России. Вчерашнее торжество, посвященное «Дню Русской Культуры» // Заря. 1934. 12 июня; Ю.Х. (Холмин Юрий). «День Русской Культуры» // Харбинское Время. 1934. 12 июня.
55. «День Русской Культуры» в 1-м Реальном училище // Заря. 1934. 2 июля. № 175.
56. Аудиенция Н.К.Рериху. От синьцинского корреспондента «Зари» // Заря. 1934. 22 июня; Академик Н.К.Рерих на аудиенции у Императора Кан-Дэ. От собственного корреспондента «Харбинского Времени» // Харбинское Время. 1934. 23 июня.
57. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 26.6.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 3, л. 2. Автограф.
58. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 23.6.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 9, л. 2. Машинопись.
59. Цит. по оригиналу: Рерих Николай. Строение. К признанию Маньчжу-Ди-Го. Рукопись. 24.6.1934. – NRM. Авториз. машинопись. Л. 2-3.
60. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 26.7.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 24, л. 11. Машинопись.
61. Академик Н.К.Рерих – о конкурсе на лучший роман // Харбинское Время. 1934. 30 июля. №201

Глава II Святой Сергей Воевода

1. Холмин Юрий. Будьте Сергиями Радонежскими. Слово академика Н.К.Рериха о подвиге // Харбинское Время. 1934. 4 июня.
2. «В 1936 году грядут величайшие события». Заявление академика Н.К.Рериха специально для «Харбинского Времени» // Харбинское Время. 1934. 6 июня. № 147 (920).
3. Гребенщиков Георгий. Освящение часовни в Музее Н.Рериха // Рассвет (Чикаго). 1934. 26 апреля.
4. Лихтман З.Г. Письмо Е.И.Рерих. 20.4.1934. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Машинописная копия. Л. 1.
5. Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Рига: Алтаир, 1934. с. 3, 133-134.
6. Рерих Н.К. Письма в Америку. 1934. – Государственный музей Востока (Москва). Мемориальный кабинет Н.К.Рериха. (ГМВ: МКР). Ед. хр. 1, л. 4; ед. хр. 2, л. 1; ед. хр. 37, л. 3об. Машинописная копия.
7. Смирнов Б.Л. Письмо П.Ф.Беликову. 20.5.1965. – Мемориальный архив П.Ф.Беликова (Козе-Уумыйза, Эстония). Автограф.
8. Рерих Н.К. Письмо А.П.Фридландеру. 16.6.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
9. Гребенщиков Георгий. Во Имя Святого Сергия. (Обращение ко всем русским людям) // Новая Заря (Сан-Франциско). 1934. [Май]. Газетная вырезка (NRM).
10. Лихтман З.Г. Письмо Е.И.Рерих. 5.10.1934. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
11. Лихтман З.Г. Письмо Н.К.Рериху. 11.10.1934. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
12. Рерих Николай. Священный Дозор. Харбин, 1934. с. 13-19.
13. Зенкевич С, Сальников А. Письмо Н.К.Рериху. 25.11.1934. – Российский центр науки и культуры (Дели, Индия) (РЦНК). Архив Института «Урусвати». Ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 1-1об. Машинописная копия.
14. Tomas Andrew. Zenkevich (1993). Select Chapters from the Manuscript. – Tomas Andrew's Personal Archive (Chico, USA).
15. Shibayev V. Saint Sergius // The New Dawn (Hyderabad). June-July, 1935; Shibayev V. The Life of Saint Sergius // The Scholar Annual (Palghat). 1935. (NRM. Оттиски).
16. Рерих Н.К. Письмо Г.И.Черткову. 23.12.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 22, л. 10. Машинописная копия.
17. Упшинский Аркадий. Да процветут пустыни!.. Экспедиция академика Н.К.Рериха в степи Барги // Рубеж (Харбин). 1934. № 43. с. 4.
18. Напр.: Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 14.8.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 36, л. 2. Автограф.
19. Андар М. (З.Г.Лихтман). Н.К.Рерих о поездке в Баргу. Письмо из Харбина // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1934. 9 октября; Рассвет (Чикаго). 1934. 15 октября.
20. Н.К.Рерих о поездке в Баргу. Наша беседа с академиком // Русское Слово (Харбин). 1934. 1 сентября. № 2549. Также см.: Шмидт М. Задача человечества – вернуть к жизни пустыни! Академик Н.К.Рерих о своей экспедиции в Баргу, Ганьжурской библиотеке и православном храмостроительстве // Заря (Харбин). 1934. 9 сентября. № 244.
21. Шмидт М. Религиозное творчество академика Н.К.Рерих. Харбин, 1934. с. 3, 5. Переопубл. в сборнике: Держава Рериха. М., 1994.
22. Комитет пакта Н.К.Рериха в Харбине. На вчерашнем организационном совещании // Русское Слово. 1934. 6 сентября.
23. Праздник Комитета Пакта Рериха. Богослужение в Доме Милосердия // Русское Слово. 1934. 8 октября.
24. Хейдок А.П. Звезды Маньчжурии. Харбин, 1934.
25. Хейдок А.П. Н.К.Рерих – знаменосец Преподобного Сергия Радонежского. Рукопись. [1934]. – NRM. Машинопись. Л. 2, 6.
26. Холмин Юрий. В Харбине только что состоялся съезд масонов Д. В. Сенсационная беседа с масоном Невиль // Харбинское Время. 1934. 9 июня. № 150 (923).

27. Невский Дм. Русская эмиграция должна с верой смотреть в будущее! Интересная беседа с Николаем Константиновичем Рерихом // Рупор (Харбин). 1934. 5 июня.
28. Лукин Ю.Н. Испытывайте духов // Русское Слово. 1934. 23 сентября. (Газетная вырезка с автографом Рериха хранится в архиве Музея Н.Рериха в Нью-Йорке).
29. Рерих Николай. Верую // Русское Слово. 1934. 27 сентября.
30. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 29.9.1934. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 1, л. 2. Машинопись.
31. Лихтман З.Г. Письмо генералу Мори. 9.6.1932. – NRM. Машинописная копия. 1 л.
32. Рерих Николай. Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992. с. 225.
33. Березовский Е.П. Письмо Н.К.Рериху. 26.2.1935. – NRM. Машиноп. копия. 1 л.
34. Часть суммы на покупку газеты внес также секретарь Христианского Союза Молодых Людей американец Х.Л.Хейг – 5 тыс. иен.
35. Ю.М. На каких началах «Русское Слово» перешло Общевоинскому Союзу? // Наш Путь (Харбин). 1934. 19 ноября. № 300 (393).
36. Что сокрушит большевизм – эту фабрику физического и морального угнетения? // Харбинское Время. 1934. 8 ноября.
37. День Непримируемости объединил всю эмиграцию // Русское Слово. 1934. 8 ноября. № 2605. Текст речи Н.К.Рериха приводится в сокращении.
38. В.Э. Празднование Дня русской культуры // Гун-Бао (Тяньцзинь). 1934. 8 июня.
39. Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции, 1934-1935 // Ю.Н.Рерих. От Гималаев до Маньчжурии: Статьи, дневники, отчеты. Избр. соч. Т. 2. Рукопись.
40. Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934-1935) // Ариаварта. 1999. № 3. с. 56-119. Публ. и прим. В.А.Росова.
41. Вступительная лекция Юрия Рериха на Юридическом факультете в Харбине была опубликована в газете «Русское Слово» 18 ноября 1934 года. См.: Рерих Ю.Н. Великие кочевые империи Средней Азии // Вестник Ариаварты. 2002. № 2 (3).
42. Шмидт М. Шесть лет в Индии, Тибете и Монголии. Ю.Н.Рерих о результатах многолетней Среднеазиатской экспедиции // Заря (Харбин). 1934. 2 июня.
43. Языков Н.[М.] О Николае Рерихе // Новая Заря (Сан-Франциско). 1939. 10 июня. (РГАЛИ. Ф. 2408, оп. 1, д. 40).
44. Послания М.М. Кругу в Америке. 12.12.1928–31.12.1929. – NRM. Дневник З.Г.Фосдик (Лихтман). Автограф. Запись от 2.7.1929.
45. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934. Рукопись. – NRM. Тетрадь 46. Автограф.
46. Лихтман Эстер. Письмо Ф.Д. Рузвельту. 29.4.1942. – Franklin D. Roosevelt Library in Hyde Park, New York. Roosevelt Collection, 723.
47. Рерих Е.И. Дневник. 1933-1934. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. October 30, 1933 – April 30, 1934. Автограф.
48. Шклявер Г.Г. Письмо Ю.Н.Рериху. 9.12.1934. – NRM. Автограф. Л. 1.

Глава III

Генри Уоллес: министр и мистик

1. Grant Frances. Nicholas Roerich and Asia. [1970-e]. – Rutgers University Special Collections. Frances Grant Papers (RUSC: FGP). Box 14, folder 82. Машинопись.
2. Grant Frances. Henry Wallace's First Visit to the Roerich Museum. [1970-e]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 82. 9 p. Машинопись.
3. Грант Ф.Р. Письмо Г.Э.Уоллесу. 8.4.1927. – RUSC: FGP. Box 15, folder 31. Машинопись, копия. На англ. яз.
4. Общество друзей Музея Рериха. Письмо Г.Э.Уоллесу. 9.7.1927. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Машинописная копия.
5. Грант Ф.Р. Письмо Г.Э.Уоллесу. 23.10.1928. – RUSC: FGP. Box 15, folder 31. Машинопись, копия. На англ. яз.
6. Грант Ф.Р. Письмо Г.Э.Уоллесу. 18.1.1929. – RUSC: FGP. Box 15, folder 31. Машинопись, копия. На англ. яз.

7. Грант Ф.Р. Письмо Г.Э.Уоллесу. 28.1.1931. – RUSC: FGP. Box 15, folder 31. Машинопись, копия. На англ. яз.
8. Уоллес Г.Э. Письмо Л.Э.Джондро. 24.10.1931. Цит. по: White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill–London, 1995.
9. Charles O. Roos' Letters to Henry A. Wallace. 1931-1933. – The University of Iowa Libraries, Iowa City. Henry A. Wallace Papers. (UIL: HWP). Box: Wallace's Correspondence, August 25 – November 15, 1931.
10. White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill-London, 1995. P. 19.
11. Роос Чарльз. Письма Г.Э.Уоллесу. 1931-1933. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence, October 19 – December 9, 1932. Авториз. машинопись. На англ. яз.
12. Роос Чарльз. Письма Г.Э.Уоллесу. 1931-1933. – UIL: HWP Box: Wallace's Correspondence, February 1 – April 13, 1932. Авториз. машинопись. На англ. яз.
13. Роос Чарльз. Письма Г.Э.Уоллесу. 1931-1933. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence, April 14 – July 30, 1932. Авториз. машинопись. На англ. яз.
14. Дауэр Уильям. Письма Г.Э.Уоллесу. 1931-1933. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence, April 14 – July 30, 1932; August 1 – October 18, 1932. На англ. яз.
15. Тоотс Н.А. Рерихи и Храм Человечества // Храм Человечества. Сборник. М.: Фонд «Дельфис», 2000. с. 627-638.
16. Henry Wallace as Theosophist // The Quest. Journal of the Theosophical Society in America. Vol. 85. Nbr. 10. October 1997. P. 10-11.
17. Robert B. Wallace. Letter to Frances R. Grant. 22.12.1933. – NRM. Автограф. Также см. письмо от 8.9.1933.
18. Уоллес Г.Э. Письма к Ф.Р.Грант. 1933-1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 34. Автографы, машинопись. На англ. яз. Датировка письма от 7 января 1934 условная, подтекстом приписка Фрэнсис Грант : «Прочитано 8.1.1934».
19. Уоллес Г.Э. Письма к Ф.Р.Грант. 1933-1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 38. Автограф, машинопись. На англ. яз. Датировка письма от 23 февраля 1934 года сделана по тексту.
20. Уоллес Г.Э. Письма к Ф.Р.Грант. 23.3.1934 и март 1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Автографы. На англ. яз. Мартовское письмо 1934 года датируется по тексту 30-м числом.
21. Хорш Л.Л. Дневник (фрагменты). 1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 39. Машинопись. 6 л. На англ. яз.
22. Уоллес Г.Э. Письма Н.К.Рериху. 12.3.1933 и 29.10.1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 34. Машинопись. На англ. яз.; копии также: Nicholas Roerich Museum Collections, New York; General, Westbrook Pegler Papers, Herbert Hoover Library, West Branch, Iowa.
23. Уоллес Г.Э. Письма к Ф.Р.Грант. 1933-1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Автограф, машинопись. На англ. яз. Датировка письма от 4 января 1934 года сделана по тексту.
24. Norman D. Markowitz. The Rise and Fall of the Peoples Century: Henry A. Wallace and American Liberalism, 1941-1948. New York: Free Press, 1973. P. 333-342.
25. Серия статей опубликована под общим названием «Как Пеглер видит это». Например, см.: As Pegler Sees It. More about Wallace, Guru Letters and Roerich // New York Journal American. June 18, 1947.
26. Did Wallace Write Guru Letters? Judge for Yourself // New York Journal American. October 22, 1948.
27. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. I: 1919-1933. М.: МЦР, 1999; Т. II: 1934. М., 2000; Т. III: 1935. М., 2001; Т. IV: 1936. М., 2002.
28. Уоллес Г.Э. Письмо к Ф.Р.Грант. Б/д (условно датировано началом декабря 1934 г.). – RUSC: FGP. Box 15, folder 37. Машинопись. На англ. яз.
29. Henry A. Wallace. We Are More than Economic Men // Scribner's Magazine. Vol. XCVI. December, 1934. № 6. P. 326.
30. Nicholas Roerich. Shambhala. New York: Stokes, 1930. Цит. по русскому переводу: Шамбала. М., 1994. с. 25.
31. Грант Фрэнсис. Посещение ламы Ринпоче в Гуме. Рукопись. 1928. – RUSC: FGP. Box 14, folder 42. На англ. яз.

32. Грант Фрэнсис. Владыка Шамбалы – надежда Азии. Рукопись. [1924]. – NRM. Машинопись. На англ. яз.
33. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 18.1.1933–1.1.1934. – NRM. Тетрадь 45. Автограф. Запись от 26.2.1933.
34. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. 17.7.1933. – NRM. Машинопись, копия. На англ. яз.
35. Хорш Л.Л. Дневник (фрагменты). 1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 39. Машинопись. Л. 1, 2. На англ. яз. См. также: Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 18.1.1933–1.1.1934. – NRM. Тетрадь 45. Автограф. Запись от 20.4.1933.
36. Уоллес Г.Э. Письмо к Ф.Р.Грант. Б/д (предполож. июль 1933). – RUSC: FGP. Box 15, folder 33. Автограф. На англ. яз.
37. Roerich in Churaevka Village // The Newtown Bee. September 13, 1929.
38. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 18.1.1933–1.1.1934. – NRM. Тетрадь 45. Автограф.
39. Лихтман З.Г. Письмо Е.И.Рерих. 16.6.1933. – NRM. Машинопись, копия.
40. Лихтман З.Г. Письмо Н.К. и Е.И.Рерих. 5.7.1933. – NRM. Машинопись, копия.
41. Послания М.М. Кругу в Америке. 1933-1934. – NRM. Автографы З.Г.Лихтман, М.М.Лихтмана, Э.Дж.Лихтман.
42. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К. и Е.И.Рерих. 2.7.1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 34. Машинопись. На англ. яз. Подпись Г.Э.Уоллеса в письме в виде монограммы.
43. Лихтман З.Г. Письмо Н.К. и Е.И.Рерих. 25.9.1933. – NRM. Машинопись, копия.
44. Рерих Н.К. Письмо З.Г.Лихтман. 5.10.1933. – NRM. Машинопись.
45. Цит. по: White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill-London, 1995. P. 68.
46. Рерих Н.К. Телеграмма в Музей Рериха. 6.9.1933. – NRM. На бланке. На англ. яз.
47. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Д.Рузвельту. 18.9.1933. – Franklin D. Roosevelt Library in Hyde Park, New York. Roosevelt Collection, 723. Машинопись. На англ. яз. Копия: Nicholas Roerich Museum.
48. Грант Ф.Р. Письмо З.Г.Лихтман. 7.10.1933. – NRM. Машинопись. На англ. яз.
49. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. 29.10.1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 34. Машинопись. На англ. яз. Подпись Г.Э. Уоллеса в письме в виде монограммы.
50. Грант Ф.Р. Письмо Л.Л.Хоршу. 8.11.1933. – NRM. Машинопись. На англ. яз.
51. Рерих Н.К. Конвенция «Знамя Мира» в Вашингтоне, 17 ноября 1933 года // Знамя Мира. М.: МЦР, 1995. с. 88-91. Впервые опубли. в книге: Рерих Николай. Священный дозор. Харбин, 1934.
52. Лихтман З.Г. Письмо Н.К. и Е.И.Рерих. 13.12.1933. – NRM. Машинопись, копия.
53. Лихтман З.Г. Письмо Н.К. и Е.И.Рерих. 19.11.1933. – NRM. Машинопись, копия.
54. Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. I: 1929-1936. М.: Сфера, 1996. с. 71, 86, 88, 103, 104.

Глава IV

Харбинская миссия и дело американских ботаников

1. Рерих Н.К. Письмо в Министерство внутренних дел США. 3.7.1931. – University of Iowa Libraries, Iowa City, USA. H.A.Wallace Papers (UIL: HWP). Microfilm Edition. Reel 8. Correspondence: June 20 – August 20, 1931. (Letter to Ray Lyman Wilbur). На англ. яз.
2. Грант Ф.Р. Письмо Г.Э.Уоллесу, 14.8.1933, и Проект деятельности Института «Урусвати» (Plan and Material about the Himalayan Research Institute of the Roerich Museum). – UIL: HWP. Microfilm Edition. Reel 18–926. Машинопись. 4 л. На англ. яз.
3. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. 26.11.1933. – Rutgers University Special Collections. Frances Grant Papers (RUSC: FGP). Box 15, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
4. Comment made by H.A.Wallace on June 21, 1950. – Columbia University, USA. Columbia University Oral History Project. Wallace Oral History. Vol. 28. P. 5102-5114.
5. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. 21.12.1933. – RUSC: FGP. Box 15, folder 34. Машинопись. На англ. яз.
6. Цит. по: White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill-London, 1995. P. 83.
7. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 18.1.1933–1.1.1934. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Тетрадь

45. Автограф. Запись от 31.12.1933.
8. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. 20.1.1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
9. Ryerson K.A. Memorandum for Secretary Wallace. March 3, 1934. – NRM. Фотокопия.
10. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998.
11. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. 16.3.1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Авториз. машинопись. На англ. яз.
12. Рерих Н.К. Письмо Г.Э.Уоллесу. 20.3.1934. – NRM. Авториз. машинопись. 1 л.
13. Рерих В.К. Письмо Ю.Н.Рериху. 6.12.1930. – NRM. Машинопись. Автограф. 2 л.
14. Агни-йога. Высокий путь. Часть 2. 1929-1944. М.: Сфера, 2002. с. 394.
15. Рерих Н.К. Письмо В.К.Рериху. 5.10.1933. – NRM. Машинописная копия. Автограф З.Г.Лихтман.
16. [Roerich V.K.] Manchurian Agricultural Cooperative. – RUSC: FGP. Box 14, folders 30-31.
17. Рерих Е.И. Дневник. 1933-1934. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. October 30, 1933 – April 30, 1934. Автограф. Запись от 22.11.1933.
18. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. Апрель 1934. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
19. Уоллес Г.Э. Письмо Ю.Н.Рериху. [Апрель 1934]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 35. Машинописная копия. На англ. яз.
20. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. [Апрель 1934]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Авториз. машинопись. На англ. яз.
21. Макмиллан Г.Г. Письмо Н.Э.Райерсону. 9/11.6.1934. – National Archives and Records Administration (NARA), Washington, D.C. Records relating to the Roerich Expedition, 1934-37. RG 54170/27/8/2. Box 2. Авториз. машинопись. 11 л. На англ. яз.
22. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [Сентябрь 1934]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 37. Машинопись. На англ. яз.
23. Макмиллан Г.Г. Письмо Артуру Гэррелсу. 20.7.1934. – NARA. RG 54170/27/8/2. Box 2. Машинопись, копия. На англ. яз.
24. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. [18.4.1934]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
25. Макмиллан Г.Г. Письмо Н.Э. Райерсону. 11.8.1934. – NARA. RG 54170/27/8/2. Box 1. Авториз. машинопись. 7 л. На англ. яз.
26. Grant Frances. Nicholas Roerich and Asia. [1970-e]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 82. Р. 14. Машинопись.
27. Рерих Ю.Н. [Отчет о Маньчжурской экспедиции]. [1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 26. Машинопись. На англ. яз.
28. Рерих Н.К. Письмо в Америку. 26.7.1934. – Государственный музей Востока (Москва). Мемориальный кабинет Н.К.Рериха (ГМВ: МКР). Ед. хр. 24, л. 9. Авториз. машинопись.
29. Рерих Ю.Н. Письмо в Америку. 29.7.1934. – ГМВ: МКР. Коробка: Письма Н.К. и Ю.Н. Рерихов в Америку. Ед. хр. 31, л. 2. Автограф.
30. Рерих Н.К. Письмо в Америку. 19.8.1934. – ГМВ: МКР. Коробка: Письма Н.К. и Ю.Н. Рерихов в Америку. Ед. хр. 36, л. 2об. Автограф.
31. Уоллес Г.Э. Телеграмма Н.К.Рериху. 20.9.1934 – NRM. Оригинальный бланк, телеграмма № 3017. На англ. яз.
32. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [Июль 1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
33. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [1 октября 1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
34. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [После 7 октября 1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
35. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 32. Машинопись. На англ. яз.
36. Лихтман З.Г. Письмо И.А.Кирилову. 7.8.1934. – NRM. Машинопись, копия. Л. 1.
37. Тайны в письмах академика Н.К.Рериха // Харбинское Время. 1934. 17 ноября.

38. Шаги Н.К.Рериха во исполнение плана организации масонского государства в Сибири // Харбинское Время. 1934. 19 ноября. № 313.
39. Новые тайны в новых письмах Н.К.Рериха // Харбинское Время. 1934. 21 ноября. № 315 (1088).
40. Н.К.Рерих – большой поклонник Ленина // Наш Путь (Харбин). 1934. 20 ноября. № 301 (395).
41. Н.К.Рерих – масон и агент еврейства // Наш Путь. 1934. 18 ноября. № 299 (393).
42. Н.К.Рерих. Листы дневника. Т. 1. М., 1995. с. 279.
43. Рерих Николай. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1992. с. 250.
44. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. 7.12.1934. – NRM. Машинопись, копия. Л. 1. На англ. яз.
45. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1924-1925. – NRM. Тетрадь № 2. Автограф. Запись от 2.12.1924.
46. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. 3.5.1936. – NRM Машинопись. Л. 1.
47. Грант Ф.Р. Текст лекции, прочитанной в Новом Историческом обществе (Нью-Йорк). 18 апреля, б/г. – RUSC: FGP. Box 14, folder 72. Машинопись. 7 л. На англ. яз. Приложение: афиша лекции Фрэнсис Грант «The Reawakening of Asia». 1 л.

Глава V

Проект «Канзас»

1. Рерих Е.И. Дневник. 1933-1934. Рукопись. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. October 30, 1933 – April 30, 1934. Автограф.
2. Рерих Е.И. Дневник. 1934. – ACRC. Roerich Collection. Note-book. May 1 – August 14, 1934. Автограф. Записи от 16.5.1934; 21.5.1934; 28.5.1934.
3. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III. 1935. М.: МЦР, 2001. с. 90, 121, 182, 233, 259, 298, 327.
4. Рерих Е.И. Письма в Америку. Т. I. 1929-1936. М.: Сфера, 1996. с. 61, 71, 74, 86.
5. Лихтман З.Г. Письма Н.К. и Е.И. Рерих. 23.10.1933 и 3.11.1933. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Машинопись, копия; Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1933-1934. Рукопись. – NRM. Тетрадь 45. Автограф. Записи от 11.11.1933, 17.11.1933.
6. Уоллес Г.Э. Письма Ф.Р.Грант. [Сентябрь, 1933] и [октябрь, 1933]. – Rutgers University Special Collections. Frances Grant Papers (RUSC: FGP). Box 15, folders 33, 34. Машинопись. На англ. яз.
7. Рерих Е.И. Дневник. 1927. – ACRC. Roerich Collection. Note-book. March 30 – November 25, 1927. Автограф.
8. Рерих Н.К. Письмо Герберту Гуверу. 24.6.1929. – RUSC: FGP. Box 14, folder 82. Машинописная копия. 4 л. На англ. яз.
9. [Грант Ф.Р.]. Письмо Джеймсу Дэвису. 30.8.1929. – RUSC: FGP. Box 14, folder 82. Машинописная копия. 1 л. На англ. яз.
10. См.: Hoover a God in Tibet, Returning Artist Avors // Evening Post (New York City). June 6, 1929; Hoover Happiness God to Native Tibetans // Brooklyn Eagle. June 6, 1929; Hoover Is a God to Thibetans, N.Y. Artist-Traveler Finds // The World. June 7, 1929; American Demigods in Tibet // Vindicator (Youngstown, Ohio). June 22, 1929; и др. Американские газеты, опубликовавшие интервью Н.К.Рериха с высказываниями о президенте США Герберте Гувере, исчисляются несколькими десятками (NRM. Scrapbook, № 10. P. 65-69).
11. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1928-1929. Рукопись. – NRM. Тетрадь 36. 17 февраля 1928 – 3 ноября 1929. Автограф. Л. 59.
12. Рерих Е.И. Дневник. 1934-1935. – ACRC. Roerich Collection. Note-book. August 15, 1934 – February 3, 1935. Автограф. Записи от 18.10.1934 и 20.12.1934.
13. Лихтман З.Г. Письма Н.К. и Е.И.Рерих. 20.8.1933 и 23.10.1933. – NRM. Машинописные копии.
14. Лихтман З.Г. Письмо Е.И.Рерих. 23.6.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
15. Roosevelt F.D. Memorandum for the Secretary of Agriculture. December 10, 1934. – University of Iowa Libraries, Iowa City, USA. Henry A. Wallace Papers (UIL: HWP). Box: Wallace's Correspondence: October, 1933 – July, 1935. Машинопись. 1 л.
16. Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции. 1934-1935. Рукопись. – NRM. Машинопись. Записи от 7.12.1934, 8.12.1934, 3.7.1935, др.
17. White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill-London, 1995. P. 94, 95.

18. Уоллес Г.Э. Письма Ф.Р.Грант. [7.1.1935]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 36. Машинопись 1 л. На англ. яз.
19. Samuel J. Walker. The New Deal, the Guru and Grass: The Roerich Expedition to Asia, 1934-36 (NRM). Оттиск. Также см.: The New Deal and the Guru // American Heritage. March, 1989. Vol. 40. № 2. P. 92-99.
20. Рерих Н.К. Анкета. Ответы на вопросы газеты «Харбинское Время». – Государственный музей Востока (Москва). Мемориальный кабинет Н.К.Рериха. (ГМВ: МКР). Приложение к письму Н.К.Рериха в Америку, 26.11.1934.
21. Рерих Ю.Н. Письмо З.Г.Лихтман. 19.1.1935. – NRM. Автограф. Л. 1об.
22. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934-1935. Рукопись. – NRM. Тетрадь 47. Автограф. Запись от 8.12.1934.
23. Грант Ф.Р. Отчет перед Советом директоров Музея Рериха о поездках в Вашингтон 13, 18 и 19 января 1935 года. – RUSC: FGP. Box 14, folder 38. Correspondence and Notes, 1933-35. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
24. Цит. по: White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill–London, 1995. P. 93. Авторы ссылаются в своей книге на документы из Национального архива в Вашингтоне – Nelson Trusler Johnson to Secretary of State, 10 April 1935 (National Archives and Records Administration (NARA), Washington, D.C. General Records of the Department of State, 1930-39, File 102. 7302).
25. Johnson N.T. Professor Roerich. Conversation with the Hutukhta (Living Buddha) of Tiluwa. April 6, 1935. – Там же. Копия документа имеется в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
26. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [Середина июля, 1934]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 38. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
27. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [14.2.1935]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 36. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
28. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. Б/д. [Условно март, 1935]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
29. Frank Campsall, asst. Secretary to Henry Ford. Letter to Frances Grant, January 16, 1930; H.R.Waddell, Secretary's Office. Letter to Louis Horch, January 23, 1930. – NRM. Машинопись. 2 л.
30. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934-1935. Рукопись. – NRM. Тетрадь 47. Автограф. Запись б/д, условно датируется концом января – началом февраля 1935 года.
31. Грант Ф.Р. Письмо Ю.Н.Рериху. 22.3.1935. – RUSC: FGP. Box 14, folder 33. Машинописная копия. Л. 1. На англ. яз.
32. Рерих Ю.Н. Письмо Ф.Р.Грант. 12.12.[1934]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 33. Машинописная копия. Л. 1. На англ. яз.
33. [Грант Ф.Р.] Доклад Совету попечителей Музея Рериха. [1935]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 78. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
34. Grant Frances. Nicholas Roerich and Asia. [1970-e]. – RUSC: FGP. Box 14, folder 82. P. 17. Машинопись.
35. Община. Улан-Батор, 1927. Часть II, глава XII, параграф 12.
36. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III. 1935. М.: МЦР. 2001. с. 218-219, 63, 351.
37. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. [Весна 1935]. – RUSC: FGP. Box 15, folder 32. Машинопись. Л. 1. На англ. яз.
38. Ж.Сент-Илер. Криптограммы Востока. Париж, 1929. с. 72.
39. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. II. 1934. М.: МЦР, 2000. с. 421, 466, 540, 541.
40. Horch L.L. Visit on November 7th 1934 to the Mother (Sara Roosevelt) and the Meeting with her Son (F.D.Roosevelt). – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 3-8.
41. Logvan (Louis L. Horch). Report of the Visit on December 19, 1934 [to F.D.Roosevelt]. Prepared for Madame H. de Roerich. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 2.
42. Horch L.L. Visit to Steph. (F.D. Roosevelt) on March 8th 1935. Oj[ana] and Logv[an]. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 3-6.
43. Horch L.L. Visit to Steph. (F.D. Roosevelt) on March 14th 1935. Oj[ana] and Logv[an]. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 1.

44. См.: Рерих Е.И. Дневник. 1934-1935. – ACRC. Roerich Collection. August 15, 1934 – February 3, 1935. Записи от 27.11.1934 и 2.12.1934; Рерих Е.И. Письмо Н.К. и Ю.Н.Рерихам. 18.1.1935 // Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III. 1935. М.: МЦР, 2001. С. 42; Horch L.L. Visit to Steph. (F.D.Roosevelt) on March 14th 1935. Oj[ana] and Logv[an]. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 2.
45. См.: Courice Journal (Louisville). April 21, 1929; также – Roerich Nominated for Peace Award // The New York Times. March 3, 1929.
46. Logvan (Louis L. Horch). Visit to [H.A.Wallace] on January 31, 1935. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. 4 л.
47. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К.Рериху. Б/д. [Услов. начало апреля, 1935]. – NRM. Авториз. машинопись. 1 л. На англ. яз.
48. Подписание Пакта Рериха американскими нациями. (Речи президента Ф.Д.Рузвельта и министра земледелия Г.Э.Уоллеса) // Рассвет. 1935. 25 апреля.
49. Рерих Н.К. Письмо Г.Э.Уоллесу. [1935]. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: October, 1933 – July, 1935. Авториз. машинопись. 1 л. На англ. яз. Авторский оригинал на русском языке отличается от английского. См.: ГМБ: МКР. Ед. хр. 39, л. 2. Авториз. машинопись.
50. Уоллес Г.Э. Письмо Бернарду Хансену. 16.4.1935. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: October, 1933 – July, 1935. Машинописная копия. Л. 1. На англ. яз.
51. Фосдик З.Г. [История Музея Николая Рериха]. 30 января 1941. Рукопись. – NRM. Машинопись. Л. 2.
52. Хорш Л.Л. Письмо Е.И.Рерих. 8.6.1935. – NRM. Автограф. Л. 1. На англ. яз.
53. Powell John. Japanese Expel Explorers Sent by Sec. Wallace. Suspect Activities of Russian Leaders // Chicago Tribune. June 23, 1935.
54. Гео Х. Дерн. Письмо Г.Э.Уоллесу. 6.12.1934. – ГМБ: МКР. Фонд Кэтрин Кемпбелл-Стиббе. Машинопись. 1 л. На англ. яз.
55. Луис Бин. Записка к Ф.Р.Грант. 1.12.(1934). Приложение: копии писем Макмиллана к Райерсону и Гэррелсу (1934). – ГМБ: МКР. Фонд Кэтрин Кемпбелл-Стиббе. Автограф, машинописные копии. На англ. яз.
56. Рерих Ю.Н. Письмо Ф.Р.Грант. 15.3.1936. – Российский центр науки и культуры (Дели, Индия) (РЦНК). Ф. 2, оп. 3, д. 59, л. 2. Машиноп. копия. На англ. яз.
57. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. 2.7.1935. – RUSC: FGP. Box 15, folder 37. Машинопись. На англ. яз.
58. Уоллес Г.Э. Телеграмма Н.К.Рериху. 3.7.1935. – ГМБ: МКР. Фонд Кэтрин Кемпбелл-Стиббе. Копия. На англ. яз.
59. Уоллес Г.Э. Письмо Л.Л.Хоршу. 3.7.1935. – NRM. Машинопись, копия. 1 л. На англ. яз.
60. Уоллес Г.Э. Письмо Ф.Р.Грант. 3.7.1935. – ГМБ: МКР. Фонд Кэтрин Кемпбелл-Стиббе. Авториз. машинопись. На англ. яз.
61. Брессман Е.Н. Письмо Н.К.Рериху. 9.7.1935. – NRM. Авториз. машинопись. 1-1об. л. На англ. яз.
62. Лихтман М.М. Письмо З.Г.Лихтман. 10.7.1935. – NRM. Автограф. Л. 1-1об.
63. Уоллес Г.Э. Телеграмма Ю.Н.Рериху. 1.9.1935. – NRM. Копия. На англ. яз.
64. Рерих Ю.Н. Письма З.Г.Лихтман. 23.7.1935, 16.8.1935, 29.8.1935. – NRM. Автографы.
65. Рерих Н. Врата в Будущее. Рига, 1936. с. 243. Переопубл.: Николай Рерих. Листы дневника. Т. 1. М., 1995.
66. Козлов И.В. Письмо Н.К.Рериху. 3.2.1935. – РЦНК. Ф. 2, оп. 1, д. 25, л. 1. Автограф.
67. Козлов И.В. Письма Ю.Н.Рериху. 1935. – РЦНК. Ф. 2, оп. 1, д. 30, 38. Автографы.
68. Рерих Ю.Н. Письмо Ф.Р.Грант. 11.3.1936. – РЦНК. Ф. 2, оп. 3, д. 61, л. 1об. Машиноп. копия. На англ. яз.
69. Keng Y.L. New Grasses from Peiling Miao, Suiyuan Province, China // Journal of the Washington Academy of Sciences. Vol. 28. № 7. July 15, 1938. P. 298-308.
70. В.Эч. Великий идеалист и апостол мира Николай Константинович Рерих в Шанхае // Новости дня (Шанхай). 1935. 24 сентября. № 263.
71. Рерих Н.К. Письмо к З.Г. и М.М. Лихтманам. [23.9.1935] (с пометкой Н.К.Рериха – «лично»). – NRM. Машинопись. Л. 2.

72. Уоллес Г.Э. Письма в американские представительства (Коста-Рика, Мексика, Куба, Боливия, Уругвай). 24.10.1935. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинописная копия. Л. 1. На англ. яз.
73. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам в Америку. [23.11.1934]. – ГМВ: МКР. Ед. хр. 19, л. 6. Автограф секретаря Н.К.Рериха.
74. Уоллес Г.Э. Письмо А.А.Трояновскому, послу СССР в США. 6.11.1935. – UIL: HWP Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинописная копия. Л. 1. На англ. яз.
75. Кокто Жан. Рыцари Круглого Стола / Собр. соч. Т. 2: Театр. М.: Аграф, 2002. с. 120.

Глава VI

Рузвельт, Хорш и новый «Канзас»

1. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 6.7.1934–4.7.1935. Рукопись. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Тетрадь № 47. Автограф. Запись от 24/28 июня 1935 г.
2. Уоллес Г.Э. Телеграмма Н.К.Рериху. 10.7.1935. – NRM. На бланке «Министерства коммуникаций» (Китай), № 3280. На англ. яз.
3. Лихтман З.Г. Письмо Н.К.Рериху. 12.7.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
4. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934-1935. – NRM. Тетрадь № 47. Автограф. Запись от 4.7.1935.
5. Уоллес Г.Э. Телеграмма Н.К.Рериху. 15.8.1935. – University of Iowa Libraries, Iowa City, USA. Henry A. Wallace Papers (UIL: HWP). Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинопись, копия. На англ. яз.
6. Мур Р. Уолтон. Письмо Г.Э.Уоллесу. 24.8.1935. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинописная копия. На англ. яз.
7. Уоллес Г.Э. Письмо Е.И.Рерих. 24.9.1935. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинописная копия. 1 л. На англ. яз.
8. Уоллес Г.Э. Письмо Л.Л.Хоршу. 23.12.1935. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Авторизов. машинопись. 1 л. На англ. яз.
9. Уоллес Г.Э. Письмо Герберу Леману. 18.1.1936. – UIL: HWP. Box: Wallace's Correspondence: August, 1935 – January, 1937. Машинописная копия. Л. 2. На англ. яз.
10. Comment made by H.A.Wallace on June 21, 1950. – Columbia University, USA. Columbia University Oral History Project. Wallace Oral History. Vol. 28. P. 5102-5114.
11. Уоллес Г.Э. Письмо Л.Л.Хоршу 15.8.1935. – ACRC. Roerich Collection. Авторизов. машинопись. Л. 1-1об. На англ. яз.
12. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1934-1935. – NRM. Тетрадь № 47. Автограф. Записи от 25.2.1935 и [30].3.1935.
13. Лихтман З.Г. Письмо Ф.Д.Рузвельту. 21.7.1936. – NRM. Авторская копия. На англ. яз.
14. Louis L. Horch. Memorandum. [1935]. – ACRC. Roerich Collection. Grey Box. Машинопись.
15. Frances R. Grant. [Roerich Museum and Henry Wallace]. 1978. Manuscript. – Rutgers University Special Collections. Frances Grant Papers (RUSC: FGP). Box 15, folder 48. Машинопись.
16. Хорш Л.Л. Письмо Е.И.Рерих. 30.7.1935. – ACRC. Roerich Collection. Scrapbooks, № 7. Авторская копия. Машинопись. Л. 3-3об. На англ. яз.
17. Рерих Николай. Меморандум № 1. 21.10.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 6. Оpubл. также: Елена Ивановна Рерих. Письма. 1936. Том IV. М.: МЦР, 2002. С. 453-457.
18. Louis L. Horch. Visit to Steph. (F.D.Roosevelt) on March 14, 1935 with Oj[ana] and Logv[an]. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 1-2.
19. Лихтман Э.Дж. Послание Ф.Д. Рузвельту. 15.4.1935. Без подписи. Машинопись. Находится среди писем Е.И.Рерих, адресованных президенту Ф.Д.Рузвельту (Hyde Park Archive, F. 723). Оpubл. в статье Л.В.Митрохина «Предупреждения, достойные памяти» (Мир через Культуру. Ежегодник. М.: Сов. писатель, 1990. с. 118).
20. Визит Луиса Хорша в Белый Дом согласовывал Марвин Макинтайр. См.: Louis L. Horch. Telegram to Marvin H. McIntyre, June 25, 1935 (Hyde Park Archive, F. 723).
21. Лихтман З.Г. Письмо Н.К.Рериху. 20.8.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 2.
22. Louis L. Horch. Visit of E.J.L[ichtmann] and L.L.H[orch] to Hyde Park to See Pres. F.D.R[oosevelt] on September 9, 1935. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 4.

23. Louis L. Horch. Visit to Stephan (F.D.R[oosevelt]) on November 15, 1935. Washington, D.C. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф.
24. Louis L. Horch. Visit of E.J.Lichtmann and L.L.Horch to Steph. (F.D.R[oosevelt]) on January 15, 1936. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф.
25. См.: Manchukuo Calls Roerich a Spy, U.S. Disbands His Expedition // World Telegram. January 30, 1936; Manchus' Spy Charge Halts U.S. Scientists // New York News. January 31, 1936; Roerich Trustees Seek Ouster Ban // New York Post. January 31, 1936; 20 Seed Packages Cost U.S. \$35,000. That Is All Roerich Has Sent From China // N.Y. Sun. February 1, 1936.
26. [Рерих Николай]. Меморандум № 10. 7.1.1936. – NRM. Машинописная копия. Л. 2. Опубл.: Елена Ивановна Рерих. Письма. 1936. Том IV. М.: МЦР, 2002. с. 475.
27. Рерих Н.К. Письмо З.Г.Лихтман, Ф.Р.Грант, М.М.Лихтману. 18.12.1935. – NRM. Машинописная копия. Л. 1.
28. См.: Чем объясняется поход против Н.К.Рериха // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1936. 4 февраля; По поводу обвинений, возводимых на Рериха // Новая Заря (Сан-Франциско). 1936. 8 февраля; также – Возрождение (Париж). 1936. 24 марта.
29. Louis L. Horch. Visit [to F.D.Roosevelt] on January 28, 1936 [with] O[jana], G[alahad] and L[ogvan]. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 1-3.
30. Louis L. Horch. Visit to S[tephan] (F.D.R[oosevelt]) on March 5, 1936 – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Автограф. Л. 1.
31. Даниил Энтин: «Истинная иерархия – это иерархия качества». Интервью с директором Музея Николая Рериха // Вестник Ариаварты (Москва–Нью-Йорк). 2003. № 1-2(4-5). с. 8.
32. Лихтман Э.Дж. [Послания президенту Ф.Д.Рузвельту]. 22.2.1937 и 28.12.1937. – ACRC. Roerich Collection. Gray Box. Машинопись, копия. 3 л. На англ. яз.
33. Лихтман Э.Дж. Письма Ф.Д. Рузвельту. 29.4.1942 и 4.3.1943. – Hyde Park Archive. F. 723. Авторизов. машинопись. 4 л. На англ. яз.
34. Рерих Ю.Н. Письмо Ф.Р.Грант. 24.12.1935. – RUSC: FGP. Box 14, folder 25. Авторизованная машинопись. Л. 1. На англ. яз.
35. Грант Ф.Р. Письмо Ю.Н.Рериху. 18.5.1936. – RUSC: FGP. Box 14, folder 80. Машинопись, копия. Л. 1. На англ. яз.
36. Рерих Ю.Н. Письмо Ф.Р.Грант. 22.6.1936. – RUSC: FGP. Box 14, folder 80. Авторизованная машинопись. Л. 2. На англ. яз.

Заключение

Дордже дерзнувший и Новая Страна за чертополохом

1. Фалёв Е.В. На пути к идеальному государству // Дельфис (Москва). 2000. № 2. С. 2.
2. Краснов П.Н. Сочинения. Кн. 1: За чертополохом. Фантастический роман. М.: Интелвак, 2000. с. 245, 317, 319, 416.
3. Например, см.: Рерих Н.К. Письмо американским сотрудникам. 1.5.1936. – Nicholas Roerich Museum (NRM). Машинопись. Л. 1. Н.К.Рерих упоминает в письме о книгах генерала П.Н.Краснова, давая понять, что он осведомлен об их глубоком смысле.
4. Рерих Н.К. Письмо Клоду Брэгдону. 4.12.1939. – NRM. Машинопись, копия. Л. 1-2. На англ. яз.
5. Lay Museum Cornerstone // New York World. March 25, 1929; Rare Casket for Museum Records // Sun (New York City). March 11, 1929.
6. Запись Е.И.Рерих. Б/д. На санскр. и англ. языках. – NRM. Автограф. 1 л.
7. Рерих Е.И. Письмо Ф.Д.Рузвельту. Декабрь, 1935 // Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III. 1935. М.: МЦР, 2001. с. 728. Также см.: Hyde Park Archive. F. 723. На англ. яз.
8. Рерих Елена, Рерих Юрий. Телеграмма академику Павловскому. 17.12.1947. – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 50-г, оп. 9, папка 860, д. 17, л. 30.
9. Рерих Е.И. Письмо А.Я.Вышинскому. 17.12.1950. – АВП РФ. Ф. 50-г, оп. 9, папка 860, д. 17, л. 54.
10. Рерих Е.И. Письмо Балтазару Боллингу. 9.7.1950. – NRM. Автограф. Л. 1. На англ. яз.
11. Рудзитис Рихард. Встречи с Юрием Рерихом. Минск, 2002. с. 17, 24-25.
12. Рерих с. Н. Стенограмма выступления в Доме дружбы (Москва). 27.11.1974. – Архив И.Р. Рудзите (Ново-Алтайск). Машинопись. Л. 1.

13. Жукова Наталья. Сибирский путь // Перед Восходом (Новосибирск). 1998. №8. с. 10, 11.
14. Рерих с. Н. Письмо З.Г.Лихтман. 11.9.1935. – NRM. Автограф. Л. 1-1об.

АРХИВЫ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации (Москва).
Архив И.Р. Рудзите (Ново-Алтайск).
ГМВ – Государственный Музей Востока (Москва), Мемориальный кабинет Н.К.Рериха.
Мемориальный архив П.Ф. Беликова (Козе-Уумыйза, Эстония).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РЦНК – Российский центр науки и культуры (Дели, Индия).
ACRC – Amherst Centre for Russian Culture (Massachusetts, USA).
CUOHP – Columbia University Oral History Project (New York, USA).
FRL HP – Franklin D. Roosevelt Library in Hyde Park (New York, USA).
NARA – National Archives and Records Administration, Washington , D.C. (USA).
NRM – Nicholas Roerich Museum (New York, USA).
RUSC – Rutgers University Special Collections (New Jersey, USA).
ТАРА – Tomas Andrew's Personal Archive (Chico, USA).
UIL – The University of Iowa Libraries (Iowa City, USA).

NICHOLAS ROERICH, THE HERALD OF ZVENIGOROD

N.K. Roerich's Expeditions on the Fringes of the Gobi Desert

Summary

This book is devoted to the Central-Asiatic expeditions of the well-known Russian artist and thinker Nicholas Roerich (1874-1947), and his search for a promised land in the vast expanses of the Gobi Desert. It sheds light on the Great Plan, as conceived by the Roerich family in order to create a new independent Russian polity in the heart of Siberia, the New Country.

The author thoroughly examines Roerich's concept of the New Country, focusing on his two Asian expeditions to Tibet and to Manchuria. Hence the book is divided into two parts entitled: «The Great Plan» and «The New Country».

In 1920-1930, Nicholas Roerich and his fellow-workers at the Museum that he established in New York made great efforts to lay the foundations of the capital of this New Country in the Russian Altai, with the symbolic name Zvenigorod, the City of the Tolling Bells.

Through this work, Nicholas Roerich was eventually to become a prominent political figure and world leader. In 1923, he set out for a long journey in the East, where he led two expeditions. The first one, the Tibetan Expedition (1927-28), was in fact a secret diplomatic mission of Western Buddhists to the court of the 13th Dalai Lama in Lhasa. On the eve of the trip, Roerich held a round of confidential talks with the leading Bolsheviks in Moscow, G.V. Chicherin, A.V. Lunacharsky and M.A. Trilisser. He discussed with them his Great Plan for the unification of peoples in Asia under the banner of Buddhism, against the imperialistic Great Britain. Roerich also wanted to obtain from the Soviets concessions for the development of mineral resources and arable land in the south-west corner of Altai. These concessions were actually sought by one of the Roerich enterprises in the United States, the New York-based Beluha Corporation.

The second journey, known as the Manchurian Expedition (1934-35), was sponsored by the United States Department of Agriculture and was nominally designed to search for drought-resistant grasses on the fringes of the Gobi. Concurrently, preparations were made for signing the Roerich Pact at the Peace Banner Convention in Washington, DC, which was to provide protection for works of art and cultural monuments in times both of war and peace. The event was a link in the chain of high politics into which some outstanding American political actors of the day were involved, such as President Franklin D. Roosevelt, Secretary of Agriculture Henry Wallace, and Senator William Borah. In the course of the expedition Roerich proposed to Wallace to launch the Kansas Project aimed at setting up an agricultural cooperative in Inner Mongolia, a cooperative bank and a number of cultural establishments. All of Roerich's activities under this secret Project marked the beginning of his work for the foundation of the new Mongolo-Siberian State. This work, apart from its clearly political and economic goals, also had some lofty spiritual tasks. The latter were closely linked with the anticipation by the entire Buddhist Asia of the coming of the future Buddha Maitreya.

The research for this book, which was originally begun by the author in 1991, is based on miscellaneous archival sources in the United States, India, the Czech Republic, Great Britain, France and Russia. The most important of these are documents from the Roerich Museum in New York, the Amherst Center for Russian Culture in Massachusetts, as well as from some archival repositories in Russia.

Росов Владимир Андреевич

НИКОЛАЙ РЕРИХ: ВЕСТНИК ЗВЕНИГОРОДА
КНИГА II. НОВАЯ СТРАНА

Редакционно-издательская группа
Е.В.Алексеева, В.С.Дмитриев, А.Ю.Жаренов

Художник Д.Г. Майстренко
Директор издательства О.Г.Болдырев

Отпечатано в Финляндии
в типографии Karisto Oy по заказу
ООО Издательство «Ариаварта-Пресс»

ISBN 5-98048-003-X

По вопросам оптово-розничной торговли обращаться
в Государственный музей Востока:

119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12-А.
Тел.: (095) 202-9984, факс: (095) 202-4846.
Электронная почта: gmwinter@orc.ru